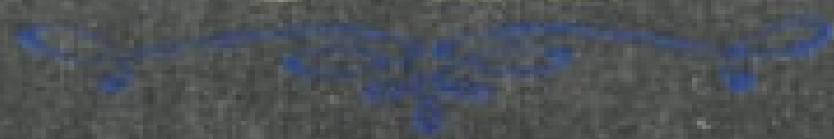

529

26

РУССКИИ
РОМАНЪ

Annotation

Предлагаемый вниманию читателей сборник — одна из самых полных антологий русского романса, охватывающая два с половиной века развития этого жанра (XVIII — первая половина XX века). В книгу включены стихотворения Жуковского, Пушкина, Тютчева, Фета, Полонского, Блока, Есенина и многих других известных и неизвестных поэтов, нашедшие свою вторую — музыкальную — жизнь в творчестве русских композиторов.

Составитель Вадим Львович Рабинович.

РУССКИЙ РОМАНС

Слово к читателю

«ЕСТЬ СИЛА БЛАГОДАТНАЯ В СОЗВУЧЬЕ СЛОВ ЖИВЫХ...»

Речь идет о стихе, который поют, о стихе как источнике песни, романса.

Задача собрать текстовой материал романсов — значима и необходима, потому что напечатанное слово всегда может сослужить добрую службу, позволив прибегнуть в случае необходимости к первоисточнику. Правда, процесс этот сложный, так как, по утверждению Л. Толстого, язык меняется каждые четверть столетия. И песня и романс видоизменяются также.

Труд, заложенный в издании книги «Русский романс», важен. Стихи часто имеют самостоятельную ценность в отрыве от музыки. Музыкальная ткань имеет свои законы, поэтому нередко прибегают к неизбежным купюрам, отчего не раскрывается смысл драматургии, заложенный, например, в «Коробейниках» Некрасова. Возьмем «Признание» Пушкина. При записи этого романса я решил использовать стихотворение полностью. И все же трудно было уложить текст в ритм музыки Яковлева, современника Пушкина и товарища его по Лицею.

Представляемый здесь поэтический материал может сослужить добрую службу для грядущего поколения, тем более, что о звездах, о солнце, о луне, о шелестящем камыше, о том, как бьется сердце, ныне почти не пишут. Сегодня уже не прибегают к таким словам, как «Дивлюсь я на небо та й думку гадаю...». Если человек побывал уже на Луне, то материальный мир выискивает проверенное веками художественное слово. Это введет в поэтическое равновесие.

Человек ранее был ближе к природе, чувствовал ее благодатное воздействие, часто прибегал в порыве счастья или несчастья к плакучей иве или сияющему тополю и вел с ними диалог. Достаточно вспомнить «Ой чего ж ти, дуби, на яр похилився...».

И еще одно соображение о необходимости издания такого сборника. Ведь Гоголь представлен и Римским-Корсаковым — «Ночь под рождество» и Чайковским — «Черевички». Следовательно, одна и та же тема, одни и те же стихи порождают новое поэтическое творение в музыке. В силу этого предлагаемый сборник, безусловно, будет полезен и для историков и для композиторов. Состав книги, на мой взгляд, отражает многообразие романсового творчества, а предваряющая книгу статья вводит читателя в мир русского романса.

«Красивое страданье»

Заметки о русском романсе

Это странное соседство красоты и страданья представил нам Сергей Есенин, обратившись к хороссанской персиянке из пограничной Персии, в которой так хотел побывать, но так и не побывал:

До свиданья, пери, до свиданья,
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье,
Про тебя на родине мне петь...

Стихи этого цикла Есенин написал в Баку. По соседству с Персией, а все же не в ней. С. М. Киров, обращаясь к другу Есенина журналисту Петру Чагину, который сопровождал поэта во время его бакинской командировки весной 1925 года, говорил: «Почему ты до сих пор не создал Есенину иллюзию Персии в Баку? Смотри, как написал, как будто был в Персии...». «Летом 1925 года, — вспоминает Чагин, — Есенин приехал ко мне на дачу. Это, как он сам признавал, была доподлинная иллюзия Персии: огромный сад, фонтаны и всяческие восточные затеи...»^[1].

Этот комментарий подтверждает иллюзорно-романтический пафос «Персидских мотивов». Сознательно иллюзорный, когда ясно, что розы, коими усыпан порог несбыточной персиянки, выращены в бесплотных садах Семирамиды, а таинственные двери, так и оставшиеся не отпертыми, поступили совершенно правильно, неукоснительно следуя поэтике жанра. Но какого жанра?

А МОЖЕТ БЫТЬ,

«СТРАДАЮЩАЯ КРАСОТА»?

Итак, сами стихи — производная чистого воображения. Ведь все это произошло до чагииских садов и фонтанов. Поэт вообразил все. На границе с небывшим. Но внутри стихотворения «красивое страданье» — производная иного рода, призванная «украсить» боль, но так, чтобы эта боль была сострадательной. Граница между подлинным песнопением и декоративным предметом этого песнопения.

Изменим смысловой акцент — вместо *красивого страданья* скажем *страдающая красота*, — и пери из Хороссана исчезнет. Верно, может быть, высветится из волжских пучин персидская княжна Стеньки Разина. Уберем *страданье*, и останется пушкинское «Пью за здоровье Мери», тоже пери, только иной, бессильной одарить не только красивым, но и вообще каким бы то ни было страданьем. А красотой — звонкой и легкой — да. Границы внутри лирики, внутри ее жанров.

Обратите внимание: «Про тебя на родине мне петь». Петь чужой образ «красивого страданья»; при сохранении этого чужого образа, но у себя на родине.

Не правда ли, мало-помалу привыкаем к этому странному соседству страдания и красоты? Почти уже свыклись, как из глубин исторической памяти вырастает жуткая древнеримская легенда об одном тамошнем меломане, изобретшем чудовищный музыкальный инструмент — золотой ящик с железными перегородками в нем. Этот музыкальных дел маэстро загонял в ящик раба, задраивал заслонку и начинал

нагревать свой пыточный орган на медленном огне. Нечеловеческие вопли заживо поджариваемого, многократно отраженные от особым образом расположенных там перегородок, преобразались в пленительные звуки, услаждавшие слух эстетически изощренных слушателей. Непостижимое умом страдание стало постижимой слухом красотой; хаос вопля — гармонией звуков. Эстетическое, пребывающее по ту сторону этического, — налицо. Граница художественного невозвратно преодолена.

Но *красивое страдание* «во дни... бед народных» или в память об этих бедах должно быть вытеснено иной эстетикой, не терпящей правдоподобия, но требующей правды:

...И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам

на пепелище сожженной фашистами хаты;

или:

Друзьям не встать в округе,
Без них идет кино,

то есть без Сережки и Витьки с Малой Бронной и Моховой.

Вино с печалью, кино с печалью. Но с позиции поэта-летописца, обладающего лиро-эпическим зрением.

Эти трагические стихи тоже поются, но иначе поются, как, впрочем, и симоновские «желтые дожди» ожидания. Здесь красота иного рода — красота поступка, скрадывающего частность красиво-страдательного жеста. Вновь жанровая граница: меж песней-эпосом и романсом-элегией. Существенная граница для определения жанра романса как этической и эстетической реальности одновременно, соответствующей «русско-персидской» есенинской формуле, парадоксально соединившей страдание и красоту.

«...Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым...»[\[2\]](#).

Так же и романс, который находится на границе эстетического и этического, художественного и социального. Чтобы понять это, необходимо из пространства «звучащего» выйти в иное, «слушающее» пространство.

Какие же они, границы восприятия романсного лирического слова (если, конечно, современный слушатель сумеет услышать в лирике коренное лира, которую можно взять на щипок, опробовать на звук и положить на голос)?

«КАК ЭТО ТАКОЕ ЗА ДУШУ БЕРЕТ?»

Тридцатые годы, отмеченные ударными маршами первых пятилеток, полемически входят в любовные «Стихи в честь Натальи» Павла Васильева:

Лето пьет в глазах ее из брашен,
Нам пока Вертинский ваш не страшен —
Чертова рогулька, волчья сыть.
Мы еще Некрасова знавали,
Мы еще «Калинушку» певали,
Мы еще не начинали жить.

И далее: «...стране нет дела до трухи».

Камерный мир Александра Вертинского, в трагическом величии блудного сына, вернувшегося из «чужих городов» в просторы «молдаванской степи» своей Родины, — всего лишь «труха». Сказано жестко, но с оттенком сомнения в успехе развенчания — «пока... не страшен».

В те же примерно годы Ярослав Смеляков в не менее любовном стихотворении «Любка Фейгельман» по поводу той же интимной лиры озадаченно спросит:

Я не понимаю,
Как это такое,
Что это такое
За́ душу берет?

Ответить на этот вопрос означает понять в нашем предмете, может быть, самое главное.

У Васильева салонному романсисто противостоит Некрасов. Очевидно: Некрасов «Коробейников», но вряд ли Некрасов — нежнейший лирик.

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья, —
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!

Некрасов... А ведь почти романсные слезы!

И в том же салонном мире слышим широковольное «Ехали на тройке с бубенцами», влекущее не по смысловой, а по лексической ассоциации, не чье-нибудь, а опять-таки некрасовское:

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, —
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой.

Обозначены ключевые (не все, конечно) слова романсного словаря: бешеная тройка, ямщик под хмельком, молодой корнет... Лексика — едва ли не главная реалия жанровой определенности романса. И тогда «тройка с бубенцами», исполненная камерным певцом, и «бешеная тройка» с молодым корнетом — лексически однопорядковые вокально-лирические явления.

Противопоставление не состоялось. То, что берет за душу, и как оно это делает, следует искать за пределами чистого жанра: в более поздних временах, для романса на первый взгляд предназначенных мало.

«А ТЫ ВСЕ ПРО ЛЮБОВЬ...»

Хотя эпоха НТР и пыталась отторгнуть романс как область «слез, роз и любви», но ей это не только не удалось, а, напротив, появились барды и менестрели неоромантического склада, заполнившие дворцы культуры и красные уголки щемяще-мужественными переборами семиструнной гитары, подключаемой, если потолки высокие, а зал гулкий, к городской электросети.

Впрочем, мир «слез, роз и любви», вытесненный на периферию общественного сознания, всегда был

сокровенным чаением.

Тот же Смеляков о годах «производственной» словесности, свидетельствуя эту противоестественную ситуацию, писал:

Создавались книги про литье,
Книги об уральском чугуне,
А любовь и вестники ее
Оставались как-то в стороне.

Но и здесь он, как поэт истинный, обнаруживал слабую, но вечнозеленую былинку любви.

Романс для нового города, новых горожан — в каждый дом. Гитарная песенка по клееной-переклееной магнитной дорожке. А то и под походную — у костра — гитару.

И рядом, почти на тех же малоформатных подмостках, Рузана и Карина Лисициан поют знаменитое «Не искушай...». Выявляют в одноголосии влюбленного сердца второй, внутренний голос, складывая и тот и другой в дуэт. Но такой, однако, дуэт, в котором оставляется зазор в монологе двух и для двух, и потому для всех и каждого.

Режиссер Эльдар Рязанов создает новую киноверсию «Бесприданницы» А. Н. Островского, назвав ее «Жестокий романс». И если в предыдущей экранизации цыганский надрыв «Нет, не любил он...» выглядит лишь вставным номером, то здесь феномен романса осмыслен как явление личной судьбы, взятое на границе жизни и смерти, а не как жанр вокально-поэтического искусства. Это — жизнь «напоследок». Романс как судьба — судьба как романс. Не быт, а бытие, но в зеркале жанра. Самосознательное видение жанра — с «крупницей соли» — обнажает его скрытую природу с позиций новых песен и новых времен, для романса, так сказать, «мало оборудованных».

Вместе с тем нынешнее время возрождает жанр в его историческом многообразии. И свидетельство тому — аншлаги на концертах Елены Образцовой, Валентины Левко, Галины Каревой, Нани Брегвадзе Дины Дян... Русский романс, исполняемый в «цыганском» ключе, прославлен именами Тамары Церетели, Кето Джапаридзе, Изабеллы Юрьевой. А патриарх романсного исполнительства Иван Козловский?! А Надежда Обухова или Мария Максакова, которые вывели русский романс из «душевного» мещанского быта в духовное бытие поющего народа?..

Вокальные интерпретации романсов прошлого порой неожиданны, новаторски конструктивны (вспомним, например, «Шумел камыш...» в исполнении Жанны Бичевской и Елены Камбуровой).

Развивается культура нового романса на старые слова (пушкинский цикл Г. В. Свиридова, например) и на стихи поэтов XX столетия в их лучших образцах (цветаевское «Мне кажется, что вы больны не мной...» на музыку Таривердиева...).

И все же: почему и каким образом «красивое страданье» «берет за душу»?

«...ДАЙ ЖЕ ТЫ КАЖДОМУ, ЧЕГО У НЕГО НЕТ...»

Пока останемся в нашем времени и в нашей жизни. И обратимся к миру Булата Окуджавы^[3], не без былого благородства и не без нового, душа в душу, артистизма поющего свой нескончаемый романс едва ли не тридцать лет в огромном городе как в уютной комнате благоустроенной шестнадцатиэтажки или в бывшей коммуналке отреставрированного, почти антикварного старого Арбата. Выходим на многолюдные площади, а в душе звучит этот долгий романс — для каждого в отдельности. И уличному шуму его не

заглушить при всей тишайшей проникновенности этого голоса. Романс Окуджавы принципиально нов, но именно в нем — ключ к пониманию романса старого, потому что поэт осмысливает тайну романсности как самостоятельной субстанции, романса как личной жизни, проживаемой ради любви.

Каждое стихотворение-песня — лично для каждого, и только потому — для всех. Эти вот неповторимо авторские «виноват», «представьте себе», «если вы не возражаете» приглашают вас не только послушать, но и пережить не вами пережитое. Вы оказываетесь в том самом «синем троллейбусе» рядом и наравне со всеми. Это современный символ демократизма жанра в его исходной ориентации на любовь с ее трагическим концом. «Дорожная песня» Окуджавы — Шварца стала романсом о романсе. Вот они — любовь и разлука — в их почти банальном, но существенно значимом соседстве, то есть в исконно человеческой близости-дальности. Они — две подруги, две странницы, две дороги, навечно приданные взыскующему любви сердцу. И в этом — смыслообразующий центр данного, как и всякого вообще, романса. Сюжетно-содержательная его двойственность, примиряемая в счастливом несчастье лирического героя. И тогда вся иная атрибутика жанра («то берег то море, то солнце — то вьюга, то ангелы — то воронье...») вещь необходимая, но все-таки второстепенная.

Страдать больше или меньше нельзя. Личное страдание всегда в полной мере. А вот «красота страданья», если опять-таки следовать за есенинским образом, может быть большей или меньшей. Романс Окуджавы как романс сознательно осознаваемый выявляет особенности жанра в предельно выраженных формах. К аффектированной «красоте» это относится особенно — в ее соприкосновении с декоративно-орнаментальным бытом близкой поэту Грузии. Смотрите: перед взором поэта и в самом деле плывут наяву, как на картинах Пиросмани, «синий буйвол, и белый орел, и форель золотая...». Куда картинней, чем в есенинском Хороссане! Граница и предел жанрового канона.

Но тайна «красивого страданья» приоткрывается в романсе о Франсуа Вийоне: «...Дай же ты каждому, чего у него нет».

Все это за так — и просить не надо — дает романс. И если вчитаться-вслушаться, всем, за кого просит поэт, недостает... любви. Для того и существует в культуре мир «красивого страданья», как бы восполняющий недостающее, бережно сохраняемое в тайне. Ибо, прав Чехов, каждое личное существование на тайне и держится.

Романс обнародует эту тайну, но только не в альковной своей частности, а в общекультурной музыкально-поэтической объективности. А в сфере восприятия эта объективность вновь становится личной. Иллюзия сбывшихся грез. Для каждого из сидящих в зале, но и для всех в этом же зале. В коллективно-индивидуальном томлении по счастью любви, но любви краткой и конечной и потому страдающей; но страдающей идеально, то есть «красиво».

С МУЗЫКОЙ НА ДРУЖЕСКОЙ НОГЕ

«В крови горит огонь желанья...», «Не искушай меня без нужды...», «Средь шумного бала...». Этот ряд можно долго еще продолжать.

Можно выстроить ряд в ином роде: «Хас-Булат удалой...», «Из-за острова на стрежень...».

А можно и вовсе иначе: «Только вечер затеплится синий...», «Мой костер в тумане светит...».

Можно и так: «Мы только знакомы...», «Вам возвращая ваш портрет...».

Можно, наконец, вернуться к классике, но классике новой: «Клен ты мой опавший...», «Никого не будет в доме...».

Называется всего одна строка, как в тот же миг возникает музыка с последующими словами, свободно влекущимися друг к другу и все вместе — к музыке; совершенно определенной музыке, которая — только начни — всегда на слуху, но обязательно вместе со словом.

Все перечисленные здесь стихотворные зачины — индивидуальные знаки поэтических и музыкальных самобытностей (пусть даже и безымянных); но таких самобытностей, которые, встретясь, явили иное качество. И все это — романс: элегический, балладный, городской. Романс в его интуитивно внятной жанровой определенности.

Братание слова и музыки; но слова, готового стать музыкой, и музыки, тоже готовой стать словесно выраженной любовно-житейской ситуацией. Слово в тексте, еще не ставшем романсом, — с музыкой «на дружеской ноге».

Вспомните;

Он Шуберта наворачивал,
Как чистый бриллиант;

или

Нам с музыкой-голубою
Не страшно умереть.

Приземленное и возвышенное рядом, до конца вместе. Еще одно, исконно романсное, преодоление границ.

Однако совпадение музыки и слова — чудо, творческая несбыточность: «...но дрожала рука и мотив со стихом не сходилась». О том, состоялось ли претворение слова в музыку, музыки в слово, судит тот, кто слушает романс и одновременно прислушивается к своей душе и к тактам своего сердца.

Совпадение слова и музыки, логоса и голоса — сокровеннейшее чаяние композитора. Не поэтому ли история русского романса знает по несколько десятков музыкальных версий одного и того же поэтического текста? «Не пой, красавица, при мне...» Пушкина. На это стихотворение писали музыку Глинка, Балакирев, Римский-Корсаков, Рахманинов. Лишь Глинка и Рахманинов попадают в точку. Именно в их интерпретациях романс обращается к слуху массовой аудитории. На тексте Баратынского «Где сладкий шепот...» сошлись в творческом поединке Глинка, Гречанинов, Вик. Калинников, Ц. Кюи, Н. Соколов, Н. Черепнин, С. Ляпунов. Нужно отметить, что если Глинка и Ляпунов прочитали это стихотворение как романс, то Соколов и Черепнин услышали в нем двуголосную музыкальную пьесу, а Кюи создал на этот текст музыкальную картину. Таким образом, романсу стать самим собой тоже непросто: многосмысловый характер стихотворного текста, предназначенного к романсной жизни, противится своему предназначению, встречаясь с музыкой, имеющей виды на иное.

Влечение романсного слова к музыке — существенная его особенность. Афанасий Фет писал: «Меня всегда из определенной области слов тянуло в неопределенную область музыки, в которую я уходил, насколько хватало сил моих»^[4]. Музыка в своей исходной неопределенности как бы выявляет зыбкость романсного слова при всей его смысловой однозначности как слова.

Это теоретически обоснованное влечение понимают и композиторы. П. И. Чайковский пишет: «...Фет в лучшие свои минуты выходит из пределов, указанных поэзии, и смело делает шаг в нашу область... Это не просто поэт, а скорее поэт-музыкант, как бы избегающий даже таких тем, которые легко поддаются выражению словами»^[5]. Композитор и музыковед Цезарь Кюи писал: «Поэзия и звук — равноправные державы, они помогают друг другу: слово сообщает определенность выражаемому чувству, музыка

усиливает его выразительность, придает звуковую поэзию, дополняет недосказанное: оба сливаются воедино и с удвоенной силой действуют на слушателя»[6]. Согласно Кюи, слово определено не вполне, ибо его можно досказать музыкой. Таким образом, композитор — первый человек из публики, слушающий романс в его не начавшемся еще, но готовом начаться становлении, с его несказанной — недосказанной — тайной. Музыка в своей неопределенности призвана доопределить слово, которое как будто и так в смысловом отношении определено. В уравновешенном соответствии между формами музыкальными и поэтическими видел Кюи «художественную задачу вокальной лирики»[7]. Но это равновесие — лишь стремление к идеалу, «нечаянная радость» от схождения слова и музыки.

Слово и музыка. Еще одно существенное пограничье, имеющее свойство быть преодоленным в «идеальном» романсе.

Особый тип совпадений — это романсный театр поэта, композитора, музыканта и исполнителя в одном лице, представляющем разнородные дарования в собственной личности.

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

Но едва ли только критерии эстетические определяют это преодоление.

Великий Глинка пишет музыку на стихи третьестепенного поэта Кукольника, а в результате — гениальное «Сомнение», «Только вечер затеплится синий...» Алексея Будищева (кто знает теперь этого поэта?) положен на музыку А. Обуховым (а кто, скажите, знает этого композитора?). В результате — популярный городской романс, известный под названием «Калитка», без которого не обходится ни один вечер старинного романса.

Или, наконец, вовсе не классический — бытовой — романс «Только раз» П. Германа — Б. Фомина, а «за душу берет...».

Классика и неклассика — поэтическая и музыкальная — уравнены в правах, потому что и та и другая адресованы всем и каждому. И это — замечательная черта русского романса, явления социально обусловленного и глубоко демократического, но с обостренным вниманием к душевному миру человека.

Может быть, именно поэтому столь чутким и заинтересованно пристрастным к русскому романсу в лучших его образцах был В. И. Ленин, прекрасно понимавший при этом социальное назначение искусства, революционно-демократические воззрения передовых литераторов России.

М. Эссен вспоминает: «Ленин слушал с огромным удовольствием и романсы Чайковского „Ночь“, „Средь шумного бала“, „Мы сидели с тобой у заснувшей реки“, и песнь Даргомыжского „Нас венчали не в церкви“... Каким отдыхом, каким удовольствием для Владимира Ильича были наши песни!.. Декламировали стихи Некрасова, Гейне, Беранже»[8].

Влечение Ленина к стихии русского романса с его глубочайшей народностью, исконным вольнолюбием прошло через всю его жизнь, начиная с юношеских спевков с младшей сестрой Ольгой. Д. И. Ульянов вспоминает: они пели дуэтом «Нелюдимо наше море», «Свадьбу» Даргомыжского; пел Владимир Ильич и сам. Это были «Прелестные глазки» Гейнс:

...Эти чудные глазки на сердце
Наложили мне скорби печать,
От них я совсем погибаю,
Милый друг, чего больше искать...

«Погибаю» — надо было брать очень высокую ноту, и Владимир Ильич говорил, вытянув ее: «Уже погиб, погиб совсем...». «Пелось... не только для слов, — продолжает Д. И. Ульянов. — Пелось потому, что душа его действительно рвалась к другой жизни. Пела. Но не изнывала, не грустила. У Владимира Ильича я почти не помню в пении минора. Наоборот, у него всегда звучали отвага, удаля, высокий подъем, призыв»^[9].

Эти краткие выдержки живо свидетельствуют о месте музыки, русского романса, русской песни в жизни В. И. Ленина. И в самом деле: в русском романсе вольнолюбие и героика естественно соседствуют с тонким лиризмом и любовным переживанием, грусть и печаль — с улыбкой и чуть заметной иронией.

«ПРО ТЕБЯ НА РОДИНЕ МНЕ ПЕТЬ...»

Смыслообразующий стержень романса универсален. Это, как правило, лирическая исповедь, рассказ о любви в ее извечных вариациях первого свидания, ревности, измены, юношеской робости, гусарской бравады, разлуки, ухода к другому или другой, воспоминание об утраченной любви. Вечные сюжеты, не знающие ни временных, ни пространственных границ. Общечеловеческая основа романса предполагает снятие национальных границ, интернационализацию жанра при сохранении национального своеобразия каждого произведения в отдельности.

«Пью за здравие Мери...» Пушкина имеет первоисточником стихи Бэрри Корнуэлла; «Горные вершины...» Лермонтова так и названы им «Из Гёте»; «Вечерний звон» Томаса Мура, ставший удивительно русской вещью, поется в переводе Ивана Козлова...

Этого достаточно, чтобы почувствовать, что иноязычные источники названных текстов, к тому же еще слитых с музыкой, оказались за кадром и мерцают лишь как слабые сполохи былого иноязычия. Теперь эти произведения — живые факты русской культуры, представшей в романсе особенно демократичной.

Наиболее крупные поэты, работающие в жанре романсной лирики, активно выходят в иноязычные пространства, в сопредельные культуры, — так сказать, для сбора материала. Интересна в этом отношении творческая биография «Песни Земфиры» («Старый муж, грозный муж...») Пушкина, включенной им в поэму «Цыганы». Комментаторы свидетельствуют: находясь в Кишиневе, поэт интересовался местным фольклором. Особенно его занимала, вспоминает В. П. Горчаков, «известная молдавская песня „Тю ообески питимасура“. Но еще с большим вниманием прислушивался он к другой песне — „Арде — ма — фраже ма“ („Жги меня, жарь меня“), с которой уже в то время он породнил нас своим дивным подражанием...». Первоначально напев песни был записан для Пушкина неизвестным человеком и опубликован с исправлениями Верстовского вместе с текстом, предваренным такой записью: «Прилагаем ноты дикого напева сей песни, слышанного самим поэтом в Бессарабии»^[10].

Чужое, ставшее своим при крайне заботливом отношении к этому чужому, при нежнейшем сохранении своеобразия «дикого напева сей песни», оставшейся дикой и в то же время поэтически и музыкально культурной.

Интернациональный характер русской песни и русского романса очевиден. Исключения лишь подтверждают это обоснованное исследователями утверждение^[11]. Стихотворение Феодосия Савинова «Родное» — «Вижу чудное приволье...» (1885), ставшее народным романсом, поется без последней строфы:

Внемлю всюду чутким ухом,
Как прославлен русский бог...
Это значит — русский духом

С головы я и до ног!

«Редакторское» чутье поющего народа оказалось безупречно точным, оберегающим основу основ русской песни, русского романса — его общечеловеческую природу, чуждую религиозным и шовинистическим препонам и разделам.

Вместе с тем национальное своеобразие романса пребывает в удивительной сохранности, поражающей слух западных знатоков русского романсно-песенного творчества. Один немецкий философ XIX века восхищенно писал: «...отдал бы все блага Запада за русскую манеру печалиться». Эта удивившая его «манера печалиться» укоренена в русской истории, в том числе и в истории русского романса.

«РОССИЙСКАЯ ПЕСНЯ» — «РУССКАЯ ПЕСНЯ» — РОМАНС

Романс (испанское *romance*, буквально — по-романски, то есть по-испански) — камерное музыкально-поэтическое произведение для голоса с инструментальным сопровождением. Примерно так определяют романс в изданиях энциклопедического типа.

Сразу же обнаруживается двойственная природа жанра: музыкальное — поэтическое, вокальное — инструментальное.

В некоторых языках *романс* и *песня* обозначаются одним словом: у немцев — это *Lied*, у англичан — *Song*, у французов — *Lais* (эпические народные песни). Английское *romance* означает эпическую песню-балладу, рыцарскую поэму. Испанское *романсеро* (*romancero*) — специально сложенные в законченный цикл народные, чаще всего героические романсы. То, что в романсеро главное (героическая страсть), в русском романсе — лишь возможность, преодоление личного, интимно-любовного начала, но свидетельствующее, однако, о теснейшей связи русской песенно-романсной культуры с историческими судьбами народа, страны.

Владимир Даль *романс* помещает как однородное в словарную статью роман. Он фиксирует немецкие и французские истоки понятия *роман*. Далее идут толкования слов *романический* и *романтический*, и только после этого *романс* — «песня, лирическое стихотворенье для пения с музыкой».

В Россию слово *романс* пришло в середине XVIII века. Тогда романсом называли стихотворение на французском языке, обязательно положенное на музыку, хотя и не обязательно французом. Но романс как жанр русской вокально-поэтической культуры назывался иначе — российской песней. Это и был бытовой романс, предназначенный для сольного одноголосного исполнения под клавесин, фортепьяно, гусли, гитару.

Едва ли не впервые *романс* как название стихотворения употреблено Григорием Хованским и Гавриилом Державиным в их стихотворных книгах, изданных в 1796 году. Во всяком случае, «Карманная книга для любителей музыки на 1795 год» этот термин как самостоятельный поэтический жанр еще не фиксирует^[12].

Итак, со второй половины XVIII века начинается «русская песня», или бытовой одноголосный романс.

Одноголосность «русской песни» — явление принципиальное. «Русской песне» предшествовал так называемый кант — песнопение на три голоса с последующей заменой третьего голоса аккомпанементом на флейте и скрипке, превращавшим его в дуэт: путь к одноголосной песне-романсу, произведению, запечатлевающему личную судьбу в ее всеобщей событийности. Второй и третий голоса

ушли к слушателям, внимающим внутреннему голосу лирического героя.

Нужно отметить еще один существенный момент. Г. Н. Теплов, композитор и собиратель кантов XVIII века, называет свое, по сути дела, первое собрание этого рода «Между делом безделье», обозначая как бы неделовой характер не только сочинения песен, но и их слушания. Дела у всех разные, а вот в «безделье» люди уравниваются в сопереживании общечеловеческих чувств. Трехголосие канта, еще не ставшее одноголосием «русской песни», свидетельствует о мирской природе жанра.

Композиторы Ф. М. Дубянский и О. А. Козловский определили музыкальный образ «русской песни» конца XVIII века. «Русская песня» — понятие достаточно неопределенное. Содержательно оно столь же пестро, сколь пестро и многообразно понятие канта. Но иная поэтика очевидна. Народно-песенная стихия и книжная культура канта естественно сошлись в этом новом жанре, определив его книжно-фольклорную противоречивость, отразившую особенности русского городского быта конца XVIII — начала XIX века во всей своей социально-сословной неоднородности. «Собрание русских песен» В. Ф. Трутовского (1776–1795) и есть, может быть, первое собрание романсоподобных песен, или «стихосудейств», как их тогда называли. Действие в стихах, фрагмент судьбы, чувство в развитии.

К рубежу веков «русская песня» предстает в следующих разновидностях: пасторальная — пастушеская — идиллия, застольная песня, элегическая песня (близкая к классическому романсу), назидательное песнопение, философская миннатура. Поэты Юрий Нелединский-Мелецкий, Иван Дмитриев, Григорий Хованский, Николай Карамзин плодотворно работают в жанре «русской песни».

Сложение текстов на широко известные музыкальные образы — обычное явление той поры. Стихи «на голос» — свидетельство всеобщего характера музыки, но также и популярности данных музыкальных пьес. Индивидуальная судьба — на общезначимый мотив. Личное, взятое не в полной мере. Свидетельство еще не преодоленного недоверия к личности — неповторимой, самоценной.

Демократизм «русской песни» делал этот жанр своеобразным камертоном, выявляющим истинную значимость того или иного поэта. Забыты, например, тяжеловесные эпопеи классициста Михаила Хераскова, а его песенка «Вид прелестный, милы взоры...» пережила не только ее автора, но дошла и до наших дней.

Это были песни для всех — для дворянской интеллигенции, городского мещанства, крестьян. Потому что пели в этих песнях о счастье и несчастье отдельного человека, о муках и «уладах» любви, об изменах и ревности, о «прежестокости страсти», вполне серьезно воспринимаемой тогда и лишь теперь, может быть, вызывающей снисходительную улыбку.

В жанре «русской песни» преодолевалось противостояние трех художественно-эстетических систем — классицистической, сентименталистской, предромантической на пути к музыкально-поэтическому реализму. Еще одно снятие границ в точке «свершения времен», осуществленного в «русской песне».

В первые десятилетия XIX века «русская песня» трансформируется в так называемую «русскую песню» с ее сентиментально-романтическими переживаниями. Это и было тем, что можно было бы назвать бытовым романсом тех времен.

«Русская песня» обращена к народной поэзии, ассимилирует ее художественный и социальный опыт. Но и тогда, в трудах передовых мыслителей той поры, бережно относившихся к фольклору, были слышны предостережения от архаизации и стилизации. Они настаивали на освоении версификаторского опыта «новых простонародных песен» в отличие от консервативных деятелей, ориентированных на старину. Сборники «Народных русских песен» И. Рупина и «Русских песен» Д. Кашина (30-е годы XIX века), как отмечают исследователи, были первыми фундаментальными собраниями «русской песни» — особой

формы русского романса пушкинско-глинкинского периода[13].

Творческое содружество поэта А. Мерзлякова и композитора Д. Кашина — свидетельство живого развития жанра. О Мерзлякове В. Г. Белинский писал: «Это был талант мощный, энергический: какое глубокое чувство, какая неизмеримая тоска в его песнях!.. это не подделки под народный такт — нет: это живое, естественное излияние чувства...»[14]. «Среди долины ровныя...», «Чернобровый, черноглазый...» — шедевры песенно-романсной лирики Алексея Мерзлякова.

«Не осенний мелкий дождичек...», «Соловей» — образцы песенно-романсного творчества Антона Дельвига, по-своему осмыслившего народные песенные истоки и традиции современного ему «городского романса». Композиторы А. Алябьев, М. Глинка, А. Даргомыжский — его соавторы.

Николай Цыганов и Алексей Кольцов — классики «русской песни». В их произведениях наиболее выразительно выявляются особенности этого жанра. «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...» Цыганова — Варламова стала всемирно известной песней-романсом[15]. То же можно сказать и про «Хуторок» Кольцова.

Изучение жанра в его наиболее характерных образцах позволяет определить существенные его особенности. Это прежде всего сознательные имитации народных песен хореического, или трехстопного (преимущественно дактилического), ритмического рисунка с присущими народным песням параллелизмами, отрицательными сравнениями, повторами, риторическими обращениями к птицам, лесу, реке. Характерны символические иносказания (он — сокол, она — голубка или кукушечка; река — разлука, мост — встреча); традиционная атрибутика (мать сыра земля, поле чистое, ветры буйные, шелкова трава, очи ясные, красна девица, добрый молодец); синонимические пары (буря — непогода, чужая — дальняя сторонюшка); флексические вариации (уменьшительно-ласкательные суффиксы, дактилические окончания стихов); напевность, минорный лад...[16]

«Русская песня» должна быть узнаваемой. Люди разных социальных групп сопереживают в ней чужую судьбу как свою собственную.

Но усиление мелодраматических моментов ломало естественный строй «русской песни», экзальтировало мелодический рисунок. И тогда русская песня-романс становилась цыганской песней-романсом, картинной цыганщиной с ее не столько «красивым», сколько «роскошным» страданием, удовлетворявшим уже иные запросы и чаяния. Граница внутри поэтики самого жанра.

Вместе с тем «русская песня» — это поэтическая классика 30-х годов XIX века. Назовем лишь «Кольцо души-девицы...» Жуковского, «Девушки-красавицы...» Пушкина, «Страшно воеет, завывает...» Баратынского.

Из «русской песни», доведенной до законченного «рокового» сюжета, стремительно развивающегося, диалогически интонированного, орнаментированного зловещей символикой и с трагической, как правило, развязкой, вырастает новая разновидность русского романса — романс-баллада. Музыкальный язык тоже иной: экспрессивный, с речитативно-декламационной вокальной партией, «бурным» аккомпанементом, воссоздающим природный фон драматического действия. Опять-таки выход за пределы исходного жанра в иную его разновидность. «Светлана» Жуковского — Варламова, «Черная шаль» Пушкина — Верстовского, «Воздушный корабль» Лермонтова — Верстовского, «Свадьба» Тимофеева — Даргомыжского, «Песня разбойников» Вельтмана — Варламова — переходная форма внутри романса-баллады. Это «молодецкая», «разбойничья» песня. Кризис поэтики русского романтизма подчеркнуто картинно отразился в мелодраматических перипетиях так называемого «жестокоего романса».

Но все это — романс-баллада и его разновидности — есть естественное развитие «русской песни» как романса бытового.

Художественным эпицентром русской музыкально-поэтической культуры становится романс-элегия.

Собственно, это и есть романс в его классической характерности.

Ясно, что «чистота жанра» романса-элегии сужала круг исполнителей и круг слушателей, придавала ему, во всяком случае в свое время, известную элитарность по сравнению с «русской песней» и романсом-балладой. Но будущее оказалось все-таки за ним — романсом-элегией, сложившимся в первой половине XIX века и выросшим из песенной народно-поэтической и народно-мелодической стихии того же времени. Вторая половина нашего столетия слушает романсную классику прошлого не как музыкально-поэтический раритет, а как голос родной и современной культуры. Они, эти живые образцы, не только в памяти, но и на слуху: «Я помню чудное мгновенье...» Пушкина — Глинки, «Мне грустно потому, что весело тебе...» Лермонтова — Даргомыжского; более поздние, второй половины XIX — начала XX века, музыкальные версии — «Для берегов отчизны дальной...» Пушкина — Бородина, «Фонтан» Тютчева — Рахманинова. Стоит лишь назвать, как воспроизводится текст, озвучивается, входит в сознание, событийствует.

Но не менее впечатляющи и не вполне равноценные содружества: «Выхожу один я на дорогу...» Лермонтова — Шашиной, «Однозвучно гремит колокольчик...» Макарова — Гурилева.

Принципиальная неопределенность формально-стилевых признаков романса-элегии отличает его и от «русской песни», и от романса-баллады. Здесь-то и выявляются возможности творческой индивидуальности и поэта, и композитора. Точность психологического рисунка, реалистическим жест лирического героя, содержательный характер аккомпанемента, интенсивность словесного и музыкального выражения, ритмическая и мелодическая размеренность — особенности этого вида романса.

Неподалеку от романса-элегии живут иные песни, близкие к нему, но другие и о другом: романтические опыты на темы чуждедальних любовных и героических событий, воспринятых русской песенной музой; вольнолюбивые песни изгоев и заточенных. Здесь же поблизости знаменитый «Пловец» («Нелюдимо наше море...») Языкова — Вильбоа. Прибавим к этому вольные песни, исполнявшиеся в среде ссыльных декабристов в герценовско-огаревском кругу. Многие из них перешли и в более поздние времена, свидетельствуя о живых революционных традициях народа. На другом полюсе песенного вольнолюбия живут застольные, гусарские, студенческие песни.

Так, к середине XIX века сложились основные художественные формы русской романсной культуры, определившие ее историю в последующие времена.

Развитие демократических тенденций в русской литературе потребовало радикального пересмотра понимания народности русского искусства, в том числе и феномена «русской песни» в ее архаически-стилизаторском качестве. Внешние приметы ложно понятой народности более не нужны. Народный характер «книжной» поэзии определяется теперь вовсе не «сарафанной» и «квасной» атрибутикой. Подлинная народность в ином — в глубинном постижении русского характера, способного вывести Россию на новые исторические рубежи для осуществления всенародных чаяний. Переосмысление «русской песни» как некоего антиквариата было необходимо. Без этого развитие вокальной лирики как реалистического и общедемократического рода русской поэзии сделалось бы затруднительным. Расчет с тормозящими влияниями «русской песни», ставшими особо заметными к середине XIX века, произвел критик-демократ В. В. Стасов: «В 30-х годах было у нас, как известно, очень много речи о народности в искусстве... Желали и требовали невозможного: амальгамы старых материалов с искусством новым; забывали, что материалы старые соответствовали своему определенному времени и что искусство новое, успев уже выработать свои формы, нуждается и в новых материалах»^[17].

Подлинная народность, не нуждающаяся в псевдонародном антураже, и есть новый материал, отлитый в новые формы. Например, тот же романс-элегия именно из-за его формальной неопределенности оказался особенно восприимчивым ко всем формам. И тогда приметы «народности»

«русской песни» — всего лишь средство для новых целей и задач неприемлемое: задачи интернациональноуниверсальные, а средства — национально-этнографические.

Шла многолетняя дискуссия о народности русского искусства, в том числе и вокальной лирики. Критически обсуждались «отцы основатели» «русской песни»: Дельвиг, Цыганов, Кольцов. Скептически воспринималось песенное творчество Сурикова, Дрожжина, Никитина, Ожегова. Ниспровергались и музыкальные авторитеты (например, Алябьев, в том числе и знаменитый его и Дельвига «Соловей»). Презрительный ярлык «варламовщина» с легкой руки А. Н. Серова надолго отметил «русскую песню» как жанр. В этой критике было много полемического, и потому не вполне справедливого. Но схвачено было главное: «русская песня» мало-помалу уступала место бытовому романсу и новой песне.

Было бы несправедливо не сказать о жизни «русской песни», и в это время ставшей в лучших образцах свидетельством преодоления жанра в пределах жанра («Не брани меня, родная...» А. Разоренова, «Меж крутых берегов...» М. Ожегова). Им, этим действительно всенародным песням, сопутствуют песни, так сказать, группового назначения. Но оттого их народность не умаляется. Это гимнические, агитационные, сатирические песни, траурные марши. И здесь есть великолепные хоровые образцы («Замучен тяжелой неволей...» Г. Мачтета, «Есть на Волге утес...» А. Навроцкого). Их яркая жизнь в революционно-демократической среде русского общества хорошо известна. Это обязательный хоровой фон, оттеняющий одногласие городского романса. На границе хора и немоты. Между ними — голос личной судьбы: одинокий, и потому всеслышимый и всеответный на свой лад каждым. Романс и в самом деле живет в его лирической отделенности от всего иного — на один голос, положенный на музыку. Сердце на ладони, а душа на люди.

Вторая половина XIX века отмечена еще более резкой отделенностью романса «бытового» и романса «профессионального». Меняется, как считают исследователи^[18] и их соотношение. Бытовой романс, представленный «непрофессиональными» его создателями, оказывается на периферии культуры, но оттого не становится менее популярным в своей достаточно пестрой и не особенно эстетически взыскательной аудитории. Но подлинные шедевры есть и здесь. Выведем «Пару гнедых» Апухтина за стены домашних аудиторий; но в их стенах все-таки останутся: «Под душистую ветвью сирени...» В. Крестовского и «Это было давно... я не помню, когда это было...» С. Сафонова.

Новые композиторы вновь обращаются к романсной лире первой половины XIX века. Балакирев, например, пишет романс на стихи Лермонтова «Песня Селима». Разночинная молодежь шестидесятых заслушивается им настолько всерьез, что поет ее уже сама не только в живой реальности, но и в реальности художественной. (Вспомните «даму в трауре», поющую эту вещь в романе Чернышевского «Что делать?».)

«Ты скоро меня позабудешь...» Ю. Жадовской — Даргомыжского, «Я пришел к тебе с приветом...» Фета — Балакирева, романсы Чайковского — «Хотел бы в единое слово...» (Л. Мей), «Средь шумного бала...» (А. К. Толстой), «Растворил я окно...» (К. Р.). Подлинные шедевры романсной лирики второго полувека золотого девятнадцатого!

Во многих случаях романс в его музыкально-поэтической цельности — надежнейшее хранилище для тех поэтических произведений, которые без музыки так и пропали бы.

Вокально-поэтическая жизнь романсной лирики девятнадцатого века с пометой «классическая» продолжается и в нашем веке в новых музыкальных версиях — Рахманинова, Танеева, Прокофьева, Гречанинова, Глиэра, Ипполитова-Иванова, Мясковского, Свиридова. Еще одна граница — схождение веков: классического девятнадцатого и открытого всем культурным сторонам света двадцатого. Грядет новая поэзия, которая спустя десятилетия новой классикой, в том числе и романсной: Бунин, Блок, Есенин, Цветаева, Пастернак, Заболоцкий.

Романское двадцатое столетие, особенно первая его половина — особой мозаической расцветки. «Вешние воды» Тютчева — Рахманинова соседствуют с «Крысоловом» Брюсова — Рахманинова, «В дымке-невидимке...» Фета — Танеева с романсом «Ночь печальна...» Бунина — Глиэра.

История русского романса — живая история, и потому вправе рассчитывать на будущее. Живость этой истории сродни жанру: история, как и сам романс, живет на границах, в незавершенности становления. Но именно так живет и тот, кто слушает романс как свою-чужую лирическую судьбу.

Настало время обратиться к текстам, способным прояснить коренные особенности жанра, но опять же — в момент выхода его самого за собственные свои пределы.

«КОГДА Б ОН ЗНАЛ...» — «СКАЖИТЕ ЕЙ...»

С чего начинается песня? Можно ли вызнать тайну оглашения слова в романском пении, воспроизвести эту тайну?

Сравнение известной песни — романса-баллады «Когда я на почте служил ямщиком...» с ее первоисточником (стихотворение польского поэта Владислава Сырокомли в переводе Л. Трефолева) поможет нам понять, как происходит превращение исходного текста в песню.

Обратимся сначала к тому, что поют. Ямщик, может быть, не в первый раз рассказывает свою историю.

Смерть возлюбленной, неожиданно представшей перед ним замерзшей среди снежного поля. Собственно, что еще говорить? Однако последняя строка песни («рассказывать больше нет мочи») предполагает нечто большее. Но может ли быть что-нибудь большее, чем эта страшная жуть посреди поля, ветра и снега? И это большее, оставшееся вне текста, каждый слушающий призван лично домыслить. И тогда то, что произошло с бедным ямщиком, произошло с каждым из слушающих. Конечно, не в точности так, но в переживании возможной прерванной любви рассказчик и слушатели уравниваются.

Между тем слушание это — активное слушание. Тайна недосказанного расшифровывается каждым по-своему. Романсно-балладный монолог есть, по сути дела, диалог, где второй голос (вторые голоса) — слушатели и одновременно неспетая партия самого ямщика, оставшаяся за текстом, но мысленно переживаемая каждым как неспетая песня собственной судьбы.

Теперь рассмотрим первоисточник, который в исходном виде романсом-песней не стал. Называется стихотворение «Ямщик». Начало чисто повествовательное. Завсегдатаи трактира допытываются у ямщика почему он такой хмурый и нелюдимый, просят его поведать свое горе, обещая за это хмельную чарку и туго набитую трубку. Ямщик начинает свой рассказ с четвертой строфы. с той самой хрестоматийной строки — «Когда я на почте...». Сначала сюжет развивается как в песенном варианте. Но... дальше!

Средь посвистов бури услышал я стон,
И кто-то о помощи просит.
И снежными хлопьями с разных сторон
Кого-то в сугробах заносит.
Коня понукаю, чтоб ехать спасти;
Но, вспомнив смотрителя, трушу,
Мне кто-то шепнул: на обратном пути
Спасешь христианскую душу.
Мне сделалось страшно. Едва я дышал,
Дрожали от ужаса руки.
Я в рог затрубил, чтобы он заглушал

Предсмертные слабые звуки.

Здесь и внутренний голос про обратный путь, и рог, заглушающий «предсмертные слабые звуки», и страх перед зрителем. Мотивирован каждый жест; мотивировано также и будущее поведение. Для домысливания ничего не остается. Рассказ равен самому себе. Голос на голос, погашающий один другой. Предполагаемая развязка заключена в последних строфах:

И вот на рассвете я еду назад.
По-прежнему страшно мне стало,
И, как колокольчик разбитый, не в лад
В груди сердце робко стучало.
Мой конь испугался пред третьей верстой
И гриву вскосматил сердито:
Там тело лежало, холстиной простой
Да снежным покровом покрыто...

Оказывается, не только смерть возлюбленной поломала жизнь несчастного ямщика, но и по гроб жизни укоры совести. Судьба прописана во всей полноте и без пропусков. Разрыва меж свершенным и возможным нет. Слушатель *только* слушает случившееся не с ним. Тексту в таком виде романсом-песней не быть, зато можно стать (чем, собственно, он и стал) материалом для чтецов-декламаторов, концертным номером в своей эпической завершенности. Лирическая открытость в тексте не проступает ни в одной строке. Плакать можно, а петь нельзя. Но... хочется петь. В этом убеждает нас последняя строфа:

Я снег отряхнул — и невесты моей
Увидел потухшие очи...
Давайте вина мне, давайте скорей,
Рассказывать дальше — нет мочи!

Как видим, концовки почти совпадают. Но если в романсном варианте домысливание возможно, то в первоисточнике — лишь риторическая фигура; но такая все-таки риторика, что вынуждает «отредактировать» текст, взять его на песенно-романсный голос — обратить его к каждому в отдельности, и только потому — ко всем. А исходный текст — ко всем, но не к каждому, потому что рассказано *всё* и потому стало поучительным примером.

И еще одна особенность романсной стилистики. Сравните две односмысловые концовки — стихотворения-источника и ромansa-баллады:

Давайте вина мне, давайте скорей...

и

Налейте, налейте скорей мне вина...

Романсный жест выразительней, хотя здесь он чисто внешний. Куда важнее внутренние жесты самой жизни, проживаемые слушателями ромansa-песни в его интенсивно развивающемся чувстве, с наглядными реалиями. А. Н. Толстой говорил: «Нельзя до конца почувствовать старинную колыбельную песню, не зная, не видя черной избы, крестьянки, сидящей у лучины, вертящей веретено и ногой покачивающей люльку. Вьюга над разметанной крышей, тараканы покусывают младенца. Левая рука прядет волну, правая крутит веретено, и свет жизни только в огоньке лучины, угольками спадающей в корытце. Отсюда — все внутренние жесты колыбельной песни»[\[19\]](#).

Рассказ ямщика близок сердцу слушателей. Ведь снежное поле, храпящий конь, порывистый ветер,

вздыбливающий снег, тайна, притаившаяся за каждым кустом и под каждым сугробом, — это их поле, их конь, ветер их зим и их непогоды, их кусты и сугробы, хранящие тайну их жизней. А в песне могут быть лишь внешние жесты, но непременно указывающие на внутренние жесты обыденной жизни тех, кто, слушая, заново проживает романс.

Рассказать личную судьбу — значит упразднить ее в качестве романского события, романской судьбы; пресечь возможности диалога, инициативу второго голоса; рассекретить тайну.

Вновь обратимся к живой стихии русского романса.

Перед нами стихотворение Евдокии Ростопчиной «Когда б он знал!»:

Когда б он знал, что пламенной душою
С его душой сливаюсь тайно я!
Когда б он знал, что горькою тоскою
Отравлена младая жизнь моя!
Когда б он знал, как страстно и как нежно
Он, мой кумир, рабой своей любим...
Когда б он знал, что в грусти безнадежной
Увяну я, не понятая им!..
Когда б он знал!..

Когда б он знал... в душе его убитой
Любви бы вновь язык заговорил
И юности восторг полузабытый
Его бы вновь согрел и оживил!
И я тогда, счастливица!.. любима...
Любима им была бы, может быть!
Надежда льстит тоске неутолимой;
Не любит он... а мог бы полюбить!
Когда б он знал!

Казалось бы, только и петь это удивительно романское стихотворение! Ан нет...

Первые две строфы (вторая здесь опущена) требуют ответа, обращены к нему, вопрошают, предполагают второй голос, уверены в нем, сами полнятся им. Они являются первым голосом. Они же сами себе являются и... вторым.

Но ответ необходим в сей же миг. И поэтому вот она — последняя — строфа, с вожделенными ответами, по сути дела, с одним исчерпывающим ответом; но ответом, предположенным той, кто вопрошает.

Тайна упразднена. А что без нее романс?! Не поэтому ли стихотворение стало романсом без этой упраздняющей тайну строфы?

Но этим не исчерпывается вокальная судьба стихотворения Евдокии Петровны Ростопчиной, к поэзии которой благосклонно относились Жуковский, Пушкин, Лермонтов.

Аффектированное вопрошание ответа, собственно, и вызвало заключительную строфу, отторгнутую в музыкально-вокальном бытовании. Но ответ воспоследовал со стороны — от Н. А. Долгорукова:

Скажите ей, что пламенной душою
С ее душой сливаюсь тайно я.
Скажите ей, что горькою тоскою
Отравлена младая жизнь моя.
Скажите ей, как страстно и как нежно

Люблю ее, как бога херувим.
Скажите ей, что в грусти безнадежной
Увяну я, бездушной нелюбим,
Скажите ей!..

«Когда б он знал» и «Скажите ей!» составили целостную вокально-поэтическую композицию: Ростопчина — Долгоруков. Здесь можно было бы поставить точку в этой «музыкальной истории». Но...

На первый слух все вопросы Ростопчиной погашаются ответами Долгорукова, как будто в точности составленными из слов вопрошательницы. Недосказанное досказано. Первый голос и второй голос слились в один. Романс с его тайной, ждущей сопереживающего отклика, исчез. Вопрос — ответ сделался концертным номером. Но так ли это?

Вчитывание в текст ставит под сомнение все то, что легло на первый слух.

Тот, кто отвечает, считает ее бездушной, своим бездушием и нелюбовью, словно льдом, охлаждающей его любящую душу; а свое притворство и свою холодность — вынужденными. Ответы, конечно, пародийны, но пародийны с подвохом, с игрой, оставляющей возможность тайны недосказанного. Романс продолжается, живет, приглашая вслушиваться в себя; влечет к сопереживанию.

Ответ-пародия Долгорукова, помимо этой своей прямой задачи, — еще и первая реакция первого слушателя оригинала. Ответный романс не заменяет третьей строфы оригинала, снятой в варианте для исполнения. Это — слушательское домысливание; но домысливание открытое — личное, и потому не для всех. Оно — одно из возможных. Разноречие остается. Романс живет в личных судьбах слушателей как индивидуально-коллективное переживание. Пародия в своей верности природе пародируемого объекта выявляет это с особой выразительностью. Но так ли это? А если так, то в какой мере оно именно так?

Как будто прямой поединок романсных жестов, их диалогическое столкновение. Слово на слово. Речь на речь. Но... вслушаемся: «Когда б он знал...» — «Скажите ей...». Друг о друге — в третьем лице. Апелляция к некоему третьему, который и должен, назначенный ею и им посредником, донести ее вопросы и передать его ответы. В этом третьем две любовные судьбы как бы объективируются, становясь всеобщим достоянием. Личная тайна вырождается в секрет Полишинеля. Отстраняется, делается «внезаходимой». «Избыточность» авторов-героев стирается. Исходные тексты становятся равными самим себе. Но любовная ситуация в этом отстранении через объективированного посредника в полной мере эстетизируется, оформляется в предмет любования. Этическое уходит за текст. Остается «красивое» в своей пародийно-объективной чистоте. А «страданье» пропадает. Романс сыгран действительно как номер в концерте. А романсная субстанция готова к экспонированию. Чудо «красивого страдания» пропадает, зато раскрывает свою природу.

Образцы романсной классики диалогическую природу исповедального лирического монолога выявляют и внутри самих себя. «Сомнение» Кукольника — Глинки — ярчайший пример романсного сопряженного двуголосия, явленного в одном голосе. Приглашение к слушанию и соучастию — в интенсивно значимой паузе меж «коварными обетами» и не менее «коварными наветами». Ни автору, ни слушателю выбрать не дано; зато дано выбирать. И в этом — удовлетворение романсных чаяний для приверженцев жанра, без которого личная их жизнь не только не полна, но вообще едва ли возможна. И тогда альбомные «волнения страсти» отнюдь не покорабят изощренный слух знатоков истинно поэтического слова, если они, эти знатоки, сегодня слушают романс.

Романс влечет слушателя сопереживать не строки, а живое чувство, готовое к развитию. В основе восприятия — устойчивая модальность романсного события, взывающего к соучаствующему сочувствию.

Знаменитая ария Ленского из оперы «Евгений Онегин» Чайковского «Куда, куда вы удалились...»,

прощальная перед нелепой смертью на дуэли, вряд ли вызовет в памяти любителя оперы способ введения этого лирического отступления в текст пушкинского романа. А способ этот сознательно насмешливый. Послушайте:

Стихи на случай сохранились.
Я их имею. Вот они:
«Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни...»

Отношение автора к своему герою контекст проясняет моментально. А вот отношение композитора к пушкинскому, теперь уже к своему, герою этот контекст не предполагает. Разрушение структуры строфы в начале арии для вокально-музыкального развития темы несущественно. Переосмысливается текст, а словомузыка сохранна.

Внутритекстовые границы. Голос на голос. Общительные отношения с чужим словом как возможным своим. Все это наглядно выявляет бытие романса в культуре и в истории народа, в его социальной жизни.

А теперь вновь вернемся к народной стихии русского романса.

Голос личной судьбы соседствует с голосом судьбы народной. Эти голоса взаимодействуют, переходят один в другой, делаются почти неразличимыми. Пушкинский «Узник» («Сижу за решеткой в темнице сырой...») как образец чисто словесной, немзыкальной лирики в 70-е годы XIX века становится популярным романсом, поется на известный ныне напев, возникший в песенной традиции революционной народнической интеллигенции.

Лично-лирическое вольнолюбие становится народно-эпическим вольнолюбием. Индивидуальное авторство уходит в историю, но остается томление по воле и стремление к ней угнетенного народа, поющего эту вещь как коллективный автор.

«Узничный», свободолюбивый мотив в романсно-песенном творчестве проходит через всю дореволюционную историю вокально-поэтических жанров.

В иных обличьях иной, уже не пушкинский, «Узник» всплывает как «новая народная песня» в начале XX века — знаменитое «Солнце всходит и заходит...», которое наш современник может услышать на представлениях пьесы М. Горького «На дне». «Босяцкое вольнолюбие» — точная характеристика этого произведения, отражающая его существование в различных социальных средах именно в то время, время назревания русской революции 1905 года.

И вновь почти прямая реминисценция пушкинского текста: «По воле летает орел молодой...». Конечно же, с переделками и вариантами. Но важно здесь вот что: романсно-песенное слово, впервые сказанное поэтом, больше самого себя; оно продолжает жить собственной, не зависимой от первоисточника жизнью, запечатлевая социальный опыт народа, опыт его души, чутко отзываясь на историческое время, время возможных общественных перемен в жизни страны. Таким образом, в лиро-эпическом слове как бы осуществляются потаенные до поры народные, уже не личные, чаяния.

Но, пожалуй, самое удивительное — это лично-социальный дуэт двух солидарных голосов в творчестве одного поэта. Так маршево-революционные «Варшавянка», «Беснуйтесь, тираны» и отмеченная гражданским пафосом, но поразительно личная, «Элегия» принадлежат перу одного человека. Это друг и соратник В. И. Ленина Глеб Максимилианович Кржижановский, по-своему осмысливший и воплотивший в своих произведениях традиции русского романсно-песенного творчества.

«АХ, ЭТО БРАТЦЫ, О ДРУГОМ!»

Теперь уже очевидно: чтобы сказать о романсе, нужно говорить о том, что не есть он, но мог бы им стать при определенных условиях. Такая исследовательская ситуация соответствует природе нашего предмета — внутренне пограничного, структурно противоречивого, живущего как культурная целостность на границах.

Еще раз вспомним эти переклички и перекрестия.

Думали о страдающей душе, а пришлось говорить о красивом слове; пытались проникнуть в эстетику романса, а рассуждали об этике любви; вникали в тайну трепетного слушания романсного слова, а вышли из XIX века в век нынешний; собрались было вслушаться в романсную классику золотого девятнадцатого, а услышали романсы нового дня; говорили о музыкально-поэтических уладах слуха, а прикоснулись едва ли не к самому главному — что дает романс человеку в его жизни, восполняя недостающее, но необходимое.

Посчитали было романс песней особого предназначения и особого художественного качества, как тут же оказалось, что романс — больше самого себя. Им может быть при определенном повороте мысли драма, рассказ.

Углубились в романсное слово, а оно стало музыкой, которая сама по себе — отдельно — только и ждала, чтобы ее словесно рассказали, досказали.

Считали романс поэтической и музыкальной классикой, как вдруг оказалось, что «профессионализм» и «совершенство форм» — дело десятое.

Рассуждая о романсе, жили в России; а оказались в Испании и Персии, на холмах печальной Грузии среди ночной мглы. И только потом, с еще большей силой, вновь внимали светлой печали русского романса.

Заглянули было послушать романсные элегии в изысканные музыкальные салоны и гостиные девятнадцатого, как в те же салоны вдруг влетела простая, общедоступная песня.

Обращение к этимологии обнаружило новые границы — филологического, языкового свойства. А погружение в историю выявило жанровую неопределенность романса как явления музыкально-поэтического.

Анализ конкретных текстов обнаружил внутреннюю диалогичность жанра, необходимость второго голоса, предположенного первым голосом лирического героя лично-всеобщих перипетий любовного события.

Говорили о другом, а сказали все-таки о романсе. Думали о романсе, а прикоснулись к личному, человеческому существованию, которое в безромансном своем бытии неполно, ущербно.

*** * ***

Романс как общекультурная человеческая ценность, необходимый фрагмент человеческого существования представляет собой естественное сочетание достоверности и мечты. Он — воплощенное чаяние. Даже если тот, кто слушает романс, в преклонном возрасте, то и тогда он возьмет у романса свое: чаяние предстанет как бывшее в молодые годы («Были когда-то и мы рысаками...»). Больше того. Романс дает иллюзию достижимости недостижимого.

Русский романс есть феномен национальной культуры, но феномен особого рода. Он обладает свойством быть в ней и одновременно как бы выходить за ее пределы, являя своеобразное свершение

времен отдельной человеческой судьбы — помня о прошлом, зовя в будущее, сполна свидетельствуя об иллюзорно осуществленном «красиво-страдательном» настоящем.

Русский романс — это живой лирический отклик души народа, творящего свою героическую историю.

«Меня любила ты — я жизнью веселился...»

Становление жанра

Поэты XVIII — начала XIX века

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ

(1681–1736)

1. Плачет пастушок в долгом ненастье [\[20\]](#)

Коли дождусь я весела ведра
и дней красных,
Коли явится милость прещедра
небес ясных?
Ни с каких сторон света не видно —
все ненастье.
Нет и надежды. О многобедно
мое счастье!
Хотя ж малую явит отраду
и поманит,
И будто нечто полготить стаду,
да обманет.
Дрожу под дубом; а крайним гладом
овцы тают
И уже весьма мокротным хладом
исчезают.
Прошел день пятый, а вод дождевых
нет отмены.
Нет же и конца воплей плачевных
и кручины.
Потщися, боже, нас свободити
от печали,
Наши нас деды к тебе вопити
научали.

ВАСИЛИЙ ТРЕДИАКОВСКИЙ

(1703–1768)

2. Песенка любовна

Красот умильна!
Паче всех сильна!
Уже склонивши,
Уж победивши,
Изволь сотворить
Милость, мя любиты
Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая.

Ну ж умилися,
Сердцем склонися;
Не будь жестока
Мне паче рока:
Сличью [\[21\]](#) обидно
То твоему стыдно.
Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая.

Так в очах ясных!
Так в словах красных!
В устах сахарных,
Так в краснозарных!
Милости нету,
Ниже привету?
Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая.

Ах! я не знаю,
Так умираю,
Что за причина
Тебе едина
Любовь уносит?
А сердце просит:
Люби, драгая,
Мя поминая.

3. Плач одного любовника, разлучившегося с своей милой, которую он видел во сне

Ах! невозможно сердцу пробить без печали,
Хоть уж и глаза мои плакать перестали:
Ибо сердечна друга не могу забыть,
Без которого всегда принужден я быти.

Но, принужден судьбою или непременно,
И от всея вечности тако положенной,
Или насильно волей во всем нерассудной,
И в порыве склониться на иное трудной.

Ну! что ж мне ныне делать? коли так уж стало.
Расстался я с сердечным другом не на мало.
Увы! с ним разделили страны мя далеки,
Моря, леса дремучи, горы, быстры реки.

Ах, всякая вещь из глаз мне его уносит,
И кажется, что всяка за него поносит
Меня, сим разлученьем страшно обвиняя,
И надежду, чтоб видеть, сладку отнимая.

Однак вижу, что с ними один сон глубоки,
Не согласился; мнить ли, что то ему роки
Представлять мила друга велели пред очи
И то в темноту саму половины ночи!

Свет любимое лице! чья и стень[22] приятна!
И речь хотя мнимая в самом сне есть внятна!
Уже поне[23] мне чаще по ночам кажися
И к спящему без чувства ходить не стыдися.

АЛЕКСАНДР СУМАРОКОВ

(1717–1777)

4. «Уже восходит солнце, стада идут в луга...»[\[24\]](#)

Уже восходит солнце, стада идут в луга,
Струи в потоках плещут в крутые берега.
Любезная пастушка овец уж погнала
И на вечер сегодня в лесок меня звала.

О темные дубравы, убежище сует!
В приятной вашей тени мирской печали нет;
В вас красные лужайки природа извела
Как будто бы нарочно, чтоб тут любовь жила.

В сей вечер вы дождитесь под тень меня свою,
А я в вас буду видеть любезную мою;
Под вашими листьями я счастлив уж бывал
И верную пастушку без счету целовал.

Пройди, пройди скоряе, ненадобной мне день,
Мне свет твой неприятен, пусть кроет ночи тень;
Спеши, дражайший вечер, о время, пролетай!
А ты уж мне, драгая, ни в чем не воспрещай.

МИХАИЛ ЛОМОНОСОВ

(1711–1765)

5. «Ночною темнотою...» [\[25\]](#)

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Все люди для покою
Сомкнули уж глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидон,
Приятный перервался
В начале самом сон.
«Кто так стучится смело?» —
Со гневом я вскричал;
— «Согрей обмерзло тело, —
Сквозь дверь он отвечал. —
Чего ты устранился?
Я — мальчик, чуть дышу,
Я ночью заблудился,
Обмок и весь дрожу».
Тогда мне жалко стало,
Я свечку засветил,
Не медлиши нимало,
К себе его пустил.
Увидел, что крилами
Он машет за спиной,
Колчан набит стрелами,
Лук стянут тетивой.
Жалея о несчастье,
Огонь я разложил
И при таком ненастье
К камину посадил.
Я теплыми руками
Холодны руки мял,
Я крылья и с кудрями
Досуха выжимал.
Он чуть лишь ободрился,
«Каков-то, — молвил, — лук?
В дожде, чать, повредился».
И с словом стрелил вдруг.
Тут грудь мою пронзила
Преострая стрела
И сильно уязвила,
Как злобная пчела.
Он громко засмеялся
И тотчас заплясал:
«Чего ты испугался? —

С насмешкою сказал, —
Мой лук еще годится:
И цел и с тетивой;
Ты будешь век крушиться
Отнынь, хозяин мой».

МИХАИЛ ХЕРАСКОВ

(1733–1807)

6. «Вид прелестный, милы взоры!..» [\[26\]](#)

Вид прелестный, милы взоры!
Вы скрываетесь от глаз;
Реки и леса и горы
Разлучат надолго нас.

Сладко было спознаваться
Мне, любезная, с тобой;
Горько, горько расставаться,
Горько... будто бы с душой!

Сердце ноет, дух томится;
Кровь то стынет, то кипит;
За слезой слеза катится,
Стон за стоном вслед летит.

О несносное мученье,
Что любезно, то терять!
Медли, медли, разлученье...
Медли душу отнимать!

Нет отрады! Всё теряю —
Час разлуки настает!
Стражду, мучусь, рвусь, рыдаю —
Ах, прости... прости, мой свет!

Во слезах, в тоске и скуке
Продолжится жизнь моя.
Будь спокойна ты в разлуке —
Пусть один терзаюсь я!

7. Птичка

Когда б я птичкой был,
Я к той бы полетел,
Котору полюбил,
И близко к ней бы сел;
Коль мог бы, я запел:
«Ты, Лина, хороша,
Ты птичкина душа!»
Мой малый бы носок
Устам ее касался;
Мне б каждой волосок
Силком у ней казался;
Я б ножку увязить
Хотел в силке по воле,
Чтоб с Линой вместе быть
И Лину бы любить
Во сладком плене боле.

МИХАИЛ ПОПОВ

(предположительно 1742–1790)

8. «Достигнувши тобою...» [\[27\]](#)[\[28\]](#)

Достигнувши тобою
Желанья моего,
Не рву уже тоскою
Я сердца своего:
Душа твоя мной страстна,
Моя тебе подвластна;
Коль счастлива ты мной,
Стократно я тобой!

Тебя, мой свет, считаю
Я жизнью своей:
Прекраснее не знаю
Тебя я и милей.
В любви не зря препятства,
В тебе зрю все приятства;
В твою отдавшись власть,
Не знаю, что напасть.

Твой взор не выпускаю
Из мыслей никогда,
И в мыслях лобызаю
Твой образ навсегда:
Тобою утешаюсь,
Тобою восхищаюсь,
Тебя душой зову,
Тобою и живу.

9. «Полюбя тебя, смущаюсь...»

Полюбя тебя, смущаюсь
И не знаю, как сказать,
Что тобою я прельщаюсь
И боюсь винным стать.
Пред тобой когда бываю.
Весь в смятении сижу,
Что сказать тогда, не знаю:
Только на тебя гляжу.

Глядя на тебя, внимаю
Все слова твоих речей;
Прелести твои считаю,
Красоту твоих очей;
И боюсь тогда прервати
Твой приятный разговор,
Чтоб твою не потерять
Тем приязнь и милый взор.

В сем смущеньи пребывая,
Оставляю нужну речь
И, часы позабывая,
Времени даю претечь.
Вдруг, увидя день минувший,
Принужден сказать: «Прости!»
И иду потом, вздохнувши,
Неспокойну ночь вести.

ИПОЛИТ БОГДАНОВИЧ

(1743–1803)

10. Песня («Пятнадцать мне минуло лет...»)[29]

Пятнадцать мне минуло лет.
Пора теперь мне видеть свет:
В деревне все мои подружки
Разумны стали друг от дружки;
Пора теперь мне видеть свет.

Пригожей все меня зовут.
Мне надобно подумать тут,
Как должно в поле обходиться,
Когда пастух придет любиться;
Мне надобно подумать тут.

Он скажет: «Я тебя люблю»,
Любовь и я ему явлю;
И те ж ему скажу три слова,
В том нет урона никакого;
Любовь и я ему явлю.

Мне случай этот вовсе нов,
Не знаю я любовных слов;
Попросит он любви задаток,
Что дать? — не знаю я ухваток;
Не знаю я любовных слов.

Дала б ему я посох свой —
Мне посох надобен самой;
И, чтоб зверей остерегаться,
С собачкой мне нельзя расстаться;
Мне посох надобен самой.

В пустой и скучной стороне
Свирелки также нужны мне;
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада;
Свирелки также нужны мне.

Я помню, как была мала,
Пастушка поцелуй дала;
Неужли пастуху в награду
За прежнюю ему досаду
Пастушка поцелуй дала?.

Какая прибыль от того,
Я в том не вижу ничего:
Не станет верить он обману,
Когда любить его не стану;
Я в том не вижу ничего.

Любовь, владычица сердец,
Как быть — научит наконец;
Любовь своей наградой платит
И даром стрел своих не тратит
Как быть — научит наконец.

Пастушка говорит тогда:
Пускай пастух придет сюда;
Чтоб не было убытка стаду,
Я сердце дам ему в награду;
Пускай пастух придет сюда!

ГАВРИИЛ ДЕРЖАВИН

(1743–1816)

11. Пчелка [\[30\]](#)

Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Всё вокруг летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Соты ль душисты
В желтых власах,
Розы ль огнисты
В алых устах,
Сахар ли белый
Грудь у нее?

Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мне говоришь:
«К меду прилипнув,
С ним и умру».

12. Мечта[31]

Вошел в шалаш мой торопливо,
Я вижу: мальчик в нем сидит
И в уголку кремнем в огниво,
Мне чудилось, звучит.

Рекою искры упали
Из рук его, во тьме горя.
И розы по лицу блистали,
Как утрення заря.

Одна тут искра отделилась
И на мою упала грудь,
Мне в сердце, в душу заронила:
Не смела ядохнуть.

Стояла бездыханна, млела
И с места не могла ступить;
Уйти хотела, не умела, —
Не то ль зовут любить?

Люблю! — кого? — сама не знаю.
Исчез меня прельстивший сон;
Но я с тех пор, с тех пор страдаю,
Как бросил искру он.

Тоскует сердце! Дай мне руку,
Почувствуй пламень сей мечты,
Виновна ль я? Прерви мне муку:
Любезен, мил мне ты.

13. Русские девушки [\[32\]](#)

Зрел ли ты, певец Тиисский [\[33\]](#)!
Как в лугу весной бычка [\[34\]](#)
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?
Как их лентами златыми
Челы белые блестят,
Под жемчугами драгими
Груды нежные дышат?
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?
Как их брови соболины,
Полный искр соколией взгляд,
Их усмешка — души львины
И орлов сердца разят?
Коль бы видел дев сих красных,
Ты б гречанок позабыл
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.

ВАСИЛИЙ КАПНИСТ

(1758–1823)

14. На смерть Юлии [\[35\]](#)

Уже со тьмою ночи
Простерлась тишина,
Выходит из-за рощи
Печальная луна.
Я лиру томно строю
Петь скорбь, объявшу дух.
Прийди грустить со мною,
Луна, печальных друг!

У холодной сей могилы,
Под тенью древ густых,
Услышь мой вопль унылый
И вздохов стон моих.
Здесь Юлии любезной
Прах милый погребен.
Я лить над ним ток слезной
Навеки осужден.

Подобно розе нежной,
Ты, Юлия! цвела;
Ты в жизни сей мятежной
Мне друг, мне всё была.
Теперь, тебя теряя,
Осталось жизнь скончать,
Иль скорбью грудь терзая,
Всечасно умирать.

Но песни сей плачевной
Прервать я должен стон:
Слезами омоченной
Немее лиры звон.
Безмолвною тоскою
Сильней теснится дух;
Прийди ж грустить со мною,
Луна, печальных друг!

НИКОЛАЙ НИКОЛЕВ

(1758–1815)

15. «Престань, источник слезный...»

На голос: «O! ma tendre musette! etc.» [\[36\]](#)[\[37\]](#)

«Престань, источник слезный,
Престань, Лизета, лить!
В глазах твоих любезный,
И должно всё забыть».

— «Внимай меня, вселенна,
Внимай, любезный мои,
Что я на то рожденна,
Чтоб в плен отдаться твой.

Чтоб чувствовать и мыслить
Всегда одно с тобой;
Одни утехи числить,
Одною жить душой.

Тебе вручила душу,
Тебя клялась любить;
И клятвы не нарушу,
Доколе буду жить.

Не льстят мне честь и слава,
Не в них ищу отрад,
Мой трон, моя держава —
Один твой милый взгляд!

Сули престол мне света,
Чтоб отдала тебя;
Ах, нет! твоя Лизета
Умрет, тебя любя!»

16. «Полно, сизенький, кружиться...»

Полно, сизенький, кружиться,
Голубочек, надо мной!
Лучше вдаль тебе пуститься,
Вдаль... туда, где милый мой.

Полети к нему скорее,
Долети к душе моей;
Проворкуй ему жалчее,
Что не вижу ясных дней.

Как листок от ветра бьется,
Бьется сердце так мое,
К другу движется... несется
Горе с ним забыть свое...

Ах! не туча развилася,
Льет не сильный дождь, гроза —
То по друге пролилася
Горькая моя слеза!

Всё я голосом унылым,
Всё, что встречу, то прошу:
Дай увидеться мне с милым!
Для него я лишь дышу.

Для него не умираю,
Горем мучася моим;
Не на муки я взираю,
На мое свиданье с ним.

Не тяжелы вздохи числю,
Их не можно перечесть,
Я о том... о том лишь мыслю,
Чтоб к нему себя донести.

Он всё то, что в свете мило...
Мило сердцу моему!
Нет его... и всё постыло,
И не рада ничему!

Без того, по ком рыдаю
И кого прошу у всех,
Не найду и не желаю
Ни сокровищ, ни утех.

Чтобы с милым повидаться,
Бурно море преплыву;
Чтобы с милым мне расстаться,

Смерть я жизнью назову.

Ах, лети и всё до слова,
Голубок, ему скажи;
Возврати мне дорогого,
Душу в теле удержи!

Умереть его дождуся,
Силы все на то сберу;
На него я наляжуся
И от радости умру.

ЮРИЙ НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ

(1752–1829)

17. «Ты велишь мне равнодушным...» [\[38\]](#)

Ты велишь мне равнодушным
Быть, прекрасная, к себе;
Если хочешь зреть послушным,
Дай другое сердце мне.
Дай мне сердце, чтоб умело,
Знав тебя, свободным быть;
Дай такое, чтоб хотело
Не одной тобою жить.

То, в котором обитает
Несравненный образ твой, —
Сердце, что тобой страдает,
То и движется тобой.
В нем уж чувства нет иного,
Ни другой в нем жизни нет.
Ты во тьме мученья злого —
Жизнь, отрада мне и свет.

Верность я ль к тебе нарушу?
Вздых мой первый ты взяла!
И, что я имею душу,
Ты мне чувствовать дала;
Ты мне душу, ты вложила,
Твой же дар несу тебе;
Но ты жертвы запретила:
Не дозволю их себе.

Лишь не мучь, повелевая,
Чтоб твоим престал я быть:
Чем, в безмолвии страдая,
Чем тебя мне оскорбить?
Разве чтишь за преступленье
Взор небесный твой узреть;
Им повергнуться в смущенье
И без помощи... терпеть!

18. «Милая вечер сидела...» [\[39\]](#)

Милая вечер сидела
Под кустом у ручейка.
Песенку она запела;
Я внимал издалика.
Будто с ней перекликался
Ближней рощи соловей.
Голос милой раздавался,
Отдался в душе моей.

Мне зефиры приносили
Иногда ее слова.
Иногда слова глушили
Вкруг шумящи дерева.
Смолкни всё! Престань мешаться
Ты, завистный соловей!
Пусть один в душе раздастся
Голос милой лишь моей.

19. «Выду я на реченьку...» [\[40\]](#)

Выду я на реченьку,
Погляжу на быстрюю —
Унеси мое ты горе,
Быстра реченька, с собой!

Нет, унести с собой не можешь
Лютой горести моей;
Разве грусть мою умножишь,
Разве пищу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склоненью твоему:
Мысль за мыслью так стремится
Всё к предмету одному.

Ноет сердце, изнывает,
Страсть мучительну тая,
Кем страдаю, тот не знает,
Терпит что душа моя.

Чем же злую грусть рассею,
Сердце успокою чем?
Не хочу и не умею
В сердце быть властна моем.

Милый мой им обладает:
Взгляд его — весь мой закон.
Томный дух пусть век страдает,
Лишь бы мил всегда был он.

Лучше век в тоске пребуду,
Чем его мне позабыть.
Ах! коль милого забуду,
Кем же стану, кем же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему.
Сердца каждое биенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А в душе всегда ношу!
Ты, кем вижу, кем внимаю,
Кем я мышлю, кем дышу!

Не почувствуй ты досады,
Как дойдет мой стон к тебе,
Я за страсть не жду награды,

Злой покорствуя судьбе.

Если ж ты найдешь возможным,
Силу чувств моих измерь:
Словом ласковым — хоть ложным —
Ад души моей умерь.

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН

(1766–1826)

20. Прости [\[41\]](#)

Кто мог любить так страстно,
Как я любил тебя?
Но я вздыхал напрасно,
Томил, крушил себя!

Мучительно плениться,
Быть страстным одному!
Насильно полюбиться
Не можно никому.

Не знатен я, не славен:
Могу ль кого прельстить?
Не весел, не забавен:
За что меня любить?

Простое сердце, чувство —
Для света ничего.
Там надобно искусство —
А я не знал его!

(Искусство величаться,
Искусство ловким быть,
Умнее всех казаться,
Приятно говорить.)

Не знал — и ослепленный
Любовию своей,
Желал я, дерзновенный,
И сам любви твоей!

Я плакал — ты смеялась,
Шутила надо мной,
Моею забавлялась
Сердечною тоской!

Надежды луч бледнеет
Теперь в душе моей...
Уже другой владеет
Навек рукой твоей!..

Будь счастлива, покойна,
Сердечно весела,

Судьбой всегда довольна,
Супругу — ввек мила!

Во тьме лесов дремучих
Я буду жизнь вести,
Лить токи слез горячих,
Желать конца — прости!

21. К соловью [42]

Пой во мраке тихой рощи,
Нежный, кроткий соловей!
Пой при свете лунной ночи!
Глас твой мил душе моей.
Но почто ж рекой катятся
Слезы из моих очей,
Чувства ноют и томятся
От гармонии твоей?
Ах! я вспомнил незабвенных,
В недрах хладных земли
Хищной смертью заключенных;
Их могилы заросли
Все высокою травой.
Я остался сиротою,
Я остался в горе жить.
Тосковать и слезы лить!..
С кем теперь мне наслаждаться
Нежной песнию твоей?
С кем природой утешаться?
Всё печально без друзей!
С ними дух наш умирает,
Радость жизни отлетает;
Сердцу скучно одному:
Свет — пустыня, мрак ему.

Скоро ль песнию своею,
О любезный соловей,
Над могилою моею
Будешь ты пленять людей?

22. «Мы желали — и свершилось!..»

Мы желали — и свершилось!..
Лиза! Небо любит нас.
Постоянство наградилось:
Ты моя! — Блаженный час!

Быть счастливейшим супругом,
Быть любимым и любить,
Быть любовником и другом...
Ах! я рад на свете жить!

Рад терпеть, чего не можно
В здешней жнзни избежать;
Рад и плакать, если должно
Смертным слезы проливать.

Нежность горе услаждает;
Дружба милою рукой
Слез потоки отирает
И вселяет в грудь покой.

Будь единственным предметом
Страсти сердца моего!
Я навек простился с светом,
Мне наскучил шум его.

Пусть Прелесты там сияют
Блеском хитростей своих;
Пусть они других прельщают;
Пусть другие любят их!

Было время заблуждений;
Я как бабочка летал
Вкруг блестящих привидений —
Сердца в мраморе искал!

Сон исчез — и я увидел,
Что игрушкой хитрых был;
Всех Прелест возненавидел
И невинность полюбил.

Ты одна любви достойна,*
Я нашел, чего искал,
И душа моя спокойна.
Всё сбылось, чего желал!

Свет забудет нас с тобою —
Что нам нужды, Лиза, в нем?
Мы с любовью одною

Век без скуки проживем.

ИВАН ДМИТРИЕВ

(1760–1837)

23. «Стонет сизый голубочек...» [\[43\]](#)

Стонет сизый голубочек,
Стонет он и день и ночь;
Миленький его дружок
Отлетел надолго прочь.

Он уж боле не воркует
И пшенички не клюет;
Всё тоскует, всё тоскует
И тихонько слезы льет.

С одной ветки на другую
Перепархивает он
И подружку дорогую
Ждет к себе со всех сторон.

Ждет ее... увы! но тщетно, —
Знать, судил ему так рок!
Сохнет, сохнет неприметно
Страстный, верный голубок.

Он ко травке прилегает,
Носик в перья завернул,
Уж не стонет, не вздыхает —
Голубок... навек уснул!

Вдруг голубка прилетела,
Приуныв, издалека.
Над своим любезным села,
Будит, будит голубка;

Плачет, стонет, сердцем ноя,
Ходит милого вокруг,
Но... увы! прелестна Хлоя!
Не проснется милый друг!

24. «Ах! когда б я прежде знала...»[\[44\]](#)

Ах! когда б я прежде знала,
Что любовь родит беды,
Веселясь бы не встречала
Полуночные звезды!
Не лила б от всех украдкой
Золотого я кольца;
Не была б в надежде сладкой
Видеть милого льстеца!

К удалению удара
В лютой, злой моей судьбе
Я слила б из воска яра
Легки крылышки себе
И на родину вспорхнула
Мила друга моего;
Нежно, нежно бы взглянула
Хоть однажды на него.

А потом бы улетела
Со слезами и тоской;
Подгорюнившись бы села
На дороге я большой;
Возрыдала б, возопила:
«Добры люди! Как мне быть?
Я неверного любила...
Научите не любить».

25. «Тише, ласточка болтлива!..»[\[45\]](#)

Тише, ласточка болтлива!
Тише, тише; полно петь!
Ты с зарею вновь счастлива, —
Ах, а мне пришло терпеть!
Я расстаться должен с милой
На заре, к моим слезам...
О луна! твой свет унылый
Краше солнышка был нам!

Тише, ласточка болтлива!
Тише, тише; полно петь!
Ты с зарею вновь счастлива, —
Ах, а мне пришло терпеть!
Знать, и сонная мечтала
О любви ты своей:
Ты к утехам рано встала,
А я к горести моей!

Тише, ласточка болтлива!
Тише, тише; полно петь!
Ты с зарею вновь счастлива, —
Ах, а мне пришло терпеть!
О, когда б и ты имела
Участь, равную со мной,
Ты б молчала, а не пела
И встречала день с тоской.

26. Элегия («Коль надежду истребила...»)[46]

Коль надежду истребила
В страстном сердце ты моем,
Хоть вздохни, тиранка мила,
Ты из жалости по нем!
Дай хоть эту мне отраду,
Чтоб я жизнь мою влачил,
Быв уверен, что в награду
Я тобой жалею был!

Если б в нашей было воле
И любить и не любить —
Стал ли б я в злосчастной доле
Потаенно слезы лить?
Нет! на ту, котора к гробу,
Веселясь, мне кажет путь,
За ее жестокость, злобу
Не хотел бы и взглянуть.

Но любовь непостижима!
Будь злодейкою моей —
Будешь всё боготворима,
Будешь сердцу всех милей!
О жестока!.. о любезна!
Смейся, смейся, что терплю.
Я достоин — участь слезна!
Презрен, стражду и... люблю!

ИВАН КРЫЛОВ

(1769–1844)

27. Мой отъезд [\[47\]](#)

(Песня)

Уже близка минута
Разлуки моя;
Прости, прости, Анюта [\[48\]](#),
Уж скоро еду я.

Расставшись с тобою,
Расстанусь я с душою;
А ты, мой друг, кто знает.
Ты вспомнишь ли меня.

Позволь мне в утешенье
Хоть песенкою сей
Открыть мое мученье
И скорбь души моей.

Пусть за меня в разлуке
Она напомнит муки, —
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Моря переплывая,
Меж камней, между гор,
Тебя лишь, дорогая,
Искать мой станет взор.

С кем встречусь, лишь одною
Займу его тобою;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня,

Лесок, деревня, поле,
Всё вспомнит предо мной
Места, где в тихой доле
Был счастлив я с тобой.

Всё мне тебя представит;
Всё слезы лить заставит;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Вот лес, скажу, унылый,
Где вдруг ты стала зла,
Потом улыбкой милой
Знак к миру мне дала.

Там я с тобой встречался;
Здесь я тобой прельщался;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Предвижу, как в оковы
Сердца к тебе летят;
Сулят утечи новы,
Быть верными сулят.

Увы, зря их мученье,
Их ласки, обоженье,
Увы, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Хоть вспомни, как тобою
Томится грудь моя,
И что, лишась покою,
Не льщусь надеждой я.

Ах, вспомни всё мученье
И это разлученье, —
Мой друг! Мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

ГРИГОРИЙ ХОВАНСКИЙ

(1767–1796)

28. Романс («Намедни в рощице гуляя...»)

Намедни в рощице гуляя,
Где птички порхали одне,
Там песни соловья внимая,
Вдруг что-то грустно стало мне.

Невольным образом вздохнувши,
Я с горя к речке подошел,
И, на ветвистый дуб взглянувши,
Под тень на бережок я сел.

Луна свой вид изображала
В студеной зёркальной реке
И тихи воды посребряла,
А соловей пел вдалеке.

То громко пел, то очень нежно,
То жалобно он тосковал.
Я, слушая его прилежно,
В задумчивость глубоко впал.

Меж тем он, в рощице летая,
На дуб ветвистый прилетел,
И, душу томну услаждая,
Еще, еще нежнее пел.

Из глаз вдруг слезы покатались
И облегчили грудь мою;
Слезами чувства освежились —
Я обратился к соловью.

«Ужель и ты несчастье знаешь,
Любезный, милый соловей?
Иль только мне лишь сострадаешь
Ты в горькой участи моей?»

Я матери, отца лишился, —
В слезах ему я говорил, —
А там — жестокою пленился
И без надежды полюбил!..

Но ты, мой друг, о чем сгрустился,
И отчего ты так уныл?»

— «Я с милой, с милой разлучился:
Я только для нее и жил!

Она вечер мне изменила!
Я муку лютую терплю;
Она другого полюбила,
А я так всё ее люблю!»;

Пропел и полетел тихонько
Неверную свою искать;
А я, вздохнув, пошел легонько
Домой по милой тосковать.

Пришел — и легкий сон на время
Плениру предо мной явил.
Проснулся я и зол всех бремя
Еще сильнее ощутил.

29. Романс («Лейтесь, слезы, вы ручьями!..»)

Лейтесь, слезы, вы ручьями!
Дайте сердцу отдохнуть.
Мне назначено судьбами
Ввек в несчастьи тонуть.

Но почто вооружился
Ты, злой рок, против меня?
Ах! давно ль отца лишился?
Уж в земле и мать моя!

Нет родителей со мною!
Парка их пресекла дни.
Я остался сиротою;
Горести со мной одни!

О любовь! ты подкрепляла
Дух, размученный тоской;
Сердце ты еще питала,
Облегчая жребий мой.

А теперь меня лишаешь
И последних ты утех;
К горю горе прибавляешь —
Ты несчастий злее всех!

Ты, кем я горю, пылаю,
Кем привязан к жизни сей;
Ты, кого я почитаю
Божеством души моей!

Страсть мою ты презираешь!..
Нет уж боле сил терпеть.
Знать, ты смерти мне желаешь —
Мне не трудно умереть.

Кто, как я, с тобою страстен,
Чья вся жизнь лишь бед полна,
Ах! тому, кто столь несчастен,
Смерть не может быть страшна.

Я надежды всей лишился:
Без надежды можно ль жить?
Если ж я страдать родился,
Жизнь я властен прекратить.

Жизнь! тебя я покидаю...
К вам, родители, иду;
Смерть с веселием встречаю —

В ней я счастье найду.

НИКОЛАЙ ШАТРОВ

(1767–1841)

30. Песня («Катя в рощице гуляла...»)[49]

Катя в рощице гуляла,
Друга милого искала,
Кой клялся ее любить,
Всякий вечер с нею быть.

Но уж солнце закатилось,
Небо ясное затмилось,
На цветы роса падет,
А сердечный друг нейдет!

Уж и полночь наступает,
И над рощею сияет
В мраке полная луна,
Катя в роще — всё одна.

Всё одна и понапрасну,
Обольщая душу страстну,
Друга ищет, друга ждет,
Другу голос подает.

Друг нейдет — и всё немило:
Сердце в Кате приуныло;
Стала Катя тосковать,
И не знала — что начать!

Руки белые ломила,
То стояла, то ходила,
То смотрела сквозь лесок
И кляла свой лютый рок.

«Милый!» — Катя говорила.
«Милый», — роща повторила.
«Иль пришла моя беда?»
Отвечала роща: «да!»

Катя вдруг остановилась,
Испугалась — чувств лишилась;
И казалось ей в тот час,
Что и лунный свет погас.

Мысли все у ней смутились,
Слезы градом покатались:

Исчезал огонь в глазах
И румянец на щеках.

Роща стала ей ужасна;
И без друга Катя страдна,
Заливался слезой,
Понесла тоску домой.

С. МИТРОФАНОВ

31. Песня («За горами, за долами...»)[50]

За горами, за долами,
За лесами, меж кустами
Лужочек там был.

На лужке росли цветочки,
Вокруг милы ручеечки
Блистали в струях.

Птички нежны песни пели,
Слышны там были свирели,
Соловей свистал.

Вся природа веселилась,
И утеха там резвилась,
Веял ветерок.

Недалёко был там холмик,
А на холмике был домик,
На всей красоте.

Подле домика дубочек,
Где сидел душа-молодчик
В кручине, в тоске.

Поджав рученьки сидел,
На цветочек всё смотрел —
Песенку запел.

Ах! ты милая моя!
Миловидная моя!
Скушно без тебя.

Все кусточки и листочки,
И прекрасные цветочки
Здесь не веселят.

Они грусть лишь умножают,
Мне тебя напоминают,
Как резвились здесь.

Мы играли в мотылечки,
И любовь плела веночки
Всякий вечерок.

Целовались, миловались, —

Птички, глядя, любовались,
Как любились мы.

А теперь в несносной скуке,
Душенька, с тобой в разлуке —
В смертельной тоске.

Нет минуты, ни часа,
Чтоб не зрелась краса
В сих твоих местах.

Где всегда часто гуляли,
Песенки с тобой певали,
Сидя на траве.

Вдали эхо раздавалось,
И сердечко восхищалось
Среди всех отрад.

Без тебя здесь всё не мило —
Всё не мило, воё постыло;
Скрылся свет от глаз.

Сердце ноет, ноет, ноет;
Во разлуке плачет, стонет
Добрый молодец.

Не тужи, не плачь, детинка;
Ты мне жалок, сиротинка!
Увижусь с тобой

Опять будем мотылочки,
И по-прежнему дружочки
С тобой, милый друг.

ИВАН ДОЛГОРУКИЙ

(1764–1823)

32. «Без тебя, моя Глафира...»

Без тебя, моя Глафира^[51],
Без тебя, как без души,
Никакие царства мира
Для меня не хороши.
Мне повсюду будет скучно,
Не могу я быть счастливым;
Будь со мною неразлучно,
Будь со мной, доколе жив!

Ни богатства не желаю,
Ни в большие господа;
Всё другим то уступаю,
Будь лишь ты со мной всегда.
Вот одно мое желанье!
У меня другого нет;
Без тебя — вся жизнь страданье,
Без тебя — пустыня свет.

Я люблю тебя всех боле,
Я люблю одну тебя;
В толь приятной сердцу доле
С кем сравняю я себя?
Ах! ни с кем, ни с кем, конечно!
Только ты люби меня;
Буду счастлив, будешь вечно
Ты мой друг и жизнь моя!

ПЕТР ШАЛИКОВ

(1765–1852)

33. Русская песня («Нынче был я на почтовом на дворе...»)[52]

Нынче был я на почтовом на дворе —
Льстил себе найти от миленькой письмо,
И — пошел назад с унылою душой.
Нет письма!.. нет сердцу радости ни в чем!
Ах! давно, давно не пишет уж ко мне
Та, которою на свете я живу;
Та, котора уверяла так меня,
Что в разлуке ей отрада только в том,
Чтоб писать ко мне... о горести своей!..
Что ж мешает ей в отраде той теперь?
Что мешает сердцу друга оживить?
Неужель забыт я милою моей?
Неужели сон был счастье мое?..
Нет, не может статься этого вовек!
Я довольно знаю милую мою:
Ее сердце не умеет изменить;
Ее сердце век останется моим —
Знать, свободного и в тереме своем
Не имеет она времени часа;
Иль препятствуют недобры люди ей
К другу грамотки чрез почту посылать...
Но, что б ни было причиною того, —
Лишь была б здорова милая моя!

АЛЕКСЕЙ МЕРЗЛЯКОВ

(1778–1830)

34. «Я не думала ни о чем в свете тужить...» [\[53\]](#)

Я не думала ни о чем в свете тужить,
Пришло время — начало сердце крушить;
С воздыханья белой груди тяжело!
То ли в свете здесь любовью прослыло:
Полюбя дружка, от горести изныть,
Кто по сердцу мне, не сметь того любить?
Злые люди все украдкою глядят,
Меня, девушку, заочно все бранят...
Как же слушать пересудов мне людских?
Сердце любит, не спросясь людей чужих,
Сердце любит, не спросясь меня самой!
Вы уймьтесь, злые люди, говорить!
Не уйметесь — научите не любить!
Потужите лучше в горести со мной:
Было время — и на вас была беда.
Чье сердечко не болело никогда?
Всяк изведал грусть-злодейку по себе,
А не всякий погорюет обо мне!
Что же делать с горемычной головой?
Куда спрятать сердце бедное с тоской?
Друг не знает, что я плачусь на него;
Людям нужды нет до сердца моего!..
Вы, забавушки при радости моей,
Цветы алые, поблекните скорей!
Вас горячими слезами оболью,
Вам одним скажу про горесть я свою.
Как без солнышка не можно вам пробыть,
Мне без милого не можно больше жить.

35. «Чернобровый, черноглазый...» [\[54\]](#)

Чернобровый, черноглазый
Молодец удалый
Вложил мысли в мое сердце,
Зажег ретивое!
Нельзя солнцу быть холодным,
Светлому погаснуть;
Нельзя сердцу жить на свете
И не жить любовью!
Для того ли солнце греет,
Чтобы травке вянуть?
Для того ли сердце любит,
Чтобы горе мыкать?
Нет, не дам злодейке скуке
Ретивого сердца!
Полечу к любезну другу
Осеннею пташкой.
Покажу ему платочек,
Его же подарок, —
Сосчитай горючи слезы
На алом платочке,
Иссуши горючи слезы
На белой ты груди,
Или сладкими их сделай,
Смешав со своими...
Воет сыр-бор за горою,
Метелица в поле;
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога.
Оставайся, бедна птичка,
Запертая в клетке!
Не отворишь ты слезами
Отеческий терем;
Не увидишь дорогого,
Ни прежнего счастья!
Не ходить бы красной девке
Вдоль по лугу-лугу;
Не искать было глазами
Пригожих, удалых!
Не любить бы красной девке
Молодого парня;
Побережь бы красной девке
Свое нежно сердце!

36. Сельская элегия («Что мне делать в тяжелой участи своей?..»)

Что мне делать в тяжелой участи своей?
Где размыкать горе горькое свое?
Сердце, сердце, ты вещун, губитель мой!
Для чего нельзя не слушать нам тебя?
Как охотник приучает соколов,
Приучаешь ты тоску свою к себе;
Манишь горесть, без того твою родню;
Приласкало грусть слезами ты к себе!
Вейте, буйны, легкокрылы ветерки,
Развевайте кудри черные лесов,
Вейте, весточки, с далекой стороны,
Развевайте мою смертную печаль!
Вы скажите, жить ли, бедной, мне в тоске?
Вы скажите, жив ли милый мой дружок?
Долго, долго ждет любовь моя его!
Вот уж три года тоске моей минет;
Ровно три года, как слуху нет об нем;
Нет ни грамотки, ни вестки никакой!
Ах, ужли-то солнце стало холодней?
Неужли-то кровь ретива не кипит?
Неужли твое сердечко, милый друг,
Ничего тебе о мне не говорит?
Много время, чтоб состариться любви!
Много время позабыть и изменить!
Ветер дунул с чужой, дальней стороны,
Показалась зарница над горой,
Улыбнулась красotka молодцу —
И прости мое всё счастье и покой!
Нет! не верю я причудам всем своим:
Милый друг мой! твоя девушка в тоске,
Тебе верит больше, нежели себе.
Знать, злосчастливым нам такой уже талант —
Не делаясь душой, делиться ввек житьем;
Знать, затем-то в зеленóm у нас саду
Два цветочка одиночкою росли,
Одним солнышком и грелись, и цвели,
Одной радостью питались на земли,
Чтобы ветры их далеко разнесли,
Чтобы в разных рассадить их сторонах,
Чтоб на разных вдруг засохнуть им грядях!
У них отняли последню радость их,
Чтобы вместе горевать и умереть.
Поздно, миленький, на родину придешь,
Поздно, солнышко, на гроб ты мой блеснешь!
Я найду уже другого жениха,
Обвенчаюся со смертью без тебя,
Сам ты нехотя меня сосватал с ней...

Приди, милый друг, к могиле ты моей!
Ты сорви цветок лазоревый на ней,
Он напомнит, как цвела я при тебе;
Ты оттудова поди в темны леса,
Там услышишь ты кукушку вдалеке:
Куковала так злосчастливая в тоске;
Горестъ съела всю девичью красоту,
Сердце бедное слезами истекло.
Как подкошенна травинушка в лугу,
Вся иссохла я без милого дружка!
Место всякое — не место для меня,
Все веселья — не веселья без тебя.
Рада б я бежать за тридевять земель,
Но возможно ли от сердца нам уйти?
Но возможно ли от горя убежать?
Оно точит стены каменны насквозь,
Оно гонится за нами в самый гроб!
Девки просят, чтоб не выла я при них:
«Ты лишь портишь наши игры, — говорят, —
На тебя глядя, нам тошно и самим!»
Ах! подруженьки! вы не жили совсем!
Вы не знаете — и дай боже не знать
Горя сладкого, опасного — любить!
Ваше сердце не делилося ни с кем;
В моем сердце половины целой нет!

В моем милом я любила этот свет!
В нем одном и род, и племя всё мое,
В нем одном я весела и хороша,
Без него, млада, ни людям, ни себе.
Ах, когда вы что узнаете об нем,
Не таитесь, добры люди, от меня:
Уж не бойтесь испугать меня ничем!
Вы скажите правду-истину скорей;
Легче, зная беду, однажды умереть,
Чем, не зная ее, всечасно умирать.

37. Чувства в разлуке

Что не девица во тереме своём
Заплетает русы кудри серебром, —
Месяц на небе, без ровни, сам-большой,
Убирается своею красотой.
Светлый месяц! весели, дружок, себя!
Знать, кручинушке высоко до тебя!
Ты один, мой друг, гуляешь в небесах,
Ты на небе так, как я в чужих краях;
А не знаешь муки тяжкой — быть одним,
И не сетуешь с приятелем своим!..
Ах! Всмотрись в мои заплаканны глаза,
Отгадай, что говорит моя слеза:
Травка на поле лишь дождичком цветёт,
А в разлуке сердце восточкой живёт!
Всё ли милая с тобой ещё дружна,
Пригорюнившись, сидит ли у окна,
Обо мне ли разговор с тобой ведёт
И мои ли она песенки поёт?..
Птичка пугана пугается всего!
Горько мучиться для горя одного!
Горько плакать и конца бедам не знать!
Не с кем слёз моих к любезной переслать!
У тоски моей нет крыльев полететь,
У души моей нет силы потерпеть,
У любви моей нет воли умереть!
Изнывай же на стороншке чужой,
Как в могиле завален один живой!
Будь, любезная, здорова, весела;
Знать, ко мне моя судьбинюшка пришла!

38. Песня («Среди долины ровныя...»)[55]

Среди долины ровныя,
На гладкой высоте,
Цветёт, растёт высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжечка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко —
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка —
Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявые,
Ни ивки близ него,
Ни кустики зеленые
Не вьются вокруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!

Есть много серебра, золота —
Кого им подарить?
Есть много славы, почестей —
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми —
Поклон, да был таков;
Встречаюсь ли с пригожими —
Поклон да пара слов.

Одних я сам пугаюся,
Другой бежит меня.
Все други, все приятели
До черного лишь дня!

Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдет?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придет!

Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная

Подруженька ко мне!

Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не вьются вокруг малюточки,
Тихохонько резвясь!

Возьмите же всё золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

39. «Вылетала бедна пташка на долину...»[\[56\]](#)

Вылетала бедна пташка на долину,
Выроняла сизы перья на долине.
Быстрый ветер их разносит по дуброве;
Слабый голос раздаётся по пустыне!..
Не скликай, уныла птичка, бедных пташек,
Не скликай ты родных деток понапрасну, —
Злой стрелок убил малюток для забавы,
И гнездо твоё развеяно под дубом.
В бурю ноченьки осенняя, дождливой
Бродит по полю несчастна горемыка,
Одинехонька с печалью, со кручиной;
Чёрны волосы бедняжка вырывает,
Белу грудь свою лебедушка терзает.
Пропадай ты, красота, моя злодейка!
Онемей ты, сердце нежное, как камень!
Растворися, мать сыра земля, могилой!
Не расти в пустыне хмелю без опоры,
Не цвести цветам под солнышком осенним, —
Мне не можно жить без милого тирана.
Не браните, не судите меня, люди:
Я пропала не виной, а простотою;
Я не думала, что есть в любви измена;
Я не знала, что притворно можно плакать.
Я в слезах его читала клятву сердца;
Для него с отцом я, с матерью рассталась,
За бедой своей летела на чужбину,
За позором пробежала доли, степи,
Будто дома женихов бы не сыскалось,
Будто в городе любовь совсем другая,
Будто радости живут лишь за горами...
Иль чужа земля теплее для могилы?
Ты скажи, злодей, к кому я покажуся?
Кто со мною слово ласково промолвит?
О безродной, о презренной кто потужит?
Кто из милости бедняжку похоронит?

40. Соловушка [\[57\]](#)

Для чего летишь, соловушко, к садам?
Для соловушки алеет роза там.
Чем понравился лужок мне шелковóй?
Там встречаюсь я с твоею красотой.
Как лебедушка во стаде голубей,
Среди девушек одна ты всех видней!
Что лань бы́стра, златорогая в лесах,
С робкой поступью гуляешь ты в лугах.
Гордо страстный взор разбегчивой блеснул;
Молодецкий круг невольно вздохнул,
Буйны головы упали на плеча,
Люди шепчут: для кого цветет она?
Наши души знают боле всех людей.
Наши взоры говорят всего ясней.
Но когда, скажи, терпеть престану я?
Дни ко мне бегут, а счастье — от меня.
Пусть еще я не могу владеть тобой,
Для чего же запретил тиран мне злой
Плакать, видеться с красавицей моей?
И слезам моим завидует, злодей!

41. «Не липочка кудрявая...»

Не липочка кудрявая
Колышется ветром,
Не реченька глубокая
Кипит в непогоде,
Не белая ковыль-трава
Волнуется в поле, —
Волнуется ретивое,
Кипит, кипит сердце;
У красной у девицы
Колышутся груди;
Перекатным бисером
Текут горьки слезы;
Текут с лица на белу грудь
И грудь не покоят!
Ах, прежде красавица
Всех нас веселила,
А ныне красавица
Вдруг стала уныла.
Развейтесь, развейтесь вы,
Девически кудри!
Поблекни, поблекни ты,
Девическа прелесть!
К чему вы мне надобны,
Коль вы не для друга?
К чему мне наряды все,
Коль он не со мною?
С кем сладко порадуюсь,
С кем сладко поплачу?
Ты, милый друг, радостью,
Ты был мне красою!
Тебя только слышала,
Тобою дышала,
В тебе свет я видела,
В тебе веселилась!..
С собою ты сердце взял —
Чем жить, веселиться?
Родные вокруг сердятся,
Что я изменилась;
Другие притворствуют,
А я не умею!..
Ах, с дальней сторонюшки
Пришли ко мне весточку,
Что здрав ты и радостен
И что меня помнишь!
Тогда улыбнуса я
На белый свет снова;
Тогда и в разлуке злой
Сольемся сердцами!
Тогда оживу опять

Для вас, добры люди!

42. «Меня любила ты — я жизнью веселился...» [\[58\]](#)

Меня любила ты — я жизнью веселился,
День каждый пробуждал меня к восторгам вновь;
Я потерял тебя — и с счастьем простился:
Ах, счастьем моим была твоя любовь!

Меня любила ты — среди милых вдохновений
Я пел прекрасную с зарею каждой вновь;
Я потерял тебя — и мой затмился гений:
Ах, гением моим была твоя любовь!

Меня любила ты — я добрым быть стремился,
Искал несчастного, чтоб дать ему покров;
Я потерял тебя — мой дух ожесточился:
Добротою моей была твоя любовь!..

43. Велизарий [\[59\]](#)[\[60\]](#)

Малютка, шлем нося, просил,
Для бога, пищи лишь дневная
Слепцу, которого водил,
Кем славны Рим и Византия.
«Тронитесь жертвою судеб! —
Он так прохожих умоляет. —
Подайте мальчику на хлеб:
Он Велизария питает.

Вот шлем того, который был
Для готфов, вандалов грозою;
Врагов отечества сразил,
Но сам сражен был клеветою.
Тиран лишил его очей,
И мир хранителя лишился.
Увы! свет солнечных лучей
Для Велизария закрылся!

Несчастный, за кого в слезах
Один вознес я глас смиренный,
Водил царей земных в цепях,
Законы подавал вселенной;
Но в счастья своем равно
Он не был гордым, лютым, диким;
И ныне мне твердит одно:
„Не называй меня великим!“

Не видя света и людей,
Парит он мыслью в царстве славы,
И видит в памяти своей
Народы, веки и державы.
Вот постоянство здешних благ!
Сколь чуден промысл твой, содетель!
И я, сиротка, в юных днях
Стал Велизарью благодетель!..»

Тексты, приписываемые авторам XVIII — начала XIX века

44. «Уж как пал туман на сине море...»[\[61\]](#)

Уж как пал туман на сине море,
А злодейка-тоска в ретиво сердце,
Не сходить туману с синя моря,
Уж не выдти кручине из сердца вон.
Не звезда блестит далече в чистом поле,
Курится огонечек малешенек:
У огонечка разостлан шелковый ковер,
На коврике лежит удал добрый молодец,
Прижимает белым платом рану смертную,
Унимает молодецкую кровь горячую.
Подле молодца стоит тут его добрый конь,
И он бьет своим копытом в мать сыру землю,
Будто слово хочет вымолвить хозяину:
«Ты вставай, вставай, удалой добрый молодец!
Ты садися на меня, на своего слугу,
Отвезу я добра молодца в свою сторону,
К отцу, к матери родимой, роду-племени,
К милым детушкам, к молодой жене».
Как вздохнет удалой добрый молодец —
Подымалась у удалого его крепка грудь;
Опускались у молодца белы руки,
Растворилась его рана смертная,
Пролилась ручьем кипячим кровь горячая.
Тут промолвил добрый молодец своему конки
«Ох ты, конь мой, конь, лошадь верная,
Ты товарищ моей участи,
Добрый пайщик службы царския!
Ты скажи моей молодой жене,
Что женился я на другой жене;
Что за ней я взял поле чистое,
Нас сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрела».

45. «Размучен страстию презлою...»[\[62\]](#)

Размучен страстию презлою
И ввержен будучи в напасть,
Прости, что я перед тобою
Дерзну свою оплакать часть.

Хотя твой милый взор, драгая!
Мне остры стрелы в грудь бросая,
Зрел действие своих побед, —
Но ты еще того не знаешь,
Колико мне ты причиняешь
Несносных мук и лютых бед.

Я с той жестокой мне минуты,
Как первый раз тебе предстал,
Питаю в сердце скорби люты,
Питаю страсть и пленник стал.

Не видишь ты, как я смущаюсь,
Как стражду, рвуся и терзаюсь
И горьких слез потоки лью?
Ты прежних дум меня лишила,
Ты жизнь мою переменила,
Тебя, как душу, я люблю.

Всегда тебя в уме встречаю,
А стретив, зреть тебя хочу;
И где тебя найти лишь чаю,
Бегу туда, и там грущу.

Места, где страсть моя родилась,
Где кровь тобою вспламенилась,
Свидетели тоски моей:
Я в них тебя воспоминаю,
Твое в них имя повторяю
Стократно в памяти своей.

Теперь узнав себя подвластна
И частью владей моей;
Но сколько ты, мой свет! прекрасна,
Ты столько жалости имей,

За скорбь в душе моей смертельну
И рану в сердце неисцельну
Хоть сладку мне надежду дай.
Коль стыдно то сказать словами,
Хотя прелестными глазами
Скажи, скажи мне; уповай.

46. «Ты проходишь мимо кельи, дорогая...» [\[63\]](#)

Ты проходишь мимо кельи, дорогая,
Мимо кельи, где бедняк-чернец горюет,
Где пострижен добрый молодец насильно,
Ты скажи мне, красна девица, всю правду:
Или люди-то совсем уже ослепли,
Для чего меня все старцем называют?
Ты сними с меня, драгая, камилавку,
Ты сними с меня, мой свет, и черну рясу,
Положи ко мне на груди белу руку
И пощупай, как трепещет мое сердце,
Обливаясь всё кровью с тяжким вздохом;
Ты отри с лица румяна горьки слезы,
Разгляди ж теперь ты ясными очами,
Разглядев, скажи, похож ли я на старца?
Как чернец, перед тобой я воздыхаю,
Обливаясь весь горькими слезами,
Не грехам моим прощенья умоляю,
Да чтоб ты меня любила, мое сердце!

47. «Не будите молоду...» [\[64\]](#)

Не будите молоду
Раным-рано поутру;
Разбудите молоду,
Когда солнышко взойдет,
Когда птички запоют,
Перепархивать начнут,
Когда милый пастушок
Заиграет во рожок.
Хорошо пастух играл,
Будто словом говорил:
«Собирайте, девушки,
Свое стадо на лужок».
Собиралися девушки,
В хоровод пошли играть.
Одна девка весела
В хоровод плясать пошла.
Манит девушка рукой
Пастуха плясать с собой:
«Сюда, сюда, пастушок!
Сюда, миленький дружок!»
Бросил стадо пастушок,
Пошел с девушкой в кружок.
Он часочек проплясал —
Коровушку потерял.
Он еще час проплясал —
И полстада потерял.
«Когда б знала молода —
Не манила б пастуха!»

Неизвестные авторы

48. «Вниз по матушке по Волге...»[\[65\]](#)

Вниз по матушке по Волге,
От крутых красных бережков,
Разыгралась погода,
Погодушка верховая;
Ничего в волнах не видно,
Одна лодочка чернеет,
Никого в лодке не видно,
Только парусы белеют.

На гребцах шляпы чернеют,
Кушаки на них алеют.
На корме сидит хозяин,
Сам хозяин во наряде,
Во коричневом кафтане,
В перюиновом камзоле,
В алом шелковом платочке,
В черном бархатном картузе;
На картузе козыречек,
Сам отецкий он сыночек.

Уж как взговорит хозяин:
«И мы грянемте, ребята,
Вниз по матушке по Волге,
Ко Ленину подворью,
Ко Ивановой здоровью».
Аленушка выходила,
Свою дочку выводила,
Таки речи говорила:
«Не прогневайся, пожалуй,
В чем ходила, в том и вышла.
В одной тоненькой рубашке
И в кумачной телогрейке».

49. «Ты проходишь, мой любезный, мимо кельи...» [66]

Ты проходишь, мой любезный, мимо кельи,
Где живет несчастна старица в мученьи,
Где в шестнадцать лет пострижена неволей
И наказана суровой жизни долей!
Не тому, было, мучению я льстилась,
Но владел чтоб мной, кому я полюбилась;
Не к тому меня и в чин сей посвятили
И блаженство в жизни будущей купили.
Ты взойди, взойди, любезный, в мою келью
И меня обрадуй счастья хоть тенью.
Не давай страдать ты долго мне в мученьи,
Ты утешь своим взором в огорченьи!
Ты положи свою ко мне на груди руку
И почувствуй бедна сердца тяжку муку!
Изведи меня из горькой сей напасти
И окончи ты мучительные страсти.

50. Журнал любви

В понедельник я влюбился,
И весь вторник я страдал,
В любви в среду открылся,
В четверток ответа ждал.
Пришло в пятницу решение,
Чтоб не ждал я утешенья.
В скорби, грусти и досаде
Всю субботу размышлял
И, не зря путей к отраде,
Жизнь окончить предприял,
Но, храня души спасенье,
Я раздумал в воскресенье.
В понедельник же другой
Получил я от драгой
Ответ нежный и приятный
И с желанием согласный.
А во вторник отписал,
И письмо я к ней послал,
В коем всё то выражал
И всю страсть ей объявлял.
В среду думал сам в себе,
Как придет она ко мне:
Сколько радостей мне будет,
Скажу — вечно не забудет.
В четверток моя любезна
Отписала мне полезно,
Я в пяток чтоб вечерка
Ожидал ее у двора.
С нетерпеньем ждал часá,
Как пришла ко мне краса.

51. Песня («Волга, реченька глубока!..»)[67]

Волга, реченька глубока!
Прихожу к тебе с тоской;
Мой сердечный друг далеко,
Ты беги к нему волной.

Ты беги, волна, стремися,
К другу весть скорей неси,
Как стрела к нему пустися
И словечко донеси.

Ты скажи, как я страдаю,
Как я мучуся по нем!
Говорю, сама рыдаю,
Слезы катятся ручьем.

Вспомню, милый как прощался,
И туда вдруг побегу,
Где со мною расставался;
Плачу там на берегу.

С ветром в шуме Волга стонет,
А я рвуся злой тоской;
Сердце ноет, ноет, ноет
И твердит: «Где милый мой?»

Где мой друг, моя отрада?
Где девался дорогой?..»
Жизни я тогда не рада,
Вся в слезах иду домой.

Но к несносному мученью
Страсть должна свою скрывать,
Здесь предавшись слез стремленью,
Дома вид иной казать.

Как ни тошно, как ни больно,
Чтоб не знали страсть мою,
Покажусь на час спокойной;
Ночь зато проплачу всю.

«Поспешай ко мне, любезный!
Ты почувствуй скорбь мою,
Ток очей отри мой слезный,
Облегчи мою судьбу».

Только я уста сомкнула,
Стон пустился вслед за мной;
Мнится, реченька вздохнула,

Понесла слова волной.

«Я встретил Вас...»

Поэты первой половины XIX века

ВАСИЛИЙ ЖУКОВСКИЙ

(1783–1852)

52. Тоска по милом [\[68\]](#)

(Песня)

Дубрава шумит;
Собираются тучи;
На берег зыбучий
Склонившись, сидит
В слезах, пригорюнясь, девица-краса;
И полночь и буря мрачат небеса;
И черные волны, вздымаясь, бушуют;
И тяжкие вздохи грудь белу волнуют.

«Душа отцвела;
Природа уныла;
Любовь изменила,
Любовь унесла
Надежду, надежду — мой сладкий удел.
Куда ты, мой ангел, куда улетел?
Ах, полно! я счастьем мирским насладилась:
Жила, и любила... и друга лишилась.

Теките струей
Вы, слезы горючи;
Дубравы дремучи,
Тоскуйте со мной.
Уж боле не встретить мне радостных дней;
Простилась, простилась я с жизнью моей:
Мой друг не воскреснет; что было, не будет...
И бывшего сердце вовек не забудет.

Ах! скоро ль пройдут
Унылые годы?
С весною — природы
Красы расцветут...
Но сладкое счастье не дважды цветет,
Пускай же драгое в слезах оживет;

Любовь, ты погибла; ты, радость, умчалась;
Одна о минувшем тоска мне осталась».

53. Песня («Мой друг, хранитель-ангел мой...»)[69]

Мой друг, хранитель-ангел мой,
О ты, с которой нет сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но где для страсти выраженья?
Во всех природы красотах
Твой образ милый я встречаю;
Прелестных вижу — в их чертах
Одну тебя воображаю.

Беру перо — им начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лире восхищенной,
С тобой, один, вблизи, вдали.
Тебя любить — одна мне радость;
Ты мне все блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

В пустыне, в шуме городском
Одной тебе внимать мечтаю;
Твой образ, забываясь сном,
С последней мыслию сливаю;
Приятный звук твоих речей
Со мной во сне не растается;
Проснусь — и ты в душе моей
Скорей, чем день очам коснется.

Ах! мне ль разлуку знать с тобой?
Ты всюду спутник мой незримый;
Молчишь — мне взор понятен твой,
Для всех других неизъяснимый;
Я в сердце твой приемлю глас;
Я пью любовь в твоём дыханье...
Восторги, кто постигнет вас,
Тебя, души очарованье?

Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя;
В тебе природе удивляюсь.
И с чем мне жребий мой сравнить?
Чего желать в толь сладкой доле?
Любовь мне жизнь — ах! я любить
Еще стократ желал бы боле.

54. Мальвина [\[70\]](#)

(Песня)

С тех пор как ты пленен другою,
Мальвина вянет в цвете лет;
Мне свет прелестен был тобою;
Теперь — прости, прелестный свет!
Ах! не отринь любви моления:
Приди... не сердце мне отдать,
Но взор потухший мой принять
В минуту смертного томленья.

Спешу, спешу! близка кончина;
Смотри, как в час последний свой
Твоя терзается Мальвина
Стыдом, любовью и тоской;
Не смерти страшной содроганье,
Не тусклый, безответный взгляд
Тебе, о милый, возвестят,
Что жизни кончилось страданье.

Ах, нет!.. когда ж Мальвины муку
Не услаждает твой приход,
Когда хладеющую руку
Она тебе не подает;
Когда забыт мой друг единый,
Мой взор престал его искать,
Душа престала обожать, —
Тогда — тогда уж нет Мальвины!

55. Песня («О милый друг! теперь с тобою радость!..»)[71]

О милый друг! теперь с тобою радость!
А я один — и мой печален путь;
Живи, вкушай невинной жизни сладость;
В душе не изменись; достойна счастья будь...
Но не отринь в толпе пленяемых тобою
Ты друга прежнего, увядшего душою;
Веселья их дели — ему отрадой будь;
Его, мой друг, не позабудь.

О милый друг, нам рок велел разлуку:
Дни, месяцы и годы пролетят,
Вотще к тебе простру от сердца руку —
Ни голос твой, ни взор меня не усладят.
Но и вдали моя душа с твоей согласна;
Любовь ни времени, ни месту неподвластна;
Всегда, везде ты мой хранитель-ангел будь,
Меня, мой друг, не позабудь.

О милый друг, пусть будет прах холодный
То сердце, где любовь к тебе жила:
Есть лучший мир; там мы любить свободны
Туда моя душа уж всё перенесла;
Туда всечасное влечет меня желанье;
Там свидимся опять; там наше воздаянье;
Сей верой сладкою полна в разлуке будь —
Меня, мой друг, не позабудь.

56. Цветок [\[72\]](#)

(Романс)

Минутная краса полей,
Цветок увядший, одинокой,
Лишен ты прелести своей
Рукою осени жестокой.

Увы! нам тот же дан удел,
И тот же рок нас угнетает:*
С тебя листочек облетел —
От нас веселье отлетает.

Отъемлет каждый день у нас
Или мечту, иль наслажденье.
И каждый разрушает час
Драгое сердцу заблужденье.

Смотри... очарованья нет;
Звезда надежды угасает...
Увы! кто скажет: жизнь иль цвет
Быстрее в мире исчезает?.

57. Пловец («Вихрем бедствия гонимый...»)[73]

Вихрем бедствия гонимый,
Без кормила и весла,
В океан неисходимый
Буря челн мой занесла.
В тучах звездочка светилась;
«Не скрывайся!» — я взывал;
Непреклонная сокрылась;
Якорь был — и тот пропал.

Всё оделось черной мглою,
Всколыхались валы;
Бездны в мраке предо мною,
Вкруг ужасные скалы.
«Нет надежды на спасенье!» —
Я роптал, уныв душой...
О безумец! Провиденье
Было тайный кормщик твой.

Невидимую рукою,
Сквозь ревущие валы,
Сквозь одеты бездны мглою
И грозящие скалы,
Мощный вел меня хранитель.
Вдруг — всё тихо! мрак исчез;
Вижу райскую обитель...
В ней трех ангелов небес.

О спаситель-провиденье!
Скорбный ропот мой утих;
На коленах, в восхищенье,
Я смотрю на образ их.
О! кто прелесть их опишет?
Кто их силу над душой?
Всё окрест их небом дышит
И невинностью святой.

Неиспытанная радость —
Ими жить, для них дышать,
Их речей, их взоров сладость
В душу, в сердце принимать.
О судьба! одно желанье:
Дай все блага им вкусить;
Пусть им радость — мне страданье;
Но... не дай их пережить.

58. Утешение в слезах [\[74\]](#)

«Скажи, что так задумчив ты?

Всё весело вокруг;

В твоих глазах печали след;

Ты, верно, плакал, друг?»

— «О чем грущу, то в сердце мне

Запало глубоко;

А слезы... слезы в сладость нам;

От них душе легко».

— «К тебе ласкаются друзья,

Их ласки не дичись;

И что бы ни утратил ты,

Утратой поделись».

— «Как вам, счастливым, то понять,

Что понял я тоской?

О чем... но нет! оно мое,

Хотя и не со мной».

— «Не унывай же, ободрись, —

Еще ты в цвете лет;

Ищи — найдешь; отважным, друг,

Несбыточного нет».

— «Увы! напрасные слова!

Найдешь — сказать легко;

Мне до него, как до звезды

Небесной, далеко».

— «На что ж искать далеких звезд?

Для неба их краса;

Любуйся ими в ясну ночь,

Не мысля в небеса».

— «Ах! я люблюсь в ясный день!

Нет сил и глаз отвести;

А ночью... ночью плакать мне,

Покуда слезы есть».

59. Песня («Минувших дней очарованье...»)[75]

Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалой;
Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей минуту стало
Незримое с давнишних пор.

О милый гость, святое *Прежде*,
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: *живи* надежде?
Скажу ль тому, что было: *будь*?
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится,
Не узрит он минувших лет;
Там есть *один* жилец безгласный,
Свидетель милой старины;
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены.

60. Голос с того света [\[76\]](#)

Не узнавай, куда я путь склонила,
В какой предел из мира перешла...
О друг, я все земное совершила;
Я на земле любила и жила.

Нашла ли их? Сбылись ли ожидания?
Без страха верь; обмана сердцу нет;
Сбылось все; я в стороне свиданья;
И знаю здесь, сколь ваш прекрасен свет.

Друг, на земле великое не тщетно;
Будь тверд, а здесь тебе не изменят;
О милый, здесь не будет безответно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздох, ни взгляд.

Не унывай: минувшее с тобою;
Незрима я, но в мире мы одном;
Будь верен мне прекрасною душою?
Сверши один начатое вдвоем,

61. Песня («Розы расцветают...»)[77]

Розы расцветают,
Сердце, отдохни;
Скоро засияют
Благодатны дни.
Все с зимой ненастной
Грустное пройдет;
Сердце будет ясно;
Розою прекрасной
Счастье расцветет.

Розы расцветают —
Сердце, уповай;
Есть, нам обещают.
Где-то лучший край.
Вечно молодая
Там веска живет;
Там, в долине рая,
Жизнь для нас иная
Розой расцветет.

62. Песня («К востоку, все к востоку...»)[78]

К востоку, все к востоку
Стремление земли —
К востоку, все к востоку
Летит моя душа;
Далеко на востоке,
За синевой лесов,
За синими горами
Прекрасная живет.
И мне в разлуке с нею
Все мнится, что она —
Прекрасное преданье
Чудесной старины,
Что мне она явилась
Когда-то в древни дни,
Чтоб мне об ней остался
Один блаженный сон.

63. Воспоминание [\[79\]](#)

Прошли, прошли вы, дни очарованья!
Подобных вам уж сердцу не нажить!
Ваш след в одной тоске воспоминанья!
Ах! лучше б вас совсем мне позабыть!

К вам часто мчит привычное желанье —
И слез любви нет сил остановить!
Несчастье — об вас воспоминанье!
Но более несчастье — вас забыть!

О, будь же грусть заменой упованья!
Отрада нам — о счастье слезы лить!
Мне умереть с тоски воспоминанья!
Но можно ль жить, — увы! и позабыть!

64. Весеннее чувство [\[80\]](#)

Легкий, легкий ветерок,
Что так сладко, тихо веешь?
Что играешь, что светлеешь,
Очарованный поток?
Чем опять душа полна?
Что опять в ней пробудилось?
Что с тобой к ней возвратилось,
Перелетная весна?
Я смотрю на небеса...
Облака, летя, сияют
И, сияя, улетают
За далекие леса.
Иль опять от зыбины
Весть знакомая несется?
Или снова раздастся
Милый голос старины?
Или там, куда летит
Птичка, странник поднебесный,
Все еще сей неизвестный
Край желанного сокрыт?..
Кто ж к неведомым брегам
Путь неведомый укажет?
Ах! найдется ль, кто мне скажет,
Очарованное Там?

65. Сон [\[81\]](#)

Заснув на холме луговом,
Вблизи большой дороги,
Я унесен был легким сном
Туда, где жили боги.

Но я проснулся наконец
И смутно озирался:
Дорогой шел молодой певец
И с пеньем удалялся.

Вдали пропал за рощей он —
Но струны все звенели.
Ах! не они ли дивный сон
Мне на душу напели?

66. Утешение [\[82\]](#)

Светит месяц; на кладбище
Дева в черной власянице
Одинокая стоит,
И слеза любви дрожит
На густой ее реснице.

«Нет его; на том он свете;
Сердцу смерть его утешна:
Он достался небесам,
Будет чистый ангел там —
И любовь моя безгрешна».

Скорбь ее к святому лику
Богоматери подводит:
Он стоит в огне лучей,
И на деву из очей
Милость тихая нисходит.

Пала дева пред иконой
И безмолвно упованья
От пречистыя ждала...
И душою перешла
Неприметно в мир свиданья.

67. Победитель [\[83\]](#)

Сто красавиц светлооких
Председали на турнире,
Все — цветочки полевые;
А моя одна как роза.
На нее глядел я смело,
Как орел глядит на солнце.
Как от щек моих горячих
Разгоралось забрало!
Как рвалось пробиться сердце
Сквозь тяжелый, твердый панцирь!
Светлых взоров тихий пламень
Стал душе моей пожаром;
Сладкошепчущие речи
Стали сердцу бурным вихрем;
И она — младое утро —
Стала мне грозой могучей;
Я помчался, я ударил —
И ничто не устояло.

68. Ночь [\[84\]](#)

Уже утомившийся день
Склонился в багряные воды,
Темнеют лазурные своды,
Прохладная стелется тень;
И ночь молчаливая мррно
Пошла по дороге эфирной,
И Геспер летит перед ней
С прекрасной звездой своей.

Сойди, о небесная, к нам
С волшебным твоим покрыва\ом,
С целебным забвенья фиалом.
Дай мира усталым сердцам.
Своим миротворным явленьем,
Своим усыпительным пеньем
Томимую душу тоской,
Как мать дитя, успокой.

69. Листок [\[85\]](#)

От дружной ветки отлученный,
Скажи, листок уединенный,
Куда летишь?.. «Не знаю сам;
Гроза разбила дуб родимый;
С тех пор, по долам, по горам
По воле случая носимый,
Стремлюсь, куда велит мне рок,
Куда на свете все стремится,
Куда и лист лавровый мчится
И легкий розовый листок».

70. Любовь

На воле природы,
На луге душистом,
В цветущей долине,
И в пышном чертоге,
И в звездном блистанье
Безмолвныя ночи —
Дышу лишь тобою.
Глубокую сладость,
Глубокое пламя
В меня ты вливаешь;
В весне животворной,
В цветах благовонных
Меня ты объемлешь
Спокойствием неба,
Святая любовь!

71. Песня («Кольцо души-девицы...»)[86]

Кольцо души-девицы
Я в море уронил;
С моим кольцом я счастье
Земное погубил.

Мне, дав его, сказала:
«Носи, не забывай!
Пока твое колечко,
Меня своей считай!»

Не в добрый час я невод
Стал в море полоскать;
Кольцо юркнуло в воду;
Искал... но где сыскать!..

С тех пор мы как чужие,
Приду к ней — не глядит!
С тех пор мое веселье
На дне морском лежит!

О ветер полуночный,
Проснися! Будь мне друг!
Схвати со дна колечко
И выкати на луг.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня в слезах!
И что-то, как бывало,
Зажглось у ней в глазах!

Ко мне подсела с лаской,
Мне руку подала,
И что-то ей хотелось,
Сказать, но не могла!

На что твоя мне ласка,
На что мне твой привет?
Любви, любви хочу я...
Любви-то нет и нет!

Ищи, кто хочет, в море
Богатых янтарей...
А мне мое колечко
С надеждою моей.

72. <Из баллады «Светлана»> («Раз в крещенский вечерок...»)[87]

Раз в крещенский вечерок
 Девушки гадали:
За ворота башмачок,
 Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
 Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
 Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
 Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
 Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
 В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
 Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
 Вымолви словечко;
Слушай песни круговой,
 Вынь себе колечко.
Пой, красавица: „Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
 Скуй кольцо златое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
 При святом налое“».

— «Как могу, подружки, петь?
 Милый друг далеко;
Мне судьбина умереть
 В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет,
 Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
 Им лишь сердце дышит..
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
 Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
 Ангел-утешитель».

73. Ночной смотр [\[88\]](#)[\[89\]](#)

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик;
И ходит он взад и вперед,
И бьет он проворно тревогу.
И в темных гробах барабан
Могучую будит пехоту:
Встают молодцы егеря,
Встают старики гренадеры,
Встают из-под русских снегов,
С роскошных полей италийских,
Встают с африканских степей,
С горячих песков Палестины.

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы;
И скачет он взад и вперед,
И громко трубит он тревогу.
И в темных могилах труба
Могучую конницу будит:
Седые гусары встают,
Встают усачи кирасиры;
И с севера, с юга летят,
С востока и с запада мчатся
На легких воздушных конях
Один за другим эскадроны.

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает полководец;
На нем сверх мундира сюртук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом
Он медленно едет по фрунту;
И маршалы едут за ним,
И едут за ним адъютанты;
И армия честь отдает.
Становится он перед нею,
И с музыкой мимо его
Проходят полки за полками.

И всех генералов своих
Потом он в кружок собирает,
И ближнему на ухо сам
Он шепчет пароль свой и лозунг;
И армии всей отдают
Они тот пароль и тот лозунг:
И *Франция* — тот их пароль,
Тот лозунг — *Святая Елена*.

Так к старым солдатам своим

На смотр генеральный из гроба
В двенадцать часов по ночам
Встает император усопший.

ДЕНИС ДАВЫДОВ

(1784–1839)

74. Вольный перевод из Парни [\[90\]](#)

Сижу на берегу потока,
Бор дремлет в сумраке; всё спит вокруг, а я
Сижу на берегу — и мыслию далеко,
Там, там... где жизнь моя!..
И меч в руке моей мутит струи потока.

Сижу на берегу потока,
Снедаем ревностью, задумчив, молчалив...
Не торжествуй еще, о ты, любимец рока!
Ты счастлив — но я жив...
И меч в руке моей мутит струи потока.

Сижу на берегу потока...
Вздохнешь ли ты о нем, о друг, неверный друг...
И точно ль он любим? — ах, эта мысль жестока!..
Кипит отмщеньем дух,
И меч в руке моей мутит струи потока.

75. И моя звездочка [\[91\]](#)

Море воеет, море стонет,
И во мраке, одиноко,
Поглощен волною, тонет
Мой заносчивый челнок.

Но, счастливцев, пред собою
Вижу звездочку мою —
И покоен я душою,
И беспечно я пою:

«Молодая, золотая
Предвещательница дня!
При тебе беда земная
Недоступна до меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сияние свое —
И сокроется с тобою
Провидение мое!»

76. Романс («Не пробуждай, не пробуждай...»)[92]

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений,
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мне имя той,
Которой память — мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной.

Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти,
Дай отдохнуть тревогам страсти
И ран живых не раздражай.

Иль нет! Сорви покров долой!..
Мне легче горя своеволие,
Чем ложное холоднодровье,
Чем мой обманчивый покой.

КОНСТАНТИН БАТЮШКОВ

(1787–1855)

77. Ложный страх [\[93\]](#)

Подражание Парни

Помнишь ли, мой друг бесценный!
Как с амурами тишком,
Мраком ночи окруженный,
Я к тебе прокрался в дом?
Помнишь ли, о друг мой нежной!
Как дрожащая рука
От победы неизбежной
Защищалась — но слегка?
Слышен шум! ты испугалась!
Свет блеснул и вмиг погас;
Ты к груди моей прижалась,
Чуть дыша... блаженный час!
Ты пугалась; я смеялся.
«Нам ли ведать, Хлоя, страх!
Гименей за всё ручался,
И амуры на часах.
Всё в безмолвии глубоком.
Всё почило сладким сном!
Дремлет Аргус томным оком
Под Морфеевым крылом!»
Рано утренние розы
Запылали в небесах...
Но любви бесценны слезы,
Но улыбка на устах,
Томно персей волнованье
Под прозрачным полотном,
Молча новое свиданье
Обещали вечерком.
Если б Зевсова десница
Мне вручила ночь и день,
Поздно б юная денница
Прогоняла черну тень!
Поздно б солнце выходило
На восточное крыльцо;
Чуть блеснуло б — и сокрыло
За лес рдяное лицо;
Долго б тени пролежали
Влажной ночи на полях;
Долго б смертные вкушали
Сладострастие в мечтах.

Дружбе дам я час единой,
Вакху час и сну другой.
Остальною ж половиной
Поделюсь, мой друг, с тобой!

78. Любовь в челноке

Месяц плавал над рекою,
Всё спокойно! Ветерок
Вдруг повеял, и волною
Принесло ко мне челнок.

Мальчик в нем сидел прекрасный,
Тяжким правил он веслом.
«Ах, малютка мой несчастный!
Ты потонешь с челноком!»

«Добрый путник, дай помóгу;
Я не справлю, сидя в нем.
На — весло! и понемногу
Мы к ночлегу доплывем».

Жалко мне малютки стало;
Сел в челнок — и за весло!
Парус ветром надувало,
Нас стрелою понесло.

И вдоль берега помчались,
По теченью быстрых вод;
А на берег собирались
Стаей нимфы в хоровод.

Резвые смеялись, пели
И цветы кидали в нас;
Мы неслись, стрелой летели...
О беда! О страшный час!..

Я заслушался, забылся,
Ветер с моря заревел;
Мой челнок о мель разбился,
А малютка... улетел!

Кое-как на голый камень
Вышел, с горем пополам;
Я обмок — а в сердце пламень:
Из беды опять к бедам!

Всюду нимф ищу прекрасных,
Всюду в горести брожу,
Лишь в мечтаньях сладострастных
Тени милых нахожу.

Добрый путник! в час погоды
Не садися ты в челнок!
Знать, сии опасны воды;

Знать, малютка... страшный бог!

79. Источник [\[94\]](#)

Буря умолкла, и в ясной лазури
Солнце явилось на западе нам;
Мутный источник, след яростной бури,
С ревом и с шумом бежит по полям!
Зафна! Приблизься: для девы невинной
Пальмы под тенью здесь роза цветет;
Падая с камня, источник пустынный
С ревом и с пеной сквозь дебри течет!

Дебри ты, Зафна, собой озарила!
Сладко с тобою в пустынных краях!
Песни любви ты мне повторила;
Ветер унес их на тихих крылах!
Голос твой, Зафна, как утра дыханье,
Сладостно шепчет, несясь по цветам.
Тише, источник! Прерви волнованье,
С ревом и с пеной стремясь по полям!

Голос твой, Зафна, в душе отозвался;
Вижу улыбку и радость в очах!..
Дева любви! — я к тебе прикасался,
С медом пил розы на влажных устах!
Зафна краснеет?.. О друг мой невинный,
Тихо прижмись устами к устам!..
Будь же ты скромн, источник пустынный,
С ревом и с шумом стремясь по полям!

Чувствую персей твоих волнованье,
Сердца биенье и слезы в очах;
Сладостно девы стыдливой роптанье!
Зафна, о Зафна!.. Смотри... там, в водах,
Быстро несется цветок розмаринный;
Воды умчались — цветочка уж нет!
Время быстрее, чем ток сей пустынный,
С ревом который сквозь дебри течет!

Время погубит и прелесть и младость!..
Ты улыбнулась, о дева любви!
Чувствуешь в сердце томленье и сладость,
Сильны восторги и пламень в крови!..
Зафна, о Зафна! — там голубь невинный
С страстной подругой завидуют нам...
Вздохи любви — источник пустынный
С ревом и с шумом умчит по полям!

80. Радость [\[95\]](#)

Любимца Кипридина
И миртом и розою
Венчайте, о юноши
И девы стыдливые!
Толпами собирайтесь,
Руками сплетайтесь
И, радостно топая,
Скачите и прыгайте!
Мне лиру тиискую [\[96\]](#)
Камены и грации
Вручили с улыбкою:
И песни веселию,
Приятнее нектара
И слаще амвросии,
Что пьют небожители,
В блаженстве беспечные,
Польются со струн ее!
Сегодня — день радости:
Филлида суровая
Сквозь слезы стыдливости
«Люблю!» мне промолвила.
Как роза, кропимая
В час утра Авророю,
С главой, отягченной
Бесцельными каплями,
Румяней становится, —
Так ты, о прекрасная!
С главою поникшею,
Сквозь слезы стыдливости,
Краснея, промолвила
«Люблю!» тихим шепотом.
Всё мне улыбнулося;
Тоска и мучения
И страхи и горести
Исчезли — как не было!
Киприда, влекомая
По воздуху синему
Меж бисерных облаков
Цитерскими птицами
К Цитере иль Пафосу,
Цветами осыпала
Меня и красавицу.
Всё мне улыбнулося! —
И солнце весеннее,
И рощи кудрявые,
И воды прозрачные,
И холмы парнасские!
Любимца Кипридина,
В любви победителя,

И миртом и розою
Венчайте, о юноши
И девы стыдливые!

81. Разлука [\[97\]](#)

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял;
Надолго с милой разлучаясь,
Вздыхая, он сказал:

«Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
Клянусь честью и усами
Любви не изменить!

Любви непобедима сила!
Она — мой верный щит в войне;
Булат в руке, а в сердце Лила, —
Чего страшиться мне?

Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
А если изменю... усами
Клянусь, наказан быть!

Тогда, мой верный конь, споткнися,
Летя во вражий стан стрелой;
Уздечка бранная порвися,
И стремя под ногой!

Пускай булат в руке с размаха
Изломится, как прут гнилой,
И я, бледнея весь от страха,
Явлюсь перед тобой!»

Но верный конь не спотыкался
Под нашим всадником лихим;
Булат в боях не изломался,
И честь гусара с ним!

А он забыл любовь и слезы
Своей пастушки дорогой,
И рвал в чужбине счастья розы
С красавицей другой.

Но что же сделала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицам — игрушка,
А клятвы их — слова!

Всё здесь, друзья, изменой дышит,
Теперь нет верности нигде!
Амур, смеясь, все клятвы пишет

Стрелю на воде.

82. Мой гений [\[98\]](#)

О память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны золотые
Небрежно вьющихся волос.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.
Хранитель-гений мой — любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? прикиннет к изголовью
И усладит печальный сон.

83. «Есть наслаждение и в дикости лесов...» [\[99\]](#)

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском берегу,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов
И как молчать об них, не знаю...

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

(1799–1837)

84. Певец [\[100\]](#)

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой

Слыхали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме леснок
Певца любви, певца своей печали?
Следы ли слез, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской,

Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихий глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз,

Вздохнули ль вы?

85. Пробуждение [\[101\]](#)

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Исчезнул он,
Веселый сон,
И одинокой
Во тьме глубокой
Я пробужден.
Кругом постели
Немая ночь.
Вмиг охладели,
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловит сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Внемли моленья:
Пошли мне вновь
Свои виденья,
И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный.

86. <Из поэмы «Кавказский пленник»>[\[102\]](#)

Черкесская песня

В реке бежит гремучий вал;
В горах безмолвие ночное;
Казак усталый задремал,
Склонясь на копие стальное.
Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.

Казак плывет на челноке,
Влача по дну речному сети.
Казак, утонешь ты в реке,
Как тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой:
Чеченец ходит за рекой.

На берегу заветных вод
Цветут богатые станицы;
Веселый пляшет хоровод.
Бегите, русские певицы,
Спешите, красные, домой:
Чеченец ходит за рекой.

87. Ночь [\[103\]](#)

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя...

88. «Ночной зефир...» [\[104\]](#)

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквир.

Вот взошла луна золотая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркий день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквир.

89. Зимний вечер [\[105\]](#)

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалою
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжанье
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя: где же кружка?
Сердцу будет веселей.

90. К *** («Я помню чудное мгновенье...»)[106]

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

91. Сожженное письмо [\[107\]](#)

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела.
Как долго медлил я! как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал: гори, письмо любви.
Готов я: ничему душа моя не внемлет...
Уж пламя жадное листы твои приемлет.
Минуту!.. вспыхнули... пылают... легкий дым,
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата впечатлень,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел мильи,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...

92. Вакхическая песня [\[108\]](#)

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

93. «В крови горит огонь желанья...» [\[109\]](#)

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень.

94. Признание [\[110\]](#)

К Александре Ивановне Осиповой

Я вас люблю — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный.
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь — мне отрада;
Вы отвернетесь — мне тоска;
За день мучения — награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —
Я в умиление, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, в ненастье,
Вы собираетесь вдаль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествие в Опочку,
И фортепьяно вечерком?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви:
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

95. Зимняя дорога [\[111\]](#)

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одне.

Скучно, грустно... завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

96. Талисман [\[112\]](#)

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя —
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»

97. «Не пой, красавица, при мне...» [\[113\]](#)

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь — и при луне
Черты далекой, бедной девы!..

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

98. «На холмах Грузии лежит ночная мгла...»[\[114\]](#)

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла.
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

99. Прощанье [\[115\]](#)

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь вспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя все, меняя нас.
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдохевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

100. «Я здесь, Инезилья...» [\[116\]](#)

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном.

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу.
Проснется ли старый,
Мечом уложу.

Шелковые петли
К окошку привесь...
Что медлишь?.. Уж нет ли
Соперника здесь?..

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

101. «Для берегов отчизны дальней...»[\[117\]](#)

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленье страшное разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуи свиданья...
Но жду его; он за тобой..

102. <Сцены из рыцарских времен> («Воротился ночью мельник...»)[118]

Воротился ночью мельник...
— Женка! что за сапоги?
— Ах ты, пьяница, бездельник!
Где ты видишь сапоги?
Иль мутит тебя лукавый?
Это ведра. — Ведра? право? —
Вот уж сорок лет живу,
Ни во сне, ни наяву
Не видал до этих пор
Я на ведрах медных шпор.

103. Казак [\[119\]](#)

Раз, полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.

Черна шапка набекрени,
Весь жупан в пыли.
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две-три избушки,
Выломан забор;
Здесь — дорога к деревушке,
Там — в дремучий бор.

«Не найду в лесу девицы, —
Думал хват Денис:
Уж красавицы в светлицы
На ночь убрались».

Шевельнул донец уздою,
Шпорой прикольнул,
И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

В облаках луна сребрила
Дальни небеса;
Под окном сидит уныла
Девица-краса.

Храбрый видит красну деву;
Сердце бьется в нем,
Конь тихонько к леву, к леву —
Вот уж под окном.

«Ночь становится темнее,
Скрылася луна.
Выдь, коханочка, скорее,
Напои коня».

«Нет! к мужчине молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мне из дому,

Коню дать воды».

«Ах! небось, девица красна,
С милым подружись!»
— «Ночь красавицам опасна».
— «Радость! не страшись!

Верь, коханочка, пустое;
Ложный страх отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

Сядь на борзого, с тобою
В дальний еду край;
Будешь счастлива со мною:
С другом всюду рай».

Что же девица? Склонилась,
Победила страх,
Робко ехать согласилась.
Счастлив стал казак.

Поскакали, полетели,
Дружку друг любил;
Был ей верен две недели,
В третью изменил.

104. Романс («Под вечер, осенью ненастной...»)[120]

Под вечер, осенью ненастной,
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Всё было тихо — лес и горы,
Всё спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

И на невинном сем творенье,
Вздыхнув, остановила их...
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моих,
Откроешь очи и тоскуя
Ко груди не прильнешь моей.
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей.

Ее манить напрасно будешь!..
Стыд вечный мне вина моя, —
Меня навеки ты забудешь;
Тебя не позабуду я;
Дадут покров тебе чужие
И скажут: „Ты для нас чужой!“ —
Ты спросишь: „Где ж мои родные?“
И не найдешь семьи родной.

Мой ангел будет грустной думой
Томиться меж других детей!
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокий,
Предел неправедный кляня,
Услышит он упрек жестокий...
Прости, прости тогда меня.

Быть может, сирота унылый,
Узнаешь, обоймешь отца,
Увы! где он, предатель милый,
Мой незабвенный до конца?
Утешь тогда страдальца муки,
Скажи: „Ее на свете нет —
Лаура не снесла разлуки
И бросила пустынный свет“.

Но что сказала я?.. быть может,

Виновную ты встретишь мать,
Твой скорбный взор меня встревожит!
Возможно ль сына не узнать?
Ах, если б рок неумолимый
Моею тронулся мольбой...
Но, может быть, пройдешь ты мимо —
Навек рассталась я с тобой.

Ты спишь — позволь себя, несчастный,
К груди прижать в последний раз.
Закон несправедливый, ужасный
К страданью присуждает нас.
Пока лета не отогнали
Беспечной радости твоей, —
Спи, милый! горькие печали
Не тронут детства тихих дней!»

Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна...
С волненьем сына ухватила
И к ней приблизилась она;
Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила
И скрылась в темноте ночной.

105. Черная шаль [\[121\]](#)

Молдавская песня

Гляжу как безумный на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил.

Прелестная дева ласкала меня;
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей.

«С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя».

Я дал ему злата и проклял его
И верного позвал раба моего.

Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...

В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.

Не взвидел я света; булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал,
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моленья... текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь!

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу как безумный на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

106. «Ворон к ворону летит...»[\[122\]](#)

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?»

Ворон ворону в ответ:
«Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая».

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милòго
Не убитого, живого.

107. <Из поэмы «Цыганы»> («Старый муж, грозный муж...»)[123]

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

Режь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый муж, грозный муж,
Не узнаешь его.

Он свежее весны,
Жарче летнего дня;
Как он молод и смел!
Как он любит меня!

Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда
Мы твоей седине!

АНТОН ДЕЛЬВИГ

(1798–1831)

108. Первая встреча [\[124\]](#)

Мне минуло шестнадцать лет,
Но сердце было в воле;
Я думала: весь белый свет —
Наш бор, поток и поле.

К нам юноша пришел в село:
Кто он? отколь? не знаю —
Но всё меня к нему влекло,
Все мне твердило: знаю!

Его кудрявые волосы
Вкруг шеи обвивались,
Как мак сияет от росы,
Сияли, рассыпались.

И взоры пламенны его
Мне что-то изъясняли;
Мы не сказали ничего,
Но уж друг друга знали.

Куда пойду — и он за мной.
На долгую ль разлуку?
Не знаю! только он с тоской
Безмолвно жал мне руку.

«Что хочешь ты? — спросила я, —
Скажи, пастух унылый».
И с жаром обнял он меня
И тихо назвал милой.

И мне б тогда его обнять!
Но рук не поднимала,
На перси потупила взгляд,
Краснела, трепетала.

Ни слова не сказала я;
За что ж ему сердиться?
Зачем покинул он меня?
И скоро ль возвратится?

109. К Лилете [\[125\]](#)

Лилета, пусть ветер свистит и кверху метелица вьется;
Внимая боренью стихий, и в бурю мы счастливы будем,
И в бурю мы можем любить! ты знаешь, во мрачном Хаосе
Родился прекрасный Эрот.

В ужасном волнении морей, когда громы сражались с громами
И тьма устремлялась во тьму и белая пена кипела, —
Явилась богиня любви, в коральной плывя колеснице.
И волны пред ней улеглись.

И мы, под защитой богов, потопим в веселии время.
Бушуйте, о чада зимы, осыпайтесь, желтые листья!
Но мы еще только цветом, но мы еще жить начинаем
В объятиях нежной любви,

И радостно сбросим с себя мы юности красную одежду,
И старости тихой дадим дрожащую руку с клюкою,
И скажем: о старость, веди наслаждаться любовью в том мире,
Уж мы насладились здесь.

110. Элегия («Когда, душа, просилась ты...»)[[126](#)]

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить,
Когда желанья и мечты
К тебе теснились жить,
Когда еще я не пил слез
Из чаши бытия, —
Зачем тогда, в венке из роз,
К теням не отбыл я!

Зачем вы начертались так
На памяти моей,
Единый молодости знак,
Вы, песни прошлых дней!

Я горько доли и леса
И милый взгляд забыл, —
Зачем же ваши голоса
Мне слух мой сохранил!
Не возвратите счастья мне,
Хоть дышит в вас оно!
С ним в промелькнувшей старине
Простился я давно.

Не нарушайте ж, я молю,
Вы сна души моей
И слова страшного: люблю
Не повторяйте ей!

111. Романс («Одинок месяц плыл, зыбляся в тумане...»)[127]

Одинок месяц плыл, зыбляся в тумане,
Одинок воздыхал витязь на кургане.

Свежих трав не щипал конь его унылый,
«Конь мой, конь, верный конь, понесемся к милой!

Не к доору грудь моя тяжко воздыхает,
Не к добру сердце мне что-то предвещает;

Не к добру без еды ты стоишь унылый!
Конь мой, конь, верный конь, понесемся к милой!»

Конь вздрогнул, и сильней витязь возмутился,
В милый край, в страшный край как стрела пустился.

Ночь прошла, все светло: виден храм с дуоровой,
Конь заржал, конь взвился над могилой новой.

112. Романс («*Прекрасный день, счастливый день...*»)[128]

Прекрасный день, счастливый день:
И солнце, и любовь!
С нагих полей сбежала тень —
Светлеет сердце вновь.
Проснитесь, рощи и поля;
Пусть жизнью всё кипит:
Она моя, она моя! —
Мне сердце говорит.

Что вьешься, ласточка, к окну,
Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
И с ней любовь зовешь?
Но не ко мне — и без тебя
В певце любовь горит:
Она моя, она моя! —
Мне сердце говорит.

113. Романс («Не говори: любовь пройдет...»)[129]

Не говори: любовь пройдет,
О том забыть твой друг желает;
В ее он вечность уповает,
Ей в жертву счастье отдает.

Зачем гасить душе моей
Едва блеснувшие желанья?
Хоть миг позволь мне без роптанья
Предаться нежности твоей.

За что страдать? Что мне в любви
Досталось от небес жестоких
Без горьких слез, без ран глубоких,
Без утомительной тоски?

Любви дни краткие даны,
Но мне не зреть ее остылой;
Я с ней умру, как звук унылый
Внезапно порванной струны.

114. Романс («Только узнал я тебя...»)[\[130\]](#)

Только узнал я тебя —
И трепетом сладким впервые
Сердце забилось во мне.

Сжала ты руку мою —
И жизнь, и все радости жизни
В жертву тебе я принес.

Ты мне сказала «люблю» —
И чистая радость слетела
В мрачную душу мою.

Молча гляжу на тебя, —
Нет слова все муки, все счастье
Выразить страсти моей.

Каждую светлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зарождаешь в душе.

115. Разочарование [\[131\]](#)

Протекших дней очарованья,
Мне вас душе не возвратить!
В любви узнав одни страданья,
Она утратила желанья
И вновь не просится любить.

К ней сны молодые не забродят,
Опять с надеждой не мирят,
В странах волшебных с ней не ходят,
Веселых песен не заводят
И сладких слов не говорят.

Ее один удел печальный:
Года бесчувственно проведешь
И в край, для горестных не дальной,
Под глас молитвы погребальной,
Одни молитвы перенести.

116. Песня («Наяву и в сладком сне...»)[132]

Наяву и в сладком сне
Все мечтаетесь вы мне:
Кудри, кудри шелковые,
Юных персей красота,
Прелесть — очи и уста,
И лобзания живые.

И я в раннюю зарю
Темным кудрям говорю:
Кудри, кудри, что вы вьетесь?
Мне уж вами не играть,
Мне уж вас не целовать,
Вы другому достаетесь.

И я утром золотым
Молвлю персям молодым:
Пух лебяжий, негой страстной
Не дыши по старине —
Уж не быть счастливым мне
На груди моей прекрасной.

Я твержу по вечерам
Светлым взорам и устам:
Замолчите, замолчите!
С лютой долей я знаком,
О веселом, о былом
Вы с душой не говорите!

Ночью, сплю ли я, не сплю, —
Все устами вас ловлю,
Сердцу сладкие лобзанья!
Сердце бьется, сердце ждет, —
Но уж милая нейдет
В час условленный свиданья.

117. Романс («Друзья, друзья! я Нестор между вами...»)

Друзья, друзья! я Нестор между вами,
По опыту веселый человек;
Я пью давно; пил с вашими отцами
В златые дни, в Екатеринин век.

И в нас душа кипела в ваши леты,
Как вы. за честь мы проливали кровь,
Вино, войну нам славили поэты,
Нам сладко пел Мелецкий [\[133\]](#) про любовь!

Не кончен пир — а гости разошлись,
Допировать один остался я.
И что ж? ко мне вы, други, собрались,
Весельчаков бывалых сыновья!

Гляжу на вас: их лица с их улыбкой,
И тот же спор про жизнь и про вино;
И мнится мне, я полагал ошибкой,
Что и любовь забыта мной давно.

118. Эпитафия [\[134\]](#)

Жизнью земною играла она, как младенец игрушкой.
Скоро разбила ее: верно утешилась там.

119. На смерть В...ва [\[135\]](#)

Дева Роза

Юноша милый! на миг ты в наши игры вмешался!
Розе подобный красой, как Филомела ты пел.
Сколько любовь потеряла в тебе поцелуев и песен,
Сколько желаний и ласк новых, прекрасных, как ты.

Дева, не плачь! Я на прахе его в красоте расцветаю.
Сладость он жизни вкусив, горечь оставил другим;
Ах! и любовь бы изменою душу певца отравила!
Счастлив, кто прожил, как он, век соловьиный и мой!

120. Русская песня («Ах ты, ночь ли...»)[136]

Ах ты, ночь ли,
Ноченька!
Ах ты, ночь ли
Бурная!
Отчего ты
С вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звездами,
Не сияешь
Месяцем?
Все темнеешь
Тучами?
И с тобой, знать,
Ноченька,
Как со мною
Молодцем,
Грусть-злодейка
Сведалась!
Как заляжет
Лютая,
Там глубоко
На сердце —
Позабудешь
Девичам
Усмехаться,
Кланяться;
Позабудешь
С вечера
До глубокой
Полночи,
Припевая,
Тешиться
Хороводной
Пляскою!
Нет, взрыдаешь,
Всплачешься,
И, безродный
Молодец,
На постелю
Жесткую,
Как в могилу,
Кинешься!

121. Русская песня («Что, красотка молодая...»)[137]

Что, красотка молодая,
Что ты, светик, плачешь?
Что головушку, вздыхая,
К белой ручке клонишь?
Или словом, или взором
Я тебя обидел?
Иль нескромным разговором
Ввел при людях в краску?

Нет, лежит тоска иная
У тебя на сердце!
Нет, кручинушку другую
Ты вложила в мысли!
Ты не хочешь, не желаешь
Молодцу открыться,
Ты боишься милу другу
Заповедать тайну!

Не слышали ль злые люди
Наших разговоров?
Не спросили ль злые люди
У отца родного;
Не спросили ль сопостаты
У твоей родимой:
«Чей у ней на ручке перстень,
Чья в повязке лента?
Лента, ленточка цветная,
С золотой каймою,
Перстень с чернью расписною,
С чистым изумрудом?»

Не томи, открой причину
Слез твоих горючих!
Перелей в мое ты сердце
Всю тоску-кручину,
Перелей тоску-кручину
Сладким поцелуем:
Мы вдвоем тоску-кручину
Легче растоскуем.

122. Русская песня («Голова ль моя, головушка...»)

Голова ль моя, головушка,
Голова ли молодецкая,
Что болишь ты, что ты клонишься
Ко груди, к плечу могучему?
Ты не то была, удалая,
В прежни годы, в дни разгульные,
В русых кудрях, в красоте твоей,
В той ли шапке, шапке бархатной,
Соболями отороченной.

Днем ли в те поры я выеду,
В очи солнце — ты не хмуришься;
В темном лесе в ночь ненастную
Ты найдешь тропу заглохшую;
Красна ль девица приглянется —
И без слов ей все повыскажешь;
Повстречаются ль недобрые —
Только взглянут и успокаются.
Что ж теперь ты думу думаешь,
Думу крепкую, тяжелую?
Иль ты с сердцем перемолвилась,
Иль одно вы с ним задумали,
Иль прилука молодецкая
Ни из сердца, ни с ума нейдет?
Уж не вырваться из клеточки
Певчей птичке конопляночке,
Знать и вам не видеть более
Прежней воли с прежней радостью.

123. Русская песня («Скучно, девушки, весною жить одной ...»)[138]

Скучно, девушки, весною жить одной:
Не с кем сладко побеседовать молодой

Сиротинушка, на всей земле одна,
Пригорюнясь ли присядешь у окна —

Под окошком все так весело глядит,
И мне душу то веселие томит,

*(То веселье — не веселье, а любовь,
От любви той замирает в сердце кровь.*

*И я выйду во широкие поля —
С них ли негой так и веет на тебя;*

*Свежий запах каждой травки полевой
Вреден девице весеннею порой,*

*Хочешь с кем-то этим запахом дышать,
И другим устам его передавать;*

*Белой груди чем-то сладким тяжело,
Голубым очам при солнце не светло.*

*Больно, больно безнадежной тосковать!
И я кинусь на тесовую кровать,*

*К изголовью правой щечкою прижмусь
И горячими слезами обольюсь.*

*Как при солнце летом дождик пошумит,
Травку вспрыснет, но её не освежит,*

*Так и слезы не свежат меня, молодой;
Скучно, девушки, весною жить одной!*

124. Русская песня («Пела, пела пташечка...»)[[139](#)]

Пела, пела пташечка
И затихла;
Знало сердце радости
И забыло.

Что, певунья пташечка,
Замолчала?
Как ты, сердце, сведалось
С черным горем?

Ах! Убили пташечку
Злые вьюги;
Погубили молодца
Злые толки!

Полететь бы пташечке
К синю морю;
Убежать бы молодцу
В лес дремучий!

На море валы шумят,
А не вьюги;
В лесе звери лютые,
Да не люди!

125. Русская песня («Соловей мой, соловей...»)[140]

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночку пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаячи очей,
Утопаячи в слезах?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;
Побывай во всех странах,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.
У меня ли у молодой
Дорог жемчуг на груди,
У меня ли у молодой
Жар-колечко на руке,
У меня ли у молодой
В сердце миленький дружок.
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,
В зимнюю ночку на руке
Распаялося кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милой.

126. Русская песня («Сиротинушка, девушка...»)[141]

Сиротинушка, девушка,
Полюби меня, молодца,
Полюбя — приголубливай.
Мои кудри расчесывай.
Хорошо цветку на поле,
Любо пташечке на́ небе, —
Сиротинушке девушке
Веселей того с молодцем.
У меня в дому волюшка,
От беды оборонушка,
Что от дождичка кровелька,
От жары дневной ставенки,
От лихой же разлучницы,
От лукавой указчицы
На воротах замок висит,
В подворотенку пес глядит.

127. Русская песня («И я выйду ль на крылечко...»)[142]

И я выйду ль на крылечко,
На крылечко погулять,
И я стану ль у колечка
О любезном горевать;
Как у этого ль колечка
Он впоследствии стоял
И печальное словечко
Мне, прощаючись, сказал:

«За турецкой за границей[143],
В басурманской стороне
По тебе лишь по девице
Слезы лить досталось мне...»

..

128. Русская песня («Как за реченькой слободушка стоит...»)[144]

Как за реченькой слободушка стоит,
По слободке той дороженька бежит,
Путь-дорожка широка, да не длинна,
Разбегается в две стороны она:
Как налево — на кладбище к мертвецам,
А направо — к закавказским молодцам.
Грустно было провожать мне, молодой,
Двух родимых и по той, и по другой:
Обручальника по левой проводя,
С плачем матерью-землей покрыла я;
А налетный друг уехал по другой,
На прощанье мне кивнувши головой.

129. Русская песня («Как у нас ли на кровельке...»)[145]

Как у нас ли на кровельке,
Как у нас ли на крашеной,
Собиралися пташечки,
Мелки пташечки, ласточки,
Щебетали, чиликали,
Несобравшихся кликали:
«Вы слетайтесь, не медлите,
В путь-дороженьку пустимся!
Красны дни миновалися,
Вдоволь мы наигралися,
Здесь не ждате же вам гибели
От мороза трескучего!»

Государь ты мой батюшка,
Государыня матушка!
Меня суженый сватает,
Меня ряженый сватает;
Поспешите, не мешкайте,
Меня поезду выдайте,
С хлебом-солию, с образом,
С красотой проходящею!
Мне не век вековать у вас,
Не сидеть же всё девицей
Без любви и без радости
До ворчуньи ль до старости.

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

(1792–1878)

130. Слеза [\[146\]](#)

Когда печали неотступной
В тебе подыметя гроза
И нехотя слезою крупной
Твои увлажятся глаза,

Я и в то время с наслажденьем
Еще внимательней, нежней
Любуюсь милым выраженьем
Пригожей горести твоей.

С лазурью голубого ока
Играет зыбкий блеск слезы,
И мне сдается: перл Востока
Скатился с светлой бирюзы.

131. Песня («Собирайтесь, девки красны...»)

Собирайтесь, девки красны,
Собирайтесь в хоровод,
Скоро день погаснет ясный,
Солнце яркое зайдет.

Ненадолго ландыш белый
Расцветает по лесам,
Лето луг ковром одело
Ненадолго в радость нам.

В свежих рощах на свободе
Пташке не всегда порхать.
Не всегда нам в хороводе
Петь, резвиться и плясать.

Завтра, может быть, на пташку
Хитрый сыщется ловец:
Муж сердитый на девицу —
И тогда всему конец.

132. Еще тройка («Тройка мчится, тройка скачет...»)[147]

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт;
Колокольчик звонко плачет,
И хохочет, и визжит.

По дороге голосисто
Раздается яркий звон;
То вдали отбрякнет чисто,
То застонет глухо он.

Словно леший ведьме вторит
И аukaется с ней,
Иль русалка тараторит
В роще звучных камышей.

Русской степи, ночи темной
Поэтическая весть!
Много в ней и думы томной
И раздолья много есть.

Прянул месяц из-за тучи,
Обогнул свое кольцо
И посыпал блеск зыбучий
Прямо путнику в лицо.

Кто сей путник и отколе,
И далек ли путь ему?
По неволе иль по воле
Мчится он в ночную тьму?

На веселье иль кручину,
К ближним ли под кров родной
Или в грустную чужбину
Он спешит, голубчик мой?

Сердце в нем ретиво рвется
В путь обратный или вдаль?
Встречи ль ждет он не дождется,
Иль покинутого жаль?

Ждет ли перстень обручальный.
Ждут ли путника пиры,
Или факел погребальный
Над могилою сестры?

Как узнать? Уж он далеко;

Месяц в облако нырнул,
И в пустой дали глубоко
Колокольчик уж заснул.

НИКОЛАЙ ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ

(1795–1849)

133. «Тебя забыть! — и ты сказала...» [\[148\]](#)

Тебя забыть! — и ты сказала,
Что сердце может разлюбить.
Ты ль сердца моего не знала?
Тебя забыть?

Тебя забыть! — но кто же будет
Мне в жизни радости дарить?
Нет, прежде бог меня забудет...
Тебя ль забыть?

Тебя забыть, и, свет могилой
Назвав, как бремя жизнь влачить,
Могу ль, могу ль, о друг мой милый!
Тебя забыть?

Тебя забыть, искать свободы,
Но цепи я рожден носить,
И мне ль, восстав против природы,
Тебя забыть?

Тебя забыть, пленясь другою,
И для другой хоть миг прожить:
Тому ль, кто дышит лишь тобою,
Тебя забыть?

Тебя забыть! Нет, адска злоба
Одна могла ту мысль внушить.
Могу ль и за порогом гроба
Тебя забыть?

134. «Ты грустишь, твой взор тоскливый...»

Ты грустишь, твой взор тоскливый
Тихой светится слезой,
Ищешь в думе молчаливой
Сердцу прежний дать покой.

Сердце в горе и не знает,
Что есть смертный, может быть.
Кто всё горе примечает,
Но не смеет разделить.

Если б взор сей хоть случайно
Обратился на него,
Ты б узнала, что он тайно
Грустен больше твоего.

Ты б узнала, что страдает
Скромный друг, и к небесам:
«Дайте с ней делить, — взывает, —
Грусть и радость пополам».

ЕВГЕНИЙ БАРАТЫНСКИЙ

(1800–1844)

135. К Алине

Тебя я некогда любил,
И ты любить не запрещала;
Но я дитя в то время был —
Ты в утро дней едва вступала.
Тогда любим я был тобой,
И в дни невинности беспечной
Алине с детской простотой
Я клятву дал уж в страсти вечной.

Тебя ль, Алина, вижу вновь?
Твой голос стал еще приятней;
Сильнее взор волнует кровь;
Улыбка, ласки сердцу внятней;
Блестящих на груди лилей
Все прелести соединились,
И чувства прежние живеи
В душе моей возобновились.

Алина! чрез двенадцать лет
Всё тот же сердцем, ныне снова
Я повторяю свой обет.
Ужель не скажешь ты полслова?
Прелестный друг! чему ни быть,
Обет сей будет свято чтимым.
Ах! я могу еще любить,
Хотя не льщусь уж быть любимым.

136. Разлука [\[149\]](#)

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я все имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

137. Разуверение [\[150\]](#)

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей;
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!

Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова,
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпление;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

138. К ...О («Приманкой ласковых речей...»)

Приманкой ласковых речей
Вам не лишить меня рассудка!
Конечно, многих вы милей,
Но вас любить — плохая шутка!

Вам не нужна любовь моя,
Не слишком заняты вы мною,
Не нежность — прихоть вашу я
Признаьем страстным успокою.

Вам дорог я, твердите вы,
Но лишний пленник вам дороже;
Вам очень мил я, но, увы!
Вам и другие милы тоже.

С толпой соперников моих
Я состязаться не дерзаю
И превосходной силе их
Без битвы поле уступаю.

139. Возвращение [\[151\]](#)

На кровы ближнего селенья
Нисходит вечер, день погас
Покинем рощу, где для нас
Часы летели как мгновенья!
Лель, улыбнись, когда из ней
Случится девице моей
Унести во взорах пламень томный,
Мечту любви в душе своей
И в волосах листок нескромный.

140. Поцелуй [\[152\]](#)

Сей поцелуй, дарованный тобой,
Преследует мое воображенье:
И в шуме дня, и в тишине ночной
Я чувствую его напечатленье!

Сойдет ли сон и взор сомкнет ли мой —
Мне снишься ты, мне снится наслажденье!
Обман исчез, нет счастья! и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

141. Две доли

Дало две доли провидение
На выбор мудрости людской:
Или надежду и волнение,
Иль безнадежность и покой.

Верь тот надежде обольщающей,
Кто бодр неопытным умом,
Лишь по молве разновещающей
С судьбой насмешливой знаком.

Надейтесь, юноши кипящие!
Летите, крылья вам даны;
Для вас и замыслы блестящие
И сердца пламенные сны!

Но вы, судьбину испытавшие,
Тщету утех, печали власть,
Вы, знание бытия приявшие
Себе на тягостную часть!

Гоните прочь их рой прельстительный;
Так! доживайте жизнь в тиши
И берегите хлад спасительный
Своей бездейственной души.

Своим бесчувствием блаженные,
Как трупы мертвых из гробов,
Волхва словами пробужденные,
Встают со скрежетом зубов, —

Так вы, согрев в душе желанья,
Безумно вдавшись в их обман,
Проснетесь только для страдания,
Для боли новой прежних ран.

142. Звезда («Взгляни на звезды: много звезд...»)

Взгляни на звезды: много звезд
В безмолвии ночном
Горит, блестит кругом луны
На небе голубом.

Взгляни на звезды: между них
Милее всех одна!
За что же? Ранее встает,
Ярчей горит она?

Нет! утешает свет ее
Расставшихся друзей:
Их взоры, в синей вышине,
Встречаются на ней.

Она на небе чуть видна,
Но с думою глядит,
Но взору шлет ответный взор
И нежностью горит.

С нее в лазоревую ночь
Не сводим мы очес,
И провожаем мы ее
На небо и с небес.

Себе звезду избрал ли ты?
В безмолвии ночном
Их много блещет и горит
На небе голубом.

Не первой вставшей сердце вверх
И, суетный в любви,
Не лучезарнейшую всех
Своею назови.

Ты назови своей звездой,
Что с думою глядит,
И взору шлет ответный взор,
И нежностью горит.

143. А. А. В<оейков>ой [\[153\]](#)

Очарованье красоты

В тебе не страшно нам:

Не будишь нас, как солнце, ты

К мятежным суетам;

От дальней жизни, как луна,

Манишь за край земной,

И при тебе душа полна

Священной тишиной.

144. Песня («Когда взойдет денница золотая...»)

Когда взойдет денница золотая,
Горит эфир,
И ото сна встает, благоухая,
Цветущий мир,
И славит все существованья сладость, —
С душой твоей
Что в пору ту? скажи, живая радость,
Тоска ли в ней?

Когда на дев цветущих и приветных,
Перед тобой
Мелькающих в одеждах разноцветных.
Глядишь порой,
Глядишь и пьешь их томных взоров сладость, —
С душой твоей
Что в пору ту? скажи, живая радость,
Тоска ли в ней?

Страдаю я! Из-за дубравы дальней
Взойдет заря,
Мир озарит, души моей печальной
Не озаря.
Будь новый день любимцу счастья в сладость!
Душе моей
Противен он! что прежде было в радость,
То в муку ей.

Что красоты, почти всегда лукавой,
Мне долгий взор?
Обманчив он! знаком с его отравой
Я с давних пор.
Обманчив он! его живая сладость
Душе моей
Страшна теперь! что прежде было в радость,
То в муку ей.

145. «Где сладкий шепот...» [\[154\]](#)

Где сладкий шепот
Моих лесов?
Потоков ропот,
Цветы лугов?
Деревья голы;
Ковер зимы
Покрыл холмы,
Луга и доли.
Под ледяной
Своей корой
Ручей немеет;
Все цепенеет,
Лишь ветер злой,
Бушует, воеет
И небо кроет
Седую мглой.

Зачем, тоскуя,
В окно слежу я
Метели лёта?
Любимцу счастья
Кров от ненастья
Оно даёт.
Огонь трескучий
В моей печи;
Его лучи
И пыл летучий
Мне веселят
Беспечный взгляд.
В тиши мечтаю
Перед живой
Его игрой,
И забываю
Я бури вой.

О провиденье,
Благодаренье!
Забуду я
И дуновенье
Бурь бытия.
Скорбя душою,
В тоске моей,
Склонюсь главою
На сердце к ней,
И под мятежной
Метелью бед,
Любовью нежной
Ее согрет,
Забуду вскоре

Крутое горе,
Как в этот миг
Забыл природы
Гробовый лик
И непогоды
Мятежный крик.

146. «Весна! весна! как воздух чист!..» [\[155\]](#)

Весна! весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.

Весна! весна! как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!

Шумят ручьи! блестят ручьи!
Взревев, река несет
На торжествующем хребте
Поднятый ею лед!

Еще древа обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моей ногой
И шумен, и душист.

Под солнце самое взвился
И в яркой вышине
Незримый жавронок поет
Заздравный гимн весне.

Что с нею, что с моей душой?)
С ручьем она ручей
И с птичкой птичка! с ним журчит,
Летает в небе с ней!

Зачем так радуется
И солнце и весна!
Ликует ли, как дочь стихий,
На пире их она?

Что нужды! счастлив, кто на нем
Забвенья мысли пьет,
Кого далеко от нее
Он, дивный, унесет!

147. Песня («*Страшно воет, завывает...*»)[156]

Страшно воет, завывает
Ветр осенний;
По поднёбесью далече
Тучи гонит.

На часах стоит печален
Юный ратник;
Он уносится за ними
Грустной думой.

О, куда, куда вас, тучи,
Ветер гонит?
О, куда ведёт судьбина
Горемыку?

Тошно жить мне: мать родную
Я покинул!
Тошно жить мне: с милой сердцу
Я расстался!

«Не грусти! — душа-девица
Мне сказала. —
За тебя молиться будет
Друг твой верный».

Что в молитвах? я в чужбине
Дни скончаю.
Возвращусь ли? взор твой друга
Не признает.

Не видать в лицо мне счастья;
Жить на что мне?
Дай приют, земля сырая,
Расступися!

Он поёт, никто не слышит
Слов печальных...
Их разносит, заглушает
Ветер бурный.

ПАВЕЛ КАТЕНИН

(1792–1853)

148. Любовь

О чем, о чем в тени ветвей
Поешь ты ночью, соловей?
Что песнь твою к подруге милой
Живит огнем и полнит силой,
Колеблет грудь, волнует кровь?
Живущих всех душа: любовь.

Не сетуй, девица-краса!
Дождешься радостей часа.
Зачем в лице завяли розы?
Зачем из глаз лиются слезы?
К веселью душу приготовь;
Его дарит тебе любовь.

Покуда дней златых весна,
Отрадой нам любовь одна.
Ловите, юноши, украдкой
Блаженный час, час неги сладкой;
Пробьет... любите вновь и вновь;
Земного счастья верх: любовь.

КОНДРАТИЙ РЫЛЕЕВ

(1795–1826)

149. Элегия («Исполнились мои желанья...»)[\[157\]](#)

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишние мечты:
Мои жестокие страданья,
Мою любовь узнала ты.

Напрасно я себя тревожил,
За страсть вполне я награжден:
Я вновь для счастья сердцем ожил
Исчезла грусть, как смутный сон.

Так, окроплен росой отрадной,
В тот час, когда горит восток,
Вновь воскресает — ночью хладной
Полузавялый василек.

150. Стансы («Не сбылись, мой друг, пророчества...»)[158]

(К А. Б<естуже>ву)

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей.

Слишком рано мрак таинственный
Опыт грозный разогнал,
Слишком рано, друг единственный,
Я сердца людей узнал.

Страшно дней не ведать радостных
Быть чужим среди своих,
Но ужасней истин тягостных
Быть сосудом с дней молодых.

С тяжелой грустью, с черной думою
Я с тех пор один брожу
И могилою угрюмою
Мир печальный нахожу.

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей...

151. Смерть Ермака [\[159\]](#)

(П. А. Муханову

[160]

)

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел.
И ветры в дебрях бушевали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком берегу Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите, — мнил герой, —
Друзья, под бурю ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомним славу он
И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны, —
Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом,
Ревела буря, дождь шумел;

Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых берегах,
Вздымались седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег козачьи челны.
С вождем покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от берега челны!
Иртыш волнуется сильнее —
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшной, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь — дар царя —
Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

ФЕДОР ГЛИНКА

(1786–1880)

152. Подоконье [\[161\]](#)

(С богемского)

Ночь придет. Знакомой мне
Обойдя дорожкой,
Запою я в тишине
Под твоим окошком:
«Спи, мой ангел! Добрый сон!
Пусть тебя лелеет он!..»

Будь он сладок, как твоя
Золотая младость!
Кто ж приснится?.. Если я —
Улыбнись, как радость!
Спи, мой ангел! Добрый сон!
Пусть тебя лелеет он!..»

153. Песнь узника [\[162\]](#)

Не слышно шуму городского,
В заневских башнях [\[163\]](#) тишина!
И на штыке у часового
Горит полночная луна!

А бедный юноша! ровесник
Младым цветущим деревьям,
В глухой тюрьме заводит песню
И отдает тоску волнам!

«Прости, отчизна, край любезный!
Прости, мой дом, моя семья!
Здесь за решеткою железной —
Уже не свой вам больше я!

Не жди меня отец с невестой,
Снимай венчальное кольцо;
Застынь мое навеки место;
Не быть мне мужем и отцом!

Сосватал я себе неволю,
Мой жребий — слезы и тоска!
Но я молчу — такую долю
Взяла сама моя рука...»

Уж ночь прошла, с рассветом в злате
Давно день новый засиял!
А бедный узник в каземате —
Все ту же песню запевал!..

154. Заваянные следы [\[164\]](#)

Над серебряной водой,
На золотом песочке
Долго девы молодой
Я берег следочки...

Вдруг завывало в вышине,
Речку всколыхало;
И следов, любезных мне,
Будто не бывало!..

Что ж душа так замерла?
Колокол раздался...
Ах, девица в храм пошла:
С ней другой венчался...

155. Призыв

О друг молодой, прекрасный друг!
Уж солнце за горами.
Певец зари мой нежит слух,
Луна над озерами;

Тебя я жду, тебя зову:
Уже густеют тени;
Присядь ко мне, склони главу
На дружние колени...

Она пришла, она была,
Душа при ней так млела!..
Но вспыхнул день — и, как стрела,
Куда-то отлетела...

Уж нет ее, и грудь пуста;
Ах, если б, если б чаще
Ко мне слетала та ж мечта,
Мне б горе было слаще!

156. Сон русского на чужбине [\[165\]](#)

*Отечества и дым
нам сладок и приятен!
Державин*

Свеча, чуть теплясь, догорала,
Камин, дымясь, погасал;
Мечта мне что-то напевала,
И сон меня околдовал...
Уснул — и вижу я долины
В наряде праздничном весны
И деревенские картины
Заветной русской стороны!..
Играет рог, звенят цевницы,
И гонят парни и девицы
Свои стада на влажный луг.
Уж веял, веял теплый дух
Весенней жизни и свободы
От долгой и крутой зимы.
И рвутся из своей тюрьмы
И хлещут с гор кипучи воды.
Пловцов брадатых на стругах
Несется с гулом отклик долгий;
И широко гуляет Волга
В заповедных своих лугах...
Поляны муравы одели,
И, вместо пальм и пышных роз,
Густые молодеют ели,
И льётся запах от берез!..
И мчится тройка удалая
В Казань дорогой столбовой,
И колокольчик — дар Валдая —
Гудит, качаясь под дугой...
Младой ямщик бежит с полночи:
Ему сгрустнулося в тиши,
И он запел про ясны очи,
Про очи девицы-души:
«Ах, очи, очи голубые!
Вы иссушили молодца!
Зачем, о люди, люди злые,
Зачем разрознили сердца?
Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трем...
Но я расстался с милым сном,
И чужеземная картина
Сияла пышно предо мной.
Немецкий город... все красиво,
Но я в раздумье молчаливо
Вздыхнул по стороне родной...

НИКОЛАЙ ЯЗЫКОВ

(1803–1846)

157. «Кто за бокалом не поет...» [\[166\]](#)

Кто за бокалом не поет,
Тому не полная отрада:
Бог песен богу винограда
Восторги новые дает.
Слова святыя: пей и пой!
Необходимы для пирушки.
Друзья! где арфа подле кружки,
Там бога два и пир двойной!
Так ночью краше небеса
При ярком месяца сияньи;
Так в миловидном одеяньи
Очаровательней краса.
Кто за бокалом не поет,
Тому не полная отрада:
Бог песен богу винограда
Восторги новые дает!

158. Элегия («*Меня любовь преобразила...*»)[[167](#)]

Меня любовь преобразила;
Я стал задумчив и уныл;
Я ночи бледные светила,
Я сумрак ночи полюбил.
Когда веселая зарница
Горит за дальнею горой,
И пар густеет над водой.
И смолкла вечера певица,
По скату сонных берегов
Брожу, тоскуя и мечтая,
И жду, когда между кустов
Мелькнет условленный покров
Или тропинка потайная
Зашепчет шорохом шагов.
Гори, прелестное светило,
Помедли, мрак, на лоне вод:
Она придет, мой ангел милый,
Любовь моя, — она придет!

159. Ночь [\[168\]](#)

Померкла неба синева,
Безмолвны рощи и поляны;
Там, под горой, едва-едва
Бежит, журчит ручей стеклянный.
Царица сна и темноты,
Царица дивных сновидений!
Как сладостно ласкаешь ты
Уединенные мечты
И негу вольных вдохновений!

Он отдыхает, грешный свет:
Главу страдальца утомило
Однообразие сует,
Страстей и чувственности милой.
О ночь! пошли ему покой,
Даруй виденья золотые,
Да, улелеянный тобой
Забудет он и шум дневной,
И страхи, и надежды злые.

Но ты лампы не туши,
Не водворяй успокоенья
Там, где поэт своей души
Свершает стройные творенья;
Пускай торжественный восход
Великолепного светила
Его бессонного найдет,
И снова дум его полет
Подымет божеская сила!

160. Элегия («Вы не сбылись, надежды милой...»)[169]

Вы не сбылись, надежды милой
Благословенные мечты!
Моя краса, мое светило,
Моя желанная, где ты?
Давно ль очей твоих лазурных
Я любовался тишиной,
И волны дум крутых и бурных
В душе смирялись молодой?

Далеко ты, но терпеливо
Моей покорствую судьбе;
Во мне божественное живо
Воспоминанье о тебе.
Так пробужденье сохраняет
Черты пленительного сна,
Так землю блеском осыпает
Небес красавица — луна.

161. Песня («Когда умру, смиренно совершите...»)[170]

Когда умру, смиренно совершите
По мне обряд печальный и святой,
И мне стихов надгробных не пишите,
И мрамора не ставьте надо мной.
Но здесь, друзья, где ныне сходка наша
Беседует, разгульна и вольна;
Где весела, как праздничная чаша,
Душа кипит студенчески шумна, —
Во славу мне вы чашу круговую
Наполните блистательным вином,
Торжественно пропойте песнь родную
И пьянствуйте о имени моем.
Все тлен и миг! Блажен, кому с друзьями
Свою весну пропировать дано,
Кто видит мир туманными глазами
И любит жизнь за песни и вино!..

162. Пловец («Нелюдимо наше море...»)[[171](#)]

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.
 Смело, братья! Ветром полный
 Парус мой направил я:
 Полетит на скользки волны
 Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней;
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней.
 Смело, братья! Туча грянет,
 Закипит громада вод,
 Выше вал сердитый встанет,
 Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.
 Но туда выносят волны
 Только сильного душой!..
 Смело, братья, бурей полный,
 Прям и крепок парус мой.

163. А. Н. («Влюблен я, дева-красота!..»)[[172](#)]

Влюблен я, дева-красота!
В твой разговор живой и страстный,
В твой голос ангельски-прекрасный,
В твои румяные уста!

Дай мне тобой налюбоваться,
Твоих послушаться речей,
Упитья песнию твоей,
Твоим дыханьем надышаться!

164. Элегия («Блажен, кто мог на ложе ночи...»)[173]

Блажен, кто мог на ложе ночи
Тебя руками обогнуть;
Челом в чело, очами в очи,
Уста в уста и грудь на грудь!
Кто соблазнительный твой лепет
Лобзаньем пылким прерывал
И смуглых персей дикий трепет
То усыплял, то пробуждал!..
Но тот блаженней, дева ночи,
Кто в упоении любви
Глядит на огненные очи.
На брови дивные твои,
На свежесть уст твоих пурпурных,
На черноту молодых кудрей,
Забыв и жар восторгов бурных,
И силы юности своей!

165. Бессонница [\[174\]](#)

Что мечты мои волнует
На привычном ложе сна?
На лицо и грудь мне дует
Свежим воздухом весна,
Тихо очи мне целует
Полночная луна.

Ты ль, приют восторгам нежным,
Радость юности моей,
Ангел взором безмятежным,
Ангел прелестью очей,
Персей блеском белоснежным,
Мягких золотом кудрей!

Ты ли мне любви мечтами
Прогоняешь мирны сны?
Ты ли свежими устами
Навеваешь свет луны,
Скрыта легкими тенями
Соблазнительной весны?

Благодатное виденье,
Тихий ангел! успокой,
Усыпи души волненье,
Чувства жаркие напой
И даруй мне утомленье,
Освященное тобой!

166. Пловец («*Воят волны, скачут волны!..*»)[175]

Воят волны, скачут волны!
Под тяжелым плеском волн
Прям стоит наш парус полный,
Быстро мчится легкий челн,
И расталкивает волны,
И скользит по склонам волн!

Их, порывами вздувая,
Буря гонит ряд на ряд;
Разгулялась волновая;
Буйны головы шумят,
Друг на друга набегая,
Отшибаясь назад!

Но глядите: перед нами,
Вдоль по темным облакам.
Разноцветными зарями
Отливаясь там и там,
Золотыми полосами
День и небо светят нам.

Пронесися, мрак ненастный!
Воссияй, лазурный свод!
Разверни свой день прекрасный
Надо всем простором вод:
Смолкнут бездны громогласны,
Их волнение падет!

Блещут волны, плещут волны!
Под стеклянным брызгом волн
Прям стоит наш парус полный,
Быстро мчится легкий челн,
Раздвигая сини волны
И скользя по склонам волн!

167. Стансы («В час, как деву молодую...»)

В час, как деву молодую
Я зову на ложе сна
И ночному поцелую
Не противится она.

Грусть нежданного сомненья
Вдруг находит на меня —
И боюсь я пробужденья
И божественного дня.

Он сияет, день прекрасный,
В блеске розовых лучей;
В сеньях леса сладкогласный
Свищет песню соловей;

Резвым плеском льются воды,
И цветут ковры долин...
То любовница природы,
То красавица годин.

О! Счастлив, чья грудь младая
Силой чувств еще полна;
Жизнь ведет его, играя,
Как влюбленная, нежна;

И, веселая, ласкает,
И, страстная к нему,
И дарит и обещает
Все красавцу своему!

Есть любовь и наслажденья,
Небо есть и на земле;
Но могущество мгновенья,
Но грядущее во мгле.

О! друзья, что наша младость?
Чарка славного вина;
А забывчивая радость
Сразу пьет ее до дна!

ИВАН КОЗЛОВ

(1779–1840)

168. Ирландская мелодия («Луч ясный играет на светлых водах...»)[176]

Луч ясный играет на светлых водах,
Но тьма под сияньем и холод в волнах;
Младые ланиты румянцем горят,
Но черные думы дух юный мрачат.

Есть думы о прежнем, их яд роковой
Всю жизнь отравляет мертвящей тоской;
Ничто не утешит, ничто не страшит,
Не радует радость, печаль не крушит.

На срубленной ветке так вянет листок,
Напрасно в дубраве шумит ветерок
И красное солнце льет радостный свет, —
Листок зеленеет, а жизни в нем нет!..

**169. <Из «Невесты Абидосской»> («Любовник
розы — соловей...»)[177]**

Любовник розы — соловей
Прислал тебе цветок сей милый,
Он станет песнею своей
Всю ночь пленять твой дух унылый.

Он любит петь во тьме ночей,
И песнь его дышит тоскою;
Но с обнадеженной мечтою
Споет он песню веселей.

И с думой тайною моею
Тебя коснется пенья сладость,
И напоет на сердце радость
Любовник розы — соловей.

170. Вечерний звон [\[178\]](#)

Т. С. Вдмрв-ой

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом.
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет.
И уж не я, а будет он
В раздумьи петь вечерний звон!

171. Венецианская ночь [\[179\]](#)

(Фантазия)

(П. А. Плетневу)

[180]

)

Ночь весенняя дышала
Светло-южною красой;
Тихо Brenta [\[181\]](#) протекала,
Серебримая луной;
Отражен волной огнистой
Блеск прозрачных облаков,
И восходит пар душистой
От зеленых берегов.

Свод лазурный, томный ропот
Чуть дробимья волны.
Померанцев, миртов шепот
И любовный свет луны,
Упоенья аромата
И цветов, и свежих трав,
И вдали напев Торквата [\[182\]](#)
Гармонических октав [\[183\]](#) —

Все вливает тайно радость,
Чувствам снится дивный мир,
Сердце бьется; мчится радость
На любви весенний пир,
По водам скользят гондолы,
Искры брызжут под веслом,
Звуки нежной баркаролы [\[184\]](#)
Веют легким ветерком.

Что же, что не видно боле
Над игривою рекой
В светлоубранной гондоле
Той красавицы молодой,
Чья улыбка, образ милый
Волновали все сердца
И пленяли дух унылый
Иступленного певца?

Нет ее: она тоскою
В замок свой удалена;

Там живет одна с мечтою,
Тороплива и мрачна.
Не мила ей прелесть ночи,
Не манит серебристый ток,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.

Но густеет тень ночная;
И красот цветущий рой,
В неге страстной утопая,
Покидает пир ночной.
Стихи пышные забавы,
Все спокойно на реке,
Лишь Торкватовы октавы
Раздаются вдалеке.

Вот прекрасная выходит
На чугунное крыльцо;
Месяц бледно луч наводит
На печальное лицо;
В русых локонах небрежных
Рисовался легкий стан,
И на персях белоснежных
Изумрудный талисман!

Уж в гондоле одинокой
К той скале она плывет,
Где под башню высокой
Море бурное ревет.
Там певца воспоминанье
В сердце пламенном живей,
Там любви очарованье
С отголоском прежних дней.

И в мечтах она внимала.
Как полночный вещий бой
Медь гудящая сливала
С вечно шумною волной.
Не мила ей прелесть ночи,
Душен свежий ветерок,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.

Тучи тянутся грядою,
Затмевается луна;
Ясный свод оделся мглою;
Тьма внезапная страшна.
Вдруг гондола осветилась,
И звезда на высоте
По востоку покатилась
И пропала в темноте.

И во тьме с востока веет
Тихогласный ветерок;
Факел дальний пламенеет, —
Мчится по морю челнок.
В нем уныло молодая
Тень знакомая сидит,
Подле арфа золотая,
Меч под факелом блестит.

Не играйте, не звучите,
Струны дерзкие мои:
Славной тени не гневите!..
О! — свободы и любви
Где же, где певец чудесный?
Иль его не сыщете взор?
Иль угас огонь небесный,
Как блестящий метеор?

172. Обманутое сердце [\[185\]](#)

О ты, ночь моя, ноченька,
Ночь ты лунная, ночь морозная,
Как тревожишь ты сердце томное,
Сердце томное — безнадежное!

Страшно мне: мой уголок
Как могила вокруг чернеет;
Разведу я огонек —
Дуб трещит и пламенеет,
Свет багровый на стенах
Чудно зыблется в очах,
И дохнуть не смею я, —
Тени бродят вокруг меня.

О, зачем я рождена
Вянуть бедной сиротою;
Жизнь моя отравлена
Неотступною тоской;
Светлый призрак в тяжком сне
На беду являлся мне;
Даль мою затмил туман —
Сердцу был во всем обман.

На заре весны моей
Голубка я приучила;
Он был друг невинных дней.
О, как я его любила!
Снегом белым он сиял,
Томно, нежно ворковал;
Но, как легкий ветерок,
Улетел мой голубок.

В бедном садике моем
Рдела роза полевая.
Любовалась я цветком;
Часто горе забывая,
К розе с свежую волной
Я бежала в летний зной.
Туча бурная нашла —
Розу молния сожгла.

Был друг милый у меня!..
Ночь, ты знаешь, ты видала.
Как в пылу безумном я
Друга к сердцу прижимала;
Вспомни: он твоей луной
Мне клялся, что будет мой. —
Но тень бродит... страшно мне!
Не душней в могильном сне.

О ты, ночь моя, ноченька,
Ночь ты лунная, ночь морозная,
Как тревожишь ты сердце томное,
Сердце томное, — безнадежное!

173. **Добрая ночь**[\[186\]](#)

«Прости, прости, мой край родной!
Уж скрылся ты в волнах;
Касатка вьется, ветер ночной
Играет в парусах.
Уж тонут огненные лучи
В бездонной синеве...
Мой край родной, прости, прости!
Ночь добрая тебе!

Проснется день; его краса
Утешит божий свет;
Увижу море, небеса, —
А родины уж нет!
Отцовский дом покинул я;
Травой он зарастет;
Собака верная моя
Выть станет у ворот.

Ко мне, ко мне, мой паж молодой!
Но ты дрожишь, как лист?
Иль страшен рев волны морской?
Иль ветра буйный свист?
Не плачь: корабль мой нов; плыву
Уж я не в первый раз;
И быстрый сокол на лету
Не перегонит нас».

— «Не буйный ветер страшит меня,
Не шум угрюмых волн;
Но не дивись, сир Чальд, что я
Тоски сердечной полн!
Прощаться грустно было мне
С родимую, с отцом;
Теперь надежда вся в тебе
И в друге... неземном.

Не скрыл отец тоски своей,
Как стал благословлять;
Но доля матери моей —
День плакать, ночь не спать».
— «Ты прав, ты прав, мой паж молодой!
Как сметь винить тебя?
С твоей невинной простотой,
Ах, плакал бы и я!

Но вот и кормщик мой сидит,
Весь полон черных дум.
Иль буйный ветер тебя страшит?
Иль моря грозный шум?»

— «Сир Чальд, не робок я душой,
Не умереть боюсь;
Но я с детьми, но я с женой
Впервые расстаюсь!

Проснутся завтра на заре
И дети и жена;
Малютки спросят обо мне,
И заплачет она!»
— «Ты прав, ты прав!
И как пенять,
Тебе нельзя не горевать:
И муж ты и отец!

Но я... Ах, трудно верить мне
Слезам прелестных глаз!
Любовью новою оне
Осушатся без нас.
Лишь тем одним терзаюсь я.
Не в силах то забыть,
Что нет на свете у меня,
О ком бы потужить!

И вот на темных я волнах
Один, один с тоской!
И кто же, кто по мне в слезах
Теперь в стране родной?
Что ж рваться мне, жалеть кого?
Я сердцем опустел,
И без надежд и без всего,
Что помнить я хотел.

О мой корабль! с тобой я рад
Носиться по волнам;
Лишь не плыви со мной назад
К родимым берегам!
Далеко на скалах, в степи
Приют сыщу себе;
А ты, о родина, прости!
Ночь добрая тебе!»

174. Ирландская мелодия («Когда пробьёт печальный час...»)[187]

Когда пробьёт печальный час
Полночной тишины,
И звезды трепетно горят,
Туман кругом луны, —

Тогда, задумчив и один,
Спешу я к роще той,
Где, милый друг, бывало, мы
Бродили в тьме ночной.

О, если в тайной доле их
Возможность есть душам
Слетать из-за далеких звезд
К тоскующим друзьям —

К знакомой роще ты слетишь
В полночной тишине,
И дашь мне весть, что в небесах
Ты помнишь обо мне!

И, думой сердца увлечен,
Ту песню я пою,
Которой, друг, пленяла ты
Мечтательность мою.

Унылый голос ветерок
Разносит в чуткой тьме,
В поляне веет и назад
Несет его ко мне.

А я... я верю... томный звук
От родины святой —
На песнь любимую ответ
Души твоей молодой.

175. Тревожное раздумье [\[188\]](#)

Море синее, море бурное,
Ветер воющий, необузданный,
Ты, звезда моя полуночная, —
Ах, отдайте мне друга милого!

Где он? где? скажи мне, море
Чем в далекой стороне
Он свое лелеет горе?
Все ли помнит обо мне?
Днем меня ли ищут очи,
Я ль одна в его мечтах,
И меня ль во мраке ночи
Видит он в тревожных снах?

Ты, всегда везде летая,
Ветер, ветер, знаешь все:
Заставал ты, как, вздыхая,
Шепчет имя он мое?
Как, в раздумье и печальный,
Жадный взор стремится к волнам
И мой локон, дар прощальный,
Жмет к пылающим устам?

Светлый друг тоски мятежной.
Полуночная звезда!
Будь вожатою надежной,
Нашей радостью всегда;
Ты пред ним святой красою
Знаком будь любви моей...
Если ж он пленен другою,
О звезда! затмись скорей!

Скоро год уже промчится,
Как со мной расстался он,
А в разлуке часто снится
Поневоле страшный сон.
Дух сомненья сокрушило:
Мне ль измену пережить? —
Лучше то, что сердцу мило,
Потерять, а не делить.

Но я верю, я мечтаю,
Что я с ним соединюсь,
Я волненье дум стесняю —
Я измены не боюсь;
Чуть коснется страх случайный —
Я маню надежду вновь...
Есть у сердца вестник тайный:
Не обманет он любовь!

Море синее, море бурное,
Ветер воющий, необузданный,
Ты, звезда моя полночная, —
Ах, отдайте мне друга милого!

ЕГОР АЛАДЬИН

(1796–1860)

176. «Солнце скрылось за горами...»

Солнце скрылось за горами,
Вечер мрачный настаёт;
Над серебристыми водами
Ветерок прохладу льёт.

Дремлет бор; лишь там над лугом,
Где ручей катит волну,
Соловей с любезным другом
Нарушают тишину.

Месяц полный, величавый,
Луч прорезав в облаках,
Среди темных дубравы
Отразился на водах.

Погруженный в мрачную думу,
Там, где крадется струя,
Там, древес внимая шуму,
Там мечтал безмолвно я.

Ты по-прежнему катишься,
Ручеек, между кустов;
Ах! почто не удалишься
Ты от этих берегов?

Быстро время то промчалось,
Как с Лилетой я гулял!
Сердце счастьем наслаждалось,
И я — всё позабывал.

Ручеек! ты был свидетель
Дней отрады и утех.
Время, грозный разрушитель,
Ты умчало игры, смех!

Что ж осталось? — Вспоминанья
Счастья, радости моей;
Мой удел — одни страданья,
Цепь печальных жизни дней.

ДМИТРИЙ ВЕНЕВИТИНОВ

(1805–1827)

177. Песнь Клары [\[189\]](#)

Стучат барабаны,
Свисток заиграл;
С дружиною бранной
Мой друг поскакал!
Он скачет, качает
Большое копье...
С ним сердце мое!..
Ах, **что́** я не воин!
Что́ нет у меня
Копья и коня!
За ним бы помчалась
В далеки края
И с ним бы сражалась
Без трепета я!
Враги пошатнулись —
За ними вослед...
Пощады им нет!..
О смелый мужчина!
Кто равен тебе
В счастливой судьбе!

178. Песнь Маргариты [\[190\]](#)

Прости, мой покой!
Как камень, в груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

Где нет его,
Там всё мертво!
Мне день не мил
И мир постыл.

О бедная дэвица!
Что сбылось с тобой?
О бедная дэвица!
Где рассудок твой?.

Прости, мой покой!
Как камень, в груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

В окно ли гляжу я —
Его я ищу.
Из дома ль иду я —
За ним я иду.

Высок он и ловок;
Величествен взгляд;
Какая улыбка!
Как очи горят!

И речь, как звон
Волшебных струй!
И жар руки!
И что за поцелуй!

Прости, мой покой!
Как камень, в груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

Все тянет меня.
Все тянет к нему.
И душно, и грустно.
Ах, **что́** не могу

Обнять его, держать его,
Лобзать его, лобзать
И, умирая, с уст его

Еще лобзанья рвать!

179. Песнь грека [\[191\]](#)

Под небом Аттики богатой
Цвела счастливая семья.
Как мой отец, простой орайт,
За плугом пел свободу я.
Но турков злые ополченья
На наши хлынули владенья...
Погибла мать, отец убит,
Со мной спаслась сестра младая,
Я с нею скрылся, повторяя:
«За все мой меч вам отомстит!»

Не лил я слез в жестоком горе,
Но грудь стеснило и свело;
Наш легкий челн помчал нас в море,
Пылало бедное село,
И дым столбом чернел над валом.
Сестра рыдала — покрывалом
Печальный взор полузакрыт;
Но, слыша тихое моление,
Я припевал ей в утешенье:
«За все мой меч им отомстит!»

Плывем — и при луне серебристой
Мы видим крепость над скалой.
Вверху, как тень, на башне мшистой
Шагал турецкий часовой;
Чалма склонилась к пищали,
Внезапно волны засверкали,
И вот — в руках моих лежит
Без жизни дева молодая.
Я обнял тело, повторяя:
«За все мой меч вам отомстит!»

Восток румянился зарею,
Пристала к берегу ладья,
И над шумящею волною
Сестре могилу вырыл я.
Не мрамор с надписью унылой
Скрывает тело девы милой —
Нет, под скалою труп зарыт;
Но на скале сей неизменной
Я начертал обет священный:
«За все вам меч мой отомстит!»

С тех пор меня магометане
Узнали в стычке боевой,
С тех пор как часто в шуме браней
Обет я повторяю свой!

Отчизны гибель, смерть прекрасной,
Всё, что припомню в час ужасный;
И всякий раз, как меч блестит
И падает глава с чалмою,
Я говорю с улыбкой злою:
«За все мой меч вам отомстит!»

АЛЕКСАНДР ПОЛЕЖАЕВ

(1805–1838)

180. «Зачем задумчивых очей...» [\[192\]](#)

Зачем задумчивых очей
С меня, красавица, не сводишь?
Зачем огнем твоих речей
Тоску на душу мне наводишь?
Не припадай ко мне на грудь
В порывах милого забвенья —
Ты ничего в меня вдохнуть
Не можешь, кроме сожаленья!
Меня не в силах воспалить
Твои горячие лобзанья,
Я не могу тебя любить —
Не для меня очарованья!
Я был любим, и сам любил —
Увял на лоне сладострастья,
И в хладном сердце схоронил
Минуты горестного счастья;
Я рано сорвал жизни цвет,
Всё потерял, все отдал Хлое, —
И прежних чувств, и прежних лет
Не возвратит ничто земное!
Еще мне милы красота
И девы пламенные взоры,
Но сердце мучит пустота,
А совесть — мрачные укоры!
Люби другого: быть твоим
Я не могу, о друг мой милый!..
Ах, как ужасно быть живым,
Полуразрушась над могилой!

181. Грусть [\[193\]](#)

На пиру у жизни шумной,
В царстве юной красоты
Рвал я с жадностью безумной
Благовонные цветы.
Много чувства, много жизни
Я роскошно потерял
И душевной укоризны,
Может быть, не избежал.
Отчего ж не с сожаленьем,
Отчего — скажите мне, —
Но с невольным восхищеньем
Вспомнил я о старине?
Отчего же локон черный,
Этот локон смоляной,
День и ночь, как дух упорный,
Всё мелькает предо мной?
Отчего, как в полдень ясный
Голубые небеса,
Мне таинственно прекрасны
Эти черные глаза?
Почему же голос сладкой,
Этот голос неземной,
Льется в душу мне украдкой
Гармонической волной?
Что тревожит дух унылый,
Манит к счастью меня?
Ах, не вспыхнет над могилой
Искра прежнего огня!
Отлетели заблуждений
Невозвратные рои —
И я мертв для наслаждений,
И угас я для любви!
Сердце ищет, сердце просит
После бури уголка;
Но мольбы его разносит
Безотрадная тоска!

182. Отчаяние [\[194\]](#)

Он ничего не потерял, кроме надежды.

А. Пушкин

О, дайте мне кинжал и яд,
Мои друзья, мои злодеи!
Я понял, понял жизни ад,
Мне сердце высосали змеи!..
Смотрю на жизнь как на позор, —
Пора расстаться с своенравной
И произнести ей приговор
Последний, страшный и бесславный!
Что в ней? Зачем я на земле
Влачу убийственное бремя?..
Скорей во прах!.. В холодной мгле
Покойно спит земное племя:
Ничто печальной тишины
Костей иссохших не тревожит,
И череп мертвой головы
Один лишь червь могильный гложет.
Безумство, страсти и тоска,
Любовь, отчаянье, надежды
И всё, чем славились века,
Чем жили гении, невежды, —
Все праху, всё заплатит дань,
До той поры, пока природа
В слух уничтоженного рода
Речет торжественно: «Восстань!»

183. «У меня ль, молодца...» [\[195\]](#)

У меня ль, молодца́,
Ровно в двадцать лет
Со бела лица
Спал румяный цвет,

Черный волос кольцом
Не бежит с плеча,
На ремне золотом
Нет грозы-меча;

За железным щитом
Нет копья-огня,
Под черкесским седлом
Нет стрелы-коня;

Нет перстней дорогих
Подарить милóй!
Без невесты жених,
Без попа налой...

Расступись, расступись,
Мать сыра земля!
Прекратись, прекратись,
Жизнь-тоска моя!

Лишь по ней, по милóй,
Красен белый свет;
Без милóй, дорогой
Счастья в мире нет!

184. Сарафанчик [\[196\]](#)

Мне наскучило, девице,
Одинешенькой в светлице
Шить узоры серебром!
И без матушки родимой
Сарафанчик мой любимый
Я надела вечерком —
Сарафанчик,
Расстеганчик!

В разноцветном хороводе
Я играла на свободе
И смеялась, как дитя!
И в светлицу до рассвета
Воротилась; только где-то
Разорвала я, шутя,
Сарафанчик,
Расстеганчик!

Долго мать меня журила
И до свадьбы запретила
Выходить за ворота;
Но за сладкие мгновенья
Я тебя без сожаленья
Оставляю навсегда,
Сарафанчик,
Расстеганчик!

185. Черная коса

Там, где свистящие картечи
Метала бранная гроза,
Лежит в пыли, на поле сечи,
В три грани черная коса.
Она в крови и без ответа,
Но тайный голос произнес:
«Булат, противник Магомета,
Меня с главы девичьей снес!
Гордясь красой неприхотливой,
В родной свободной стороне
Чело невинности стыдливой
Владело мною в тишине.
Еще за час до грозной битвы
С врагом отечественных гор
Пылал в жару святой молитвы
Звезды Чир-Юрта ясный взор.
Надежда храбрых на Пророка
Отваги буйной не спасла,
И я во прах веленьем рока
Скатилась с юного чела!
Оставь меня!.. Кого лелеет
Украдкой нежная краса,
Тому на сердце грусть навеет
В три грани черная коса...»

ФЕДОР ТУМАНСКИЙ

(1800–1853)

186. Птичка [\[197\]](#)

Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей:
Я рощам возвратил певицу,
Я возвратил свободу ей.

Она исчезла, утопая
В сияньи голубого дня,
И так запела, улета,
Как бы молилась за меня.

АЛЕКСЕЙ ХОМЯКОВ

(1804–1860)

187. <Из трагедии «Ермак»> («О чем, скажи, твое стенанье...»)[198]

О чем, скажи, твое стенанье
И безутешная печаль?
Твой умер друг, или изгнанье
Его умчало в синю даль?

Когда б он был в стране далекой,
Я друга бы назад ждала,
И в скорбях жизни одинокой
Надежда бы еще цвела,

Когда б он был в могиле хладной
Мои бы плакали глаза,
А слезы в грусти безотрадной —
Небес вечерняя роса.

Но он преступник, он убийца,
О нем и плакать мне нельзя.
Ах, растворишь, моя гробница,
Откройся, тихая земля!

188. «Подвиг есть и в сраженьи...» [\[199\]](#)

Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг в терпении,
Любви и мольбе.

Если сердце заняло
Перед злобой людской
Иль насилье схватило
Тебя цепью стальной;

Если скорби земные
Жалом в душу впились —
С верой бодрой и смелой
Ты за подвиг берись:

Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них
Без труда, без усилья
Выше мраков земных,

Выше крыши темницы,
Выше злобы слепой,
Выше воплей и криков
Гордой черни людской!

ФЕДОР АЛЕКСЕЕВ

189. «Меня покинули желанья...»

Меня покинули желанья,
Я разуверился вполне,
Одна печаль, одни страданья
Теперь в сердечной глубине.

Исчезла пламенная сладость
Любви и юности живой:
Уж не волнует сердце радость
И сны поэзии благой.

Как тень, как образ привиденья,
Как надмогильные огни,
С волшебной негой вдохновенья
В груди потухнули они.

Лишь в память их очарованье
На дне сердечной пустоты,
Одни души воспоминанья,
Одни остались мечты.

ДМИТРИЙ РАЕВСКИЙ

190. Романс («Что грустишь ты, одинокой...»)[[200](#)]

«Что грустишь ты, одинокой,
Полно, странник, слезы лить».
— «Ах! от родины далеко
Чем себя мне веселить?»
— «Посмотри, как здесь прекрасно:
Вся природа весела!»
— «Не теряй слова напрасно:
Радость сердца отцвела!»
— «Посмотри — людей здесь много;
В них найдешь себе друзей».
— «С милыми простясь надолго,
Я отрекся от людей».
— «Думы черные рассея,
С нами веселись, пришлец!»
— «Ближних сердцу не имея,
Я меж вас — живой мертвец».

АНДРЕЙ ПОДОЛИНСКИЙ

(1806–1886)

191. Индейская песня

Катитесь! волны,
Плещите! волны,
Шуми! поток!
Быстрее бегите
И вдаль несите
Мой огонек!

Там день свежее,
Там ночь темнее,
Цветы вокруг,
И дышит нега —
И он у берега,
Мой тайный друг.

Мои гаданья,
Мои признанья
Узнает он.
Всю ночь со мною,
Рука с рукою,
Забудет сон.

Как с ним украдкой
Свиданье сладко,
Не говорю,
Его дыханье,
Его лобзанье...
Ах, я горю!

Бегите! волны,
Плещите! волны,
Шуми! поток!
Гори светлее,
Катись быстрее,
Мой огонек!..

СЕРГЕЙ ГОЛИЦЫН

(1806–1868)

192. Скажи, зачем [\[201\]](#)

Скажи, зачем явилась ты
Очам моим, младая Лила,
И вновь знакомые мечты
Души заснувшей пробудила?
Скажи, зачем? Скажи, зачем?

Скажи, зачем? Но погоди,
Хочу продлить я заблужденье.
Удар жестокий отвори —
Удвоишь ты мое мученье,
Сказав — зачем, сказав — зачем.

Над страстию моей шутя,
Зачем с ума меня ты сводишь?
Когда ж люблюсь на тебя,
Ты взор с холодностью отводишь,
Скажи, зачем? Скажи, зачем?

Скажи, зачем? Но погоди,
Хочу продлить я заблужденье.
Удар жестокий отвори —
Удвоишь ты мое мученье,
Сказав — зачем, сказав — зачем.

Александр Бестужев-Марлинский

(1797–1837)

193. <Из повести «Испытание»> («Скажите мне, зачем пылают розы...»)[202]

Скажите мне, зачем пылают розы
Эфирною душою по весне
И мотылька на утренние слезы
Манят, зовут приветливо оне?
Скажите мне!

Скажите мне, не звуки ль поцелуя
Дают свою гармонию волне?
И соловей, пленительно тоскуя,
О чем поет во мгле и тишине?
Скажите мне!

Скажите мне, зачем так сердце бьется
И чудное мне видится во сне,
То грусть по мне холодная прольется,
То я горю в томительном огне?
Скажите мне!

ФЕДОР ТЮТЧЕВ

(1803–1873)

194. «Ты зрел его в кругу большого света...» [\[203\]](#)

Ты зрел его в кругу большого света —
То своенравно-весел, то угрюм,
Рассеян, дик иль полон тайных дум,
Таков поэт — и ты презрел поэта!

На месяц взглянь: весь день, как облак тощий.
Он в небесах едва не изнемог, —
Настала ночь — и, светозарный бог,
Сияет он над усыпленной рощей!

195. «Сей день, я помню, для меня...» [\[204\]](#)

Сей день, я помню, для меня
Был утром жизненного дня:
Стояла молча предо мною,
Вздыхалась грудь ее волною,
Алели щеки, как заря,
Все жарче рдея и горя!
И вдруг, как солнце молодое,
Любви признание золотое
Исторгло из груди ея...
И новый мир увидел я!..

196. Весеннее успокоение [\[205\]](#)

(Из Уланда)

О, не кладите меня
В землю сырую —
Скройте, заройте меня
В траву густую!

Пускай дыханье ветерка
Шевелит травую,
Свирель поет издалика,
Светло и тихо облака
Плывут надо мною!..

197. «Что ты клонишь над водами...» [\[206\]](#)

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою?
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?

Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей...
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой...

198. «Тени сизые смешались...» [\[207\]](#)

Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Все во мне, и я во всем...

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства — мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

199. «О чем ты воешь, ветер ночной?..» [\[208\]](#)

О чем ты воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятым сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О, бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..

200. Фонтан [\[209\]](#)

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.

О смертной мысли водомет,
О водомет неистошимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

201. Весенние воды [\[210\]](#)

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»

Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

202. «Слезы людские, о слезы людские...» [\[211\]](#)

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые, —
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной,

203. К. Б. [\[212\]](#) («Я встретил вас — и всё
былое...») [\[213\]](#)

Я встретил вас — и всё былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое [\[214\]](#) —
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, —

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас как бы во сне, —
И вот — слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

204. «Все отнял у меня казнящий бог...»[\[215\]](#)

Все отнял у меня казнящий бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему еще молиться мог.

ЕВДОКИЯ РОСТОПЧИНА

(1811–1858)

205. Когда б он знал![\[216\]](#)

Когда б он знал, что пламенной душою
С его душой сливаюсь тайно я!
Когда б он знал, что горькою тоскою
Отравлена младая жизнь моя!
Когда б он знал, как страстно и как нежно
Он, мой кумир, рабой своей любим...
Когда б он знал, что в грусти безнадежной
Увяну я, не понятая им!..
 Когда б он знал!

Когда б он знал, как дорого мне стоит,
Как тяжело мне с ним притворной быть!
Когда б он знал, как томно сердце ноет,
Когда велит мне гордость страсть таить!..
Когда б он знал, какое испытанье
Приносит мне спокойный взор его,
Когда взамен немого обожанья
Я тщетно жду улыбки от него.
 Когда б он знал!

Когда б он знал... в душе его убитой
Любви бы вновь язык заговорил,
И юности восторг полузабытый
Его бы вновь согрел и оживил!
И я тогда, счастливица!.. любима...
Любима им была бы, может быть!
Надежда льстит тоске неутолимой;
Не любит он... а мог бы полюбить!
 Когда б он знал!

Н. ДОЛГОРУКОВ

206. Скажите ей!

Скажите ей, что пламенной душою
С ее душой сливаюсь тайно я.
Скажите ей, что горькою тоскою
Отравлена младая жизнь моя.
Скажите ей, как страстно и как нежно
Люблю ее, как бога херувим.
Скажите ей, что в грусти безнадежной
Увяну я, бездушной нелюбим.
Скажите ей!

Скажите ей, как дорого мне стоит
И трудно мне притворным с нею быть.
Скажите ей, как томно сердце ноет,
Когда велит она любовь таить.
Скажите ей, какое мне страданье,
Когда спокойно глаз ее глядит,
Когда взамен немого обожанья
Она, как льдом, мне душу холодит.
Скажите ей!

АЛЕКСАНДР ВЕЛЬТМАН

(1800–1870)

207. <Из повести в стихах «Муромские леса»> («Что отуманилась, зоренька ясная...»)[217]

Что отуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что ты задумалась, девушка красная,
Очи блеснули слезой?

Жаль мне покинуть тебя, черноокою!
Певень ударил крылом,
Крикнул... Уж полночь!.. Дай чару глубоко
Вспень поскорее вином!

Время! Веди мне коня ты любимого,
Крепче веди под уздцы!
Едут с товарами в путь из Касимова
Муромским лесом купцы!

Есть для тебя у них кофточка шитая,
Шубка на лисьем меху!
Будешь ходить ты, вся золотом облитая,
Спать на лебяжьем пуху!

Много за душу свою одинокою,
Много нарядов куплю!
Я ль виноват, что тебя, черноокою,
Больше, чем душу, люблю!

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

(1814–1841)

208. Черкешенка [\[218\]](#)

Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый
И нравы тихой простоты!

Но там, где Терек протекает,
Черкешенку я увидал, —
Взор девы сердце приковал;
И мысль невольно улетает
Бродить средь милых, дальних скал...

Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит
Узреть еще небесный вид;
Так стон любви, страстей и муки
До гроба в памяти звучит.

209. Еврейская мелодия («Я видал иногда, как ночная звезда...»)[219]

Я видал иногда, как ночная звезда
В зеркальном заливе блестит;
Как трепещет в струях, и серебряный прах
От нее, рассыпаясь, бежит.

Но поймать ты не льстись и ловить не берись:
Обманчивы луч и волна.
Мрак тени твоей только ляжет на ней,
Отойди ж — и заблещет она.

Светлой радости так беспокойный призрак
Нас манит под хладною мглой;
Ты схватить — он шутя убежит от тебя!
Ты обманут — он вновь пред тобой.

210. Утро на Кавказе [\[220\]](#)

Светает — вьется дикой пеленой
Вокруг лесистых гор туман ночной;
Еще у ног Кавказа тишина;
Молчит табун, река журчит одна.
Вот на скале новорожденный луч
Зарделся вдруг, прорезавшись меж туч,
И розовый по речке и шатрам
Разлился блеск и светит там и там;
Так девушки, купаясь в тени,
Когда увидят юношу они,
Краснеют все, к земле склоняют взор:
Но как бежать, коль близок милый вор!..

211. Нищий [\[221\]](#)

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

212. Звезда [\[222\]](#)

Вверху одна
Горит звезда;
Мой взор она
Манит всегда;
Мои мечты
Она влечет
И с высоты
Меня зовет!
Таков же был
Тот нежный взор,
Что я любил
Судьбе в укор.
Мук никогда
Он зреть не мог,
Как та звезда,
Он был далек.
Усталых вежд
Я не смыкал
И без надежд
К нему взирал!

213. Ангел [\[223\]](#)

По небу полночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез,
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

214. <Из поэмы «Измаил-Бей»>[\[224\]](#)

Песня Селима

Месяц плывет
И тих и спокоен;
А юноша-воин
На битву идет.
Ружьё заряжает джигит,
И дева ему говорит:

«Мой милый, смелее
Вверяйся ты року,
Молися востоку,
Будь верен пророку,
Любви будь вернее!

Всегда награжден,
Кто любит до гроба,
Ни зависть, ни злоба
Ему не закон;
Пускай его смерть не погубит;
Один не погибнет, кто любит!

Любви изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы;
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не зароят!»

Месяц плывет
И тих и спокоен;
А юноша-воин
На битву идет!

215. Парус[225]

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы! он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

216. Тростник [\[226\]](#)

Сидел рыбак веселый
На берегу реки;
И перед ним по ветру
Качались тростники.
Сухой тростник он срезал
И скважины проткнул;
Один конец зажал он,
В другой конец подул,

И будто оживленный,
Тростник заговорил;
То голос человека
И голос ветра был.
И пел тростник печально:
«Оставь, оставь меня;
Рыбак, рыбак прекрасный,
Терзаешь ты меня!

И я была девицей,
Красавица была,
У мачехи в темнице
Я некогда цвела,
И много слез горючих
Невинно я лила,
И раннюю могилу
Безбожно я звала.

И был сынок любимец
У мачехи моей;
Обманывал красавиц,
Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
Мы на́ берег крутой,
Смотреть на сини волны,
На запад золотой.

Моей любви просил он...
Любить я не могла,
И деньги мне дарил он —
Я денег не брала;
Несчастную сгубил он,
Ударив в грудь ножом;
И здесь мой труп зарыл он
На берегу крутом;

И над моей могилой
Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
Души моей младой.

Рыбак, рыбак прекрасный,
Оставь же свой тростник;
Ты мне помочь не в силах,
А плакать не привык».

217. Русалка [\[227\]](#)

1

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

2

И шумя и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка — и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.

3

И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок золотые гуляют стада,
Там хрустальные есть города;

4

И там на подушке из ярких песков,
Под тенью густых тростников,
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны...

5

Расчесывать кольца шелковых кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы в полуденный час
Целовали красавца не раз.

6

Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
Остается он хладен и нем,
Он спит, — и, склонившись на перси ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне!»

7

Так пела русалка над синей рекой,
Полна непонятной тоской;
И шумно катясь, колебала река
Отраженные в ней облака.

218. Еврейская мелодия («*Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей...*»)[[228](#)]

(Из Байрона)

Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!
Вот арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшись по ней,
Пробудят в струнах звуки рая.
И если не на век надежды рок унес,
Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших капля слез —
Они растают и прольются.
Пусть будет песнь твоя дика. Как мой венец,
Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.
Страданиями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал — теперь она полна,
Как кубок смерти, яда полный.

219. Ветка Палестины [\[229\]](#)

Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветер в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?

Молитву ль тихую читали
Иль пели песни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бедные сыны?

И пальма та жива ль поныне?
Все так же ль манит в летний зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листы?..

Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горючих слез?

Иль, божьей рати лучший воин,
Он был, с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и божеством?..

Заботой тайною хранима
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима.
Святыни верный часовой!

Прозрачный сумрак, луч лампы,
Кивот и крест, символ святой...
Всё полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.

220. «Расстались мы; но твой портрет...» [\[230\]](#)

Расстались мы; но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.

И новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный — все храм,
Кумир поверженный — всё бог!

221. «Слышу ли голос твой...» [\[231\]](#)

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке
Сердце запрыгает;

Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,

И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся,

222. «Она поет — и звуки тают...» [\[232\]](#)

Она поет — и звуки тают,
Как поцелуи на устах,
Глядит — и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли — все ее движенья,
Иль молвит слово — все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.

223. Узник [\[233\]](#)

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

*

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко,
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустил...

*

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями
Звучномерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

224. Молитва [\[234\]](#)

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

225. И скучно и грустно [\[235\]](#)

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят — все лучшие годы!
Любить... но кого же?.. на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ничтожно..
Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка...

**226. Отчего («Мне грустно, потому что я тебя
люблю...»)[236]**

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

227. Тучи[237]

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

228. Из Гёте («Горные вершины...»)[\[238\]](#)

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;

Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

229. «Выхожу один я на дорогу...» [\[239\]](#)

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы.
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

230. Сон [\[240\]](#)

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

231. «Нет, не тебя так пылко я люблю...» [\[241\]](#)

1

Нет, не тебя так пылко я люблю.
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

2

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

3

Я говорю с подругой юных дней [\[242\]](#);
В твоих чертах ищу черты другие;
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

232. «На севере диком стоит одиноко...» [\[243\]](#)

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей всё, что в пустыне далекой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растёт.

233. Любовь мертвеца [\[244\]](#)

Пускай холодною землею
Засыпан я,
О друг! всегда, везде с тобою
Душа моя.
Любви безумного томленья,
Жилец могил,
В стране покоя и забвенья
Я не забыл.

*

Без страха в час последней муки
Покинув свет,
Отрады ждал я от разлуки —
Разлуки нет.
Я видел прелесть бестелесных
И тосковал,
Что образ твой в чертах небесных
Не узнавал.

*

Что мне сиянье божьей власти
И рай святой?
Я перенес земные страсти
Туда с собой.
Ласкаю я мечту родную
Везде одну;
Желаю, плачу и ревную,
Как в старину.

*

Коснется ль чуждое дыханье
Твоих ланит,
Моя душа в немом страданье
Вся задрожит.
Случится ль, шепчешь засыпая
Ты о другом,
Твои слова текут пылая
По мне огнем.

*

Ты не должна любить другого,
Нет, не должна,
Ты мертвецу, святыней слова,
Обручена.
Увы, твой страх, твои моления
К чему оне?
Ты знаешь, мира и забвенья
Не надо мне!

234. Утес («Ночевала тучка золотая...»)[245]

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

235. Казачья колыбельная песня [\[246\]](#)

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-бою.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;

Да, готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

236. Воздушный корабль [\[247\]](#)

(Из Цедлица)

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах.
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид...

237. Соседка [\[248\]](#)

Не дожидаться мне, видно, свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко́ над землей!
И у двери стоит часовой!

Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.

Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно
Да с двойною решеткой окно;

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду...
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подыметя вдруг.

На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок.

Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Все тоскует по воле, как я.

Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь — откроится клетка,
И, как божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.

У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к дверям,
Постараюсь я справиться сам.

Избери только ночь потемнея,
Да отцу дай вина похмельнея,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

238. Тамара [\[249\]](#)

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.

И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.

И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть
В нем были всесильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух;
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.

На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя. Шипели
Пред нею два кубка вина.

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавались там.

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Но только что утраь сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла
Гремя, нарушал тишину;
Волна на волну набегала,

Волна погояла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

АНДРЕЙ СЕРЕБРЯНСКИЙ

(1810–1838)

239. Вино [\[250\]](#)

Быстры, как волны, дни нашей жизни,
Что час, то короче к могиле наш путь.

Напьем янтарной струей бокалы!
И краток и дорог веселый наш миг.

Будущность темна, как осени ночи,
Прошедшее гибнет для нас навсегда;

Ловите ж минуты текущего быстро,
Как знать, что осталось для нас впереди?

Умрешь — похоронят, как не был на свете;
Сгниешь — не восстанешь к беседе друзей.

Полнее ж, полнее забвения чашу!
И краток и дорог веселый наш миг.

ИВАН МЯТЛЕВ

(1796–1844)

240. Звезда («Звезда, прости! — пора мне спать...»)[251]

Звезда, прости! — пора мне спать,
Но жаль расстаться мне с тобою,
С тобою я привык мечтать,
А я теперь живу мечтою.

И даст ли мне тревожный сон
Отраду ложного виденья?
Нет, чаще повторяет он
Дневные сердцу впечатленья.

А ты, волшебная звезда,
Неизменяемая сияешь,
Ты сердцу грустному всегда
О лучших днях напоминаешь.

И к небу там, где светишь ты,
Мои стремятся все желанья...
Мои там сбудутся мечты.
Звезда, прости же! до свиданья!

НИКОЛАЙ ПАВЛОВ

(1803–1864)

241. Романс («Не говори ни да, ни нет...»)[252]

Не говори ни да, ни нет,
Будь равнодушной, как бывало,
И на решительный ответ
Накинь густое покрывало.

Как знать, чтоб да и нет равно
Для сердца гибелью не стали?
От радости ль сгорит оно,
Иль разорвется от печали?

И как давно, и как люблю,
Я на душе унылой скрою;
Я об одном судьбу молю —
Чтоб только чаще быть с тобою.

Чтоб только не взошла заря,
Чтоб не рассвел тот день над надаи,
Как ты с другим у алтаря
Поникнешь робкими очами!

Но, время без надежд губя
Для упоительного яда,
Зачем я не сводил с тебя
К тебе прикованного взгляда?

Увы! Зачем прикован взор,
Взор одинокий, безнадежный,
К звездам, как мрачный их узор
Рисуется в дали безбрежной?..

В толпе врагов, в толпе друзей,
Среди общественного шума,
У верной памяти моей
Везде ты, царственная дума.

Так мусульманин помнит рай
И гроб, воздвигнутый пророку;
Так, занесенный в чуждый кран,
Всегда он молится востоку.

242. Романс («Она безгрешных сновидений...»)[253]

Она безгрешных сновидений
Тебе на ложе не пошлет,
И для небес, как добрый гений,
Твоей души не сбережет;
С ней мир другой, но мир прелестный,
С ней гаснет вера в лучший край...
Не называй ее небесной
И у земли не отнимай!

Нет у нее бесплотных крылий,
Чтоб отделиться от людей;
Она — слиянье роз и лилий,
Цветущих для земных очей.
Она манит во храм чудесный,
Но этот храм — не светлый рай,
Не называй ее небесной
И у земли не отнимай!

Вглядись в пронзительные очи —
Не небом светятся они:
В них есть несправедные ночи,
В них есть мучительные дни.
Пред троном красоты телесной
Святых молитв не зажигай...
Не называй ее небесной
И у земли не отнимай!

Она — не ангел-небожитель,
Но, о любви ее моля,
Как помнить горную обитель,
Как знать, что — небо, что земля?
С ней мир другой, но мир прелестный,
С ней гаснет вера в лучший край...
Не называй ее небесной
И у земли не отнимай!

243. «Не говори, что сердцу больно...» [\[254\]](#)

Не говори, что сердцу больно
От ран чужих;
Что слезы катятся невольно
Из глаз твоих!
Будь молчалива, как могилы,
Кто ни страдай,
И за невинных бога силы
Не призывай!
Твоей души святыя звуки,
Твой детский бред —
Перетолкует все от скуки
Безбожный свет.
Какая в том тебе утрата,
Какой подрыв,
Что люди распинают брата
Наперерыв?

244. «Надуты губки для угрозы...» [\[255\]](#)

Надуты губки для угрозы,
А шепчут нежные слова.
Скажи, откуда эти слезы —
Ты так не плакала сперва.

Я помню время: блеснут, бывало,
Две-три слезы из бойких глаз,
Но горем ты тогда играла,
Тогда ты плакала, смеясь.

Я понял твой недуг опасный:
Уязвлена твоя душа.
Так плачь же, плачь, мой друг прекрасный,
В слезах ты чудно хороша.

ВАСИЛИЙ КРАСОВ

(1810–1854)

245. Песня («Взгляни, мой друг, — по небу голубому...»)[256]

Взгляни, мой друг, — по небу голубому,
Как легкий дым, несутся облака, —
Так грусть пройдет по сердцу молодому,
Его, как сон, касаясь слегка.

Мой милый друг, твои молодые годы
Прекрасный цвет души твоей спасут;
Оставь же мне и гром и непогоды...
Они твое блаженство унесут¹

Прости, забудь, не требуй объяснений...
Моей судьбы тебе не разделить...
Ты создана для тихих наслаждений,
Для сладких слез, для счастья любить!

Взгляни, взгляни — по небу голубому,
Как легкий дым, несутся облака, —
Так грусть пройдет по сердцу молодому,
Его, как сон, касаясь слегка!

246. Стансы («Опять перед тобой я стою очарован...»)[257]

Опять перед тобой я стою очарован,
На черные кудри гляжу, —
Опять я тоской непонятной взволнован
И жадных очей не свожу.

Я думаю: ангел! какую ценою
Куплю дорогую любовь?
Отдам ли я жизнь тебе, с жалкой борьбою,
С томленьем печальных годов?

О нет! — но, святыней признав твою волю,
Я б смел об одном лишь молить:
Ты жизнь мою, жизнь мою — горькую долю —
Заставь меня вновь полюбить!

247. Первая любовь [\[258\]](#)

О! приди ко мне скорее,
В заповедный час, —
Здесь никто в густой аллее
Не увидит нас.

Полный робкого желанья
Средь ночной тиши,
Я несу тебе признанья,
Всю любовь души.

С милых уст я поцелую
Жду лишь для себя,
Да сказать тебе хочу я,
Как люблю тебя!

О, приди же! Над закатом
Уж звезда возшла,
И как дышит ароматом
Тихой ночи мгла.

О, приди ж ко мне скорее,
В заповедный час, —
Здесь никто в густой аллее
Не увидит нас...

МИХАИЛ ОФРОСИМОВ

(1797–1868)

248. Коварный друг [\[259\]](#)

Коварный друг, но сердцу милый,
Я дал обет забыть твой ков,
Мои мечты, мою любовь, —
Забыть все то, что в жизни льстило.

Молил тебя не нарушать
Отрадный мир уединенья,
Но ты, жестокая, опять
Мое тревожишь сновиденье.

Зачем тому твое участие,
Над кем лежит судьбы рука?
Ужель страдальца, бедняка
Завиден так и призрак счастья?

Когда любви моей святой
Тебе внимать не приказали, —
Оставь меня скорбеть душой,
Ты не поймешь моей печали.

НЕСТОР КУКОЛЬНИК

(1809–1868)

249. Сомнение [\[260\]](#)

Уймись, волнения страсти!
Засни, безнадежное сердце!
Я плачу, я страдаю, —
Душа истомилась в разлуке;
Я страдаю, я плачу, —
Не выплакать горя в слезах.
Напрасно надежда
Мне счастье гадает,
Не верю, не верю
Обетам коварным!
Разлука уносит любовь.
Как сон, неотступный и грозный,
Мне снится соперник счастливый,
И тайно и злобно
Кипящая ревность пылает,
И тайно и злобно
Оружия ищет рука.
Напрасно измену
Мне ревность гадает,
Не верю, не верю
Коварным наветам.
Я счастлив, — ты снова моя.
Минует печальное время, —
Мы снова обнимем друг друга,
И страстно и жарко
Забьется воскресшее сердце,
И страстно и жарко
С устами сольются уста.

250. Жаворонок [\[261\]](#)

Между небом и землей
Песня раздается,
Неисходною струей
Громче, громче льется.

Не видать певца полей!
Где поет так громко
Над подружкой своей
Жаворонок звонкой.

Ветер песенку несет,
А кому — не знает.
Та, к кому она, поймет.
От кого — узнает.

Лейся ж, песенка моя,
Песнь надежды сладкой...
Кто-то вспомнит про меня
И вздохнет украдкой.

С. СТРОМИЛОВ

251. Ожидание [\[262\]](#)

Зачем сидишь ты до полночи
У растворенного окна
И вдаль глядят печально очи?
Туманом даль заслонена!

Кого ты ждешь? По ком, тоскуя,
Заветных песен не поешь?
И ноет грудь без поцелуя,
И ты так горько слезы льешь?

Зачем ты позднею порою
Одна выходишь на крыльцо?
Зачем горячею слезою
Ты моешь тусклое кольцо?

Не жди его: в стране далекой
В кровавой сече он сражен.
Там он чужими, одинокий,
В чужую землю схоронен.

ЭДУАРД ГУБЕР

(1814–1847)

252. На покой [\[263\]](#)

Тяжело, не стало силы,
Ноет грудь моя;
Злое горе до могилы
Дотащу ли я?

На покой пора печали,
Время спать костям;
Душу страсти разорвали,
Время спать страстям.

А далеко ли? У гроба
Отдохнул бы я;
Отдохнули бы мы оба —
Я да грусть моя.

253. Сердце [\[264\]](#)

Поиграли бедной волею
 Без любви и жалости,
Повстречались с новой долею —
 Надоели шалости.

А пока над ним шутили вы,
 Сердце к вам просилося;
Отшутили, разлюбили вы —
 А оно разбилося.

И слезами над подушкой
 Разлилось, распалось...
Вот что с бедною игрушкой,
 Вот что с сердцем сталося.

ВЛАДИМИР СОЛЛОГУБ

(1813–1882)

254. Серенада («Закинув плащ, с гитарой под рукою...»)[265]

Н. М. Языкову

Закинув плащ, с гитарой под рукою,
К ее окну пойдем в тиши ночной,
И там прервем мы песнью молодую
Роскошный сон красавицы младой.
Но не страшись, пленительная дева,
Не возмутим твоих мы светлых снов
Неистовством бурсацкого напева
Иль повестью студенческих грехов.

Нет, мы поем и тихо и смиренно
Лишь для того, чтоб слышала нас ты,
И наша песнь — как фимиам священный
Пред алтарем богини красоты.
Звезда души! Богиня молодая!
Нас осветил огонь твоих очей,
И голос наш, на сердце замирая,
Любви земной не выразит речей.

Мы здесь поем во тьме весенней ночи;
Ты ж, пробудясь от шума голосов,
Сомкнешь опять мечтательные очи,
Не расслыхав *воззванья* бурсаков;
Но нет... душой услышав серенаду,
Стыдясь во сне... ты песнь любви поймешь
И нехотя ночным певцам в награду
Их имена впросонках назовешь.

НИКОЛАЙ ОГАРЕВ

(1813–1877)

255. Деревенский сторож [\[266\]](#)

Ночь темна, на небе тучи,
Белый снег кругом,
И разлит мороз трескучий
В воздухе ночном.

Вдоль по улице широкой
Избы мужиков.
Ходит сторож одинокий,
Слышен скрип шагов.

Зябнет сторож; вьюга смело
Злится вокруг него;
На морозе побелела
Борода его.

Скучно! радость изменила,
Скучно одному;
Песнь его звучит уныло
Сквозь метель и тьму.

Ходит он в ночи безлунной,
Бела утра ждет
И в края доски чугунной
С тайной грустью бьет.

И, качаясь, завывает
Звонкая доска...
Пуще сердце замирает,
Тяжелей тоска.

256. «Над морем позднею порой...» [\[267\]](#)

(Из Гейне)

Над морем позднею порой
Еще лучи блестели,
А мы близ хижины с тобой
В безмолвии сидели.
Туман вставал, росла волна,
И чайка пролетала,
А у тебя, любви полна,
Из глаз слеза упала.
Катилась по руке твоей —
И на колени пал я,
И медленно с руки твоей
Твою слезу спивал я.
С тех пор сгораю телом я,
Душа в тоске изныла —
Ах, эта женщина меня
Слезой отравила.

257. Дорога [\[268\]](#)

Тускло месяц дальный
Светит сквозь тумана,
И лежит печально
Снежная поляна.

Белые с морозу
Вдоль пути рядами
Тянутся березы
С голыми сучками.

Тройка мчится лихо,
Колокольчик звонок;
Напевает тихо
Мой ямщик спросонок.

Я в кибитке валкой
Еду да тоскую:
Скучно мне да жалко
Сторону родную,

258. Изба [\[269\]](#)

Небо в час дозора
Обходя, луна
Светит сквозь узора
Мерзлого окна.

Вечер зимний длится;
Дедушка в избе
На печи ложится
И уж спит себе.

Помоляся богу,
Улеглася мать;
Дети понемногу
Стали засыпать.

Только за работой
Молодая дочь
Борется с дремотой
Во всю долгу ночь.

И лучина бледно
Перед ней горит.
Все в избушке бедной
Тишиной томит;

Лишь звучит докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

259. Арестант [\[270\]](#)

Ночь темна. Лови минуты!
Но стена тюрьмы крепка,
У ворот ее замкнуты
Два железные замка.
Чуть дрожит вдоль коридора
Огонек сторожевой,
И звенит о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.

«Часовой!» — «Что, барин, надо?»
— «Притворись, что ты заснул:
Мимо б я, да за ограду
Тенью быстрою мелькнул!
Край родной повидеть нужно
Да жену поцеловать,
И пойду под шелест дружный
В лес зеленый умирать!..»

— «Рад помочь! Куда ни шло бы! —
Божья тварь, чай, тож и я, —
Пуля, барин, ничего бы,
Да боюсь батожья!
Поседел под шум военный...
А сквозь полк как проведут —
Только ком окровавленный
На тележке увезут!»

Шепот смолк... Все тихо снова...
Где-то бог подаст приют?
То ль схоронят здесь живого?
То ль на каторгу ушлют?
Будет вечно цепь надета,
Да начальство станет бить...
Ни ножа! ни пистолета!..
И конца нет, сколько жить!..

260. «Чего хочу?.. Чего?.. О! так желаний много...»[271]

Чего хочу?.. Чего?.. О! так желаний много,
Так к выходу их силе нужен путь,
Что кажется порой — их внутренней тревогой
Сожжется мозг и разорвется грудь.
Чего хочу? Всего со всею полнотою!
Я жажду знать, и подвигов хочу,
Еще хочу любить с безумною тоскою,
Весь трепет жизни чувствовать хочу!
А втайне чувствую, что все желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хил,
Мои стремления замолкнут безответны,
В попытках я запас растрочу сил.
Я сам себе кажусь подавленным страданьем,
Каким-то жалким, маленьким глупцом,
Среди безбрежности затерянным созданием,
Томящимся в брожении пустом...
Дух вечности обнять за раз не в нашей доле,
А чашу жизни пьем мы по глоткам,
О том, что выпито, мы все жалеем боле,
Пустое дно все больше видно нам;
И с каждым днем душе тяжеле устарелость,
Больнее помнить и страшней желать,
И кажется, что жить — отчаянная смелость;
Но биться пульс не может перестать,
И дальше я живу в стремленье безотрадном,
И жизни крест беру я на себя,
И весь душевный жар несу в движенье жадном,
За мигом миг хватая и губя.
И все хочу!.. Чего?.. О! так желаний много,
Так к выходу их силе нужен путь,
Что кажется порой — их внутренней тревогой
Сожжется мозг и разорвется грудь.

261. «Дитяtko! милость господня с тобою!..» [\[272\]](#)

«Дитяtko! милость господня с тобою!
Что ты не спишь до полночи глухой?
Дай я тебя хоть шубенкой прикрою,
Весь ты дрожишь, а горячий какой!..»

«Мама! гляди-ка — отец-то, ей-богу,
С розгой стоит и стучится в окно...»
«Полно! отец твоей уехал в дорогу.
Полно! отец твой нас бросил давно».

«Мама! а видишь — вон черная кошка
Злыми глазами косится на нас?...»
«Полно же ты, моя милая крошка,
Кошка издохла — вот месяц как раз».

«Мама! а видишь — вон бабушка злая
Пальцем грозитя тебе из угла...»
«Полно же — с нами будь сила святая!
Бабушка с год уж у нас умерла».

«Мама! гляди-ка — все свечи да свечи,
Так вот в глазах и блестит и блестит...»
«Полно, родимый, какие тут свечи,
Сальный огарок последний горит».

«Мама!.. темнеет!.. мне душно, мне душно!
Мама!» — «Тс!.. спит. А огарок погас...
До свету долго, и страшно и скучно!..
Крестная сила, помилуй ты нас!»

Иван Тургенев

(1818–1883)

262. Весенний вечер [\[273\]](#)

Гуляют тучи золотые
Над отдыхающей землей;
Поля просторные, немые
Блестят, облитые росой;
Ручей журчит во мгле долины,
Вдали гремит весенний гром,
Ленивый ветер в листьях осины
Трепещет пойманным крылом.

Молчит и млеет лес высокий,
Зеленый, темный лес молчит.
Лишь иногда в тени глубокой
Бессонный лист прошелестит.
Звезда дрожит в огнях заката,
Любви прекрасная звезда,
А на душе легко и свято,
Легко, как в детские года.

263. Баллада («Перед воеводой молча он стоит...»)[274]

Перед воеводой молча он стоит;
Голову потупил, сумрачно глядит;

С плеч могучих сняли бархатный кафтан;
Кровь струится тихо из широких ран.

Скован по ногам он, скован по рукам:
Знать, ему не рыскать ночью по лесам!

Думает он думу, дышит тяжело:
Плохо!.. видно, время доброе прошло,

«Что, попался, парень? Долго ж ты гулял!
Долго мне в тенета волк не забегал!

Что же приумолк ты? Слышал я не раз —
Песенки ты мастер петь в веселый час;

Ты на лад сегодня вряд ли попадешь...
Завтра мы услышим, как ты запоешь».

Взговорил он мрачно: «Не услышишь, нет!
Завтра петь не буду — завтра мне не след;

Завтра умирать мне смертию лихой;
Сам ты запоешь, чай, с радости такой!

Мы певали песни, как из леса шли.
Как купцов с товаром мы в овраг вели...

Ты бы нас послушал — ладно пели мы;
Да недолго песней тешились купцы...

Да еще певал я — в домике твоём;
Запивал я песни — все твоим вином;

Заедал я чарку — хозяйскою едой;
Целовался сладко — да с твоей женой».

264. В дороге («Утро туманное, утро седое...»)[275]

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые...
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные, страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной
Многое вспомнишь родное, далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

АФАНАСИЙ ФЕТ

(1820–1892)

265. «Красавица-рыбачка...» [\[276\]](#)

Красавица-рыбачка,
Причалъ свою ладью,
Пойди и сядь со мною,
Дай руку мне свою.

Доверчиво головкой
На грудь склонись ко мне;
Ведь ты ж себя вверяешь
Беспечно глубине.

С приливом и отливом,
Что море, грудь моя,
И много чудных перлов
Во глубине ея.

266. «На заре ты ее не буди...» [\[277\]](#)

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Все бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди,
На заре она сладко так спит!

267. «Я пришел к тебе с приветом...» [\[278\]](#)

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой.
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет.
Что не знаю сам, что буду
Петь, — но только песня зреет.

268. «Облаком волнистым...» [\[279\]](#)

Облаком волнистым
Пыль встает вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли!

Видю: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

269. Узник («Густая крапива...»)[280]

Густая крапива
Шумит под окном,
Зеленая ива
Повисла шатром;

Веселые лодки
В дали голубой;
Железо решетки
Визжит под пилой.

Бывалое горе
Уснуло в груди,
Свобода и море
Горят впереди.

Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушает ухо,
И пилит рука.

270. «Уж верба вся пушистая...»[\[281\]](#)

Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.

Станицей[\[282\]](#) тучки носятся,
Теплом озарены,
И в душу снова просятся
Пленительные сны.

Везде разнообразною
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ, чему-то рад...

Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена —
И над душою каждою
Проносится весна.

271. Серенада («Тихо вечер догорает...»)[[283](#)]

Тихо вечер догорает,
Горы золотя;
Знойный воздух холодает, —
Спи, мое дитя.

Соловьи давно запели,
Сумрак возвестя;
Струны робко зазвенели, —
Спи, мое дитя.

Смотрят ангельские очи.
Трепетно светя;
Так легко дыханье ночи, —
Спи, мое дитя,

272. «Свеж и душист твой роскошный венок...» [\[284\]](#)

Свеж и душист твой роскошный венок,
Всех в нем цветов благовония слышны,
Кудри твои так обильны и пышны,
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Ясного взора губительна сила, —
Нет, я не верю, чтоб ты не любила:
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Счастью сердце легко предается:
Мне близ тебя хорошо и поется.
Свеж и душист твой роскошный венок.

273. «Шепот, робкое дыханье...» [\[285\]](#)

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебный изменений,
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

274. «Люди спят; мой друг, пойдём в тенистый сад...» [286]

Люди спят; мой друг, пойдём в тенистый сад.
Люди спят; одни лишь звезды к нам глядят.
Да и те не видят нас среди ветвей
И не слышат — слышит только соловей...
Да и тот не слышит, — песнь его громка;
Разве слышат только сердце да рука:
Слышит сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастья сюда мы принесли;
Да рука, услыша, сердцу говорит,
Что чужая в ней пылает и дрожит,
Что и ей от этой дрожи горячо,
Что к плечу невольно клонится плечо...

275. «Ласточки пропали...» [\[287\]](#)

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Все грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

С вечера все спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Выйдешь — поневоле
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь — через поле
Перекасти-поле
Прыгает как мяч.

276. «Вчера, увенчана душистыми цветами...» [\[288\]](#)

Вчера, увенчана душистыми цветами,
Смотрела долго ты в зеркальное окно
На небо синее, горевшее звездами,
В аллею тополей с дрожащими листьями, —
В аллею, где вдали так страшно и темно.

Забыла, может быть, ты за собою в зале
И яркий свет свечей, и нежные слова...
Когда помчался вальс и струны рокотали, —
Я видел — вся в цветах, исполнена печали,
К плечу слегка твоя склонилась голова.

Не думала ли ты: «Вон там, в беседке дальной,
На мраморной скамье теперь он ждет меня
Под сумраком дерев, ревнивый и печальный;
Он взоры утомил, смотря на вихорь бальный,
И ловит тень мою в сиянии огня».

277. Певице («Уноси мое сердце в звенящую даль...»)[289]

Уноси мое сердце в звенящую даль,
Где как месяц за рощей печаль;
В этих звуках на жаркие слезы твои
Кротко светит улыбка любви.

О дитя! как легко средь незримых зыбей
Доверяться мне песне твоей:
Выше, выше плыву серебристым путем,
Будто шаткая тень за крылом.

Вдалеке замирает твой голос, горя,
Словно за морем ночью заря, —
И откуда-то вдруг, я понять не могу,
Грянет звонкий прилив жемчугу.

Уноси ж мое сердце в звенящую даль,
Где кротка, как улыбка, печаль,
И все выше помчусь серебристым путем
Я, как шаткая тень за крылом.

278. «О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной...» [\[290\]](#)

О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму.

279. «Только станет смеркаться немножко...» [\[291\]](#)

Только станет смеркаться немножко,
Буду ждать, не дрогнет ли звонок,
Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидеть вечерок.

Потушу перед зеркалом свечи, —
От камина светло и тепло;
Стану слушать веселые речи,
Чтобы вновь на душе отлегло.

Стану слушать те детские грезы,
Для которых — все блеск впереди;
Каждый раз благодатные слезы
У меня закипают в груди.

До зари осторожной рукою
Вновь платок твой узлом завяжу,
И вдоль стен, озаренных луною,
Я тебя до ворот провожу.

280. «Сияла ночь. Луной был полон сад...»[\[292\]](#)

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнею твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца и цели нет иной,
Как только верить в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

281. «Я тебе ничего не скажу...» [\[293\]](#)

Я тебе ничего не скажу
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы.
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

282. «В царство розы и вина приди...» [\[294\]](#)

В царство розы и вина приди,
В эту рощу, в царство сна — приди.

Утиши ты песнь тоски моей —
Камням эта песнь слышна — приди.

Кротко слез моих уйми ручей —
Ими грудь моя полна — приди.

Дай испить мне здесь, во мгле ветвей,
Кубок счастья до дна — приди.

Чтоб любовь до тла моих костей
Не сожгла — она сильна — приди.

Но дождись, чтоб вечер стал темней;
Но тихонько и одна — приди.

283. На озере [\[295\]](#)

И силу в грудь, и свежесть в кровь
Дыханьем вольным лью.
Как сладко, мать-природа, вновь
Упасть на грудь твою!

Волна ладью в размер весла
Качает и несет,
И вышних гор сырая мгла
Навстречу нам плывет.

Взор мой, взор, зачем склоняться?
Или сны златые снятся?
Прочь ты, сон, хоть золотой, —
Здесь любовь и жизнь со мной!

На волнах сверкают
Тысячи звезд сотрясенных,
В дымном небе тают
Призраки гор отдаленных.

Ветерок струится
Над равниною вод,
И в залив глядится
Дозревающий плод.

284. «В дымке-невидимке...» [\[296\]](#)

В дымке-невидимке
Выплыл месяц вешний,
Цвет садовый дышит
Яблонью, черешней.
Так и льнет, целуя
Тайно и нескромно.
И тебе не грустно?
И тебе не томно?

Истерзался песней
Соловей без розы.
Плачет старый камень,
В пруд роняя слезы.
Уронила косы
Голова невольню.
И тебе не томно?
И тебе не больно?

285. «Сад весь в цвету...» [\[297\]](#)

Сад весь в цвету,
Вечер в огне,
Так освежительно-радостно мне!

Вот я стою,
Вот я иду,
Словно таинственной речи я жду.

Эта заря,
Эта весна
Так непостижна, зато так ясна!

Счастья ли полн,
Плачу ли я,
Ты — благодатная тайна моя.

286. Не отходи от меня [\[298\]](#)

Не отходи от меня,
Друг мой, останься со мной!
Не отходи от меня:
Мне так отрадно с тобой...

Ближе друг к другу, чем мы, —
Ближе нельзя нам и быть;
Чище, живее, сильнее
Мы не умеем любить.

Если же ты — предо мной,
Грустно головку склоня, —
Мне так отрадно с тобой:
Не отходи от меня!

НИКОЛАЙ ЩЕРБИНА

(1821–1869)

287. Южная ночь [\[299\]](#)

На раздольи небес ярко светит луна,
И листки серебруются олив;
 Дикой воли полна,
 Заходила волна,
Жемчугом убирая залив.

Эта чудная ночь и темна, и светла,
И огонь разливает в крови;
 Я мастику зажгла,
 Я цветов нарвала,
Поспешай на свиданье любви!..

Эта ночь пролетит, и замолкнет волна
При сияньи бесстрастного дня,
 И, заботы полна,
 Буду я холодна,
Ты тогда не узнаешь меня!

288. Моряк [300]

Не слышно на палубе песен,
Эгейские волны шумят...
Нам берег и душен, и тесен;
Суровые стражи не спят.

Раскинулось небо широко,
Теряются волны вдали...
Отсюда уйдем мы далеко,
Подальше от грешной земли!

Не правда ль, ты много страдала?
Минуту свиданья лови...
Ты долго меня ожидала,
Приплыл я на голос любви.

Спалив бригантину султана,
Я в море врагов утопил
И к милой с турецкою раной,
Как с лучшим подарком, приплыл.

«Не пробуждай воспоминаний...»

Поэты второй половины XIX века

ЯКОВ ПОЛОНСКИЙ

(1819–1898)

289. Солнце и месяц [\[301\]](#)

Ночью в колыбель младенца
Месяц луч свой заронил.
«Отчего так светит Месяц?» —
Робко он меня спросил.

В день-деньской устало Солнце,
И сказал ему господь:
«Ляг, засни, и за тобою
Все задремлет, все заснет».

И взмолилось Солнце брату:
«Брат мой Месяц золотой,
Ты зажги фонарь — и ночью
Обойди ты край земной.

Кто там молится, кто плачет,
Кто мешает людям спать,
Все разведай — и поутру
Приходи и дай мне знать».

Солнце спит, а Месяц ходит,
Сторожит земли покой.
Завтра ж рано-рано к брату
Постучится брат меньшей.

Стук-стук-стук! — отворят двери,
«Солнце, встань — грачи летят,
Петухи давно пропели —
И к заутрене звонят».

Солнце встанет, Солнце спросит:
«Что, голубчик, братец мой,
Как тебя господь-бог носит?
Что ты бледен? что с тобой?»

И начнет рассказ свой Месяц,

Кто и как себя ведет.
Если ночь была спокойна,
Солнце весело взойдет.

Если ж нет — взойдет в тумане,
Ветер дунет, дождь пойдет,
В сад гулять не выйдет няня
И дитя не поведет.

290. Тишь [\[302\]](#)

Душный зной над океаном,
Небеса без облаков;
Сонный воздух не колышет
Ни волны, ни парусов.
Мореплаватель сердито
В даль пустую не гляди:
В тишине, быть может, буря
Притаилась, погоди!

291. Узник («*Меня тяжелый давит свод...*»)[303]

Меня тяжелый давит свод,
Большая цепь на мне гремит.
Меня то ветром опахнет,
То все вокруг меня горит!
И, головой припав к стене,
Я слышу, как больной во сне.
Когда он спит, раскрыв глаза, —
Что по земле идет гроза.

Налетный ветер за окном,
Листы крапивы шевеля,
Густое облако с дождем
Несет на сонные поля.
И божьи звезды не хотят
В мою темницу бросить взгляд;
Одна, играя по стене,
Сверкает молния в окне.

И мне отраден этот луч,
Когда стремительным огнем
Он вырывается из туч...
Я так и жду, что божий гром
Мои оковы разобьет,
Все двери настежь распахнет
И опрокинет сторожей
Тюрьмы безвыходной моей,

И я пойду, пойду опять,
Пойду бродить в густых лесах,
Степной дорогою блуждать,
Толкаться в шумных городах...
Пойду, среди живых людей,
Вновь полный жизни и страстей,
Забуть позор моих цепей.

292. Тени

По небу синему тучки плывут,
По лугу тени широко бегут;
Тени ль толпой на меня налетят —
Дальние горы под солнцем блестят;
Солнце ль внезапно меня озарит —
Тень по горам полосами бежит.
Так на душе человека порой
Думы, как тени, проходят толпой;
Так иногда вдруг тепло и светло
Ясная мысль озаряет чело.

293. Вальс «Луч надежды» [\[304\]](#)

Надежды вальс зовет, звучит —
И, замирая, занывает;
Он тихо к сердцу подступает,
И сердцу громко говорит:

Среди бесчисленных забав,
Среди страданий быстротечных —
Каких страстей ты хочешь вечных,
Каких ты хочешь вечных прав?

Напрасных благ не ожидай!
Живи, кружась под эти звуки,
И тайных ран глухие муки
Не раздражай, а усыпляй!

Когда ж красавица пройдет
Перед тобой под маской черной
И руку с нежностью притворной
Многозначительно пожмет, —

Тогда ослепни и пылай! —
Лови летучие мгновенья
И на пустые уверенья
Минутным жаром отвечай!

294. Птичка [\[305\]](#)

Пахнет полем воздух чистый...
В безмятежной тишине
Песни птички голосистой
Раздаются в вышине.

Есть у ней своя подруга,
Есть у ней приют ночной,
Средь некошенного луга.
Под росистой травой.

В небесах, но не для неба,
Вся полна живых забот,
Для земли, не ради хлеба,
Птичка весело поет.

Внемля ей, невольно стыдно
И досадно, что порой
Сердцу гордому завидна
Доля птички полевой!

295. Вызов [\[306\]](#)

За окном в тени мелькает
Русая головка.
Ты не спишь, мое мученье!
Ты не спишь, плутовка!

Выходи ж ко мне навстречу!
С жаждой поцелуя,
К сердцу сердце молодое
Пламенно прижму я.

Ты не бойся, если звезды
Слишком ярко светят:
Я плащом тебя одену
Так, что не заметят!

Если сторож нас окликнет —
Назовись солдатом;
Если спросят, с кем была ты, —
Отвечай, что с братом!

Под надзором богомолки
Ведь тюрьма наскучит;
А неволя поневоле
Хитрости научит!

296. Затворница [\[307\]](#)

В одной знакомой улице
Я помню старый дом,
С высокой, темной лестницей,
С завешенным окном.
Там огонек, как звездочка,
До полночи светил
И ветер занавескою
Тихонько шевелил.
Никто не знал, какая там
Затворница жила,
Какая сила тайная
Меня туда влекла,
И что за чудо девушка
В заветный час ночной
Меня встречала, бледная,
С распущенной косой.
Какие речи детские
Она твердила мне:
О жизни неизведанной,
О дальней стороне.
Как не по-детски пламенно,
Прильнув к устам моим,
Она, дрожа, шептала мне:
«Послушай, убежим!
Мы будем птицы вольные —
Забудем гордый свет...
Где нет людей прощающих,
Туда возврата нет...»
И тихо слезы капали —
И поцелуй звучал...
И ветер занавескою
Тревожно колыхал.

297. Ночь [\[308\]](#)

Отчего я люблю тебя, светлая ночь, —
Так люблю, что страдая люблюсь тобой!
И за что я люблю тебя, тихая ночь!
Ты не мне, ты другим посылаешь покой!..
Что мне звезды — луна — небосклон — облака —
Этот свет, что, скользя на холодный гранит,
Превращает в алмазы росинки цветка,
И, как путь золотой, через море бежит?
Ночь! — за что мне любить твой серебряный свет!
Усладит ли он горечь скрываемых слез.
Даст ли жадному сердцу желанный ответ,
Разрешит ли сомненья тяжелый вопрос!

Что мне сумрак холмов — трепет сонных листов —
Моря темного вечно-шумящий прибой —
Голоса насекомых во мраке садов —
Гармонический говор струи ключевой?
Ночь! — за что мне любить твой таинственный шум!
Освежит ли он знойную бездну души,
Заглушит ли он бурю мятежную дум —
Все, что жарче впотьмах и слышнее в тиши!

Сам не знаю, за что я люблю тебя, ночь, —
Так люблю, что страдая, люблюсь тобой!
Сам не знаю, за что я люблю тебя, ночь, —
Оттого, может быть, что далек мой покой!

298. «Мое сердце — родник, моя песня — волна...» [\[309\]](#)

Мое сердце — родник, моя песня — волна,
 Пропадая вдали, — разливается...
Под грозой — моя песня, как туча, темна,
 На заре — в ней заря отражается.
Если ж вдруг вспыхнут искры нежданной любви
 Или на сердце горе накопится —
В лоно песни моей льются слезы мои,
 И волна уносить их торопится.

299. Из Бурдильена («Ночь смотрит тысячами
глаз...»)[310]

Ночь смотрит тысячами глаз,
А день глядит одним;
Но солнца нет — и по земле
Тьма стелется, как дым,

Ум смотрит тысячами глаз,
Любовь глядит одним;
Но нет любви — и гаснет жизнь,
И дни плывут, как дым.

300. Диссонанс («Пусть по воле судеб я рассталась с тобой...»)[311]

(Мотив из признаний Ады Кристен)

Пусть по воле судеб я рассталась с тобой, —
Пусть другой обладает моей красотой!

Из объятий его, из ночной духоты,
Уношусь я далеко на крыльях мечты.

Вижу снова наш старый, запущенный сад:
Отраженный в пруде потухает закат,

Пахнет липовым цветом в прохладе аллея;
За прудом, где-то в роще, урчит соловей...

Я стеклянную дверь отворила — дрожу —
Я из мрака в таинственный сумрак гляжу.

Чу! там хрустнула ветка — не ты ли шагнул?!
Встрепенулася птичка — не ты ли спугнул?!

Я прислушиваюсь, я мучительно жду,
Я на шелест шагов твоих тихо иду —

Холодит мои члены то страсть, то испуг —
Это ты меня за руку взял, милый друг?!

Это ты осторожно так обнял меня,
Это твой поцелуй — поцелуй без огня!

С болью в трепетном сердце, с волнением в крови
Ты не смеешь отдаться безумствам любви, —

И, внимая речам благородным твоим,
Я не смею дать волю влеченьям своим,

И дрожу, и шепчу тебе: милый ты мой!
Пусть владеет он жалкой моей красотой!

Из объятий его, из ночной духоты,
Я опять улетаю на крыльях мечты,

В этот сад, в эту темь, вот на эту скамью,
Где впервые подслушал ты душу мою...

Я душою сливаюсь с твоею душой —
Пусть владеет он жалкой моей красотой!

301. Узница [\[312\]](#)

Что мне она! — не жена, не любовница,
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее доля проклятая
Спать не дает мне всю ночь!

Спать не дает, оттого что мне грезится
Молодость в душной тюрьме,
Вижу я — своды... окно за решеткою,
Койку в сырой полутьме...

С койки глядят лихорадочно-знойные
Очи без мысли и слез,
С койки висят чуть не до полу темные
Космы тяжелых волос.

Не шевелятся ни губы, ни бледные
Руки на бледной груди,
Слабо прижатые к сердцу без трепета
И без надежд впереди...

Что мне она! — не жена, не любовница,
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее образ страдальческий
Спать не дает мне всю ночь!

302. «Зной — и все в томительном покое...» [\[313\]](#)

Зной — и все в томительном покое —
В пятнах света тени спят в аллее...
Только чуткой чудится лилее,
Что гроза таится в этом зное.

Бледная, поникла у балкона —
Ждет грозы, — и грезится ей, бедной,
Что далекой бури призрак бледный
Стал темнеть в лазури небосклона...

Грезы лета кажутся ей былью, —
Гроз и бурь она еще не знает,
Ждет... зовет... и жутко замирает,
Золотой осыпанная пылью...

303. Песня цыганки («Мой костер в тумане светит...»)[314]

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет — и спозаранок
В степь далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя!

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

304. «Подойди ко мне, старушка...» [\[315\]](#)

«Подойди ко мне, старушка,
Я давно тебя ждала».
И косматая, в лохмотьях,
К ней цыганка подошла.
«Я скажу тебе всю правду;
Дай лишь на руку взглянуть:
Берегись, тебя твой милый
Замышляет обмануть...»

И она в открытом поле
Сорвала себе цветок,
И лепечет, обрывая
Каждый белый лепесток:
«Любит — нет — не любит — любит».
И, оборванный кругом,
«Да» сказал цветок ей темным,
Сердцу внятным языком.

На устах ее улыбка,
В сердце — слезы и гроза.
С упоением и грустью
Он глядит в ее глаза.
Говорит она: «Обман твой
Я предвижу — и не лгу,
Что тебя возненавидеть
И хочу, и не могу».

Он глядит все так же грустно,
Но лицо его горит...
Он, к плечу ее устами
Припадая, говорит:
«Берегись меня! — я знаю,
Что тебя я погублю,
Оттого что я безумно,
Горячо тебя люблю!..»

ЮЛИЯ ЖАДОВСКАЯ

(1824–1883)

305. «Ты скоро меня позабудешь...» [\[316\]](#)

Ты скоро меня позабудешь,
Но я не забуду тебя;
Ты в жизни разлюбишь, полюбишь,
А я — никого, никогда!
Ты новые лица увидишь
И новых друзей изберешь, —
Ты новые чувства узнаешь
И, может быть, счастье найдешь.
Я — тихо и грустно свершаю
Без радостей жизненный путь;
И как я люблю и страдаю —
Узнает могила одна!

306. «Я все еще его, безумная, люблю!..» [\[317\]](#)

Я все еще его, безумная, люблю!
При имени его душа моя трепещет;
Тоска по-прежнему сжимает грудь мою,
И взор горячею слезой невольно блещет.

Я все еще его, безумная, люблю!
Отрада тихая мне душу проникает
И радость ясная на сердце низлетает,
Когда я за него создателя молю.

АЛЕКСЕЙ ПЛЕЩЕЕВ

(1825–1893)

307. «Тени гор высоких...» [\[318\]](#)

Тени гор высоких
На воду легли;
Потянулись чайки
Белые вдали.

Тихо все... томленьем
Дышит грудь моя...
Как теперь бы крепко
Обнял друга я!

Весело выходит
Странник утром в путь;
Но под вечер дома
Рад бы отдохнуть.

308. Ее мне жаль

(Графу Д. А. Толстому)

Дай руку мне... Я понимаю
Твою зловещую печаль
И, полон тайных мук, внимаю
Твоим словам: «Ее мне жаль».

Как иногда в реке широкой
Г розой оторванный листок
Несется бледный, одинокой.
Куда влечет его поток, —

Так и она, веленью рока
Всегда покорная, пойдет
Без слез, без жалоб и упрека,
Куда ее он поведет.

В ее груди таится ныне
Любви так много... Боже мой,
Не дай растратить ей в пустыпе
Огня, зажженного тобой!

Но этот взор, спокойный, ясный,
Да будет вечно им согрет,
И пусть на зов души прекрасной
Душа другая даст ответ.

Да, верь мне, друг, я понимаю
Твою зловещую печаль
И, полон грусти, повторяю
С тобою сам: «Ее мне жаль».

309. Песня («Выйдем на берег; там волны...»)[319]

Выйдем на берег; там волны
Ноги нам будут лобзать;
Звезды с таинственной грустью
Будут над нами сиять.

Там ветерок ароматный
Кудри твои разовеет;
Выйдем... Уныло качаясь,
Тополь к себе нас зовет.

В долгом и сладком забвенье,
Шуму внимая ветвей,
Мы отдохнем от печали,
Мы позабудем людей.

Много они нас терзали,
Мучили много, друг мой:
Те — своей глупой любовью,
Те — бесконечной враждой.

Все мы забудем, как месяц
В темной лазури блеснет,
Все — как природе и богу
Гимн соловей запоеет!

310. Молитва («*О мой творец! О боже мой...*»)[320]

О мой творец! О боже мой,
Взгляни на грешную меня:
Я мучусь, я больна душой,
Изрыта скорбью грудь моя.
О мой творец! велик мой грех
Я на земле преступней всех!

Кипела в нем молодая кровь;
Была чиста его любовь;
Но он ее в груди своей
Таил так свято от людей.
Я знала все... О боже мой,
Прости мне, грешной и больной.

Его я муки поняла;
Улыбкой, взором лишь одним
Я б исцелить его могла,
Но я не сжалась над ним.
О мой творец, велик мой грех,
Я на земле преступней всех.

Томился долго, долго он,
Печалью тяжелой удручен;
И умер, бедный, наконец...
О боже мой, о мой творец,
Ты тронься грешницы мольбой,
Взгляни, как я больна душой!

311. «Речная лилея, головку...» [\[321\]](#)

Речная лилея, головку
Поднявши, на небо глядит;
А месяц влюбленный лучами
Уныло ее серебрит...
И вот она снова поникла
Стыдливо к лазурным водам;
Но месяц — все бледный и томный,
Как призрак, — сияет и там...

312. «Дитя! как цветок, ты прекрасна...» [\[322\]](#)

Дитя! как цветок, ты прекрасна,
Светла, и чиста, и мила;
Смотрю на тебя... и люблюсь, —
И снова душа ожила...

Охотно б тебе на головку
Я руки свои положил,
Прося, чтобы бог тебя вечно
Прекрасной и чистой хранил.

313. «Я у матушки выросла в холе...» [\[323\]](#)

Я у матушки выросла в холе
И кручины не ведала злой,
Да счастливой девической доле
Позавидовал недруг людской.

Речи сладкие стал он, лукавый,
Мне нашептывать ночью и днем;
И наскучили смех и забавы,
И наскучил мне матери дом.

Сердце билось испуганной пташкой,
Не давало ни часу заснуть;
Подымалась под тонкой рубашкой
Высоко моя белая грудь.

Я вставала с постели босая,
И, бывало, всю ночь напролет
Под окошком кого-то ждала я —
Всё казалось мне, кто-то идет...

Я ждала и дождалась милóва,
И уж как полюбился он мне!
Молодца не видала такого
Прежде я никогда и во сне.

Очи карие бойко глядели
На меня из-под черных бровей;
Допытать они, видно, хотели,
Что в душе затаилось моей.

Допытали они, что готова
Хоть на гибель для них я была...
И за милым из дома родного
Я, как малый ребенок, пошла.

Был он барин богатый и где-то
Все в далеких краях проживал;
Слышь, лечился — и только на лето
Он в поместья свои наезжал.

Только лаской его и жила я,
Белый свет с ним казался милей;
Нипочем было мне, что дурная
Шла молва про меня у людей.

Да не думала я, не гадала,
Что любви его скоро конец;
Вдруг постыла милому я стала —

И с другой он пошел под венец.

Не пригожим лицом, не красою
Приманила дворянка его;
Приманила богатой казною —
Много взял он за нею всего.

С той поры будто солнышка нету.
Все глухая, осенняя ночь;
Как ни жди, не дождешься рассвету
Как ни плачь, а беде не помочь.

И с красой я своей распрощалась!
Не узнала б теперь меня мать:
Ни кровинки в лице не осталось,
Словно зелья мне дали принять.

Ах! изменой своей — не отравой —
Он с лица мне румянец согнал...
Буду помнить я долго, лукавый,
Что ты ночью мне летней шептал!

314. Молчание («Ни слова, о друг мой, ни вздоха...»)[324]

Ни слова, о друг мой, ни вздоха...
Мы будем с тобой молчаливы...
Ведь молча над камнем могильным
Склоняются грустные ивы...

И только, склонившись, читают,
Как я, в твоём взоре усталом,
Что были дни ясного счастья,
Что этого счастья — не стало!

315. «Люби, пока любить ты можешь...» [\[325\]](#)

Люби, пока любить ты можешь,
Иль час ударит роковой,
И станешь с поздним сожаленьем
Ты над могилой дорогой.

О, сторожи, чтоб сердце свято
Любовь хранило, берегло,
Пока его другое любит
И неизменно и тепло.

Тем, чья душа тебе открыта,
О, дай им больше, больше дай!
Чтоб каждый миг дарил им счастье,
Ни одного не отравляй!

И сторожи, чтоб слов обидных
Порой язык не произнес;
О боже! он сказал без злобы,
А друга взор уж полон слез!

Люби, пока любить ты можешь,
Иль час ударит роковой,
И станешь с поздним сожаленьем
Ты над могилой дорогой!

Вот ты стоишь над ней уныло;
На грудь поникла голова;
Все, что любил, — навек сокрыла
Густая влажная трава.

Ты говоришь: «Хоть на мгновенье
Взгляни; изныла грудь моя!
Прости язвительное слово,
Его сказал без злобы я!»

Но друг не видит и не слышит,
В твои объятия не спешит.
С улыбкой кроткою, как прежде,
«Прощаю все» не говорит!

Да! ты прощен... но много, много
Твоя язвительная речь
Мгновений другу отравила,
Пока успел он в землю лечь.

Люби, пока любить ты можешь,
Иль час ударит роковой,
И станешь с поздним сожаленьем

Ты над могилой дорогой!

316. «Знакомые звуки, чудесные звуки!..» [\[326\]](#)

Знакомые звуки, чудесные звуки!
О, сколько вам силы дано!
Прошедшее счастье, прошедшие муки,
И радость свиданья, и слезы разлуки...
Вам всё воскресить суждено.

Знакомые тени являются снова,
Проходят одна за другой...
И сердце поверить обману готово,
И жаждет, и молит всей жизни былого,
Согретое страстью былой.

И все, что убито бесплодной борьбою,
Опять шевельнулось в груди...
На доблестный подвиг, на битву с судьбою
Иду я отважно, и яркой звездой
Надежда горит впереди.

В возлюбленном взоре, в улыбке участия
Прочел я давно, что любим;
Не страшны мне грозы, не страшно ненастье;
Я знаю — любви бесконечное счастье
Меня ожидает за ним!

Довольно, довольно!.. замолкните, звуки!
Мою вы терзаете грудь...
Прошедшее счастье, прошедшие муки,
И радость свиданья, и слезы разлуки,
О сердце! навеки забудь!..

317. Нищие

В удушливый зной по дороге
Оборванный мальчик идет;
Изрезаны камнями ноги,
Струится с лица его пот.

В походке, в движеньях, во взоре
Нет резвости детской следа;
Сквозит в них тяжелое горе,
Как в рубище ветхом нужда.

Он в город ходил наниматься
К богатым купцам в батраки;
Да взять-то такого бояся:
Тщедушный батрак не с руки.

Один он... Свезли на кладбище
Вчера его старую мать.
С сумою под окнами пищу
Приходится, видно, собирать...

318. «Всю-то, всю мою дорожку...» [\[327\]](#)

Всю-то, всю мою дорожку
Ранним снегом занесло!
Было время золотое,
Да как сон оно прошло.
Было время — и блистало
Солнце в яркой синеве,
И цветов пестрело много
В зеленеющей траве.
Шумом радостным шумели
Бесконечные леса...
И звенели в темной чаще
Вольных птичек голоса.
И река спокойно в море
Волны чистые несла;
И дрожащим в этих волнах
Звездам не было числа!
Но разнес осенний ветер
 Пожелтевшие листья;
И под холодом поникли
 Запоздалые цветы...
Улетели в край далекий,
 Под иные небеса,
Птички вольные, покинув
 Обнаженные леса!
И в волнах реки шумящих
Не лазурный, чистый свод,
Не бесчисленные звезды —
Тучи смотрятся с высот...

Было время — молодое
Сердце билось в груди;
Жизнь, и счастье, и свободу
Обещало впереди!
Божий мир казался тесен
Для могучих юных сил;
Как орел ширококрылый,
В беспредельность дух парил!
Жажда подвигов высоких
Волновала смелый ум;
Много в сердце было страсти,
В голове — кипучих дум!
Жизнь! зачем же обещаний
Не сдержала ты своих
И зачем не пощадила
Упований молодых?
Сгибло все: надежды, силы...
Как ненастною порой
Зеленеющие всходы
Под дыханьем бури злой!

Было время золотое,
Да как сон оно прошло!
Всю-то, всю мою дорожку
Ранним снегом занесло!

319. «Ночь пролетала над миром...» [\[328\]](#)

Ночь пролетала над миром,
Сны на людей наваяя:
С темно-лазоревой ризы
Сыпались звезды, сверкая.

Старые мощные дубы,
Вечнозеленые ели,
Грустные ивы листвою
Ночи навстречу шумели.

Радостно волны журчали,
Образ ее отражая;
Рожь наклонялась, сильнее
Пахла трава луговая.

Крики кузнечиков резвых
И соловьиные трели,
В хоре хвалебном сливаясь,
В воздухе тихом звенели,

И улыбалась кротко
Ночь, над землей пролетая...
С темно-лазоревой ризы
Сыпались звезды, сверкая...

320. «Что ты поникла, зеленая ивушка?..» [\[329\]](#)

Что ты поникла, зеленая ивушка?
Что ты уныло шумишь?
Или о горе моем ты проведала,
Вместе со мною грустишь?

Шепчутся листья твои серебристые,
Шепчутся с чистой волной...
Не обо мне ли тот шепот таинственный
Вы завели меж собой?

Знать, не укрылася дума гнетущая,
Черная дума от вас!
Вы разгадали, о чем эти жгучие
Слезы лилися из глаз?

В шепоте вашем я слышу участие;
Мне вам отрадно внимать...
Только природе страданья незримые
Духа дано врачевать!

321. «Степью иду я унылою...» [\[330\]](#)

Степью иду я унылою,
Нет ни цветочка на ней;
Деревца нету зеленого,
Где бы мог спеть соловей.
Мрачно так вечер насупился
Звезд — ни следа в вышине...
Сам я не знаю, что вспомнилась
Вдруг в эту пору ты мне!..
Вспомнилась ты, моя милая,
С кротким и ясным лицом...
Вижу тебя... И, мне кажется,
Мгла уж редет кругом;
И будто песнь соловьиная
В чаще зеленой звучит;
Волны цветов колыхаются,
В звездах все небо горит...

322. Слова для музыки («Нам звезды кроткие сияли...»)[331]

(Посвящается П. Н. О<стровско>му)

Нам звезды кроткие сияли,
Чуть веял теплый ветерок,
Кругом цветы благоухали,
И волны ласково журчали
У наших ног.

Мы были юны, мы любили,
И с верой вдаль смотрели мы;
В нас грезы радужные жили,
И нам не страшны вьюги были
Седой зимы.

Где ж эти ночи с их сияньем,
С благоухающей красой
И волн таинственным роптаньем?
Надежд, восторженных мечтаний
Где светлый рой?

Померкли звезды, и уныло
Поникли блеклые цветы...
Когда ж, о сердце, все, что было,
Что нам весна с тобой дарила,
Забудешь ты?

323. В последний раз [\[332\]](#)

В голове моей мозг хочет треснуть,
Кровью сердце мое истекло;
Изменяют мне ноги... О Вилли!
Умереть, видно, время пришло.
Приложи свою руку мне к сердцу
И щекою приникни к моей.
И скажи — ты меня не забудешь,
Даже там, — даже в царстве теней?

О, к чему утешать меня? Полно!
Пусть беснуется горе в груди.
Только дай мне наплакаться вволю;
На колени меня посади.
Дай обнять твою голову, Вилли,
Дай облить мне слезами ее;
Дай потухшим глазам наглядеться
На лицо дорогое твое!

Никогда уж я больше не буду
На коленях сидеть у тебя;
Я, несчастная мать, без супруга,
Умираю, глубоко любя.
Приложи свою руку мне к сердцу,
Приложи ее крепче — вот так.
Это сердце так бешено рвется,
Что мой шелковый лопнет кушак.

Проклинаю тот день, как впервые
Образ твой в мою душу проник,
Рокового с тобою свиданья
Проклинаю я сладостный миг.
И ту рощу, тот рай, где, бывало,
Не устанем всю ночь мы бродить,
И судьбу, что меня допустила
Беспредельно тебя полюбить!

О, прости мне, мой милый; не слушай,
Я сказала тебе не в укор,
Но ведь я так глубоко страдаю,
Ведь на долю мне выпал позор!
Вижу — градом внезапные слезы
Из очей покатались твоих...
Но о чем же ты плачешь, скажи мне?
О грехе ль? о страданиях людских?

Опостылел мне мир этот, Вилли!
Я всех радостей стала чужда;
Чем была — не могу я остаться,
И женой мне не быть никогда.

О, прижми это сердце больное
К своему еще раз, еще раз...
Поцелуй эти впалые щеки,
На которых румянец погас!

В голове моей мозг хочет треснуть!
Кровью сердце мое истекло...
Еще раз — перед вечной разлукой
Я твое поцелую чело,
Еще раз — и в последний, мой милый...
Подогнулись колени... прощай...
На кладбище, где буду лежать я,
Не ходи... надо мной не рыдай.

Этот жаворонок, звонкою песнью
Оглашающий воздух полей,
Целый день будет петь не смолкая
Над могилою тихой моей.
Эта влажная зелень долины
Скроет бедное сердце мое,
Что любило тебя так безмерно,
Как тебя не полюбит ничье!

Не забудь, где бы ни был ты, Вилли,
Не забудь своей Мэри! Она
Одного тебя только любила
И до смерти осталась верна.
Не забудь, что засыпаны прахом
Будут светлые кудри лежать;
И прильнет он к ланитам, которых
Уж тебе никогда не лобзать!

МИХАИЛ МИХАЙЛОВ

(1829–1865)

324. «Ее он безмолвно, но страстно любил...» [\[333\]](#)

Ее он безмолвно, но страстно любил:
И редко и холодно с ней говорил;
А в сердце его все была лишь она,
И ум занимала об ней мысль одна...
Но детской и резвой своею душой
Любви не постигла она той святой. —
Он вечно был мрачен, в печаль погружен,
А взор ее ясный к другим обращен...
Но вот уж расстались они, — и далеко
Живет он, но любит ее, одинокой;
А те, что встречали взор девы живой,
Об ней позабыли холодной душой...

325. Жена каторжного [\[334\]](#)

У тебя клеймо на лбу,
И позорно и черно;
Всем видна твоя вина
И не смывается оно.
У тебя клеймо на лбу;
Но везде пойду с тобой.
Кто тебя полюбит там,
Если будешь брошен мной?

Целый мир тебя отверг,
И грешна душа твоя.
Целый мир тебя отверг;
Но не я, не я, не я!
Если насмерть ранен тигр,
Рядом с ним лежит, любя,
И тигрица. — Милый мой,
Я тигрица у тебя!

326. «Снилась мне девушка: кудри как шелк...» [\[335\]](#)

Снилась мне девушка: кудри как шелк;
Кроткие, ясные очи...
С нею под липой просиживал я
Синие летние ночи.

Слово любви прерывала порой
Сладкая речь поцелуя...
Звезды вздыхали средь темных небес,
Словно ревниво тоскуя.

Я пробудился... Со мной никого...
Страшно мне в сумраке ночи;
Холодно, немо глядят на меня
Тусклые звездные очи.

327. «Щекою к щеке ты моей приложишь...» [\[336\]](#)

Щекою к щеке ты моей приложишь:
Пусть наши слезы сольются!
И сердцем ты к сердцу мне крепче прижмись:
Одним огнем пусть зажгутся!
Когда же в то пламя польются рекой
Из глаз наших слезы, — я руки
Сомкну у тебя за спиной и умру,
Умру от блаженства и муки.

328. «Объятый туманными снами...» [\[337\]](#)

Объятый туманными снами,
Глядел я на милый портрет,
И мне показалось: я вижу
В нем жизни таинственный след...

Как будто печальной улыбкой
Раскрылись немые уста.
И жемчугом слез оросилась
Любимых очей красота.

И сам я невольно заплакал —
Заплакал, грустя и любя...
Ах, страшно поверить!.. Неужто
Я точно утратил тебя?

329. «Как трепещет, отражаясь...» [\[338\]](#)

Как трепещет, отражаясь
В море плещущем, луна;
А сама идет по небу
И спокойна и ясна, —

Так и ты идешь, спокойна
И ясна, своим путем;
Но дрожит твой светлый образ
В сердце трепетном моем.

330. Гренадеры [\[339\]](#)

Во Францию два гренадера
Из русского плена брели,
И оба душой приуныли,
Дойдя до Немецкой земли.

Придется им — слышат — увидеть
В позоре родную страну...
И храброе войско разбито,
И сам император в плену!

Печальные слушая вести,
Один из них вымолвил: «Брат!
Болят мое скорбное сердце,
И старые раны горят!»

Другой отвечает: «Товарищ!
И мне умереть бы пора;
Но дома жена, малолетки:
У них ни кола ни двора.

Да что мне? просить Христа-ради
Пущу и детей и жену...
Иная на сердце забота:
В плену император! в плену!

Исполни завет мой: коль здесь я
Окончу солдатские дни,
Возьми мое тело, товарищ,
Во Францию! там схорони!

Ты орден на ленточке красной
Положишь на сердце мое,
И шпагой меня опояшешь,
И в руки мне вложишь ружье.

И смирно и чутко я буду
Лежать, как на страже, в гробу...
Заслышу я конское ржанье,
И пушечный гром, и трубу.

То Он над могилою едет!
Знамена победно шумят...
Тут выйдет к тебе, император,
Из гроба твой верный солдат!»

НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ

(1821–1877)

331. «Ты всегда хороша несравненно...» [\[340\]](#)

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум;

Ты хохочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понурив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь;

Так добра ты, скупая на ласки,
Поцалуй твой так полон огня,
И твои ненаглядные глазки
Так голубят и гладят меня, —

Что с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу
И вперед — в это темное море —
Без обычного страха гляжу...

332. «Еду ли ночью по улице темной...» [\[341\]](#)

Еду ли ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день —
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
Сердце сожмется мучительной думой.
С детства судьба невзлюбила тебя:
Беден и зол был отец твой угрюмый,
Замуж пошла ты — другого любя.
Муж тебе выпал недобрый на долю:
С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
Не покорилась — ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...

Помнишь ли день, как, больной и голодный,
Я унывал, выбивался из сил?
В комнате нашей, пустой и холодной,
Пар от дыханья волнами ходил.
Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
Ты согревала дыханьем ему.
Он не смолкал — и пронзительно звонок
Был его крик... Становилось темней;

Вдоволь поплакал и умер ребенок...
Бедная! слез безрассудных не лей!
С горя да с голоду завтра мы оба
Так же глубоко и сладко заснем;
Купит хозяин, с проклятьем, три гроба —
Вместе свезут и положат рядком...

В разных углах мы сидели угрюмо.
Помню, была ты бледна и слаба,
Зрела в тебе сокровенная дума,
В сердце твоём совершалась борьба.
Я задремал. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, как будто к венцу,
И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу.
Голод мучительный мы утолили,
В комнате темной зажгли огонек,
Сына одели и в гроб положили...
Случай нас выручил? Бог ли помог?
Ты не спешила печальным признаньем,
Я ничего не спросил,
Только мы оба глядели с рыданьем,
Только угрюм и озлоблен я был...

Где ты теперь? С нищетой горемычной

Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной
И роковая свершится судьба?
Кто ж защитит тебя? Все без изъятия
Именем страшным тебя назовут,
Только во мне шевельнутся проклятья —
И бесполезно замрут!..

333. Маша [\[342\]](#)

Белый день занялся над столицей,
Сладко спит молодая жена,
Только труженик муж бледнолицый
Не ложится — ему не до сна!

Завтра Маше подруга покажет
Дорогой и красивый наряд...
Ничего ему Маша не скажет,
Только взглянет... убийственный взгляд!

В ней одной его жизни отрада,
Так пускай в нем не видит врага:
Два таких он ей купит наряда,
А столичная жизнь дорога!

Есть, конечно, прекрасное средство:
Под рукою казенный сундук;
Да испорчен он был с малолетства
Изученьем опасных наук.

Человек он был новой породы:
Исключительно честь понимал,
И безгрешные даже доходы
Называл воровством, либерал!

Лучше жить бы хотел он попроще,
Не франтить, не тянуться бы в свет, —
Да обидно покажется теще,
Да осудит богатый сосед!

Всё бы вздор... только с Машей не сладишь.
Не втолкуешь — глупа, молода!
Скажет: «Так за любовь мою платишь!»
Нет! упреки тошнее труда!

И кипит-поспевает работа,
И болит-надрывается грудь...
Наконец наступила суббота:
Вот и праздник — пора отдохнуть!

Он лелеет красавицу Машу,
Выпив полную чашу труда,
Наслаждения полную чашу
Жадно пьет... и он счастлив тогда!

Если дни его полны печали,
То минуты порой хороши,
Но и самая радость едва ли

Не вредна для усталой души.

Скоро в гроб его Маша уложит,
Проклянет свой сиротский удел,
И, бедняжка, ума не приложит.
Отчего он так скоро сгорел?

334. «Давно — отвергнутый тобою...» [\[343\]](#)

Давно — отвергнутый тобою,
Я шел по этим берегам
И, полон думой роковую,
Мгновенно кинулся к волнам.
Они приветливо яснили.
На край обрыва я ступил —
Вдруг волны грозно потемнели,
И страх меня остановил!
Поздней — любви и счастья полны,
Ходили часто мы сюда,
И ты благословляла волны,
Меня отвергшие тогда.
Теперь — один, забыт тобою,
Чрез много роковых годов,
Брожу с убитою душою
Опять у этих берегов.
И та же мысль приходит снова —
И на обрыве я стою,
Но волны не грозят сурово,
А манят в глубину свою...

335. Прости [\[344\]](#)

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья, —
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!

Но дни, когда любви светило
Над нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь, —
Благослови и не забудь!

336. Тройка («Что ты жадно глядишь на дорогу...»)[345]

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Все лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченья красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна, и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни, — появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,

Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, —
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

337. <Из стихотворения «Похороны»> («Меж высоких хлебов затерялося...»)[346]

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

Ой, беда приключилася страшная!
Мы такой не знавали вовек:
Как у нас — голова бесшабашная —
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы... — тошнехонько!
Догадались деньжонок собрать;
Осмотрел его лекарь скорехонько
И велел где-нибудь закопать.

И пришлось нам нежданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...

Без попов!.. Только солнышко знойное,
Вместо ярого воску свечи,
На лицо непробудно-спокойное,
Не скупясь, наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
Да пестрели в долине цветы;
Птичка божья на гроб опускалася
И, чирикнув, летела в кусты,

338. <Из поэмы «Коробейники»> («Ой, полна, полна коробушка...»)[347]

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!
Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,
А завизжу черноокою —
Все товары разложу.
Цены сам платил немалые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»
Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец.
Чу, идет! — пришла желанная,
Продает товар купец.
Катя бережно торгуется,
Всё боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Расступись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

—

«Ой! легка, легка коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенок.
Дал ей ситцу штуку целую,
Ленту алую для кос.
Поясок — рубаху белую
Подпоясать в сенокос, —
Всё поклала ненаглядная
В короб, кроме перстенька:
„Не хочу ходить нарядная
Без сердечного дружка!“»

339. Огородник [348]

Не гулял с кистенем я в дремучем лесу,
Не лежал я во рву в непроглядную ночь, —
Я свой век загубил за девицу-красу,
За девицу-красу, за дворянскую дочь.

Я в немецком саду работал по весне,
Вот однажды сгребаю сучки да пою,
Глядь, хозяйская дочка стоит в стороне,
Смотрит в оба да слушает песню мою.

По торговым селам, по большим городам
Я недаром живал, огородник лихой,
Раскрасавиц девиц насмотрелся я там,
А такой не видал, да и нету другой.

Черноброва, статна, словно сахар бела!..
Стало жутко, я песни своей не допел.
А она — ничего, постояла, прошла,
Оглянулась: за ней как шальной я глядел.

Я слышал на селе от своих молодежи,
Что и сам я пригож, не уродом рожден, —
Словно сокол гляжу, круглолиц, белолиц,
У меня ль, молодца, кудри — чесаный лен...

Разыгралась душа на часок, на другой...
Да как глянул я вдруг на хоромы ее —
Посвистал и махнул молодецкой рукой,
Да скорей за мужицкое дело свое!

А частенько она приходила с тех пор
Погулять, посмотреть на работу мою,
И смеялась со мной, и вела разговор:
Отчего приуныл? что давно не пою?

Я кудрями тряхну, ничего не скажу,
Только буйную голову свешу на грудь...
«Дай-ка яблоньку я за тебя посажу,
Ты устал, — чай, пора уж тебе отдохнуть».

— «Ну, пожалуй, изволь, госпожа, поучись,
Пособи мужику, поработай часок».
Да как заступ брала у меня, смеючись,
Увидала на правой руке перстенок.

Очи стали темней непогодного дня,
На губах, на щеках разыгралась кровь.
«Что с тобой, госпожа? Отчего на меня

Неприветно глядишь, хмуришь черную бровь?»

— «От кого у тебя перстенок золотой?»

— «Скоро старость придет, коли будешь все знать».

— «Дай-ка я погляжу, несговорный какой!»

И за палец меня белой рученькой хватя!

Потемнело в глазах, душу кинуло в дрожь,
Я давал — не давал золотой перстенок...
Я вдруг вспомнил опять, что и сам я пригож,
Да не знаю уж как — в щеку девицу чмок!..

Много с ней скоротал невозвратных ночей
Огородник лихой... В ясны очи глядел,
Расплетал, заплетал русу косыньку ей,
Цаловал-миловал, песни волжские пел.

Мигом лето прошло, ночи стали свежей,
А под утро мороз под ногами хрустит.
Вот однажды, как крался я в горенку к ней,
Кто-то цап за плечо: «Держи вора!» — кричит.

Со стыдом молодца на допрос привели,
Я стоял да молчал, говорить не хотел...
И красу с головы острой бритвой снесли,
И железный убор на ногах зазвенел.

Постегали плетьюми и уводят дружка
От родной стороны и от лапушки прочь
На печаль и страду!.. Знать, любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

ИВАН ПАНАЕВ

(1812–1862)

340. Будто из Гейне («Густолиственных кленов аллея...»)[349]

Густолиственных кленов аллея,
Для меня ты значенья полна:
Хороша и бледна, как лилея,
В той аллее стояла она.

И, головку склонивши уныло
И глотая слезу за слезой,
«Позабудь, если можно, что было»,
Прошептала, махнувши рукой.

На нее, как безумный, смотрел я,
И луна освещала ее;
Расставаясь с нею, терял я
Всё блаженство, всё счастье мое!

Густолиственных кленов аллея,
Для меня ты значенья полна:
Хороша и бледна, как лилея,
В той аллее стояла она.

ЛЕВ МЕЙ

(1822–1862)

341. «Нет, только тот, кто знал...» [\[350\]](#)

Нет, только тот, кто знал
Свиданья жажду,
Поймет, как я страдал
И как я стражду.

Гляжу я вдаль... нет сил —
Тускнеет око...
Ах, кто меня любил
И знал, — далёко!

Вся грудь горит... Кто знал
Свиданья жажду,
Поймет, как я страдал
И как я стражду.

342. «Отчего побледнела весной...» [\[351\]](#)

Отчего побледнела весной
Пышноцветная роза сама?
Отчего под зеленой травой
Голубая фиалка нема?

Отчего так печально звучит
Песня птички, несясь в небеса?
Отчего над лугами висит
Погребальным покровом роса?

Отчего в небе солнце с утра
Холодно и темно, как зимой?
Отчего и земля вся сера
И угрюмей могилы самой?

Отчего я и сам все грустней
И болезненней день ото дня?
Отчего, о скажи мне скорей,
Ты — покинув — забыла меня?

343. Канарейка [\[352\]](#)

Говорит султанша канарейке:
«Птичка! Лучше в тереме высоком
Щебетать и песни петь Зюлейке,
Чем порхать на Западе далеком?
Спой же мне про за́-море, певичка,
Спой же мне про Запад, непоседка!
Есть ли там такое небо, птичка,
Есть ли там такой гарем и клетка?
У кого там столько роз бывало?
У кого из шахов есть Зюлейка —
И поднять ли так ей покрывало?»
Ей в ответ щебечет канарейка:
«Не проси с меня заморских песен,
Не буди тоски моей без нүжды:
Твой гарем по нашим песням тесен,
И слова их владыкам чужды...
Ты в ленивой дреме расцветала,
Как и вся кругом тебя природа,
И не знаешь — даже не слыхала,
Что у песни есть сестра — свобода».

344. Полежаевской фараонке [\[353\]](#)[\[354\]](#)

Ох, не лги ты, не лги,
Даром глазок не жги,
Вороватая!
Лучше спой про свое
Про девичье житье
Распроклятое:
Как в зеленом саду
Соловей, на беду,
Разыстомную
Песню пел-распевал —
С милым спать не давал
Ночку темную...

345. «Отчего же ты не спишь...» [\[355\]](#)

«Отчего же ты не спишь?
Знать ценна́ утрата,
Что в полуночную тишь
Всюду ищешь брата?»

— «Оттого, что он мне брат,
Дочери шалима,
Что утрата из утрат
Тот, кем я любима.

Оттого, что здесь у нас,
Резвых коз-лукавиц
По горам еще не пас
Век такой красавец:

Нет кудрей черней нигде;
Очи так и блещут;
Голубицами в воде
Синей влагой плещут.

Как заря, мой брат румян,
И стройней кумира...
На венце его слиян
С искрами сапфира

Солнца луч, и подарён
Тот венец невесте...»
— «Где же брат твой?.. Где же он?
Мы поищем вместе?»

346. «Хотел бы в единое слово...» [\[356\]](#)

Хотел бы в единое слово
Я слить мою грусть и печаль
И бросить то слово на ветер,
Чтоб ветер унес его вдаль.

И пусть бы то слово печали
По ветру к тебе донеслось,
И пусть бы всегда и повсюду
Оно к тебе в сердце лилось!

И если б усталые очи
Сомкнулись под грезой ночной,
О пусть бы то слово печали
Звучало во сне над тобой!

347. Зачем? [\[357\]](#)

Зачем ты мне приснилася,
Красавица далекая,
И вспыхнула, что в полыме,
Подушка одинокая?

Ох, сгинь ты, полуночица!
Глаза твои ленивые,
И пепел кос рассыпчатый,
И губы горделивые —

Все наяву мне снилося,
И все, что греза вешняя,
Умчалось, — и на сердце
Легла потьма кромешная..

Зачем же ты приснилася,
Красавица далекая,
Коль стынет вместе с грезю
Подушка одинокая?..

348. «У молодки Наны...» [\[358\]](#)

У молодки Наны
Муж, как лунь, седой...
Старый муж не верит
Женке молодой;

Разом домекнулся,
Что не будет прок, —
Глаз с нее не спустит,
Двери на замок.

«Отвори каморку —
Я чуть-чуть жива:
Что-то разболелась
Сильно голова —

Сильно разболелась,
Словно жар горит...
На дворе погодно:
Может, освежит».

— «Что ж? открой окошко,
Прохладись, мой свет!
Хороша прохлада,
Коли друга нет!»

Нана замолчала,
А в глухой ночи
Унесла у мужа
Старого ключи.

«Спи, голубчик, с богом,
Спи да почивай!»
И ушла тихонько
В дровяной сарай.

«Ты куда ходила,
Нана, со двора?
Волосы — хоть выжми,
Шубка вся мокра...»

— «А телята наши
Со двора ушли,
Да куда ж? — к соседке
В просо забрели.

Загнала насилу:
Разбежались все...
Я и перемокла,

Ходя по росе!»

Видно — лучше с милым
Хоть дрова щепать,
Чем со старым мужем
Золото считать.

Видно — лучше с милым
Голая доска,
Чем со старым мужем
Два пуховика...

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

(1817–1875)

349. «Колокольчики мои...» [\[359\]](#)

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня.
Темно-голубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несет меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несет меня лихой,
А куда? не знаю!

Он ученым ездоком
Не воспитан в холе,
Он с буранами знаком,
Вырос в чистом поле;
И не блещет, как огонь,
Твой чепрак узорный,
Конь мой, конь, славянский конь,
Дикий, непокорный!

Есть нам, конь, с тобой простор!
Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор
К цели неизвестной.
Чем окончится наш бег?
Радостью ль? кручиной?

Знать не может человек —
Знает бог единый!..

Упаду ль на солончак
Умирать от зною?
Или злой киргиз-кайсак,
С бритой головою,
Молча свой натянет лук,
Лежа под травую,
И меня догонит вдруг
Медною стрелою?

Иль влетим мы в светлый град
Со кремлем престольным?
Чудно улицы гудят
Гулом колокольным,
И на площади народ,
В шумном ожиданьи,
Видит: с запада идет
Светлое посланье.

В кунтушах и в чекменях,
С чубами, с усами,
Гости едут на конях,
Машут булавами,
Подбочась, за строем строй
Чинно выступает,
Рукава их за спиной
Ветер раздувает.

И хозяин на крыльцо
Вышел величавый;
Его светлое лицо
Блещет новой славой;
Всех его исполнил вид
И любви и страха,
На челе его горит
Шапка Мономаха.

«Хлеб да соль! И в добрый час! —
Говорит державный. —
Долго, дети, ждал я вас
В город православный!»
И они ему в ответ:
«Наша кровь едина,
И в тебе мы с давних лет
Чаем господина!»

Громче звон колоколов,
Гусли раздаются,
Гости сели вокруг столов,
Мед и брага льются,

Шум летит на дальний юг
К турке и к венгерцу —
И ковшей славянских звук
Немцам не по сердцу!

Гой вы, цветики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем грустите вы
В день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

350. «Средь шумного бала, случайно...» [\[360\]](#)

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя — я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

351. «Ты помнишь ли, Мария...»[\[361\]](#)

Ты помнишь ли, Мария[\[362\]](#),
Один старинный дом
И липы вековые
Над дремлющим прудом?

Безмолвные аллеи,
Заглохший, старый сад,
В высокой галерее
Портретов длинный ряд?

Ты помнишь ли, Мария,
Вечерний небосклон,
Равнины полевые,
Села далекий звон?

За садом берег чистый,
Спокойный бег реки,
На ниве золотистой
Степные васильки?

И рощу, где впервые
Бродили мы одни?
Ты помнишь ли, Мария,
Утраченные дни?

352. «Ты не спрашивай, не распытай...» [\[363\]](#)

Ты не спрашивай, не распытай,
Умом-разумом не раскидай:
Как люблю тебя, почему люблю,
И за что люблю? и надолго ли?
Ты не спрашивай, не распытай:
Что сестра ль ты мне? Молода ль жена
Или детище ты мне малое?

И не знаю я и не ведаю,
Как назвать тебя, как приликати.
Много цветиков во чистом поле,
Много звезд горит по поднебесью,
А назвать-то их нет умения,
Распознать-то их нету силушки.
Полюбив тебя, я не спрашивал,
Не разгадывал, не распытал;
Полюбив тебя, я махнул рукой,
Очертил свою буйну голову!

353. «Не ветер, вея с высоты...» [\[364\]](#)

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной;
Моей души коснулась ты —
Она тревожна, как листы,
Она, как гусли, многострунна.
Житейский вихрь ее терзал
И сокрушительным набегом,
Свистя и воя, струны рвал
И заносил холодным снегом.
Твоя же речь ласкает слух,
Твое легко прикосновенье,
Как от цветов летящий пух,
Как майской ночи дуновенье...

354. «Край ты мой, родимый край!..» [\[365\]](#)

Край ты мой, родимый край!
Конский бег на воле!
В небе крик орлиных стай!
Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья!
Ветер, степь да тучи!

355. «В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая бомба...» [\[366\]](#)

В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая бомба
Грянула; с треском кругом от нее разлетелись осколки;
Он же вздрогнул, и к народу могучие медные звуки
Вдаль потекли, негодую, гудя и на бой созывая.

356. «Ходит Спесь, надуваючись...» [\[367\]](#)

Ходит Спесь, надуваючись,
С боку на бок переваливаясь.
Ростом-то Спесь аршин с четвертью,
Шапка-то на нем во целу сажень,
Пузо-то его всё в жемчуге,
Сзади-то у него раззолочено.
А и зашел бы Спесь к отцу к матери,
Да ворота не крашены!
А и помолился б Спесь во церкви божией,
Да пол не метён!
Идет Спесь, видит: на небе радуга;
Повернулся Спесь во другую сторону:
Не пригоже-де мне нагибаться!

357. «Не верь мне, друг, когда, в избытке горя...» [\[368\]](#)

Не верь мне, друг, когда, в избытке горя,
Я говорю, что разлюбил тебя,
В отлива час не верь измене моря,
Оно к земле воротится, любя.

Уж я тоскую, прежней страсти полный.
Мою свободу вновь тебе отдам,
И уж бегут с обратным шумом волны
Издалека к любимым берегам!

358. «Звонче жаворонка пенье...» [\[369\]](#)

Звонче жаворонка пенье,
Ярче вешние цветы,
Сердце полно вдохновенья.
Небо полно красоты.

Разорвав тоски оковы,
Цепи пошлые разбив,
Набегает жизни новой
Торжествующий прилив;

И звучит свежо и юно
Новых сил могучий строй,
Как натянутые струны
Между небом и землей.

359. «Осень! Обсыпается весь наш бедный сад...» [\[370\]](#)

Осень! Обсыпается весь наш бедный сад.
Листья пожелтые по ветру летят;
Лишь вдали красуются, там на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грею я и жму,
В очи тебе глядячи, молча слезы лью,
Не умею высказать, как тебя люблю!

360. «Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре...» [\[371\]](#)

Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре,
О не грусти, ты все мне дорога,
Но я любить могу лишь на просторе,
Мою любовь, широкую, как море,
Вместить не могут жизни берега.

Когда Глагола творческая сила,
Толпы миров возвала из ночи,
Любовь их всех, как солнце, озарила,
И лишь на землю к нам ее светила
Нисходят порознь редкие лучи.

И, порознь их отыскивая жадно,
Мы ловим отблеск вечной красоты;
Нам вестью лес о ней шумит отрадной,
О ней поток гремит струею холодной
И говорят, качаяся, цветы.

И любим мы любовью раздробленной
И тихий шепот вербы над ручьем,
И милой девы взор, на нас склоненный,
И звездный блеск, и все красы вселенной,
И ничего мы вместе не сольем.

Но не грусти, земное минет горе,
Пожди еще, неволя недолга —
В одну любовь мы все сольемся вскоре,
В одну любовь, широкую, как море,
Что не вместят земные берега!

361. «Дробится, и плещет, и брызжет волна...» [\[372\]](#)

Дробится, и плещет, и брызжет волна
Мне в очи соленою влагой;
Недвижно на камне сию я — полна
Душа безотчетной отвагой.

Валы за валами, прибой и отбой,
И пена их гребни покрыла;
О море, кого же мне вызвать на бой?
Изведать воскресшие силы?

Почуяло сердце, что жизнь хороша,
Вы, волны, размыкали горе,
От грома и плеска проснулась душа,
Сродни ей шумящее море!

**362. <Из поэмы «Иоанн Дамаскин»>
(«Благославляю вас, леса...»)[373]**

Благославляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благославляю я свободу
И голубые небеса!
И посох мой благославляю,
И эту бедную суму,
И степь от краю и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!..
О, если б мог всю жизнь смешать я,
Всю душу вместе с вами слить!
О, если б мог в свои объятья
Я вас, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!

363. «О, если б ты могла хоть на единый миг...» [\[374\]](#)

О, если б ты могла хоть на единый миг
Забуть свою печаль, забыть свои невзгоды!
О, если бы хоть раз я твой увидел лик,
Каким я знал его в счастливейшие годы!

Когда в твоих глазах засветится слеза,
О, если б эта грусть могла пройти порывом,
Как в теплую весну пролётная гроза,
Как тень от облаков, бегущая по нивам!

364. «Гаснут дальней Альпухарры...» [\[375\]](#)

Гаснут дальней Альпухарры
Золотистые края,
На призывный звон гитары
Выйди, милая моя!
Всех, кто скажет, что другая
Здесь равняется с тобой,
Всех, любовью сгорая,
Всех зову на смертный бой!
 От лунного света
 Зардел небосклон,
 О выйди, Нисета,
 Скорей на балкон!

От Севильи до Гренады,
В тихом сумраке ночей,
Раздаются серенады,
Раздается стук мечей;
Много крови, много песней
Для прелестных льется дам, —
Я же той, кто всех прелестней,
Песнь и кровь мою отдам!
 От лунного света
 Горит небосклон,
 О выйди, Нисета,
 Скорей на балкон!

365. «На нивы желтые нисходит тишина...» [\[376\]](#)

На нивы желтые нисходит тишина;
В остывшем воздухе от меркнувших селений,
Дрожа, несется звон. Душа моя полна
Разлукою с тобой и горьких сожалений.

И каждый мой упрек я вспоминаю вновь,
И каждое твержу приветливое слово,
Что мог бы я сказать тебе, моя любовь,
Но что внутри себя я схоронил сурово!

366. «То было раннею весной...» [\[377\]](#)

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень роц сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий.

То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила.

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды —
О жизнь! о лес! о солнца свет!
О юность! о надежды!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый, —
То было раннею весной,
В тени берез то было!

То было в утро наших лет —
О счастье! о слезы!
О лес! о жизнь! о солнца свет!
О свежий дух березы!

367. «Коль любить, так без рассудку...» [\[378\]](#)

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

МИХАИЛ РОЗЕНГЕЙМ

(1820–1887)

368. «Не гляди так, девица...» [\[379\]](#)

Не гляди так, девица,
Не сули участия:
Нет, душе не верится
В радость или счастье.
Время увлечения
Миновалось, ясное,
Скрыл туман сомнения
Жизни солнце красное.

Было сердце молодо
И любило пламенно.
Но от жизни холода
Стало глыбой каменной.
Не буди ж ретивое
Негой небывалою,
Лаской шаловливою
Не дразни усталое.

НИКОЛАЙ ГРЕКОВ

(1810–1866)

369. «Погоди! Для чего торопиться?..» [\[380\]](#)

Погоди! Для чего торопиться?
Ведь и так жизнь несется стрелой.
Погоди! Мы успеем проститься,
Как лучами восток загорится, —
Нождемся ль мы ночи такой?

Посмотри, посмотри, как чудесно,
Убран звездами купол небесный,
Как мечтательно смотрит луна!
Как темно в этой сени древесной
И какая везде тишина!

Только слышно, как шепчут березы
Да стучит сердце в пылкой груди...
Воздух весь полон запахом розы...
Милый друг! Это жизнь, а не грезы!
Жизнь летит... Погоди! Погоди!

Пусть погаснут ночные светила.
Жизнь летит... а за жизнью могила,
А до ней люди нас разлучат...
Погоди! — люди спят, ангел милый.
Погоди! — еще звезды горят!

370. «Прощаясь, в аллее...» [\[381\]](#)

Прощаясь, в аллее
Мы долго сидели,
А слезы и речи
Лились и кипели.

Дрожа, лепетали
Над нами березы,
А мы доживали
Все лучшие грезы.

Так чудно лил месяц
Свой свет из-за тучки
На бледные плечи,
На белые ручки...

И в эти минуты
Любви и разлуки
Мы прожили много —
И счастья, и муки...

НИКОЛАЙ БЕРГ

(1823–1884)

371. Жалоба девы [\[382\]](#)

Если б, сердце, ты лежало
На руках моих,
Всё качала бы, качала
Я тебя на них,

Будто мать дитя родное,
С тихой мольбой, —
И заснуло б, ретивое,
Ты передо мной!

А теперь в груди сокрыто,
Заперто в тюрьму,
Ты доступно, ты открыто
Одному ему;

Но не видит он печали;
Как мне с этим быть?
Позабыть его? Едва ли
Можно позабыть!

Мчатся годы, грусть всё та же,
Те же все мечты...
Сердце, сердце, да когда же
Здесь умолкнешь ты?

372. Право, маменьке скажу [\[383\]](#)

Что такое это значит:
Как одна я с ним сижу,
Все тоскует он и плачет?..
Право, маменьке скажу!

Я ему одна забота,
Но в душе моей, вишь, лед,
И глаза мои за что-то
Он кинжалами зовет.

Вишь, резва я, непослушна,
Ни на миг не посижу...
Право, мне уж это скучно,
Право, маменьке скажу!

Под окном моим все бродит,
Сам с собою говорит;
Как одна — он глаз не сводит,
А при людях — не глядит.

Но порой, как с ним бываю,
И сама я вся дрожу,
И смущаюсь, и пылаю...
Право, маменьке скажу!

Пусть она о том рассудит;
Вот уж я погляжу,
Что-то с ним, с бедняжкой, будет?..
Нет, уж лучше не скажу!

373. Л. («Ты еще не умеешь любить...»)[384]

Ты еще не умеешь любить,
Но готов я порою забыться
И с тобою слегка пошутить,
И в тебя на минуту влюбиться.

Я влюбляюсь в тебя без ума;
Ты, кокетка, шалить начинаешь:
Ты как будто бы любишь сама,
И тоскуешь, и тайно страдаешь;

Ты прощаешь певцу своему
И волнение, и грусть, и доuku,
И что крепко целую и жму
Я твою белоснежную руку,

И что в очи тебе я смотрю
Беспокойным, томительным взором,
Что с тобой говорю, говорю, говорю,
И не знаю конца разговорам...

Вдруг я вижу — ты снова не та:
О любви уж и слышать не хочешь,
И как будто другим занята,
И бежишь от меня, и хохочешь...

Я спешу заглушить и забыть
Ропот сердца мятежный и страстный...
Ты еще не умеешь любить,
Мой ребенок, мой ангел прекрасный!

ИВАН НИКИТИН

(1824–1861)

374. Нищий [\[385\]](#)

И вечерней и ранней порою
Много старцев, и вдов, и сирот
Под окошками ходит с сумою,
Христа-ради на помощь зовет.

Надевает ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за труд, —
Тяжела и горька твоя доля,
Бесприютный, оборванный люд!

Не откажут тебе в подаянье,
Не умрешь ты без крова зимой, —
Жаль разумное божье созданье,
Человека в грязи и с сумой!

Но беднее и хуже есть нищий:
Не пойдет он просить под окном.
Целый век, из одежды да пищи,
Он работает ночью и днем.

Спит в лачужке, на грязной соломе,
Богатырь в безысходной беде.
Крепче камня в несносной истоме,
Крепче меди в кровавой нужде

По́ смерть зерна он в землю бросает,
По́ смерть жнет, а нужда продает;
О нем облако слезы роняет,
Про тоску его буря поет.

375. «Вырыта заступом яма глубокая...» [\[386\]](#)

Вырыта заступом яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая,
Жизнь, как осенняя ночь, молчаливая, —
Горько она, моя бедная, шла,
И, как степной огонек, замерла.

Что же? усни, моя доля суровая!
Крепко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только одним человеком убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о нем никому не нужна!..

Вот она — слышится песнь беззаботная —
Гостя погоста, певунья залетная,
В воздухе синем на воле купается;
Звонкая песнь серебром рассыпается...
Тише!.. О жизни покончен вопрос.
Больше не нужно ни песен, ни слез!

376. <Из стихотворения «Хозяин»> («На старом кургане, в широкой степи...»)[\[387\]](#)

На старом кургане, в широкой степи,
Прикованный сокол сидит на цепи.
Сидит он уж тысячу лет,
Все нет ему воли, все нет!

И грудь он когтями с досады терзает,
И каплями кровь из груди вытекает.
Летят в синеве облака,
А степь широка, широка...

377. «Ехал из ярмарки ухарь-купец...» [\[388\]](#)

Ехал из ярмарки ухарь-купец,
Ухарь-купец, удалой молодец.
Стал он на двор лошадей покормить,
Вздумал деревню гульбой удивить.
В красной рубашке кудряв и румян,
Вышел на улицу весел и пьян.
Собрал он девок-красавиц в кружок,
Выхватил с звонкой казной кошелек.
Потчует старых и малых вином:
«Пей-пропивай! Поживем — наживем!..»,
Морщатся девки, до донышка пьют,
Шутят, и пляшут, и песни поют.
Ухарь-купец подпеваает-свистит.
Оземь ногой молодецки стучит.
Синее небо, и сумрак, и тишь.
Смотрится в воду зеленый камыш.
Полосы света по речке лежат.
В золоте тучки над лесом горят.
Девичья пляска при зорьке видна,
Девичья песня за речкой слышна,
По лугу льется, по чаще лесной...
Там услышал ее сторож седой;
Белый как лунь, он под дубом стоит,
Дуб не шелохнется, сторож молчит.
К девке стыдливой купец пристаёт,
Обнял, целует и руки ей жмет,
Рвется красotka за девичий круг:
Совестно ей от родных и подруг.
Смотрят подруги, — их зависть берет:
Вот, мол, упрямице счастье идет.
Девкин отец свое дело смекнул,
Локтем жену торопливо толкнул.
Сед он, и рваная шапка на нем,
Глазом мигнул — и пропал за углом.
Девкина мать расторопна-смела,
С вкрадчивой речью к купцу подошла
«Полно, касатик, отстань — не балуй!
Девки моей не позорь, не целуй!»
Ухарь-купец позвенел серебром:
«Нет, так не надо... другую найдем!..»,
Вырвалась девка, хотела бежать,
Мать ей велела на месте стоять.

Звездная ночь и ясна и тепла.
Девичья песня давно замерла.
Шепчет нахмуренный лес над водой,
Ветром шатает камыш молодой.
Синяя туча над лесом плывет,
Темную зелень огнем обдаёт,

В крайней избушке не гаснет ночник,
Спит на печи подгулявший старик,
Спит в зипунишке и в старых лаптях,
Рваная шапка комком в головах.
Молится богу старуха жена,
Плакать бы надо — не плачет она.
Дочь их красавица поздно пришла,
Девичью совесть вином залила.
Что тут за диво! и замуж пойдет...
То-то, чай, деток на путь наведет!
Кем ты, люд бедный, на свет порожден?
Кем ты на гибель и срам осужден?

378. Песня бобыля [\[389\]](#)

Ни кола, ни двора,
Зипун — весь пожиток...
Эх, живи — не тужи,
Умрешь — не убыток!

Богачу-дураку
И с казной не спится;
Бобыль гол как сокол,
Поет-веселится.

Он идет да поет,
Ветер подпеваает;
Сторонись, богачи!
Беднота гуляет!

Рожь стоит по бокам,
Отдает поклоны...
Эх, присвистни, бобыль!
Слушай, лес зеленый!

Уж ты плачь ли, не плачь —
Слез никто не видит,
Оробей, загорюй —
Курица обидит.

Уж ты сыт ли, не сыт —
В печаль не вдавайся;
Причешись, распахнись,
Шути-улыбайся!

Поживем да умрем, —
Будет голь пригрета...
Разумей, кто умен, —
Песенка допета!

АПОЛЛОН МАЙКОВ

(1821–1897)

379. Весна [\[390\]](#)

Голубенький, чистый
Подснежник-цветок!
А подле сквозистый,
Последний снежок...
Последние слезы
О горе былом,
И первые грезы
О счастье ином...

380. «Ее в грязи он подобрал...» [\[391\]](#)

Ее в грязи он подобрал;
Чтоб всё достать ей — красть он стал;
Она в довольстве утопала
И над безумцем хохотала.

И шли пиры... но дни текли —
Вот утром раз за ним пришли:
Ведут в тюрьму... Она стояла
Перед окном и — хохотала.

Он из тюрьмы ее молил:
«Я без тебя душой изныл,
Приди ко мне!» Она качала
Лишь головой и — хохотала.

Он в шесть поутру был казнен
И в семь во рву похоронен, —
А уж к восьми она плясала,
Пила вино и хохотала.

381. Колыбельная песня («Спи, дитя мое, усни!..»)[392]

Спи, дитя мое, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.

Улетел орел домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трех ночей,
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звезды воевал?
Али волны всё гонял?»,

— «Не гонял я волн морских,
Звезд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелечку качал!»

382. Приданое

По городу плач и стенанье...
Стучит гробовщик день и ночь...
Еще бы ему не работать!
Просватал красавицу дочь!

Сидит гробовщица за крепом
И шьет — а в глазах, как узор,
По черному так и мелькает
В цветах подвенечный убор.

И думает: «Справлю ж невесту,
Одену ее, что княжну, —
Княжон повидали мы вдоволь,
На днях хоронили одну:

Всё розаны были на платье,
Почти под венцом померла:
Так, в брачном наряде, и клали
Во гроб-то... красotka была!

Оденем и Глашу не хуже,
А в церкви все свечи зажжем;
Подумают: графская свадьба!
Уж в грязь не ударим лицом!..»;

Мечтает старушка — у двери ж
Звонок за звонком... «Ну, житье!
Заказов-то — господи боже!
Знать, Глашенька, счастье твое!»

ВСЕВОЛОД КРЕСТОВСКИЙ

(1840–1895)

383. «Под душистою ветвью сирени...» [\[393\]](#)

Под душистою ветвью сирени
С ней сидел я над сонной рекой,
И, припав перед ней на колени,
Ее стан обвивал я рукой...
Проносилися дымные тучки,
На лице ее месяц играл,
А ее трепетавшие ручки
Я так долго, так страстно лобзал...

Погребальные свечи мерцали,
В мрачных сводах была тишина,
Над усопшей обряд совершали —
Вся в цветах почивала она...
Со слезой раздирающей муки
Я на труп ее жадно припал
И холодные, мертвые руки
Так безумно, так страстно лобзал...

384. «Прости на вечную разлуку!..» [\[394\]](#)

«Прости на вечную разлуку!» —
Твой голос грустно прозвучал,
И я пророческому звуку
Душой покорною внимал.
О, знала ль ты, хоть в те мгновенья,
Какого горького значенья
Мне этот звук исполнен был! —
С ним все, что прожито тревожно,
Все, что забыть мне невозможно,
Я безвозвратно хоронил...
Прости ж и ты!.. быть может, скоро
Пойду я в светлый, дальний путь.
Без желчных дум и без укора
Под небом теплым отдохнуть, —
И, может, сдавленное горе
Развеет ветер где-нибудь
И заглушит чужое море
В душе печальное: «Забудь!..
Забудь!..»

385. Ванька-ключник [\[395\]](#)

Словно ягода лесная,
И укрыта и спела,
Свет княгиня молодая
В крепком тереме жила.

У княгини муж ревнивый;
Он и сед и нравом крут;
Царской милостью спесивый,
Ведал думу лишь да кнут.

А у князя Ваня-ключник,
Кудреватый, удалой,
Ваня-ключник — злой разлучник
Мужа старого с женой.

Хоть не даривал княгине
Ни монист, ни кумачу,
А ведь льнула же к детине,
Что сорочка ко плечу.

Целовала, миловала,
Обвивала, словно хмель,
И тайком с собою клала
Что на княжью постель.

Да известным наговором
Князь дознался всю вину, —
Как дознался, так с позором
И замкнул на ключ жену.

И дознался из передней,
От ревнивых от очей,
Что от самой от последней
Сенной девушки своей.

«Гой, холопья, вы подите —
Быть на дыбе вам в огне! —
Вы подите приведите
Ваньку-ключника ко мне!»

Ох, ведут к нему Ивашку, —
Ветер кудри Ване бьет,
Веет шелкову рубашку,
К белу телу так и льнет.

«Отвечай-ко, сын ты вражий,
Расскажи-ко, варвар мой,
Как гулял ты в спальне княжей

С нашей княжеской женой?»

— Ничего, сударь, не знаю,
Я не ведаю про то!..
— «Ты не знаешь? Допытаю!
А застенок-то на что?..»

И работают в застенке —
Только кости знай хрустят!
Перешиблены коленки,
Локти скручены назад,

Но молчком молчит Ивашка,
И опять его ведут;
В дырках мокрая рубашка,
Кудри клочьями встают;

Кандалы на резвых ножках,
А идет он — словно в рай,
Только хлюпает в сапожках
Кровь ручьями через край...

Видит — два столба кленовых,
Перекладина на них.
Знать, уж мук не будет новых,
Знать, готовят про других.

Отведу же я, мол, душу,
Распотешусь пред концом:
Уж пускай же, князь, Ванюшу
Хоть вспомянешь ты добром!

«Ты скажи ли мне, Ванюшка,
Как с княгиней жил досель?»
— «Ох, то ведает подушка
Да пуховая постель!..»

Много там было попито
Да поругано тебя,
А и вкрасне то пожито,
И целовано любя!

На кровати, в волю княжью,
Там полежано у нас
И за грудь ли, грудь лебяжью,
Было хватано не раз!»

— «Ай да сказка!.. Видно хвата!
Исполать, за то люблю!
Вы повесьте-ко, ребята,
Да шелковую петлю!»

Ветер Ванюшку качает,
Что былинку на меже,
А княгиня умирает
Во светлице на ноже.

АЛЕКСЕЙ АПУХТИН

(1840–1893)

386. Судьба [\[396\]](#)

(К 5-й симфонии Бетховена)

С своей походною клюкой,
С своими мрачными очами,
Судьба, как грозный часовой,
Повсюду следует за нами.
Бедой лицо ее грозит,
Она в угрозах поседела,
Она уж многих одолела,
И все стучит, и все стучит:
 Стук, стук, стук...
 Полно, друг,
Брось за счастьем гоняться!
 Стук, стук, стук...

Бедняк совсем обжился с ней:
Рука с рукой они гуляют,
Собирают вместе хлеб с полей,
В награду вместе голодают.
День целый дождь его кропит,
По вечерам ласкает вьюга,
А ночью с горя да с испуга
Судьба сквозь сон ему стучит:
 Стук, стук, стук...
 Глянь-ка, друг,
Как другие поживают!
 Стук, стук, стук...

Другие праздновать сошлись
Богатство, молодость и славу.
Их песни радостно неслись,
Вино сменилось им в забаву;
Давно уж пир у них шумит,
Но смолкли вдруг, бледнея, гости...
Рукой, дрожащею от злости,
Судьба в окошко к ним стучит:
 Стук, стук, стук...
 Новый друг
К вам пришел, готовьте место!
 Стук, стук, стук...

Герой на жертву все принес.
Он говорил, что люди братья,
За братьев пролил много слез,
За слезы слышал, их проклятья.
Он верно слабых, защитит,
Он к ним придет, долой с дороги!
Но отчего ж недвижны ноги
И что-то на ногах стучит?
 Стук, стук, стук...
 Скован друг
Человечества, свободы...
 Стук, стук, стук...

Но есть же счастье на земле!
Однажды, полный ожиданья,
С восторгом юным на челе,
Пришел счастливец на свиданье!
Еще один он, все молчит,
Заря за рощей потухает,
И соловей уж затихает,
А сердце бьется и стучит:
 Стук, стук, стук...
 Милый друг,
Ты придешь ли на свиданье?
 Стук, стук, стук...

Но вот идет она, и вмиг
Любовь, тревога, ожиданье,
Блаженство — всё слилось у них
В одно безумное лобзанье!
Немая ночь на них глядит,
Все небо залито огнями,
А кто-то тихо за кустами
Клюкой докучною стучит:
 Стук, стук, стук...
 Старый друг
К вам пришел, довольно счастья!
 Стук, стук, стук...

387. Астрам [\[397\]](#)

Поздние гости отцветшего лета,
Шепчутся ваши головки понурые,
Словно клянете вы дни без просвета,
Словно пугают вас ноченьки хмурые...

Розы — вот те отцвели, да хоть жили...
Нечего вам помянуть пред кончиною:
Звезды весенние вам не светили,
Песней не тешились вы соловьиною...

388. «Ни отзыва, ни слова, ни привета...» [\[398\]](#)

Ни отзыва, ни слова, ни привета,
Пустынею меж нами мир лежит,
И мысль моя с вопросом без ответа
Испуганно над сердцем тяготит:

Ужель среди часов тоски и гнева
Прошедшее исчезнет без следа,
Как легкий звук забытого напева,
Как в мрак ночной упавшая звезда?

389. Умирающая мать [\[399\]](#)

(с французского)

«Что, умерла, жива? Потихе говорите,
Быть может, удалось на время ей заснуть...»
И кто-то предложил: ребенка принесите
И положите ей на грудь!

И вот на месте том, где прежде сердце билось.
Ребенок с плачем скрыл лицо свое...
О, если и теперь она не пробудилась, —
Все кончено, молитесь за нее!

390. «Черная туча висит над полями...» [\[400\]](#)

Черная туча висит над полями,
Шепчутся клены, березы качаются,
Дубы столетние машут ветвями,
Точно со мной говорить собираются.

«Что тебе нужно, пришлец бесприютный?
(Голос их важный с вершины мне чудится.)
Думаешь, отдых вкушая минутный,
Так вот и прошлое всё позабудется?»

Нет, ты словами себя не обманешь:
Спета она, твоя песенка скудная!
Новую песню уж ты не затынешь,
Хоть и звучит она, близкая, чудная!

Сердце усталое, сердце больное
Звуков волшебных напрасно искало бы:
Здесь, между нами, ищи ты покоя,
С жизнью простися без стонов и жалобы.

Смерти боишься ты? Страх малодушный!
Всё, что томило игрой бесполезною:
Мысли, и чувства, и стих, им послушный, —
Смерть остановит рукою железною.

Всё клеветавшее тайно, незримо,
Всё угнетавшее с дикою силою —
Вмиг разлетится, как облако дыма,
Над неповинною, свежей могилою!

Если же кто-нибудь тишь гробовую
Вздохом нарушит, слезою участия,
О, за слезу бы ты отдал такую
Все свои призраки прошлого счастья!

Тихо, прохладно лежать между нами,
Тень наша шире и шорох приветнее...»
В вечер ненастный, качая ветвями,
Так говорили мне дубы столетние,

391. «Прости меня, прости! Когда в душе мятежной...» [\[401\]](#)

Прости меня, прости! Когда в душе мятежной
Угас безумный пыл,
С укором образ твой, чарующий и нежный,
Передо мною всплыл.

О, я тогда хотел, тому укору вторя,
Убить слепую страсть,
Хотел в слезах любви, раскаянья и горя
К ногам твоим упасть!

Хотел все помыслы, желанья, наслажденья —
Всё в жертву принести;
Я жертвы не принес, не стою я прощенья...
Прости меня, прости!

392. Разбитая ваза [\[402\]](#)

(Подражание Сюлли-Прюдому)

Ту вазу, где цветок ты сберегала нежный,
Ударом веера толкнула ты небрежно,
И трещина, едва заметная, на ней
Осталась... Но с тех пор прошло не много дней,
Небрежность детская твоя давно забыта,
А вазе уж грозит нежданная беда!
Увял ее цветок; ушла ее вода...
 Не тронь ее: она разбита.

Так сердца моего коснулась ты рукой —
 Рукою нежной и любимой, —
И с той поры на нем, как от обиды злой,
 Остался след неизгладимый.
Оно как прежде бьется и живет,
 От всех его страданье скрыто,
Но рана глубока и каждый день растет...
 Не тронь его: оно разбито.

393. «День ли царит, тишина ли ночная...» [\[403\]](#)

День ли царит, тишина ли ночная,
В снах ли тревожных, в житейской борьбе
Всюду со мной, мою жизнь наполняя,
Дума всё та же, одна, роковая, —
 Все о тебе!

С нею не страшен мне призрак бывшего,
Сердце воспрянуло, снова любя...
Вера, мечты, вдохновенное слово,
Все, что в душе дорогого, святого, —
 Все от тебя!

Будут ли дни мои ясны, унылы,
Скоро ли сгину я, жизнь загубя, —
Знаю одно: что до самой могилы
Помыслы, чувства, и песни, и силы —
 Все для тебя!

394. Памяти прошлого [\[404\]](#)

Не стучись ко мне в ночь бессонную,
Не буди любовь схороненную,
Мне твой образ чужд и язык твой нем,
Я в гробу лежу, я затих совсем.
Мысли ясные мглой окутались,
И не знаю я: кто играет мной,
Кто мне верный друг, кто мне враг лихой,
С злой усмешкою, с речью горькою...
Ты приснилась мне перед зорькою...
Не смотри ты так, подожди хоть дня,
Я в гробу лежу, обмани меня...
Ведь умершим лгут, ведь удел живых —
Ряд измен, обид, оскорблений злых...
А едва умрем — на прощание
Нам надгробное шлют рыдание,
Возглашают нам память вечную,
Обещают жизнь... бесконечную!

395. <Из стихотворения «Сумасшедший»> «Да, васильки, васильки...» [\[405\]](#)

Да, васильки, васильки...
Много мелькало их в поле...
Помнишь, до самой реки
Мы их собирали для Оли.

Олечка бросит цветок
В реку, головку наклонит...
«Папа, — кричит, — василек
Мой поплывет, не утонет?!»

Я ее на руки брал,
В глазки смотрел голубые,
Ножки ее целовал,
Бледные ножки, худые.

Как эти дни далеки...
Долго ль томиться я буду?
Всё васильки, Васильки,
Красные, желтые всюду...

Видишь, торчат на стене,
Слышишь, сбегают по крыше,
Вот подползают ко мне,
Лезут всё выше и выше...

Слышишь, смеются они...
Боже, за что эти муки?
Маша, спаси, отгони,
Крепче сожми мои руки!

Поздно! Вошли, ворвались,
Стали стеной между нами,
В голову так и впились,
Колют ее лепестками.

Рвется вся грудь от тоски...
Боже! Куда мне деваться?
Все васильки, васильки...
Как они смеют смеяться?

396. «Все, чем я жил, в чем ждал отрады...» [\[406\]](#)

Все, чем я жил, в чем ждал отрады,
Слова развеяли твои...
Так снег последний без пощады
Уносят вешние ручьи...
И целый день с насмешкой злою,
Другие речи заглушив,
Они носились надо мною,
Как неотвязчивый мотив.

Один я. Длится ночь немая.
Покоя нет душе моей...
О, как томит меня, пугая,
Холодный мрак грядущих дней!
Ты не согреешь этот холод,
Ты не осветишь эту тьму...
Твои слова, как тяжкий молот,
Стучат по сердцу моему.

397. Минуты счастья [\[407\]](#)

Не там отрадно счастье веет,
Где шум и царство суеты:
Там сердце скоро холодеет
И блекнут яркие мечты.

Но вечер тихий, образ нежный
И речи долгие в тиши
О всем, что будит ум мятежный
И струны спящие души, —

О, вот они, минуты счастья,
Когда, как зорька в небесах,
Блеснет внезапно луч участия
В чужих внимательных очах,

Когда любви горячей слово
Растет на сердце как напев,
И с языка слететь готово,
И замирает, не слетев...

398. Любовь [\[408\]](#)

Когда без страсти и без дела
Бесцветно дни мои текли,
Она как буря налетела
И унесла меня с земли.

Она меня лишила веры
И вдохновение зажгла,
Дала мне счастье без меры
И слезы, слезы без числа...

Сухими, жесткими словами
Терзала сердце мне порой,
И хохотала над слезами,
И издевалась над тоской;

А иногда горячим словом
И взором ласковых очей
Гнала печаль, — и в блеске новом
В душе светила моя!

Я все забыл, дышу лишь ею,
Всю жизнь я отдал ей во власть,
Благословить ее не смею
И не могу ее проклясть.

399. Гаданье [\[409\]](#)

Ну, старая, гадай! Тоска мне сердце гложет,
Веселой болтовней меня развесели,
Авось твой разговор убить часы поможет,
И скучный день пройдет, как многие прошли!

«Ох, не грешно ль в воскресенье?
С нами господняя сила!
Тяжко мое прегрешение...
Ну, да уж я разложила!

Едешь в дорогу ты дальнюю,
Путь твой не весел обратный:
Новость услышишь печальную
И разговор неприятный.

Видишь: большая компании
Вместе с тобой веселится,
Но исполненья желания
Лучше не жди: не случится.

Что-то грозит неизвестное...
Карты-то, карты какие!
Будет письмо интересное,
Хлопоты будут большие!

На сердце дама червонная...
С гордой душою такою:
Словно к тебе благосклонная,
Словно играет тобою!

Глядя в лицо ее строгое,
Грустен и робок ты будешь:
Хочешь сказать ей про многое,
Свидишься, — все позабудешь!

Мысли твои все червонные,
Слезы-то будто из лейки,
Думушки, ночи бессонные —
Все от нее, от злодейки!

Волюшка крепкая скручена,
Словно дитя ты пред нею...
Как твое сердце замучено,
Я и сказать не умею!

Тянутся дни нестерпимые,
Мысли сплетаются злые...
Батюшки светы родимые!

Карты-то, карты какие!!.»

Умолкла старая. В зловещей тишине
Насупившись сидит. — Скажи, что это значит?
Старуха, что с тобой? Ты плачешь обо мне?
Так только мать одна об детском горе плачет.
И стоит ли того? — Я знаю наперед
Все то, что сбудется, и не ропщу на бога:
Дорога выйдет мне, и горе подойдет,
Там будут хлопоты, а там опять дорога...
Ну полно же, не плачь! Гадай иль говори,
Пусть голос твой звучит мне песней похоронной,
Но только, старая, мне в сердце не смотри
И не рассказывай об даме об червонной!

400. «Ночи безумные, ночи бессонные...» [\[410\]](#)

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнём озаренные,
Осени мёртвой цветы запоздалые!

Пусть даже время рукой беспощадною
Мне указало, что было в вас ложного,
Всё же лечу я к вам памятью жадною,
В прошлом ответа ищу невозможного...

Вкрадчивым шепотом вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные...
В тихую ночь вы мой сон отгоняете,
Ночи бессонные, ночи безумные!

401. Пара гнедых [\[411\]](#)

(Перевод из Донаурова)

Пара гнедых, запряженных с зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид,
Вечно бредёте вы мелкой рысцою,
Вечно куда-то ваш кучер спешит.
Были когда-то и вы рысаками,
И кучеров вы имели лихих,
Ваша хозяйка состарилась с вами,
Пара гнедых!

Ваша хозяйка в старинные годы
Много хозяев имела сама,
Опытных в дом привлекала из моды,
Более нежных сводила с ума.
Таял в объятых любовник счастливый.
Таял порой капитал у иных;
Часто стоять на конюшне могли вы,
Пара гнедых!

Грек из Одессы и жид из Варшавы,
Юный корнет и седой генерал —
Каждый искал в ней любви и забавы
И на груди у неё засыпал.
Где же они, в какой новой богине
Ищут теперь идеалов своих?
Вы, только вы и верны ей доныне,
Пара гнедых!

Вот отчего, запрягаясь с зарёю
И голодая по нескольку дней,
Вы подвигаетесь мелкой рысцою
И возбуждаете смех у людей.
Старость, как ночь, вам и ей угрожает,
Говор толпы невозвратно затих,
И только кнут вас порою ласкает.
Пара гнедых!

402. «Я ждал тебя... Часы ползли уныло...»[\[412\]](#)

Я ждал тебя... Часы ползли уныло,
Как старые, докучные враги...
Всю ночь меня будил твой голос милый
И чьи-то слышались шаги...

Я ждал тебя... Прозрачен, свеж и светел,
Осенний день повеял над землей...
В немой тоске я день прекрасный встретил
Одною жгучею слезой...

Пойми хоть раз, что в этой жизни шумной,
Чтоб быть с тобой, — я каждый миг ловлю,
Что я люблю, люблю тебя безумно...
Как жизнь, как счастье люблю!..

КОНСТАНТИН ФОФАНОВ

(1862–1911)

403. «Звезды ясные, звезды прекрасные...» [\[413\]](#)

Звезды ясные, звезды прекрасные
Нашептали цветам сказки чудные,
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные.

И цветы, опьяненные росами,
Рассказали ветрам сказки нежные,
И распели их ветры мятежные
Над землей, над волной, над утесами.

И земля, под весенними ласками
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звездными сказками
Мою душу, безумно влюбленную.

И теперь, в эти дни многотрудные,
В эти темные ночи ненастные,
Отдаю я вам, звезды прекрасные,
Ваши сказки задумчиво-чудные!..

ПЕТР ВЕЙНБЕРГ

(1831–1908)

404. «Он был титулярный советник...» [\[414\]](#)

Он был титулярный советник,
Она — генеральская дочь;
Он робко в любви объяснился,
Она прогнала его прочь.

Пошел титулярный советник
И пьянствовал с горя всю ночь —
И в винном тумане носилась
Пред ним генеральская дочь...

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВ

(1830–1891)

405. Кокетка [\[415\]](#)

Говорят, что я кокетка,
Что любить я не хочу,
И видали, как нередко
Равнодушием плачу.
А видали ль, как я плачу,
Невозможность полюбя,
Силы девственные трачу,
Полны дивного огня?
А видали ль, как украдкой,
Затаив порыв страстей,
Я целую образ сладкий,
Счастье, жизнь души моей?
А видали ль, к изголовью
Как приникнув в море грез,
Обольется сердце кровью,
Глаза выноют от слез?

406. Зацелуй меня до смерти![\[416\]](#)

Зацелуй меня до смерти —
От тебя и смерть мила;
Не на горе же, поверьте,
Жизнь от бога нам дана!

Без любви и жизнь не в радость,
Без объятий нет любви;
Я изведал жизни сладость,
Я узнал весь жар в крови!

Умирать ведь нам не надо!
Так уж лучше, через край
Выпив сладостного яда,
На земле изведать рай!

К жизни той близка дорога!
Я мгновения ловлю —
Зацелуй меня до смерти,
И я смерть благословлю.

АЛЕКСАНДР ПОРЕЦКИЙ

(1819–1879)

407. Пойманная птичка [\[417\]](#)

«Ах, попалась, птичка, стой!
Не уйдешь из сети,
Не расстанемся с тобой
Ни за что на свете!»

— «Ах, зачем, зачем я вам,
Миленькие дети?
Отпустите полетать,
Развяжите сети!»

— «Нет, не пустим, птичка, нет,
Оставайся с нами:
Мы дадим тебе конфет,
Чаю с сухарями!»

— «Ах, конфет я не люблю,
Не хочу я чаю,
В поле мошек я ловлю,
Зернышки собираю...»

— «Там замерзнешь ты зимой
Где-нибудь на ветке,
А у нас-то! В золотой
Будешь жить ты клетке!»

— «О, не бойтесь: в теплый край
Улечу зимою;
А в неволе — светлый рай
Будет мне тюрьмою!»

— «Птичка, птичка, как любить
Мы тебя бы стали!
Не позволили б грустить:
Всё б тебя ласкали.»

— «Верю, детки; но для нас
Вредны ваши ласки, —
С них закрыла бы как раз
Я навеки глазки!»

— «Правда, правда, птичка, ты
Не снесешь неволю...»

Ну так бог с тобой, лети
И живи на воле!»

ЛЕВ МОДЗАЛЕВСКИЙ

(1837–1898)

408. Вечерняя заря весною [\[418\]](#)

Слети к нам, тихий вечер,
На мирные поля;
Тебе мы поем песню,
Вечерняя заря.

Темнеет уж в долине,
И ночи близок час;
На маковке березы
Последний луч угас.

Как тихо всюду стало,
Как воздух охладел!
И в ближней роще звонко
Уж соловей пропел.

Слети ж к нам, тихий вечер,
На мирные поля!
Тебе поем мы песню,
Вечерняя заря.

АРСЕНИЙ ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

(1848–1913)

409. В четырех стенах [\[419\]](#)

Комнатка скромная, тесная, милая;
Тень непроглядная, тень безответная;
Дума глубокая, песня унылая;
В бьющемся сердце надежда заветная;

Тихий полет за мгновеньем мгновения;
Взор неподвижный на счастье далекое;
Много сомнения, много терпения...
Вот она, ночь моя, — ночь одинокая!

410. «Меня ты в толпе не узнала...» [\[420\]](#)

Меня ты в толпе не узнала —
Твой взгляд не сказал ничего;
Но чудно и страшно мне стало,
Когда уловил я его.

То было одно лишь мгновенье —
Но, верь мне, я в нем перенес
Всей прошлой любви наслажденье,
Всю горечь забвенья и слез!

411. Над озером [\[421\]](#)

Месяц задумчивый, звезды далекие
С темного неба водами любуются;
Молча смотрю я на воды глубокие —
Тайны волшебные сердцем в них чуются.

Плещут, таятся ласкательно-нежные:
Много в их ропоте силы чарующей,
Слышатся думы и страсти безбрежные,
Голос неведомый, душу волнующий.

Нежит, пугает, наводит сомнение:
Слушать велит ли он? — С места б не двинулся!
Гонит ли прочь? — Убежал бы в смятении!
В глубь ли зовет? — Без оглядки бы кинулся!

412. Трепак [\[422\]](#)

Лес да поляны. Безлюдье кругом.
Вьюга и плачет, и стонет,
Чудится, будто во мраке ночном
Злая кого-то хоронит.
Глядь — так и есть! В темноте мужика
Смерть обнимает, ласкает,
С пьяненьким пляшет вдвоем трепака,
На ухо песнь напевает.
Любо с подругою белой плясать!
Любо лихой ее песне внимать!

Ох, мужичок,
Старичок
Убогой,
Пьян напился,
Поплелся
Дорогой,
А метель-то, ведьма, поднялась,
Взыграла!
С поля — в лес дремучий невзначай
Загнала!

Горем, тоской
Да нуждой
Томимый,
Ляг, отдохни
Да усни,
Родимый!
Я тебя, голубчик мой, снежком
Согрею;
Вкруг тебя великую игру
Затею.

Взбей-ка постель,
Ты, метель,
Лебедка!
Ну, начинай.
Запевай,
Погодка,
Сказку — да такую, чтоб всю ночь
Тянулась,
Чтоб пьянчуге крепко под нее
Уснулось!

Гой вы, леса,
Небеса
Да тучи!
Темь, ветерок
Да снежок

Летучий!
Станем-ка в кружки, да удалой
Толпою
В пляску развеселую дружной
За мною!

Глянь-ка, дружок,
Мужичок
Счастливый!
Лето пришло,
Расцвело!
Над нивой
Солнышко смеется, да жнецы
Гуляют,
Снопинки на сжатых полосках
Считают.

Лес да поляны. Безлюдье кругом.
Стихла недобрая сила.
Горького пьяницу в мраке ночном
С плачем метель схоронила.
Знать, утомился плясать трепака,
Песни петь с белой подругой —
Спит, не проснется... Могила мягка
И уж засыпана вьюгой!

413. Колыбельная

Плакал ребенок. Свеча, нагорая,
Тусклым мерцала огнем;
Целую ночь, колыбель охраняя,
Мать не забылася сном.
Рано-ранехонько в дверь осторожно
Смерть сердобольная — стук!
Вздрыгнула мать, оглянулась тревожно...
«Полно пугаться, мой друг!
Бледное утро уж смотрит в окошко.
Плача, тоскуя, любя,
Ты утомилась... Вздремни-ка немножко —
Я посижу за тебя.
Угмонить ты дитя не сумела,
Слаще тебя я спою».
И, не дождавшись ответа, запела:
«Баюшки баю-баю».

Мать

Тише! ребенок мой мечется, плачет!
Грудь истомит он свою!

Смерть

Это со мной он играет и скачет.
Баюшки баю-баю.

Мать

Щеки бледнеют, слабеет дыханье...
Да замолчи же, молю!

Смерть

Доброе знаменье — стихнет страданье.
Баюшки баю-баю.

Мать

Прочь ты, проклятая! Лаской своею
Сгубишь ты радость мою!

Смерть

Нет, мирный сон я младенцу навею.
Баюшки баю-баю.

Мать

Сжался! Пожди допевать хоть мгновенье
Страшную песню твою!

Смерть

Видишь — уснул он под тихое пенье
Баюшки баю-баю.

414. Серенада («Нега волшебная, ночь голубая...»)

Нега волшебная, ночь голубая,
Трепетный сумрак весны;
Внемлет, поникнув головкой, больная
Шепот ночной тишины.

Сон не смыкает блестящие очи,
Жизнь к наслажденью зовет,
А в полумраке медлительной ночи
Смерть серенаду поет:

«Знаю: в темнице суровой и тесной
Молодость вянет твоя.
Рыцарь неведомый, силой чудесной
Освобожу я тебя.

Старость бездушная шепчет напрасно:
Бойся любви молодой!
Ложно измыслила недуг опасный,
Чтоб не ушла ты со мной.

Но посмотри на себя: красотой
Лик твой прозрачный блестит;
Щеки румяны; волнистой косою
Стан твой, как тучей, обвит.

Пристальных глаз голубое сиянье
Ярче небес и огня;
Зноем полуденным веет дыханье —
Ты обольстила меня!

В вешнюю ночь за тюремной оградой
Рыцаря голос твой звал...
Рыцарь пришел за бесценной наградой;
Нас упоенья настал!»

Смолкнул напев; прозвучало лобзанье...
В долгом лобзании том
Слышались вопли, мольбы и стенанье —
Тихо всё стало потом.

Но поутру, когда ранняя птица
Пела, любясь зарей.
Робко в окно заглянувши, денница
Труп увидала немой.

415. А. А. Фету[423]

Словно голос листвы, словно лепет ручья,
В душу веет прохладою песня твоя;
Все внимал бы, как струйки дрожат и звучат,
Все впитывал бы цветов и листов аромат.
Все молчал бы, поникнув, чтоб долго вокруг
Только песни блуждал торжествующий звук,
Чтоб на ласку его, на призыв и привет
Только сердце б томилось и билось в ответ...

416. «Не смолкай, говори... В ласке речи твоей...» [424]

Не смолкай, говори... В ласке речи твоей,
В беззаветном веселье свиданья
Принесла мне с собою ты свежесть полей
И цветов благовонных лобзанья.

Я внимаю тебе — и целебный обман
Сердце властной мечтою объемлет,
Мне мерещится ночь... в лунном блеске туман
Над сверкающим озером дремлет.

Ни движенья, ни звука вокруг, ни души!
Беспредметная даль пред очами.
Мы с тобою вдвоем в полутьме и тиши,
Под лазурью, луной и звездами.

Только воды дрожат, только дышат цветы
Да туманится воздух росистый,
И, горя сквозь туман, как звезда с высоты,
В душу светит мне взгляд твой лучистый.

В беспредельном молчаньи теней и лучей
Шепчешь ты про любовь и участие...
Не смолкай, говори... В ласке речи твоей
Мне звучит беспредельное счастье!

417. Забытый [\[425\]](#)

Он смерть нашел в краю чужом,
В краю чужом, в бою с врагом;
Но враг друзьями побежден, —
Друзья ликуют, только он
На поле битвы позабыт,
Один лежит.

И между тем как жадный вран
Пьет кровь его из свежих ран
И точит незакрытый глаз,
Грозивший смертью в смерти час,
И, насладившись, пьян и сыт,
Долой летит, —

Далеко там, в краю родном,
Мать кормит сына под окном:
«А-гу, а-гу, не плачь, сынок,
Вернется тятя. Пирожок
Тогда на радостях дружку
Я испеку...»
А тот — забыт, один лежит...

418. Торжество смерти [\[426\]](#)

День целый бой не умолкает;
В дыму затмился солнца свет,
Окрестность стонет и пылает,
Холмы ревут — победы нет!
И пала ночь на поле брани;
Дружины в поле разошлись;
Все стихло — и в ночном тумане
Стенанья к небу поднялись.
Тогда, озарена луною,
На боевом своем коне,
Коней сверкая белизною,
Явилась смерть! И в тишине,
Внимая вопли и молитвы,
Довольства гордого полна,
Как полководец, место битвы
Кругом объехала она;
На холм поднявшись, оглянулась,
Остановилась... улыбнулась...
И над равниной боевой
Пронесся голос роковой:

«Кончена битва — я всех победила!
Все предо мной вы склонились, бойцы,
Жизнь вас поссорила — я помирила.
Дружно вставайте на смотр, мертвецы!

Маршем торжественным мимо пройдите;
Войско свое я хочу сосчитать.
В землю потом свои кости сложите,
Сладко от жизни в земле отдыхать.

Годы незримо пройдут за годами,
В людях исчезнет и память о вас —
Я не забуду, и вечно над вами
Пир буду править в полуночный час!

Пляской тяжелою землю сырую
Я притопчу, чтобы сень гробовую
Кости покинуть вовек не могли,
Чтоб никогда вам не встать из земли».

ВАСИЛИЙ НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

(1844–1927)

419. Умирающий [\[427\]](#)

Отворите окно... отворите!..
Мне недолго осталось жить;
Хоть теперь на свободу пустите,
Не мешайте страдать и любить!
Горлом кровь показалась... Весною
Хорошо на родимых полях:
Будет небо сиять надо мною
И потонет могила в цветах.
Сбросьте цепи мои... Из темницы
Выносите на свет, на простор...
Как поют перелетные птицы,
Как шумит зеленеющий бор!
Выше, выше, смолистые сосны,
Все растет под сиянием дня...
Только цепи мне эти несносны...
Не душите, не мучьте меня!..
То не песня ль вдали прозвенела,
Что певала родимая мать?
Холодеет усталое тело,
Гаснет взор, мне недолго страдать!
Позабудьте меня... схороните...
Я прощу вас в могиле своей...
Отворите ж окно... отворите,
Сбросьте цепи мои поскорей!..

420. «Ты любила его всей душою...»

Ты любила его всей душою,
Ты все счастье ему отдала.
Как цветок ароматный весной
Для него одного расцвела.

Словно срезанный колос ты пала
Под его беспощадным серпом,
И его, погибая, ласкала,
Умирая, молилась о нем.

Он не думал о том, сколько муки,
Сколько горя в душе у тебя,
И, наскучив тобою, разлуки
Он искал, никогда не любя.

Ты молила его, умирая:
«О, приди, повидайся со мной!»
Но, другую безумно лаская,
Он смеялся тогда над тобой.

И могила твоя одинока...
Он молиться над ней не придет...
В полдень яркое солнце высоко
Над крестом твоим белым плывет.

Только ветер роняет, как слезы,
Над тобою росинки порой.
Загубили былинку морозы,
Захирел ты, цветок полевой...

Серый камень лежит над тобою,
Словно сторож могилы твоей,
О, зачем ты не встанешь весной
С первой травкою вольных полей!

Для чего ты жила и любила?
В чьей душе ты оставила след?
Но тиха, безответна могила...
Этим жалобам отзыва нет!..

МИРРА ЛОХВИЦКАЯ

(1869–1905)

421. «Да, это был лишь сон! Минутное виденье...» [\[428\]](#)

Да, это был лишь сон! Минутное виденье
Блеснуло мне, как светлый метеор...
Зачем же столько грез, блаженства и мученья
Зажег во мне неотразимый взор?

Как пусто, как мертво!.. И в будущем всё то же...
Часы летят... а жизнь так коротка!..
Да, это был лишь сон, но призрак мне дороже
Любви живой роскошного цветка.

Рассеялся туман, и холод пробужденья
В горячем сердце кровь оледенил.
Да, это был лишь сон... минутное виденье...
Но отчего ж забыть его нет сил?

422. «Если б счастье мое было вольным орлом...» [429]

Если б счастье мое было вольным орлом,
Если б гордо он в небе парил голубом, —
Натянула б я лук свой певучей стрелой,
И живой или мертвый, а был бы он мой!

Если б счастье мое было чудным цветком,
Если б рос тот цветок на утесе крутом. —
Я достала б его, не боясь ничего,
Сорвала б и упилась дыханьем его!

Если б счастье мое было редким кольцом
И зарыто в реке под сыпучим песком, —
Я б русалкой за ним опустилась на дно,
На руке у меня заблестало б оно!

Если б счастье мое было в сердце твоём, —
День и ночь я бы жгла его тайным огнём,
Чтобы, мне без раздела навек отдано,
Только мной трепетало и билось оно!

423. Умей страдать [\[430\]](#)

Когда в тебе клеймят и женщину, и мать —
За миг, один лишь миг, украденный у счастья,
Безмолвствуя, храни покой бесстрастья, —
Умей молчать!

И если радостей короткой будет нить
И твой кумир тебя осудит скоро
На гнет тоски, и горя, и позора, —
Умей любить!

И если на тебе избрания печать,
Но суждено тебе влачить ярмо рабыни,
Неси свой крест с величием богини, —
Умей страдать!

424. «Быть грозе! Я вижу это...» [\[431\]](#)

Быть грозе! Я вижу это
В трепетаньи тополей,
В тяжком зное полусвета,
В душном сумраке аллей.

В мощи силы раскаленной
Скрытых облаком лучей,
В поволоке утомленной
Дорогих твоих очей.

425. Заклинание [\[432\]](#)

Ты лети, мой сон, лети,
Тронь шиповник по пути,
Отягчи кудрявый хмель,
Колыхни камыш и ель.
И, стряхнув цветенье трав
В чаши белые купав,
Брызни ласковой волной
На кувшинчик водяной.
Ты умчись в немую высь,
Рога месяца коснись,
Чуть дыша прохладой струй,
Звезды ясные задуй.
И, спустясь к отрадной мгле,
К успокоенной земле,
Тихим вздохом не шурши
В очарованной тиши.
Ты не прячься в зыбь полей,
Будь послушней, будь смелей
И, покинув гроздь ржи,
Очи властные смежи.
И в дурмане сладких грез,
Чище лилий, ярче роз,
Воскреси мой поцелуй,
Обольсти и околдуй!

ПАВЕЛ КОЗЛОВ

(1841–1891)

426. Забыли вы

Глядя на луч пурпурного заката,
Стояли мы на берегу Невы.
Вы руку жали мне; промчался без возврата
Тот сладкий миг; его забыли вы...

До гроба вы клялись любить поэта;
Боясь людей, боясь пустой молвы,
Вы не исполнили священного обета;
Свою любовь — и ту забыли вы...'

Но смерть близка; близка моя могила.
Когда умру, как тихий шум травы,
Мой голос прозвучит и скажет вам уныло:
Он вами жил... его забыли вы!..

ВЛАДИМИР МАЗУРКЕВИЧ

(1871 —?)

427. Письмо («Дышала ночь восторгом сладострастья...»)[433]

Монолог

Дышала ночь восторгом сладострастья...
Неясных дум и трепета полна,
Я вас ждала с безумной жаждой счастья,
Я вас ждала и млела у окна.
Наш уголок я убрала цветами,
К вам одному неслись мечты мои,
Мгновенья мне казались часами...
Я вас ждала; но вы... вы не пришли.

В окно вливался аромат сирени,
В лучах луны дремал заглохший сад,
Дрожа, мерцали трепетные тени,
С надеждой вдаль я устремляла взгляд;
Меня томил горячий воздух ночи,
Она меня, как поцелуй ваш, жгла,
Я не могла сомкнуть в волненьи очи, —
Но вы не шли... А я вас так ждала.

Вдруг соловей защелкал над куртиной.
Притихла ночь, в молчании застыв,
И этот рокот трели соловьиной
Будил в душе таинственный призыв.
Призыв туда, где счастье возможно
Без этой лжи, без пошлой суеты,
И поняла я сердцем, как ничтожна
Моя любовь, — дитя больной мечты.

Я поняла, что счастье не в ласках
Греховных снов с возлюбленным моим,
Что этот мир рассеется, как в сказках
Заветных чар завороченный дым,
Что есть другое, высшее блаженство,-[^]
Им эта ночь таинственно полна, —
В нем чистота, отрада, совершенство,
В нем утешенье, мир и тишина.

Мне эта ночь навеяла сомненье...

И вся в слезах задумалась я.
И вот теперь скажу без сожаленья:
«Я не для вас, а вы — не для меня!»
Любовь сильна не страстью поцелуя!
Другой любви вы дать мне не могли...
О, как же вас теперь благодарю я
За то, что вы на зов мой не пришли!

СТЕПАН СКИТАЛЕЦ

(1869–1941)

428. «Колокольчики-бубенчики звенят...» [\[434\]](#)

Колокольчики-бубенчики звенят,
Простодушную рассказывают быль...
Тройка мчится, комья снежные летят,
Обдает лицо серебряная пыль!

Нет ни звездочки на темных небесах,
Только видно, как мелькают огоньки,
Не смолкает звон малиновый в ушах,
В сердце нету ни заботы, ни тоски.

Эх! лети, душа, отдайся вся мечте,
Потоните, хороводы бледных лиц!
Очи милые мне светят в темноте
Из-под черных, из-под бархатных ресниц...

Эй, вы, шире, сторонитесь, раздавлю!
Бесконечно, жадно хочется мне жить!
Я дороги никому не уступлю,
Я умею ненавидеть и любить...

Ручка нежная прижалась в рукаве...
Не пришлось бы мне лелеять той руки,
Да от снежной пыли мутно в голове,
Да баюкают бубенчики-звонки!

Простодушные бубенчики-друзья,
Говорливые союзники любви,
Замолчите вы, лукаво затая
Тайны нежные, заветные мои!

Ночь окутала нас бархатной тафтой,
Звезды спрятались, лучей своих не льют,
Да бубенчики под ковеной дугой
Про любовь мою болтают и поют...

Пусть узнают люди хитрые про нас,
Догадаются о ласковых словах
По бубенчикам, по блеску черных глаз,
По растаявшим снежинкам на щеках.

Хорошо в ночи бубенчики звенят,
Простодушную рассказывают быль..;

Сквозь ресницы очи милые блестят,
Обдает лицо серебряная пыль!..

429. «Я хочу веселья, радостного пенья...» [\[435\]](#)

Я хочу веселья, радостного пенья,
Буйного разгула, смеха и острот —
Оттого что знал я лишь одни мученья,
Оттого что жил я под ярмом забот.

Воздуха, цветов мне, солнечной погоды!
Слишком долго шел я грязью, под дождем.
Я хочу веселья, я хочу свободы —
Оттого что был я скованным рабом!

Я хочу рубиться, мстить с безумной страстью —
Оттого что долго был покорен злым.
И хочу любви я, и хочу я счастья —
Оттого что не был счастлив и любим!

ВАСИЛИЙ БАШКИН

(1880–1909)

430. Сосны [\[436\]](#)

Хмурые сосны шумят под окном,
Ветер качает вершины их сонно.
Слышу, как шепчут они монотонно —
Все об одном, об одном:

«В скучном краю родились мы на свет,
В скучном краю счастья нет!
Серым ненастьем измучены мы,
Жизнь наша хуже тюрьмы.

Ждать и желать мы забыли давно,
Холодно нам и темно.
Здесь можно только страдать и терпеть,
Здесь хорошо умереть».

Хмурые сосны шумят под окном,
Ветер качает вершины их сонно.
Слышу, как шепчут они монотонно
Все об одном, об одном...

ЗОЯ БУХАРОВА

(1876 —?)

431. Ноктюрн («Крики чайки белоснежной...»)[\[437\]](#)

Крики чайки белоснежной,
Запах моря и сосны,
Неумолчный, безмятежный
Плеск задумчивой волны,

В дымке розово-хрустальной
Умирующий закат,
Первой звездочки печальной
Золотой далекий взгляд.

Ярко блещущий огнями
Берег в призрачной дали,
Как в тумане перед нами —
Великаны корабли.

Чудный месяц, полный ласки,
В блеске царственном своем...
В эту ночь мы будто в сказке
Упоительной живем.

АЛЕКСЕЙ БУДИЩЕВ

(1867–1916)

432. «Только вечер затеплится синий...» [\[438\]](#)

Только вечер затеплится синий,
Только звезды зажгут небеса
И черемух серебряный иней
Уберет жемчугами роса, —
Отвори осторожно калитку
И войди в тихий садик как тень,
Да надев потемнее накидку,
И чадру на головку надень.
Там, где гуще сплетаются ветки,
Я незримо, неслышно пройду
И на самом пороге беседки
С милых губок чадру отведу.

Неизвестные авторы

433. «Не пробуждай воспоминаний...» [\[439\]](#)

Не пробуждай воспоминаний
Минувших дней, минувших дней —
Не возродишь былых желаний
В душе моей, в душе моей.

И на меня свой взор опасный
Не устремляй, не устремляй,
Мечтой любви, мечтой прекрасной
Не увлекай, не увлекай.

Однажды счастье в жизни этой
Вкушаем мы, вкушаем мы.
Святым огнем любви согреты,
Оживлены, оживлены.

Но кто ее огонь священный
Мог погасить, мог погасить, —
Тому уж жизни незабвенной
Не вернуть, не вернуть!

434. Дремлют плакучие ивы [\[440\]](#)

Дремлют плакучие ивы,
Низко склонясь над ручьем,
Струйки бегут торопливо,
Шепчут во мраке ночном,
Шепчут во мраке, во мраке ночном!

Думы о прошлом далеком
Мне навевают они...
Сердцем больным, одиноким
Рвусь я в те прежние дни!..
Рвусь я в те прежние, светлые дни.

Где ты, голубка родная?
Помнишь ли ты обо мне?
Так же ль, как я, изнывая,
Плачешь в ночной тишине...
Плачешь ли так же в ночной тишине...

«Нет, не любил он...»

Развитие жанра

НАРОДНЫЙ РОМАНС

Русская песня

НИКОЛАЙ ИБРАГИМОВ

(1778–1818)

**435. Русская песня («Во поле березонька
стояла...»)[441]**

Во поле березонька стояла,
Люли, люли, стояла,
В чистом кудрява бушевала,
В тереме девица горевала;
Девицу со милым разлучают,
Девицу с постылым обручают.
Нелюб не умом взял, не приятством —
Взял большой роднею и богатством.
Милый беспоместен, беспороден,
Он душой богат и благороден.
Не в мешках любовь, не в родословных —
В жертвах добровольных, безусловных
С милым мы глазами сговорились,
С милым мы сердцами подарились;
Скоро ли, ах, милый! не дождуся,
Я с тобой свиданьем наслаждуся,
От докуч нелюба свобожуся?
Люли, люли, свобожуся?

НИКОЛАЙ ОСТОЛОПОВ

436. «Не бушуйте, ветры буйные...» [\[442\]](#)

Не бушуйте, ветры буйные,
Перестаньте выть, осенние!
Не к тому ли вы бушуете,
Чтобы стоны заглушить мои?
Ах! скорей, скорей утихните!
И без вас *она* не слышит их...
Терем *милой* далеко стоит
За горами за высокими,
За лесами непроходными...
Лучше грамотку снесите к ней;
Я слезами напишу ее,
Я скажу ей в этой грамотке:
Вянет травушка без солнышка,
Сохнет сердце без любезных;
С ней в разлуке нет отрады мне.
Вся отрада — горьки слезы лить!
Полетите, ветры буйные,
Вы отдайте милой грамотку!
Если милая вздохнет тогда,
Принесите мне вы вздох ее!
Но вы всё еще бушуете,
Вы не слышите несчастного,
Вы не внимлете мольбе его!
Так усилитесь, ветры буйные,
Вы умножьте бурю грозную,
Ускорите смерть несчастного
И развейте после прах его!

ДМИТРИЙ ГЛЕБОВ

(1789–1843)

437. «Скучно, матушка, мне сердцем жить одной...» [\[443\]](#)

Скучно, матушка, мне сердцем жить одной,
Скучно, скучно, что не едет дорогой.
Где сокрою я кручинушку свою?
Лучше выйду, на крылечке постою.
Посмотрю, кто вдоль по улице прошел,
Посмотрю, не пролетит ли мой сокол.
Вдоль по улице метелица метет,
А с метелицей и милый мой идет.
Машет издали мне аленьким платком,
Подошедши, говорит он мне тайком:
«Ах, постой, постой, любезная моя!
Дай мне, радость, наглядеться на тебя!
С той поры, как разлучились мы с тобой,
Потерял я и здоровье и покой».
— «Друг сердечный, — отвечала я ему, —
Или ты смеешься горю моему?
Такова ли я до сей поры была?
Таковою ли красавицей слыла?
На лице поблекли алые цветы;
Без тебя, мой друг, лишилась красоты!»

МИХАИЛ ЯКОВЛЕВ

(1798–1868)

438. Русская песня (*«Солнце красное взошло на небеса...»*)

Солнце красное взошло на небеса,
И на зелени обсохнула роса, —
Не обсохли лишь у Аннушки глаза,
Всё блестит на них жемчужная слеза.

«Не круши себя, красавица моя!
Знать, такая участь слезная твоя.
Видно, так уж предназначено судьбой,
Чтоб безвременно расстался друг с тобой.

Променял твою девичью красоту —
На дощатый гроб, могильну темноту.
Хоть и грустно жить без друга своего,
Но слезами не воротись ты его!»

Слышу девицы печальные слова:
«Пусть увяну — как без дождичка трава,
Сердцу бедному дам волю я изныть,
Друга ж милого нельзя мне позабыть!»

ИВАН ВЕТТЕР

(1796? —?)

439. Иртыш [\[444\]](#)

Певец молодой, судьбой гонимый,
При бреге быстрых вод сидел
И, грустью скорбною томимый,
Разлуку с родиной он пел:
 «Шуми, Иртыш, струитесь, воды,
 Несите грусть мою с собой,
 А я, лишенный здесь свободы,
 Дышу для родины драгой».

Для родины, для сердцу милой, —
Я в них всё счастье имел,
В кругу родных, всегда любимый,
Где радости одни я пел.
 «Шуми, Иртыш, струитесь, воды...».

Теперь поет одну разлуку
Судьбой расторгнутых сердец,
И грусть свою вверяет звуку
Уж не на родине певец...
 «Шуми, Иртыш, струитесь, воды...»,

Умолк — и вежды окропились,
Как блеклый лист живой росой,
И струи вод соединились,
Как с перлом, — с чистою слезой.
 «Шуми, Иртыш, струитесь, воды,
 Несите грусть мою с собой,
 А я, лишенный здесь свободы,
 Дышу для родины драгой».

НИКОЛАЙ ЦЫГАНОВ

(1797? — 1832?)

440. «Что ты рано, травушка...» [\[445\]](#)

«Что ты рано, травушка,
Пожелтела?
Что вы рано, цветики,
Облетели?
Что ты так, красавица,
Похудела:
Впали алы щеченьки,
Побледнели...
Впали ясны оченьки,
Потускнели?..»

— «Не успели цветики
Распуститься,
Уж их злая засуха
Поедает...
Не успела я с дружкой
Обручиться,
Уж он меня, бедную,
Покидает —
Без поры, без времени
Убивает!»

— «Только ль свету белого,
Что в оконце?..
Только ль добрых молодцев,
Что изменщик?
Не тумань, голубушка,
Ясных очек,
Не слези, лебедушка,
Алых щечек!
Выбирай любимого
Из удалых —
По нраву приятному,
По обычью,
По уму, по разуму
Да по сердцу!»

— «Погляжу ль я на небо:
Звездок много —
Да один во звездочках
Светел месяц!
Загляну ль в зеленый сад:
Пташек много —

Да один во пташечках
Ясен сокол!
Взгляну ли на молодцев:
Добрых много —
Да не придут девушке
По обычью,
По уму, по разуму
Да по сердцу».

441. «Не кукушечка во сыром бору...» [\[446\]](#)

Не кукушечка во сыром бору
Жалобнехонько
Вскуковала —
А молодушка в светлом терему
Тяжелехонько
Простонала.

Не ясен сокол по поднебесью
За лебедками
Залетался —
Добрый молодец, по безразумью,
За красотками
Зашатался!..

Ясну соколу быть поиману,
Обескрылену,
Во неволе...
Добру молодцу быть в солдатушках
Обезглавлену
В ратном поле.

А кукушечке во сыром бору
По чужим гнездам
Куковати...
А молодушке во слободушке
По чужим углам
Воздыхати!

442. «Что ты, соловьюшко...» [\[447\]](#)

«Что ты, соловьюшко,
Корму не клюешь?
Вешаешь головушку,
Песен не поешь?»

— «Пелося соловьюшку
В рощице весной...
Вешаю головушку
В клетке золотой!
На зеленой веточке
Весело я жил...
В золотой же клеточке
Буду век уныл!..»

— «Зеленой ли веточке
К песням приучать?
В золотой же клеточке
Соловью ль молчать?»

— «Зеленая веточка
Сердце веселит;
Золотая ж клеточка
Умереть велит!..
Подружка на веточке
Тужит обо мне,
Стонут малы деточки...
До пенья ли мне?»

— «Отперто окошечко
К рощице твоей, —
Будь счастлив, мой крошечка,
Улетай скорей!»

443. «Ох, болит...» [\[448\]](#)

Ох, болит
Да щемит
Ретиво сердечко —
Всё по нем,
По моем
По милóm дружечке!

Он сердит,
Не глядит
На меня, девицу, —
Все корит
Да бранит,
Вносит небылицу;

Будто днем
Соловьем
По садам летаю,
Не об нем,
Об ином
Звонко распеваю!

Ничего,
Никого
Ночью не боюсь —
И не с ним,
Все с иным
Милым веселюся!

Не расти,
Не цвести
Кустичку сухому...
Не любить,
Не сгубить
Девицы иному!

Не себе —
Все тебе
Красота блюдется.
Ах, ничьей —
Все твоей
С горя изведется.

444. «Не шей ты мне, матушка...» [\[449\]](#)

«Не шей ты мне, матушка,
Красный сарафан,
Не входи, родимушка,
Попусту в изъян!

Рано мою косыньку
На две расплетать!
Прикажи мне русую
В ленту убирать!

Пущай, не покрытая
Шелковой фатой,
Очи молодецкие
Веселит собой!

То ли житье девичье,
Чтоб его менять,
Торопиться замужем
Охать да вздыхать?

Золотая волюшка
Мне милей всего!
Не хочу я с волюшкой
В свете ничего!»

— «Дитя мое, дитяtko,
Дочка милая!
Головка победная,
Неразумная!

Не век тебе пташечкой
Звонко распевать,
Легкокрылой бабочкой
По цветам порхать!

Заблекнут на щеченьках
Маковы цветы,
Прискучат забавушки —
Стоскуешься ты!

А мы и при старости
Себя веселим:
Младость вспоминаючи,
На детей глядим;

И я молодешенька
Была такова,
И мне те же в девушках

Пелися слова!»

445. «Смолкни, пташка-канарейка!..» [\[450\]](#)

Смолкни, пташка-канарейка!
Полно звонко распевать, —
Перестань ты мне, злодейка,
Ретивое надрывать!

Уж ко мне не воротиться
Красным дням весны моей, —
Отвыкает сердце биться,
Вспоминаячи об ней!

Радость-младость миновалась?
Отцвела она цветком,
И не вихорем промчалась —
Пропорхнула мотыльком!

С нею память о бывалом
Я хотел похоронить,
Не грустить по нем нимало —
Ни слезы не уронить.

Все давно забыто было:
Звонкой песенкой своей
Все ты снова разбудила,
Пташка, лютый мой злодей!

После ведрышка к ненастью
Тяжеленько привыкать,
А несчастному об счастье
Хуже смерти вспоминать!

446. «Я посею, молоденька...»

Я посею, молоденька,
Цветиков маленько;
Стану с зоренькой вставати,
Цветы поливати,
Буду с светом пробуждаться,
Садом любоваться!
Для кого ж я сад садила
Берегла... ходила?
Ах, не для кого иного,
Для дружка милого!
Для чего в моем садочке
Пташки распевают?
Все об нем же, об дружочке
Мне вспоминают!
Залетел мой сокол ясный,
Молодец прекрасный!
Запропал в тоске-кручине
Без вести в чужбине!
И посла я посылала —
Мил не принимает...
И слезами я писала —
Друг не отвечает!
Пропадать же, знать, садочку
Без мила дружочка...
Не цвести в саду цветочку —
Порву для веночка.
Не плясать младой в веночке,
Гадать по дружочке...
Не боли ж, мое сердечко,
Выйду я на речку
И на самую средину
Венок мой закину,
Слезно, слезно зарыдаю,
Сама загадаю:
Коль надёжа меня помнит —
Мой венок потонет!
Коль надёжа покидает —
Пущай уплывает...

447. «Рано, рано вы, лазоревы цветы...» [\[451\]](#)

Рано, рано вы, лазоревы цветы,
Рано, рано вы поблекли, отцвели!
Рано девушка лишилась красоты,
Скоро дни ее веселостей прошли!

Редко девушку видают у окна,
В хороводах ее вовсе не видать?
Полюбила в терему сидеть одна,
Полюбилося ей горе горевать.

И порой она тихонько слезы льет,
Иным времечком вздыхает тяжело!
И порой она тихонько запоеет,
Будто горе позабыто, всё прошло:

«Ах! Не все в полях метелице мести,
В темных рощах буйну ветру бушевать —
Придет время в поле цветикам цвести,
В роще пташечкам, соловьюшкам свистать.

Красны девушки, собравшись в хоровод,
На семик в луга весну пойдут встречать...
Лишь одна подружка с ними не пойдет,
Будет косточкой в сырой земле стонать.

Люди злые худой славой обнесут,
Пересудами безвинно закорят,
Слезы горькие сиротку не спасут...
Вздохи тяжкие без время уморят».

448. «При долинушке береза...» [\[452\]](#)

При долинушке береза
Белая стояла;
При березоньке девица
Плакала, рыдала...

Ах, с вершинушки березу
Ветром колыхает,
С корешка мою кудряву
Водой подмывает!

Скоро белая береза
С корешка свалится, —
Перестанут к веткам пташки,
Распевая, виться!

И проложится дорожка
Мимо той березы,
И проедут по дорожке
Да пойдут обозы...

Станут станом у березы
Коней попоити;
Обсушиться, обогреться.
Каши поварити;

И сожгут, спалят березу
Даже до сучочка —
И не молвят про березу
Ниже ни словечка!..

Так-то мне, молодой младеньке,
На чужой чужбине
Спать в сырой земле забытой,
Словно сиротине!

Что безродной — без родимой.
Без отца родного,
Что бездольной — без прилуки,
Без дружка милого!

449. «Ах ты, ночка моя, ноченька...»[\[453\]](#)

Ах ты, ночка моя, ноченька,
Ночка темная, осенняя!
Осирóтела ты, ноченька,
Без молодого света месяца —
Так, как радость красна девица
Без мила дружка сердечного!..
Где ж красавец млад светел месяц
В поднебесье не видать его?
Не восходил он, не озаревал —
Темну ночку не освечивал;
Он не резался сквозь облака,
В высь терем не заглядывал...
Не манил он радость-девицу
Ко косяцату окошечку[\[454\]](#)...

Ах! бедна же ночь без месяца —
Как казак без ворога коня,
Чисто поле без наездника,
Золото кольцо без яхонта,
Красна девица без милого дружка!
Все красавица придумала,
Пригадала с темной ноченькой,
На окошке грудью лежучи,
Мила друга поджидая,
Как упала горяча слеза
На правую ее рученьку —
На кольцо ее алмазное,
Подареньице заветное;
И к нему-то радость-девица,
Воздыхая, промолвила:

«Ах ты, перстень самоцветный мой,
Драгоценность сердцу милая!
Как надет дружком на рученьку,
С той же бережью ты носишься:
Отчего же ты по-прежнему
Не блистаешь да не искришься?
Оттого ли, что у милого —
Не мое кольцо на рученьке...
Не ко мне любовь в сердечушке!»

450. «Течет речка по песочку...» [\[455\]](#)

Течет речка по песочку,
Через речку — мостик;
Через мост лежит дорожка
К сударушке в гости!
Ехать мостом, ехать мостом,
Аль водою płyти —
А нельзя, чтоб у любезной
В гостях мне не быти!
Не поеду же я мостом —
Поищу я броду...
Не пропустят злые люди
Славы по народу...
Худа слава — не забава...
Что в ней за утеха?
А с любезной повидаться —
Речка не помеха.

451. «Каркнул ворон на березе...» [\[456\]](#)

Каркнул ворон на березе...
Свистнул воин на коне...
Погибать тебе, красотке,
В чужедальной стороне!..

Ах, за чем, за кем бежала
Ты за тридевять полей, —
Для чего не размышляла
Ты об участи своей?..

Всё покинула, забыла —
Прах отца, старушку мать —
И решилася отчизну
На чужбину променять.

То ли счастье, чтобы очи
Милым сердцу веселить, —
После ими ж дни и ночи
Безотрадно слезы лить?

Неужли ты не слыхала
Об измене? — «Никогда!»
Неужли ты полагала
В сердце верность?.. — «Навсегда!

Было некому, бедняжку,
Почить меня уму,
И голодной, вольной пташкой
Я попалась в сеть к нему...

Никого я не спросилась,
Кроме сердца своего,
Увидала — полюбила,
И умру, любя его!»

Каркнул ворон на березе...
Свистнул воин на коне...
И красотка погибает
В чужедальной стороне.

АЛЕКСЕЙ КОЛЬЦОВ

(7609–1842)

452. Разлука

На заре туманной юности
Всею душою любил я милую;
Был у ней в глазах небесный свет,
На лице горел любви огонь.

Что пред ней ты, утро майское,
Ты, дубрава-мать зеленая,
Степь-трава — парча шелковая,
Заря-вечер, ночь-волшебница!

Хороши вы — когда нет ее,
Когда с вами делишь грусть свою,
А при ней вас — хоть бы не было;
С ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, знать, бог велел — расстанемся,
Но когда-нибудь увидимся...»

Вмиг огнем лицо всё вспыхнуло,
Белым снегом перекрылося, —
И, рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мне
Задушить грусть, печаль выплакать
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух — слово замерло...

453. «По-над Доном сад цветет...» [\[457\]](#)

По-над Доном сад цветет.
Во саду дорожка;
На нее б я всё глядел,
Сидя, из окошка...

Там с кувшином за водой
Маша проходила,
Томный взор потупив свой,
Со мной говорила.

«Маша, Маша! — молвил я. —
Будь моей сестрою!
Я люблю... любим ли я,
Милая, тобою?»

Не забыть мне никогда,
Как она глядела!
Как с улыбкою любви
Весело краснела!

Не забыть мне, как она
Сладко отвечала,
Из кувшина, в забытьи,
Воду проливала...

Сплю и вижу всё ее
Платье голубое,
Страстный взгляд, косы кольцо,
Лентой перевитое.

Сладкий миг мой, возвратись!
С Доном я прощаюсь...
Ах, нигде уж, никогда
С ней не повстречаюсь!..

454. Кольцо [\[458\]](#)

(Песня)

Я затеплю свечу
Воска ярого,
Распаяю кольцо
Друга милого.

Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распай, растопи
Чисто золото.

Без него для меня
Ты ненадобно;
Без него на руке —
Камень на сердце.

Что взгляну — то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горьким горем слез.

Возвратится ли он?
Или весточкой
Оживит ли меня,
Безутешную?

Нет надежды в душе...
Ты рассыпся же
Золотой слезой,
Память милого!

Невредимо, черно
На огне кольцо,
И звенит по столу
Память вечную.

455. Песня старика («Оседлаю коня...»)[459]

Оседлаю коня,
Коня быстрого,
Я помчусь, полечу
Легче сокола.

Через поля, за моря,
В дальнюю сторону —
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь и явлюсь
Прежним молодцем,
И приглянусь опять
Красным девицам!

Но, увы, нет дорог
К невозвратному!
Никогда не взойдет
Солнце с запада!

456. Песня («Ты не пой, соловей...»)[460]

Ты не пой, соловей,
Под моим окном;
Улети в леса
Моей родины!

Полюби ты окно
Души-девицы...
Прощебечь нежно ей
Про мою тоску;

Ты скажи, как без ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Перед осенью.

Без нее ночью мне
Месяц сумрачен;
Среди дня без огня
Ходит солнышко.

Без нее кто меня
Примет ласково?
На чью грудь отдохнуть
Склоню голову?

Без нее на чью речь
Улыбнуся я?
Чья мне песнь, чей привет
Будет по сердцу?

Что ж поешь, соловей,
Под моим окном?
Улетай, улетай
К душе-девице!

457. Раздумье селянина [\[461\]](#)

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

Нет у молодца
Молодой жены,
Нет у молодца
Друга верного,

Золотой казны,
Угла теплого,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря;

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талан —
Силу крепкую;

Да и ту как раз
Нужда горькая
По чужим людям
Всю истратила.

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?.

458. Горькая доля [\[462\]](#)

Соловьем залетным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
С телом износилась.

От кручины-думы
В сердце кровь застыла;
Что любил, как душу, —
И то изменило.

Как былинку, ветер
Молодца шатает;
Зима лицо знобит,
Солнце сожигает.

До поры до время
Всем я весь изжился;
И кафтан мой синий
С плеч долой свалился!

Без любви, без счастья
По миру скитаюсь:
Разойдусь с бедою —
С горем повстречаюсь!

На крутой горе
Рос зеленый дуб,
Под горой теперь
Он лежит, гниет...

459. Русская песня («Ах, зачем меня...»)[463]

Ах, зачем меня
Силой выдали
За немилого —
Мужа старого.

Небось весело
Теперь матушке
Утирать мои
Слезы горькие;

Небось весело
Глядеть батюшке
На житье-бытье
Горемышное!

Небось сердце в них
Разрывается,
Как приду одна
На великий день?

От дружка дары
Принесу с собой:
На лице — печаль,
На душе — тоску.

Поздно, рóдные,
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!

Пусть из-за́ моря
Корабли плывут;
Пущай золото
На пол сыпется;

Не расти траве
После осени;
Не цвести цветам
Зимой по снегу!

460. Последний поцелуй [\[464\]](#)

Обойми, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз — поскорей —
Поцелуй горячей.
Что печально глядишь?
Что на сердце таишь?)
Не тоскуй, не горюй,
Из очей слез не лей;
Мне не надобно их,
Мне не нужно тоски...
Не на смерть я иду,
Не хоронишь меня.
На полгода всего
Мы расстаться должны;
Есть за Волгой село
На крутом берегу:
Там отец мой живет,
Там родимая мать
Сына в гости зовет;
Я поеду к отцу,
Поклонюся родной
И согласие возьму
Обвенчаться с тобой.
Мучит душу мою
Твой печальный убор,
Для чего ты в него
Нарядила себя?
Разрядись: уберись
В свой наряд голубой
И на плечи накинь
Шаль с каймой расписной;
Пусть пылает лицо,
Как поутру заря,
Пусть сияет любовь
На устах у тебя;
Как мне мило теперь
Любоваться тобой!
Как весна, хороша
Ты, невеста моя!
Обойми ж, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз — поскорей —
Поцелуй горячей!

461. Русская песня («В поле ветер веет...»)[465]

В поле ветер веет,
Травку колыхает,
Путь, мою дорогу
Пылью покрывает.

Выходи ж ты, туча,
С страшною грозою,
Обойми свет белый,
Закрой темнотою.

Молодец удалый
Соловьем засвищет!
Без пути, без света
Свою долю сыщет.

Что ему дорога!
Тучи громовые!
Как придут по сердцу —
Очи голубые!

Что ему на свете
Доля нелюдская,
Когда его любит —
Она, молодая!

462. Хуторок («За рекой, на горе...»)[466]

За рекой, на горе,
Лес зеленый шумит;
Под горой, за рекой,
Хуторочек стоит.

В том лесу соловей
Громко песни поет;
Молодая вдова
В хуторочке живет.

В эту ночь-полуночь
Удалой молодец
Хотел быть, навестить
Молодую вдову....

На реке рыболов
Поздно рыбу ловил;
Погулять, ночевать
В хуторочек приплыл.

«Рыболов мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекор дома сидит, —
Он не любит тебя...

Не сердися, плыви
В свой рыбацкий курень;
Завтра ж, друг мой, с тобой
Гулять рада весь день».

— «Сильный ветер подул...
А ночь будет темна!..
Лучше здесь, на реке,
Я просплю до утра».

Опознился купец
На дороге большой;
Он свернул ночевать
Ко вдове молодой.

«Милый купчик-душа!
Чем тебя мне принять...
Не топила избы,
Нету сена, овса.

Лучше к куму в село
Поскорее ступай;
Только завтра, смотри,

Погостить заезжай!»

— «До села далеко;
Конь устал мой совсем;
Есть свой корм у меня, —
Не печалься о нем.

Я вчера в городке
Долго был — всё купил:
Вот подарок тебе,
Что давно посулил».

— «Не хочу я его!..
Боль головушку всю
Разломила насмерть;
Ступай к куму в село».

— «Эта боль — пустяки!..
Средство есть у меня:
Слова два — заживет
Вся головка твоя».

Засветился огонь,
Закурилась изба;
Для гостей дорогих
Стол готовит вдова

За столом с рыбаком
Уж гуляет купец...
(А в окошко глядит
Удалой молодец)...

«Ты, рыбак, пей вино!
Мне с сестрой наливай!
Если мастер плясать —
Петь мы песни давай!

Я с людьми люблю
По-приятельски жить;
Ваше дело — поймать,
Наше дело — купить...

Так со мною, прошу,
Без чинов — по рукам;
Одну басню твержу
Я всем добрым людям:

Горе есть — не горюй,
Дело есть — работай;
А под случай попал —
На здоровье гуляй!»

И пошел с рыбаком
Купец песни играть,
Молодую вдову
Обнимать, целовать.

Не стерпел удалой,
Загорелась душа!
И — как глазом моргнуть —
Растворилась изба...

И с тех пор в хуторке
Никого не живет;
Лишь один соловей
Громко песню поет...

463. Русская песня («Я любила его...»)[467]

Я любила его
Жарче дня и огня,
Как другие любить
Не смогу́т никогда!

Только с ним лишь одним
Я на свете жила;
Ему душу мою,
Ему жизнь отдала!

Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!
И, бледна, холодна,
Замираю, дрожу!

Вот он идёт, поет:
«Где ты, зорька моя?»
Вот он руку берет,
Вот целует меня!

«Милый друг, погаси
Поцелуи твои!
И без них при тебе
Огонь пылает в крови;

И без них при тебе
Жжет румянец лицо,
И волнуется грудь
И кипит горячо!

И блистают глаза
Лучезарной звездой!»
Я жила для него —
Я любила душой!

464. Глаза [\[468\]](#)

(Русская песня)

Погубили меня
Твои черны глаза,
В них огонь неземной
Жарче солнца горят!

Омрачитесь, глаза,
Охладейте ко мне!
Ваша радость, глаза,
Не моя, не моя!..

Не глядите же так!
О, не мучьте меня!
В вас страшнее грозы
Блещут искры любви.

Нет, прогляньте, глаза,
Загоритесь, глаза!
И огнем неземным
Сердце жгите мое!

Мучьте жаждой любви!
Я горю и в жару
Бесконечно хочу
Оживать, умирать,

Чтобы, черны глаза,
Вас с любовью встречать
И опять и опять
Горевать и страдать.

ИВАН ЛАЖЕЧНИКОВ

(1792–1869)

465. <Из романа «Последний Новик»> («Сладко пел душа-соловушка...»)[469]

Сладко пел душа-соловушка
В зеленом моем саду;
Много-много знал он песен,
Слаще не было одной.

Ах! та песнь была заветная,
Рвала белу грудь тоской;
А всё слушать бы хотелось,
Не расстался бы век с ней.

Вдруг подула с полуночи,
Будто на сердце легла,
Снеговая непогодушка
И мой садик занесла.

Со того ли со безвременья
Опустел зеленый сад;
Много пташек, много песен в нем,
Только милой не слышать.

Слышите ль, мои подруженьки,
В зеленом моем саду
Не поет ли мой соловушко
Песнь заветную свою?

«Где уж помнить перелетному, —
Мне подружки говорят, —
Песню, может быть, посылую
Для него в чужом краю?»

Нет, запел душа-соловушка
В чужой-дальней стороне;
Он всё горький сиротинушка,
Он все тот же, что и был;

Не забыл он песнь заветную,
Всё про край родной поет,
Всё поет в тоске про милую,
С этой песней и умрет.

АЛЕКСАНДР ШАХОВСКОЙ

(1777–1846)

466. <Из драмы «Двумужница»> («Вверх по Волге с Нижня города...»)[470]

Вверх по Волге с Нижня города
Снаряжен стружок что стрела летит,
А на том стружке на снаряженном
Удалых гребцов сорок два сидит.
Да один из них призадумался,
Призадумался, пригорюнился.
Отчего же ты, добрый молодец,
Призадумался, пригорюнился?
«Я задумался о белом лице,
Загорюнился о ясных очей:
Все на ум идет красна девица,
Все мерещится ненаглядная!
Аль за тем она на свет родилася
Лучше, краше солнца ясного,
Ненагляднее неба чистого,
Чтоб лишить меня света белого,
Положить во гроб прежде времени?
Я хотел бы позабыть о ней,
Рад-радехонек не любить ее —
Да нельзя мне позабыть о ней,
Невозможно не любить ее!
Если ж девица да не сжалится
Надо мною, горемыкою,
Так зачем же и на свете жить
Мне безродному, бесприютному!
Уж хоть вы, братцы-товарищи,
Докажите мне дружбу братскую:
Бросьте вы меня в Волгу-матушку,
Утопите грусть, печаль мою».

Н. АНОРДИСТ

467. Тройка («Гремит звонок, и тройка мчится...»)[471]

Гремит звонок, и тройка мчится,
За нею пыль, вьясь столбом;
Вечерний звон помалу длится,
Безмолвье мертвое кругом!

Вот на пути село большое, —
Туда ямщик мой поглядел;
Его забилось ретивое,
И потихоньку он запел:

«Твоя краса меня прельстила,
Теперь мне целый свет постыл;
Зачем, зачем приворожила,
Коль я душе твоей немил?»

Кажись, мне песнью удалою
Недолго тешить ездока,
Быть может, скоро под землю
Сокроют тело ямщика!

По мне лошадушки сгрустятся,
Расставшись, борзые, со мной,
Они уж больше не помчатся
Вдаль по дорожке столбовой!

И ты, девица молодая,
Быть может, тяжело вздохнешь;
Кладбище часто посещая,
К моей могилке подойдешь?

В тоске, в кручинушке сердечной,
Лицо к сырой земле склоня,
Промолвишь мне: „В разлуке вечной —
С тобой красавица твоя!“»

В глазах тут слезы показались,
Но их бедняк не отирал;
Пока до места не домчались,
Он волю полную им дал.

Уж, говорят, его не стало,
Девица бедная в тоске;
Она безвременно увяла,

Грустя по бедном ямщике!

ЛЕВ ИБРАГИМОВ

468. «Ты душа ль моя, красна девица!..»

Ты душа ль моя, красна девица!
Ты звезда моя ненаглядная!
Ты услышь меня, полюби меня,
Полюби меня, радость дней моих!..

Ах! как взглянешь ты, раскрасавица,
Мне тогда твои очи ясные
Ярче солнышка в небе кажутся,
Черней сумрака в ночь осеннюю!..
И огнем горит, и ключом кипит
Кровь горячая, молодецкая;
Всё к тебе манит, всё к тебе зовет
Сердце пылкое, одинокое!..

Ты душа ль моя, красна девица!
Ты звезда моя ненаглядная!
Ты услышь меня, полюби меня,
Полюби меня, радость дней моих!

И склоню к тебе я головушку
Свою буйную, разудалую;
Я отдам тебе свою волюшку,
Во чужих руках небывалую;
Я скажу тогда: ты прости навек,
Жизнь разгульная, молодецкая!
Мне милей тебя, моя милая,
Душа-девица, раскрасавица!

ГРИГОРИЙ МАЛЫШЕВ

(ОК. 1812 —?)

469. Свидание через пятнадцать лет («Звенит звонок, и тройка мчится...»)[472]

Звенит звонок, и тройка мчится.
Несется пыль по столбовой;
На крыльях радости стремится
В дом кровных воин молодой.

Он с ними юношей расстался.
Пятнадцать лет в разлуке жил;
В чужих землях с врагами дрался,
Царю, отечеству служил.

И вот в глазах село родное,
На храме божьем крест горит!
Забилось сильно ретивое,
Слеза невольная блестит.

«Звени! звени, звонок, громчее!
Лихая тройка, вихрем мчись,
Ямщик, пой песни веселее!
Вот отчий дом!.. остановись!»;

Звонок замолк, и пар клубится
С коней ретивых, удалых;
Нежданный гость под кров стучится,
Внезапно входит в круг родных.

Его родные не узнали,
Переменились в нем черты;
И все невольно вопрошали:
«Скажи, служивый, кто же ты?»

— «Я вам принес письмо от сына,
Здоров он, шлет со мной поклон;
Такого ж вида, роста, чина,
И я точь-в-точь, две капли — он!..»

— «Наш сын! наш брат!» — тогда вскричали
Родные, кровные его;
В слезах, в восторге обнимали
Родного гостя своего.

АЛЕКСЕЙ РАЗОРЕНОВ

(1819–1891)

470. Песня («Не брани меня, родная...»)[473]

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его.
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

Я не знаю, что такое
Вдруг случилось со мной,
Что так бьется ретиво́е
И терзается тоской.

Всё оно во мне изныло,
Вся горю я как огнем,
Всё немило мне, постыло.
Всё страдаю я по нем.

Мне не надобны наряды
И богатства всей земли...
Кудри молодца и взгляды
Сердце бедное зажгли...

Сжался, сжался же, родная,
Перестань меня бранить.
Знать, судьба моя такая —
Я должна его любить!

И. МАКАРОВ

471. «Однозвучно гремит колокольчик...» [\[474\]](#)

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка,
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика.
Столько грусти в той песне унылой,
Столько грусти в напеве родном,
Что в душе моей хладной, остылой
Разгорелось сердце огнем.
И припомнил я ночи иные
И родные поля и леса,
И на очи, давно уж сухие.
Набежала, как искра, слеза.
Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка.
И замолк мой ямщик, а дорога
Предо мной далека, далека...

Н. СОКОЛОВ

472. Он («Кипел, горел пожар московский...»)[475]

Кипел, горел пожар московский,
Дым расстился по реке,
На высоте стены кремленской
Стоял Он в сером сюртуке.

Он видел огненное море?
Впервые полный мрачных дум,
Он в первый раз постигнул горе,
И содрогнулся гордый ум!

Ему мечтался остров дикий.
Он видел гибель впереди,
И призадумался великий,
Скрестивши руки на груди, —

И погрузился Он в мечтанья,
Свой взор на пламя устремил,
И тихим голосом страданья
Он сам себе проговорил:

«Судьба играет человеком;
Она, лукавая, всегда
То вознесет тебя над веком,
То бросит в пропасти стыда,

И я, водивший за собою
Европу целую в цепях,
Теперь поникнул головою
На этих горестных стенах!

И вы, мной созданные гости,
И вы погибли среди снегов —
В полях истлеют ваши кости
Без погребенья и гробов!

Зачем я шел к тебе, Россия,
В твои глубокие снега?
Здесь о ступени роковые
Споткнулась дерзкая нога!

Твоя обширная столица —
Последний шаг мечты моей,
Она — надежд моих гробница,
Погибшей славы — мавзолее».

ФЕОДОСИЙ САВИНОВ

(1865–1915)

473. Родное («Слышу песни жаворонка...»)[476]

Слышу песни жаворонка,
Слышу трели соловья...
Это — русская сторонка,
Это — родина моя!

Вижу чудное приволье,
Вижу нивы и поля...
Это — русское раздолье,
Это — русская земля!

Слышу песни хоровода,
Звучный топот трепака...
Это — радости народа,
Это — пляска мужика!

Коль гулять, так без оглядки,
Чтоб ходил весь белый свет...
Это — русские порядки,
Это — дедовский завет!

Вижу горы — исполины,
Вижу реки и леса...
Это — русские картины,
Это — русская краса!

Всюду чую трепет жизни,
Где ни брошу только взор...
Это — матушки отчизны
Нескончаемый простор!

Внемлю всюду чутким ухом,
Как прославлен русский бог...
Это значит — русский духом
С головы я и до ног!

МАТВЕЙ ОЖЕГОВ

(1860–1931)

474. Меж крутых берегов [\[477\]](#)

Меж крутых берегов
Волга-речка текла,
А на ней, по волнам,
Легка лодка плыла.

В ней сидел молодец,
Шапка с кистью на нем,
Он, с веревкой в руках,
Волны резал веслом.

Он ко бережку плыл,
Лодку вмиг привязал,
Сам на берег взошел,
Соловьем просвистал.

Как на том берегу
Красный терем стоял,
Там красотка жила,
Он ее вызывал.

Муж красавицы был
Воевода лихой,
Да понравился ей
Молодец удалой.

Дожидала краса
Молодца у окна,
Принимала его
По веревке она.

Погостил молодец —
Утром ранней зарей
И отправился в путь
Он с красоткой своей.

Долго, долго искал
Воевода жену,
Отыскал он ее
У злодея в плену.

Долго бились они
На крутом берегу,

Не хотел уступить
Воевода врагу.

И последний удар
Их судьбу порешил,
Он конец их вражде
Навсегда положил;

Волга в волны свои
Молодца приняла,
По реке, по волнам,
Шапка с кистью плыла.

475. Колечко [\[478\]](#)

Сокрушилось сердечко,
Взволновалась в сердце кровь,
Потеряла я колечко,
Потеряла я любовь.

Я по этом по колечке
Буду плакать-горевать,
По любезном по дружочке
Поневоле тосковать.

Я по бережку гуляла,
По долинушке прошла;
Там цветочек я искала,
Но цветочек не нашла.

Много цветиков пригожих,
Да цветочки всё не те —
Всё цветочки непохожи
По заветной красоте.

Непохожи на те очи,
Что любовью говорят,
Что как звезды полночи
Ясно блещут и горят.

Где девался тот цветочек,
Что долину украшал,
Где мой миленький дружочек,
Что словами обольщал?

Обольщал милый словами,
Уговаривал всегда:
Не плачь, девица, слезами,
Не покину никогда.

Мил уехал и оставил
Мне малютку на руках,
Обесчестил, обесславил, —
Жить заставил в сиротах.

Как взгляну я на сыночка,
Вся слезами обольюсь,
Пойду с горя к быстрой речке
Я, сиротка, утоплюсь.

Нет, уж бог один свидетель,
Полагаюсь на него,
Мне не жаль тебя, мучитель,

Жаль малютку твоего.

Неизвестные авторы

476. Байкал

Грозно и пенясь, катаются волны.
Сердится, гневом объятый, широкий Байкал.
Зги не видать. От сверкающей молнии
Бедный бродяга запрятался в страхе меж скал.

Чайки в смятении и с криком несутся,
А ели как в страхе дрожат.
Грозно и пенясь, катаются волны.
Сердится гневом объятый, широкий Байкал.

Чудится в буре мне голос знакомый,
Будто мне что-то давнишнее хочет сказать.
Тень надвигается, бурей несомая,
Сколько уж лет он пощады не хочет мне дать!

Буря, несися! Бушуй, непогода!
Не в. ас я так крепко страшусь.
Тень надвигается, бурей несомая,
Гонится всюду за мной, лишь я не боюсь!

477. «Глухой неведомой тайгою...» [\[479\]](#)

Глухой неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной,
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой.

Шумит, бушует непогода,
Далек, далек бродяге путь.
Укрой, тайга его глухая, —
Бродяга хочет отдохнуть.

Там далеко за темным бором
Оставил родину свою,
Оставил мать свою родную,
Детей, любимую жену.

«Умру, в чужой земле зарюю,
Заплачет маменька моя,
Жена найдет себе другого,
А мать сыночка никогда».

478. «Вот мчится тройка почтовая...»

Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой,
Ямщик, уныло напевая,
Качает буйной головой.

«О чем задумался, детина? —
Седок приветливо спросил. —
Какая на сердце кручина,
Скажи, тебя кто огорчил?»

— «Ах барин, барин, добрый барин,
Уж скоро год, как я люблю,
А нехристь-староста, татарин
Меня журит, а я терплю.

Ах барин, барин, скоро святки,
А ей не быть уже моей,
Богатый выбрал, да постылый —
Ей не видать отрадных дней...»

Ямщик умолк и кнут ременный
С досадой за пояс заткнул.
«Родные, стой! Неугомонны! —
Сказал, сам горестно вздохнул. —

По мне лошадушки взгрустнутся,
Расставшись, борзые, со мной,
А мне уж больше не промчатся
По Волге-матушке зимой!»

Переработки для пения

479. «Прощайте, ласковые взоры...»

Прощайте, ласковые взоры,
Прощай, мой милый, навсегда,
Разделят нас долины-горы,
Врозь будем жить с тобой, душа!
И в эту горькую минуту
С своей сердечной простотой
Пожму в последний раз я руку,
Скажу: «Прощай, любезный мой!
Во тех садах, лугах прекрасных
И на возвышенном холме,
Где при заре счастливой, ясной
Склонялся ты на грудь ко мне».
Склонилась, тихо прошептала:
«Люблю, люблю, милый, тебя!»

480. «Вдоль по улице метелица метет...» [\[480\]](#)

Вдоль по улице метелица метет;
За метелицей мой миленький идет.

Ты постой, постой, красавица моя,
Дай мне наглядеться, радость, на тебя!

На твою ли на приятну красоту,
На твое ли да на белое лицо.

Ты постой, постой, красавица моя,
Дай мне наглядеться, радость, на тебя!

Красота твоя с ума меня свела,
Иссушила добра молодца меня.

Ты постой, постой, красавица моя,
Дай мне наглядеться, радость, на тебя!

481. «На лужке, лужке, лужке...»

На лужке, лужке, лужке,
При широком поле,
В незнакомом табуне
Конь гулял по воле.

Ты гуляй, гуляй, мой конь,
Пока не поймаю,
Как поймаю — зауздаю
Шелковой уздою.

Я поймаю зауздаю
Шелковой уздою,
Дам две шпоры под бока —
Конь, лети стрелою!

Ты лети, лети, мой конь,
Ты, как ветер, мчися,
Против нашего двора,
Конь, остановися.

Подъезжай, конь, к воротам,
Топни копытами,
Чтобы вышла милая
С черными бровями.

Но не вышла милая,
Вышла ее мати:
«Здравствуй, в хату заходи,
Здравствуй, милый зятник».

А я в хату не пойду,
Пойду я в светлицу,
Разбужу я ото сна
Красную девицу.

Красавица там спала,
Ничего не знала,
Правой ручкой обняла
Да поцеловала.

482. «Ехали солдаты...»

Ехали солдаты
Со службы домой,
Ой, на плечах погоны,
На грудях кресты.
Ой, ехали по дорожке —
Родитель стоял.
«Эх, здорово, папаша!»
— «Здорово, сын родной!»;
— «Расскажи, папаша,
Про семью свою». —
«Ой, семья, слава богу,
Прибавилась:
Ой, женка молодая
Сыночка родила».
Ой, сын с отцом ни слова,
Садился на коня.
Ой, на коня гнедого,
Ехал со двора.
Ой, подъезжает к дому —
Мать с женой стоят.
Мать стоит с улыбкой,
Жена-то во слезах.
«Эх, тебя, мать, прощаю —
Жену-то никогда!»
Эх, закипело сердце
В солдатской груди,
Ой, заблестала шашка
Во правой руке,
Эх, сняла буйну голову
С неверной жены.
«Что я наделал,
Что я натворил!
Жену я зарезал,
Сам себя сгубил,
Маленьку малютку
Навек осиротил!»

483. «По воле летает орел молодой...»[\[481\]](#)

По воле летает орел молодой.
Летамши по воле, добычи искал,
Нашедши добычу, сам в клетку попал.

Сидит за решеткой орел молодой,
Приятную пищу клюет перед собой.
Клюет и бросает, сам смотрит в окно;
К нему прилетает товарищ его.

«Товарищ, друг милый, давай улетим!»
— «Лети, мой товарищ, а я за тобой, —
Где солнце сияет, где светит луна,
Где синее море, где теплы края!»

484. «Вот мчится тройка удалая...»[\[482\]](#)

Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дорожке столбовой,
И колокольчик, дар Валдая,
Звенит уныло под дугой.

Ямщик лихой — он встал с полночи,
Ему взгрустнулося в тиши,
И он запел про ясны очи,
Про очи девицы-души,

«Вы, очи, очи голубые,
Вы сокрушили молодца,
Зачем, о люди, люди злые!
Вы их разрознили сердца?»

Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трем,
И тройкой тешился детина —
И заливался соловьем.

485. «Не осенний мелкий дождичек...» [\[483\]](#)

Не осенний мелкий дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман;
Слезы горькие льет молодец
На свой бархатный кафтан.
 Полно, брат молодец,
 Ты ведь не девица!
 Пей, тоска пройдет,
 Пей, пей,
 Пей, тоска пройдет!

«Не тоска, друзья-товарищи,
В грудь запала глубоко:
Дни веселья и дни радости
Отлетели далеко!»
 Полно, брат молодец...

«Э-эх! вы братцы, вы товарищи,
Не поможет мне вино,
Оттого что змея лютая
Гложет, точит грудь мою».
 Полно, брат молодец...

«И теперь я все, товарищи,
Сохну, вяну день от дня,
Оттого что красна девица
Изменила мне шутя!»
 Полно, брат молодец...

«Да! как русский любит родину,
Так люблю я вспоминать
Дни веселья, дни счастливые...
Не пришлось бы горевать!»
 Полно, брат молодец...

«А... и, впрямь-ко, я попробую
В вине горе утопить
И тоску, злодейку лютую,
Поскорей вином залить».
 Полно, брат молодец,
 Ты ведь не девица,
 Пей, тоска пройдет,
 Пей, пей,
 Пей, тоска пройдет!

486. «Соловей-соловьешек...» [\[484\]](#)

«Соловей-соловьешек,
Что ты невеселый?
Повесил головушку
И зерна не клюешь?»
— «Клевал бы я зернушки,
Да волюшки нету.
Запел бы я песенку,
Да голосу нет.
Соловья маленького —
Хотят его уловить,
В золотую клеточку
Хотят посадить.
Золотая клеточка —
Всё сушит она меня,
Зеленая веточка
Веселит меня».
Жил я у матушки —
Первый богатырь,
Теперь я сажу в остроженьке,
Сажу сам-один.
Скован я железами,
Скован по рукам,
Громкие железюшки
Вьются по ногам.

487. «Тройка мчится, тройка скачет...» [\[485\]](#)

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт.
Колокольчик то заплачет,
То хохочет, то звенит,
 Еду, еду, еду к ней,
 Еду к любушке своей.
 Еду, еду, еду к ней,
 Еду к любушке своей.

Вот вдали село большое —
Сразу ожил мой ямщик.
Песней звонкой, удалою
Залился он в тот же миг.
 Еду, еду, еду к ней...

Тпру!.. И тройка вдруг осела
У знакомого крыльца,
В сени девушка влетела
И целует молодца.
 Еду, еду, еду к ней,
 Еду к любушке своей.
 Еду, еду, еду к ней,
 Еду к любушке своей.

488. «Как на дубе на зеленом...» [\[486\]](#)

Как на дубе на зеленом,
Над бурливую рекой,
Одинокий думал думу
Сокол ясный молодой.
«Что ты, сокол быстроскрылый,
Призадумавшись, сидишь,
Своими ясными очами
В даль широкую глядишь?
Или скучно, или мрачно
Жить тебе в родном краю?
Или нет тебе привета
На родимых островах?»
Взвился сокол быстроскрылый,
В даль широко полетел,
Своими ясными очами
В даль широкую глядел.
Буря воет, гром грохочет...
Красно солнышко взошло —
А по морю тихой зыбью
Тело сокола плывет.

489. «Ты, моряк, красивый сам собою...» [\[487\]](#)

Ты, моряк, красивый сам собою,
Тебе от роду двадцать лет.
Полюби меня, моряк, душою,
Что ты скажешь мне в ответ?

По морям, по волнам —
Нынче здесь, завтра там.
По морям, морям, морям, морям,
Эх!
Нынче здесь, а завтра там.

Ты, моряк, уедешь в сине море,
Оставляешь меня в горе,
А я буду плакать и рыдать,
Тебя, моряк мой, вспоминать.

По морям, по волнам...

490. «Шумел, горел пожар московский...»

Шумел, горел пожар московский,
Дым расстилался по реке,
А на стенах вдали кремлевских
Стоял он в сером сюртуке.

И призадумался великий,
Скрестивши руки на груди;
Он видел огненное море,
Он видел гибель впереди.

И, притаив свои мечтанья,
Свой взор на пламя устремил
И тихим голосом сознанья
Он сам с собою говорил:

«Зачем я шел к тебе, Россия,
Европу всю держа в руках?
Теперь с поникшей головою
Стою на крепостных стенах.

Войска все, созванные мною,
Погибнут здесь среди снегов,
В полях истлеют наши кости
Без погребенья, без гробов».

Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда,
То вознесет его высоко,
То бросит в бездну без стыда.

491. «Что стоишь, качаясь...» [\[488\]](#)

Что стоишь, качаясь,
Горькая рябина,
Головой склоняясь
До самого тына?

А через дорогу,
За рекой широкой,
Так же одиноко
Дуб стоит высокий.

«Как бы мне, рябине,
К дубу перебраться?
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться.

Тонкими ветвями
Я б к нему прижалась
И с его листьями
День и ночь шепталась...

Но нельзя рябине
К дубу перебраться, —
Знать, мне, сиротине,
Век одной качаться».

492. «Есть на Волге утес — диким мохом порос...» [489]

Есть на Волге утес — диким мохом порос
От вершины до самого края...
И стоит сотни лет, диким мохом одет,
Ни заботы, ни горя не зная.

На вершине его не растет ничего,
Только ветер свободно гуляет,
Да свободный орел там гнездовье завел,
И над ним он свободно летает.

Из людей лишь один на утесе том был,
До вершины его добирался,
И утес в честь его — человека того —
С той поры его именем звался.

И поныне утес там стоит и хранит
Все заветные думы Степана,
И на Волге родной вспоминает порой
Удалое житье атамана.

Но зато, если есть на Руси человек,
Кто корысти житейской не знает, —
Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет,
О Степане всю правду узнает.

Кто свободу любил, кто за родину пал,
Кто на Волге за родину ляжет, —
Тот утес-великан все, что думал Степан,
Он тому смельчаку все расскажет.

493. Чудный месяц [\[490\]](#)

Чудный месяц плывет над рекою,
Всё в объятьях ночной тишины.
Я сижу и люблюсь тобою,
Здесь с тобой, дорогая моя.

— Ничего мне на свете не надо,
Только видеть тебя, милый мой,
Только видеть тебя бесконечно,
Любоваться твоей красотой.

Но — увы! — коротки наши встречи.
Ты спешишь на свиданье к другой...
Так иди, пусть одна я страдаю,
Пусть напрасно волнуется грудь.

Пред иконой я встану с мольбок
И всю жизнь замолю за тебя,
Чтобы боже послал тебе счастья,
Чтобы горя тебе не знаять:

А я буду всегда без участия
По гроб жизни любить и страдать.
Для кого я жила и страдала
И кому я всю жизнь отдала?.

Как цветок ароматный весной,
Для тебя одного расцвела.
Ты поклялся любить меня вечно,
Как голубку лаская меня.

А потом же, смеясь, безутешно
Ты навек мою жизнь погубил.
Я просила тебя, умоляла:
Приди, милый, проститься со мной.

А ты, подлый, другую ласкаешь
И смеешься, тиран, надо мной.
Нам теперь уж с тобой не сойтися, —
Верно, так уж угодно судьбе.

И могила моя одинока:
Не придешь, не поклонись ей,
Только яркое солнце высоко
Над крестом моим бедным взойдет.

Бедный камень лежит одиноко,
Точно сторож могилы моей.
Отчего не проснешься ты снова

Для цветов ароматных полей?

494. «Ах, зачем эта ночь...» [\[491\]](#)

Ах, зачем эта ночь
Так была хороша!
Не болела бы грудь,
Не страдала б душа.
Полюбил я ее,
Полюбил горячо,
А она на любовь
Смотрит так холодно.
Не понравился ей
Моей жизни конец,
И с постылым, назло
Мне, пошла под венец.
Звуки вальса неслись,
Веселился весь дом,
Я в каморку свою
Пробирался с трудом.
И всю ночь напролет
Я все думал о ней:
Каково будет ей
Без милóго жить век?.

495. «Солнце всходит и заходит...» [\[492\]](#)

Солнце всходит и заходит,
Да в моей тюрьме темно,

Днем и ночью часовые
Стерегут мое окно.

Как хотите стерегите,
Я и сам не убегу,

Хоть мне хочется на волю,
Цепь порвать я не могу,

Да уж вы, цепи, мои цепи,
Цепи — железны сторожа.

Не порвать вас, не порезать
Без булатного ножа.

Черный ворон, сизокрылый,
Что ж ты вьешься надо мной?

Аль мою погибель чуешь?
Черный ворон, я не твой.

Аль спустись к моему окошку,
Про свободу песню спой,

Ты слобода, ты слобода,
Не крестьянская судьба.

Романс-баллада

АЛЕКСАНДР ДУРОП

496. Казак на родине [\[493\]](#)

(Романс)

«Кончен, кончен дальний путь!
Вижу край родимый!
Сладко будет отдохнуть
Мне с подругой милой!

Долго в грусти ждет она
Казака младого.
Вот забрезжила луна
С неба голубого!

И веселый Дон течет
Тихою струею;
В нетерпеньи конь мой ржет,
Чуя под собою

Пажити родных берегов,
Где в счастливой доле
Средь знакомых табунов
Он гулял на воле.

Верный конь, скачи скорей
И как вихорь мчися;
Лишь пред хатю моей
Ты остановися!» —

Так спешил казак домой,
Понукал гнедого;
Борзый конь летит стрелой
До дому родного.

Вот приблизился донец
К своему селенью:
«Стой, товарищ, стой! — конец
Нашему стремленью!»

Видит он невесты дом,
Входит к ней в светлицу,
И объяту сладким сном
Будит он девицу.

«Встань, коханочка моя!
Нежно улыбнися,
Обними скорей меня
И к груди прижмися!

На полях страны чужой
Я дышал тобою;
Для тебя я в край родной
Возвращен судьбою!»

Что же милая его?..
Пробудилась, встала
И, взглянувши на него,
В страхе задрожала.

«Наяву или во сне
Зрю тебя, мой милый!..
Ах, не даром же во мне
Сердце приуныло!

Долго я тебя ждала
И страдала в скуке;
Сколько слез я пролила
В горестной разлуке!

И, отчаясь зреть тебя,
Быть твоей женою,
Отдалась другому я
С клятвой роковою».

— «Так, так бог с тобой!» — сказал
Молодец удалый,
И — к воротам, где стоял
Конь его усталый.

«Ну, спутник верный мой! —
Он сказал уныло, —
Нет тебе травы родной,
Нет мне в свете милой!»

С словом сим он на гнедка,
Шевельнул уздою,
Тронул шпорой под бока:
Быстрый конь стрелою

Полетел в обратный путь
От села родного.
Но тоска терзала грудь
Казака младого.

Он в последний раз взглянул
В сторону родиму
И невольно вздохнул,
Скрылся в даль незриму.

Что и родина, коль нет
Ни друзей, ни милой? —
Ах! тогда нам целый свет
Кажется могилой!

Сергей Аксаков

(1791–1859)

497. Уральский казак [\[494\]](#)

(Истинное происшествие)

Настала священная брань на врагов
И в битву помчала Урала сынов.

Один из казаков наездник лихой,
Лишь год один живши с женой молодой,

Любя ее страстно и страстно любим,
Был должен расстаться с блаженством своим.

Прощаясь с женою, сказал: «Будь верна!»
«Верна до могилы!» — сказала она.

Три года за родину бился с врагом,
Разил супостатов копьем и мечом.

Бесстрашный наездник всегда впереди.
Свидетели раны — и все на груди.

Окончились битвы; он едет домой,
Всё страстный, всё верный жене молодой.

Уже достигают Урала берегов
И видят навстречу идущих отцов.

Казак наш объемлет отца своего,
Но в тайной печали он видит его,

«Поведай, родимый, поведай ты мне
Об матери милой, об милой жене!»

Старик отвечает: «Здорова семья;
Но, сын мой, случилась беда у тебя:

Тебе изменила младая жена, —
За то от печали иссохла она.

Раскаянье видя, простили мы ей;
Прости ее, сын мой: мы просим об ней!»

Ни слова ответа! Идет он с отцом;
И вот уже входит в родительский дом.

Упала на грудь его мать в слезах,
Жена молодая лежала в ногах.

Он мать обнимает; иконам святым,
Как быть, помолился с поклоном земным.

Вдруг сабля взвилась могучей рукой...
Глава покатила жены молодой!

Безмолвно он голову тихо берет,
Безмолвно к народу на площадь идет.

Свое преступленье он всем объявил
И требовал казни, и казнь получил.

ВЛАДИМИР ПАНАЕВ

(1792–1859)

498. Расставанье [\[495\]](#)

«Не спеши, моя красавица, постой:
Мне не долго побеседовать с тобой;

Оберни ко мне прекрасное лицо,
Есть еще к тебе заветное словцо:

Скажи, любишь ли ты молодца, меня,
И каков кажусь тебе удалый я?»

Лицо девицы-красавицы горит,
Потупивши ясны очи, говорит:

«Не пристало мне ответ такой держать
И пригожество мужское разбирать!»

— «Не спросил бы я, да вот моя беда:
Я собираюсь в понизовы города;

Волгой-матушкой в расшиве [\[496\]](#) погулять,
На чужбине доли, счастья поискать».

(Помутился вдруг девицы светлый взгляд;
Побледнела, словно тонкий белый плат.)

— «Уж зачем бы меня, девицу, пытаться,
Коли едешь, коли вздумал покидать?

Видит бог, как я любила молодца!
Может, больше — грех и молвить — чем отца!

Всё на свете за него бы отдала!
Да ему, уж видно, стала не мила!»

— «Ты мила мне пуще прежнего теперь;
Не словам — хотя божбе моей поверь.

Для тебя же я собираюсь в дальний путь,
Чтоб трудами выйти в люди как-нибудь;

Чтоб, вернувшись, быть на родине в чести;
Чтоб смелее от венца тебя вести.

Понизовые привольные края:
Не последний за другими буду я».

— «Волга-матушка бурлива, говорят;
Под Самарою разбойники шалят;

А в Саратове девицы хороши:
Не забудь там красной девицы-души!»

— «Не боюсь я Волги-матушки валов,
Стеньки Разина снаряженных стругов;

Не прельстит меня ничья теперь краса,
Ни такие ж с поволокою глаза;

Страшно только мне вернуться невпопад:
Тот ли будет на тебе тогда наряд?

Встретишь молодца ты в ленте золотой
Или выдешь на крылечко под фатой?»

— «Коли шутишь — не до шуток мне — до слез?
Коли вправду — кто ж так девицу обнес?

С кем иным, как не с тобою, молодцом,
Поменяюсь обручальным я кольцом?

Для кого блюла девичью красоту,
Для того и русу косу расплету;

Гробовой скорей покроюсь пеленой,
Чем, без милого, узорчатой фатой».

ДМИТРИЙ ОЗНОБИШИН

(1804–1877)

499. Чудная бандура («Гуляет по Дону казак молодой...»)[497]

Гуляет по Дону казак молодой;
Льет слезы девица над быстрой рекой.

«О чем ты льешь слезы из карих очей?
О добром коне ли, о сбруе ль моей?»

О том ли грустишь ты, что, крепко любя,
Я, милая сердцу, просватал тебя?»

— «Не жаль мне ни сбруи, не жаль мне коня!
С тобой обручили охотой меня!»

— «Родной ли, отца ли, сестер тебе жаль?
Иль милого брата? пугает ли даль?»

«С отцом и родимой мне век не пробыть;
С тобой и далече мне весело жить!»

Грущу я, что скоро мой локон золотой
Дон быстрый покроем холодной волной.

Когда я ребенком беспечным была,
Смеясь мою руку цыганка взяла.

И, пристально глядя, тряся головой,
Сказала: „Утонешь в день свадебный свой!“»

— «Не верь ей, друг милый, я выстрою мост
Чугунный и длинный хоть в тысячу верст;

Поедешь к венцу ты — я конников дам:
Вперед будет двадцать и сто по бокам».

Вот двинулся поезд. Все конники в ряд.
Чугунные плиты гудят и звенят;

Но конь под невестой, споткнувшись, упал,
И Дон ее принял в клубящийся вал...

«Скорее бандуру звончатую мне!
Размыкаю горе на быстрой волне!»

Лад первый он тихо и робко берет...
Хохочет русалка сквозь пенистых вод.

Но в струны смелее ударил он раз...
Вдруг брызнули слезы русалки из глаз,

И молит: «Златым не касайся струнам,
Невесту младую назад я отдам.

Хотели казачку назвать мы сестрой,
За карие очи, за локон златой».

АЛЕКСЕЙ ТИМОФЕЕВ

(1812–1883)

500. Свадьба [\[498\]](#)

Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами;
Нам не пели ни гимнов,
Ни обрядов венчальных!

Венчала нас полночь
Средь мрачного бора;
Свидетелем были
Туманное небо
Да тусклые звезды;
Венчальные песни
Пропел буйный ветер
Да ворон зловещий;
На страже стояли
Утесы да бездны,
Постель постилали
Любовь да свобода!..

Мы не звали на праздник
Ни друзей, ни знакомых;
Посетили нас гости
По своей доброй воле!

Всю ночь бушевали
Гроза и ненастье;
Всю ночь пировали
Земля с небесами.
Гостей угощали
Багровые тучи.
Леса и дубравы
Напились допьяна,
Столетние дубы
С похмелья свалились;
Гроза веселилась
До позднего утра.

Разбудил нас не свекор,
Не свекровь, не невестка,
Не неволюшка злая, —
Разбудило нас утро!

Восток заалелся
Стыдливым румянцем;
Земля отдыхала
От буйного пира;
Веселое солнце

Играло с росой;
Поля разрядились
В воскресное платье;
Леса зашумели
Заздравною речью;
Природа в восторге,
Вздыхнув, улыбнулась...

501. Тоска [\[499\]](#)

«Оседлаю коня, коня быстрого;
Полечу, понесусь легким соколом
От тоски, от змеи, в поле чистое;
Размечу по плечам кудри черные,
Разожгу, распалю очи ясные —
Ворочусь, пронесусь вихрем, вьюгою;
Не узнает меня баба старая!

Заломлю набекрень шапку бархатну;
Загужу, забренчу в гусли звонкие;
Побегу, полечу к красным девушкам —
Прогуляю с утра до ночной звезды,
Пропирую с зари до полуночи,
Прибегу, прилечу с песней, с посвистом;
Не узнает меня баба старая!»

— «Полно, полно тебе похваляться, князь!
Мудрена я, тоска, — не схоронишься:
В темный лес оберну красных девушек,
В гробовую доску —; гусли звонкие,
Изорву, иссушу сердце буйное,
Прежде смерти сгоню с света божьего;
Изведу я тебя, баба старая!»

Не постель постлана в светлом тереме —
Черный гроб там стоит с добрым молодцем;
В изголовье сидит красна девица,
Горько плачет она, что ручей шумит,
Горько плачет она, приговаривает:
«Погубила тоска друга милого!
Извела ты его, баба старая!»

ФЕДОР КОНИ

(1809–1879)

502. Гондольер [\[500\]](#)

«Гондольер молодой! Взор мой полон огня,
Я стройна, молода! Не свезешь ли меня?

Я к Риальто [\[504\]](#) спешу до заката!
Видишь пояс ты мой, с жемчугом, с бирюзой,
А в середине его изумруд дорогой?..
Вот тебе за провоз моя плата»,

— «Нет, не нужен он мне, твой жемчужный убор:
Ярче камней и звезд твой блистательный взор,

Но к Риальто с тобой не плыву я:
Гондольер молодой от синьор молодых
Не берет за провоз поясов дорогих, —
Жаждет он одного поцелуя!»

— «Ах, пора! На волнах луч последний угас,
А мне сроку дано на один только час, —

Гондольер, подавай мне гондолу!
Помолюсь за тебя я ночным небесам,
Целовать я тебе руку белую дам,
А вдобавок спую баркаролу!»

«Знаю я: голос твой звучной флейты звучней,
Знаю я, что рука морской пены белей,

Но к Риальто с тобой не плыву я!
Сам могу я запеть, — мне не нужно октав,
Мне не нужно руки — хладных сердцу отрав,
Одного жажду я поцелуя!»

— «Вот мой яшмовый крест — в Палестине найден,
И святейшим отцом в Риме он освящен

А при нем и янтарные четки!»
— «Крестик ты сбереги, — я и сам в Риме был,
К папе я подходил, и крестом осенил
Он меня, мои весла и лодки!»

И я видел потом, как, любуясь луной,
Плыл с сеньорой вдвоем гондольер молодой,
А над ними ветрило играло.

Он был весел и пел, и ей в очи смотрел,
И на щечке у ней поцелуй пламенел,
И Риальто вдали чуть мелькало.

ВАСИЛИЙ КУРОЧКИН

(1831–1875)

503. Старый капрал [\[505\]](#)

В ногу, ребята, идите,
Полно, не вешать ружья!
Трубка со мной... проводит
В отпуск бессрочный меня.
Я был отцом вам, ребята...
Вся в сединах голова...
Вот она — служба солдата!..
 В ногу, ребята! Раз! Два!
 Грудью подайся!
 Не хнычь, равняйся!..
 Раз! Два! Раз! Два!

Да, я прибил офицера.
Молод еще оскорблять
Старых солдат. Для примера
Должно меня расстрелять.
Выпил я... Кровь заиграла...
Дерзкие слышу слова —
Тень императора встала...
 В ногу ребята! Раз! Два!
 Грудью подайся!
 Не хнычь, равняйся!..
 Раз! Два! Раз! Два!

Честною кровью солдата
Орден не выслужить вам.
Я поплатился когда-то,
Задали мы королям.
Эх! наша слава пропала...
Подвигов наших молва
Сказкой казарменной стала...
 В ногу, ребята! Раз! Два!
 Грудью подайся!
 Не хнычь, равняйся!..
 Раз! Два! Раз! Два!

Ты, землячок, поскорее
К нашим стадам воротись;
Нивы у нас зеленее,
Легче дышать... поклонись
Храмам селенья родного...
Боже! Старуха жива!..
Не говори ей ни слова...

В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Кто там так громко рыдает?
А! я ее узнаю...
Русский поход вспоминает...
Да, отогрел всю семью...
Снежной, тяжелой дорогой
Нес ее сына... Вдова
Вымолит мир мне у бога...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Трубка, никак, догорела?
Нет, затянусь еще раз.
Близко, ребята. За дело!
Прочь! не завязывать глаз.
Целься вернее! Не гнуться!
Слушать команды слова!
Дай бог домой вам вернуться.
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!..
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

ДМИТРИЙ ДАВЫДОВ

(1811–1888)

504. Думы беглеца на Байкале [\[506\]](#)

Славное море — привольный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка...
Ну, Баргузин [\[507\]](#), пошевеливай вал...
Плыть молодцу недалечко.

Долго я звонкие цепи носил;
Худо мне было в норах Акатуя [\[508\]](#),
Старый товарищ бежать пособил,
Ожил я, волю почую.

Шилка и Нерчинск не страшны теперь;
Горная стража меня не видала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь.
Пуля стрелка — миновала.

Шел я и в ночь и средь белого дня;
Близ городов я поглядывал зорко;
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.

Весело я на сосновом бревне
Вплавь чрез глубокие реки пускался;
Мелкие речки встречались мне —
Вброд через них пробирался.

У моря струсил немного беглец;
Берег обширен, а нет ни корыта;
Шел я каргой [\[509\]](#) и пришел наконец
К бочке, дресвою [\[510\]](#) замытой.

Нечего думать — бог счастья послал:
В этой посудине бык не утонет;
Труса достанет и на судне вал —
Смелого в бочке не тронет.

Тесно в ней было бы жить омулям;
Рыбки, утешьтесь моими словами:
Раз побывать в Акатуе бы вам —
В бочку полезли бы сами!

Четверо суток верчусь на волне;
Парусом служит армяк дыроватый,

Добрая лодка попалася мне,
Лишь на ходу мешковата.

Близко виднеются горы и лес,
Буду спокойно скрываться под тенью,
Можно и тут погулять бы, да бес
Тянет к родному селенью.

Славное море — привольный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка...
Ну, Баргузин, пошевеливай вал...
Плыть молодцу недалечко!

АЛЕКСАНДР АММОСОВ

(1823–1866)

505. Элегия («Хас-Булат удалой!..»)[511]

«Хас-Булат удалой!
Бедна сакля твоя;
Золотою казной
Я осыплю тебя.

Саклю пышно твою
Разукрашу кругом,
Стены в ней обобью
Я персидским ковром.

Галуном твой бешмет
Разошью по краям
И тебе пистолет
Мой заветный отдам.

Дам старее тебя
Тебе шашку с клеймом,
Дам лихого коня
С кабардинским тавром.

Дам винтовку мою,
Дам кинжал Базалай, —
Лишь за это свою
Ты жену мне отдай.

Ты уж стар, ты уж сед,
Ей с тобой не житье.
На заре юных лет
Ты погубишь ее.

Тяжело без любви
Ей тебе отвечать
И морщины твои
Не любя целовать.

Видишь, вон Ямман-Су
Моет берег крутой,
Там вчера я в лесу
Был с твоею женой.

Под чинарой густой
Мы сидели вдвоем,

Месяц плыл золотой,
Все молчало кругом.

И играла река
Перекатной волной,
И скользила рука
По груди молодой.

Мне она отдалась
До последнего дня
И аллахом клялась,
Что не любит тебя!»

Крепко шашки сжимал
Хас-Булат рукоять
И, схватясь за кинжал,
Стал ему отвечать:

«Князь! рассказ длинный твой
Ты напрасно мне рек,
Я с женой молодой
Вас вчера подстерег.

Береги, князь, казну
И владей ею сам,
За неверность жену
Тебе даром отдам.

Ты невестой своей
Полюбуйся поди, —
Она в сакле моей
Спит с кинжалом в груди.

Я глаза ей закрыл,
Утопая в слезах,
Поцелуй мой застыл
У нее на губах».

Голос смолк старика,
Дремлет берег крутой,
И играет река
Перекатной волной.

ИВАН СУРИКОВ

(1841–1880)

506. В степи («Кони мчат-несут...»)[512]

Кони мчат-несут,
Степь все вдаль бежит;
Вьюга снежная
На степи гудит.

Снег да снег кругом;
Сердце грусть берет;
Про моздокскую
Степь ямщик поет...

Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик;

Как в последний свой
Передсмертный час
Он товарищу
Отдавал приказ:

«Вижу, смерть меня
Здесь, в степи, сразит. —
Не попомни, друг,
Злых моих обид.

Злых моих обид,
Да и глупостей,
Неразумных слов,
Прежней грубости.

Схорони меня
Здесь, в степи глухой;
Вороных коней
Отведи домой.

Отведи домой,
Сдай их бабушке;
Отнеси поклон
Старой матушке.

Молодой жене
Ты скажи, друг мой,

Чтоб меня она
Не ждала домой...

Кстати ей еще
Не забудь сказать:
Тяжело вдовой
Мне ее кидать!

Передай словцо
Ей прощальное
И отдай кольцо
Обручальное.

Пусть о мне она
Не печалится;
С тем, кто по сердцу,
Обвенчается!»

Замолчал ямщик,
Слеза катится...
А в степи глухой
Вьюга плачется.

Голосит она,
В степи стон стоит,
Та же песня в ней
Ямщика звучит:

«Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик».

507. Швейка [\[513\]](#)

Умирая в больнице, тревожно
Шепчет швейка в предсмертном бреду:
«Я терпела насколько возможно,
Я без жалоб сносила нужду.
Не встречала я в жизни отрады,
Много видела горьких обид;
Дерзко жгли меня наглые взгляды
Безрассудных, пустых волокит.
И хотелось уйти мне на волю,
И хотелось мне бросить иглу, —
И рвалась я к родимому полю,
К моему дорогому селу.
Но держала судьба-лиходейка
Меня крепко в железных когтях.
Я, несчастная, жалкая швейка,
В неустанном труде и слезах,
В горьких думах и тяжелой печали
Свой безрадостный век провела.
За любовь мою деньги давали —
Я за деньги любить не могла;
Билась с горькой нуждой, но разворотом
Не пятнала я чистой души
И, трудясь через силу, богатым
Продавала свой труд за гроши...
Но любви мое сердце просило —
Горячо я и честно любила...
Оба были мы с ним бедняки,
Нас обоих сломила чахотка...
Видно, бедный — в любви не находка!
Видно, бедных любить не с руки!..
Я мучительной смерти не трушу,
Скоро жизни счастливой лучи
Озарят истомленную душу, —
Приходите тогда, богачи!
Приходите, любуйтесь смело
Ранней смертью девичьей красы,
Белизной бездыханного тела,
Густотой темно-русой косы!»

508. Казнь Стеньки Разина [\[514\]](#)

Точно море в час прибоя,
Площадь Красная гудит.
Что за говор? что там против
Места лобного стоит?

Плаха черная далеко
От себя бросает тень...
Нет ни облачка на небе...
Блещут главы... Ясен день.

Ярко с неба светит солнце
На кремлевские зубцы,
И вокруг высокой плахи
В два ряда стоят стрельцы.

Вот толпа заколыхалась, —
Проложил дорогу кнут:
Той дороженькой на площадь
Стеньку Разина ведут.

С головы казацкой сбиты
Кудри черные как смоль;
Но лица не изменили
Казни страх и пытки боль.

Так же мрачно и сурово,
Как и прежде, смотрит он, —
Перед ним былое время
Восстает, как яркий сон:

Дона тихого приволье,
Волги-матушки простор,
Где с судов больших и малых
Брал он с вольницей побор;

Как он с силою казацкой
Рыскал вихорем степным
И кичливое боярство
Трепетало перед ним.

Душит злоба удалого,
Жжет огнем и давит грудь,
Но тяжелые колодки
С ног не в силах он смахнуть.

С болью тяжкою оставил
В это утро он тюрьму:
Жаль не жизни, а свободы,

Жалко волюшки ему.

Не придется Стеньке кликнуть
Клич казацкой гольтьбе
И призвать ее на помощь
С Дона тихого к себе.

Не удастся с этой силой
Силу ратную потрянуть, —
Воевод, бояр московских
В три погибели согнуть,

«Как под городом Симбирском
(Думу думает Степан)
Рать казацкая побита,
Не побит лишь атаман.

Знать, уж долюшка такая,
Что на Дон казак бежал,
На родной своей сторонке
Во поиманье попал,

Не больна мне та обида,
Та истома не горька,
Что московские бояре
Заковали казака,

Что на помосте высоком
Поплачусь я головой
За разгульные потехи
С разудалой гольтьбой.

Нет, мне та больна обида,
Мне горька истома та,
Что изменою-неправдой
Голова моя взята!

Вот сейчас на смертной плахе
Срубят голову мою,
И казацкой алой кровью
Черный помост я полью...

Ой ты, Дон ли мой родимый!
Волга-матушка река!
Помяните добрым словом
Атамана-казака!..»

Вот и помост перед Стенькой...
Разин бровью не повел.
И наверх он по ступенькам
Бодрой поступью взошел.

Поклонился он народу,
Помолился на собор...
И палач в рубахе красной
Высоко взмахнул топор...

«Ты прости, народ крещеный!
Ты прости-прощай, Москва...»

И скатилась с плеч казацких
Удалая голова.

ИВАН ГОЛЬЦ-МИЛЛЕР

(1842–1871)

509. «Слу-шáй!» [\[515\]](#)

Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя ночка черна...
Черней этой ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма.
Кругом часовые шагают лениво;
В ночной тишине, то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-шáй!..

Хоть плотны высокие стены ограды,
Железные крепки замки,
Хоть зорки и ночью тюремщиков взгляды
И всюду сверкают штыки,
Хоть тихо внутри, но тюрьма — не кладбище,
И ты, часовой, не плошай:
Не верь тишине, берегись, дружище;
— Слу-шáй!..

Вот узник вверху за решеткой железной
Стоит, прислонившись к окну,
И взор устремил он в глубь ночи беззвездной,
Весь словно впился в тишину.
Ни звука!.. Порой лишь собака зальется,
Да крикнет сова невзначай,
Да мерно внизу под окном раздается:
— Слу-шáй!..

«Не дни и не месяцы — долгие годы
В тюрьме осужден я страдать,
А бедное сердце так жаждет свободы, —
Нет, дольше не в силах я ждать!..
Здесь штык или пуля — там воля святая...
Эх, черная ночь, выручай!
Будь узнику ты хоть защитой, родная!..
— Слу-шáй!..

Чу!.. Шелест... Вот кто-то упал... приподнялся...
И два раза щелкнул курок...
«Кто идет?..» Тень мелькнула — и выстрел раздался,
И ожил мгновенно острог.
Огни замелькали, забегали люди...
«Прощай, жизнь, свобода, прощай!» —

Прорвалось стоном из раненой груди...
— Слу-шáй!..

И снова всё тихо... На небе несмело
Луна показалась на миг.
И, словно сквозь слезы, из туч поглядела
И скрыла заплаканный лик.
Внизу ж часовые шагают лениво;
В ночной тишине, то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-шáй!..

АЛЕКСАНДР НАВРОЦКИЙ

(1839–1914)

510. Утес Стеньки Разина [\[516\]](#)

Есть на Волге утес, диким мохом оброс
Он с боков от подножья до края,
И стоит сотни лет, только мохом одет
Ни нужды, ни заботы не зная

На вершине его не растет ничего,
Там лишь ветер свободный гуляет,
Да могучий орел свой притон там завел
И на нем свои жертвы терзает.

Из людей лишь один на утесе том был,
Лишь один до вершины добрался,
И утес человека того не забыл
И с тех пор его именем звался.

И хотя каждый год по церквам на Руси
Человека того проклинают,
Но приволжский народ о нем песни поет
И с почетом его вспоминает.

Раз ночью порой, возвращаясь домой,
Он один на утес тот взобрался
И в полуночной мгле на высокой скале
Там всю ночь до зари оставался,

Много дум в голове родилось у него,
Много дум он в ту ночь передумал,
И под говор волны, средь ночной тишины,
Он великое дело задумал,

И, задумчив, угрюм от надуманных дум,
Он наутро с утеса спустился
И задумал идти по другому пути —
И идти на Москву он решился.

Но свершить не успел он того, что хотел
И не то ему пало на долю;
И расправой крутой да кровавой рекой
Не помог он народному горю.

Не владыкою был он в Москву привезен,
Не почетным пожаловал гостем,

И не ратным вождем, на коне и с мечом,
А в постыдном бою с мужиком-палачом
Он сложил свои буйные кости.

И Степан будто знал — никому не сказал,
Никому своих дум не поведал.
Лишь утесу тому, где он был, одному
Он те думы хранить заповедал.

И поныне стоит тот утес, и хранит
Он заветные думы Степана;
И лишь с Волгой одной вспоминает порой
Удалое житье атамана.

Но зато, если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя ее подвизался, —

Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет,
И утес-великан всё, что думал Степан,
Всё тому смельчаку перескажет.

ЛЕОНИД ТРЕФОЛЕВ

(1839–1905)

511. Ямщик [\[517\]](#)

Мы пьем, веселимся, а ты, нелюдим,
Сидишь, как невольник, в затворе.
И чаркой и трубкой тебя наградим,
Когда нам поведаешь горе.

Не тешит тебя колокольчик подчас,
И девки не тешат. В печали
Два года живешь ты, приятель, у нас, —
Веселым тебя не встречали.

«Мне горько и так, и без чарки вина,
Немилко на свете, немилко!
Но дайте мне чарку; поможет она
Сказать, что меня истомило.

Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, водилась силенка.
И был я с трудом подневольным знаком,
Замучила страшная гонка.

Скакал я и ночью, скакал я и днем;
На водку давали мне баря,
Рублевик получим и лихо кутнем,
И мчимся по всем приударя.

Друзей было много. Смотритель не злой;
Мы с ним побратались даже.
А лошади! Свистну — помчатся стрелой...
Держися седок в экипаже!

Эх, славно я ездил! Случалось, грехом,
Лошадок порядком измучишь;
Зато, как невесту везешь с женихом,
Червонец наверно подучишь,

В соседнем селе полюбил я одну
Девицу. Любил не на шутку;
Куда ни поеду, а к ней заверну,
Чтоб вместе пробыть хоть минутку.

Раз ночью смотритель дает мне приказ;
„Живей отвези эстафету!“

Тогда непогода стояла у нас,
На небе ни звездочки нету.

Смотрителя тихо, сквозь зубы, браня
И злую ямщицкую долю,
Схватил я пакет и, вскочив на коня,
Помчался по снежному полю.

Я еду, а ветер свистит в темноте,
Мороз подирает по коже.
Две версты мелькнули, на третьей версте...
На третьей... О господи боже!

Средь посвистов бури услышал я стон,
И кто-то о помощи просит.
И снежными хлопьями с разных сторон
Кого-то в сугробах заносит.

Коня понукаю, чтоб ехать спасти;
Но, вспомнив смотрителя, трушу,
Мне кто-то шепнул: на обратном пути
Спасешь христианскую душу.

Мне сделалось страшно. Едва я дышал,
Дрожали от ужаса руки.
Я в рог затрубил, чтобы он заглушал
Предсмертные слабые звуки.

И вот на рассвете я еду назад.
По-прежнему страшно мне стало,
И как колокольчик разбитый, не в лад,
В груди сердце робко стучало.

Мой конь испугался пред третьей верстой
И гриву вскосматил сердито:
Там тело лежало, холстиной простой
Да снежным покровом покрыто.

Я снег отряхнул — и невесты моей
Увидел потухшие очи...
Давайте вина мне, давайте скорей.
Рассказывать дальше — нет мочи!»

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ-КЛАССИК

(1841–1894)

512. В остроге [\[518\]](#)

Звенит за стенами острога
Обычный полуночи бой,
И брякнул ружьем у порога
Вздремнувший на миг часовой.
Назло утомленному взору,
Опять сквозь решетку окна
Бросает в позорную нору
Безжизненный луч свой луна.

На пук полусгнившей соломы
Припал я, и видится мне:
Под кровлею отчего дома
Живу я в родной стороне.
Я вижу: в семье разоренной
Бывалого счастья следы,
Мне снится отец изнуренный
Под игом нежданной беды.

И образ страдальцы милый,
И горю покорная мать,
И тот, кто сгубил наши силы,
Кто мог наше счастье отнять,
Пред кем я, собой не владея,
Покончил о жизни вопрос
В тот миг, как с ножом на злодея
Преступную руку занес...

И снится, что будто встаю я
От тяжкого долгого сна,
Что в очи глядит мне, ликуя
Блаженством небесным, весна.
Но цепи со звуком упрека
С колен упадают, звеня,
И черные думы далеко,
Далеко уносят меня...

ДМИТРИЙ САДОВНИКОВ

(1847–1893)

513. Зазноба [\[519\]](#)

По посаду городскому,
Мимо рубленых хором,
Ходит Стенька кажный вечер,
Переряженный купцом.

Зазнобила атамана,
Отучила ото сна
Раскрасавица Алена,
Чужемужняя жена.

Муж сидит в ряду гостином
Да алтынам счет ведет,
А жена одна скучает,
Тонко кружево плетет.

Стенька ходит, речь заводит,
Не скупится на слова;
У Алены сердце бьется,
Не плетутся кружева.

«Полюбилась мне ты сразу,
Раскрасавица моя!
Либо лаской, либо силой,
А тебя добуду я!

Не удержат ретивого
Ни запоры, ни замки...
Люб тебе я аль не люб?
Говори мне напрямки!»

На груди ее высокой
Так и ходят ходенем
Перекатный крупный жемчуг
С золотистым янтарем.

Что ей молвить?.. Совесть заэрит
Слушать льстивые слова,
Страхом за сердце хватает,
Как в тумане голова...

«Уходи скорей отсюда! —
Шепчет молодцу она. —

Неравно старик вернется...
Чай, я — мужняя жена...

Нешто можно?» — «Эх, голубка,
Чем пугать меня нашла!..
Мне своей башки не жалко,
А его — куда ни шла!

Коль от дома прочь гоняешь,
Забегу через зады
В переулок, где разбиты
Виноградные сады...

Выйдешь, что ли?» — «Неумный!
Говорю тебе — уйди!
Не гляди так смело в очи,
В грех великий не вводи!..»

— «Ну, коль этак, — молвит Стенька, —
Так, на чью-нибудь беду,
Я, непрошенный, сегодня
Ночью сам к тебе приду!»

Отошел, остановился,
Глянул раз, пообождал,
Шапку на ухе поправил,
Поклонился и пропал...

Плохо спится молодежи;
Полночь близко... Чу!.. Сквозь сон
Половица закрипела...
Неужели ж это он?

Не успела «ах» промолвить,
Кто-то за руки берет;
Горячо в уста целует,
К ретивому крепко жмет...

«Что ты делаешь, разбойник?
Ну, проснется, закричит!..»
— «Закричит, так жив не будет...
Пусть-ка лучше помолчит.

Не ошиблась ты словечком, —
Что вводить тебя в обман:
Не купец — казак я вольный,
Стенька Разин — атаман!

Город Астрахань проведать
Завернул я по пути,
Чтоб с тобой, моя голубка,

Только ночку провести!

Ловко Стеньку ты поймала!
Так держи его, смотри,
Белых рук не разнимая,
Вплоть до утренней зари!..»

514. Песня («Из-за острова на стрежень...»)[520]

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выбегают расписные,
Острогрудые челны.

На переднем Стенька Разин,
Обнявшись с своей княжной,
Свадьбу новую справляет,
И веселый, и хмельной.

А княжна, склонивши очи,
Ни жива и ни мертва,
Робко слушает хмельные,
Неразумные слова.

«Ничего не пожалею!
Буйну голову отдам!» —
Раздается по окрестным
Берегам и островам.

«Ишь ты, братцы, атаман-то
Нас на бабу променял!
Ночку с нею повозился —
Сам наутро бабой стал...»

Ошалел... Насмешки, шепот
Слышит пьяный атаман —
Персиянки полоненной
Крепче обнял полный стан.

Гневно кровью налилися
Атамановы глаза,
Брови черные нависли,
Собирается гроза...

«Эх, кормилица родная,
Волга матушка-река!
Не видала ты подарков
От донского казака!..

Чтобы не было зазорно
Перед вольными людьми,
Перед вольною рекою, —
На, кормилица... возьми!»

Мощным взмахом поднимает
Полоненную княжну
И, не глядя, прочь кидает

В набежавшую волну...

«Что затихли, удалые?..
Эй ты, Фролка, черт, пляши!..
Грянь, ребята, хорovouю
За помин ее души!..»

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

(1868–1936)

515. Легенда о Марко [\[521\]](#)

В лесу над рекой жила фея,
В реке она часто купалась;
И раз, позабыв осторожность,
В рыбацкие сети попалась.

Ее рыбаки испугались,
Но был с ними юноша Марко;
Схватил он красавицу фею
И стал целовать ее жарко.

А фея, как гибкая ветка,
В могучих руках извивалась,
Да в Марковы очи глядела
И тихо над чем-то смеялась.

Весь день она Марка ласкала;
А как только ночь наступила,
Пропала веселая фея...
У Марка душа загрустила...

И дни ходит Марко, и ночи
В лесу, над рекою Дунаем,
Все ищет, всё стонет: «Где фея?»
А волны смеются: «Не знаем!»

Но он закричал им: «Вы лжете!
Вы сами целуетесь с нею!»
И бросился юноша глупый
В Дунай, чтоб найти свою фею...

Купается фея в Дунае,
Как раньше, до Марка, купалась;
А Марка — уж нету...
Но все же
От Марка хоть песня осталась,

А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут;
Ни сказок о вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют!

ПРОХОР ГОРОХОВ

(1869–1925)

516. Изменница [\[522\]](#)

Бывало, в дни веселые
Гулял я молодцом,
Не знал тоски-кручинушки
Как вольный удалец.
Любил я деву юную, —
Как цветик хороша,
Тиха и целомудренна,
Румяна, как заря.
Спознался ночью темною,
Ах! ночка та была,
Июньская волшебная,
Счастлива для меня.
Бывало, вспашешь полосу,
Лошадку уберешь
И мне тропой знакомою
В заветный бор идешь,
Глядишь: моя красавица
Давно уж ждет меня;
Глаза полуоткрытые,
С улыбкой на устах.
Но вот начало осени;
Свиданиям конец,
И деву мою милую
Ласкает уж купец.
Изменница презренная
Лишь кровь во мне зажгла,
Забыла мою хижину,
В хоромы жить ушла.
Живет у черта старого
За клеткой золотой,
Как куколка наряжена,
С распущенной косой.
Просил купца надменного,
Ее чтоб отпустил;
В ногах валялся, кланялся, —
Злодей не уступил.
Вернулся в свою хижину —
Поверьте, одурел,
И всю-то ночь осеннюю
В раздумье просидел.
Созрела мысль злодейская,
Нашел во тьме топор,
Простился с отцом-матерью

И вышел через двор.
Стояла ночка темная,
Вдали журчал ручей,
И дело совершилось:
С тех пор я стал злодей.
Теперь в Сибирь далекую
Угонят молодца
За деву черноокою,
За старого купца.

Я. РЕПНИНСКИЙ

517. «Варяг» (*«Плещут холодные волны...»*) [\[523\]](#)

Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской...
Носятся чайки над морем,
Крики их полны тоской...

Мечутся белые чайки,
Что-то встревожило их, —
Чу!.. загремели раскаты
Взрывов далеких, глухих.

Там, среди шумного моря,
Вьется Андреевский стяг, —
Бьется с неравною силой
Гордый красавец «Варяг».

Сбита высокая мачта,
Броня пробита на нем,
Борется стойко команда
С морем, с врагом и с огнем.

Пенится Желтое море,
Волны сердито шумят;
С вражьих морских великанов
Выстрелы чаще гремят.

Реже с «Варяга» несется
Ворогу грозный ответ...
«Чайки! снесите отчизне
Русских героев привет...

Миру всему передайте,
Чайки, печальную весть:
В битве врагу мы не сдались —
Пали за русскую честь!..

Мы пред врагом не спустили
Славный Андреевский флаг,
Нет! мы взорвали „Корейца“,
Нами потоплен „Варяг“!»

Видели белые чайки —
Скрылся в волнах богатырь,
Смолкли раскаты орудий,
Стихла далекая ширь...

Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской,
Чайки на запад несутся,
Крики их полны тоской...

ГЛАФИРА ГАЛИНА

(1873–1942?)

518. Бур и его сыновья [\[524\]](#)

Да, час настал, тяжелый час
Для родины моей...
Молитесь, женщины, за нас,
За наших сыновей!..

Мои готовы все в поход, —
Их десять у меня!..
Простился старший сын с женой
Поплакал с ним и я...

Троих невесты будут ждать —
Господь, помилуй их!..
Идёт с улыбкой умирать
Пятёрка остальных.

Мой младший сын... Тринадцать
Исполнилось ему.
Решил я твёрдо: «Нет и нет —
Мальчишку не возьму!..»

Но он, нахмурясь, отвечал:
«Отец, пойду и я!..
Пускай я слаб, пускай я мал —
Верна рука моя...

Отец, не будешь ты краснеть
За мальчика в бою —
С тобой сумею умереть
За родину свою!..»

Да, час настал, тяжелый час
Для родины моей...
Молитесь, женщины, за нас,
За наших сыновей!

ЕВГЕНИЯ СТУДЕНСКАЯ

519. Памяти «Варяга» (*«Наверх, о товарищи, все по местам!..»*)[\[525\]](#)

Наверх, о товарищи, все по местам!
Последний парад наступает!
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!

Все вымпелы вьются и цепи гремят,
Наверх якоря поднимая,
Готовятся к бою орудий ряды,
На солнце зловеще сверкая.

Из пристани верной мы в битву идем,
Навстречу грозящей нам смерти,
За родину в море открытом умрем,
Где ждут желтолицые черти!

Свистит, и гремит, и грохочет кругом
Гром пушек, шипенье снаряда,
И стал наш бесстрашный, наш верный «Варяг»
Подобьем кромешного ада!

В предсмертных мученьях трепещут тела,
Вкруг грохот, и дым, и стенанья,
И судно охвачено морем огня, —
Настала минута прощанья.

Прощайте, товарищи! С богом, ура!
Кипящее море под нами!
Не думали мы еще с вами вчера,
Что нынче уснем под волнами!

Не скажут ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские прославят вовек
Геройскую гибель «Варяга»!

ВЛАДИМИР БОГОРАЗ-ТАН

(1865–1936)

520. Цусима [\[526\]](#)

У дальней восточной границы,
В морях азиатской земли,
Там дремлют стальные гробницы,
Там русские есть корабли.

В пучине немой и холодной,
В угрюмой, седой глубине,
Эскадрю стали подводной,
Без якоря встали на дне.

Упали высокие трубы,
Угасли навеки огни,
И ядра, как острые зубы,
Изгрызли защиту брони.

У каждого мертвого судна
В рассыпанном, вольном строю
Там спят моряки непробудно,
Окончили вахту свою.

Их тысячи, сильных и юных,
Отборная русская рать...
На грудах обломков чугунных
Они улеглись отдыхать.

Седые лежат адмиралы,
И дремлют матросы вокруг,
У них прорастают кораллы
Сквозь пальцы раскинутых рук.

Их гложут голодные крабы,
И ловит уродливый спрут,
И черные рыбы, как жабы,
По голому телу ползут.

Но в бурю ночного прилива,
На первом ущербе луны,
Встают мертвецы молчаливо
Сквозь белые брызги волны.

Их лица неясны, как тени.
Им плечи одеда роса.

И листья подводных растений
Плющом заплели волоса.

Летят мертвецов вереницы
На запад, на сушу, домой.
Несутся быстрее, чем птицы,
Но путь им заказан прямой.

Хребтов вековые отроги,
Изгибы морских берегов
И рельсы железной дороги
Уж стали добычей врагов.

И только остался окружный,
Далекий, нерадостный путь.
На тропик летят они южный,
Спешат материк обогнуть.

Мелькают мысы за мысами,
Вдогонку несется луна.
Они не опомнятся сами,
Пред ними — родная страна.

Но что же их стиснулись руки
И гневом блеснули глаза?
На родине смертные муки,
Бушует слепая гроза.

Унылое, серое поле,
Неровная, низкая рожь...
Народ изнывает в неволе,
Позорная царствует ложь.

Торговые, людные села,
Больших городов суета...
Повсюду ярмо произвола,
Не знает границ нищета.

От Камы до желтого Прута,
Как буйного моря волна,
Растет беспощадная смута,
Кипит роковая война.

И плачут голодные дети,
И катится ярости крик,
И свищут казацкие плети,
Сверкает отточенный штык...

Снаряды взрываются с гулом,
И льется кровавый поток.
Объяты багровым разгулом

И запад и дальний восток.

И падает также рядами
Подкошенной юности цвет
В широкие общие ямы,
В могилы, где имени нет.

521. Предсмертная песня [\[527\]](#)

Мы сами копали могилу свою,
Готова глубокая яма;
Пред нею мы встали на самом краю:
Стреляйте же верно и прямо!

Пусть в сердце вонзится жестокий свинец,
Горячею кровью напьется,
И сердце не дрогнет, но примет конец, —
Оно лишь для родины бьется.

В ответ усмехнулся палач-генерал [\[528\]](#):
«Спасибо на вашей работе —
Земли вы хотели — я землю вам дал,
А волю на небе найдете...»

Не смейся, коварный, жестокий старик,
Нам выпала страшная доля;
Но выстрелам вашим ответит наш крик:
«Земля и народная воля!»

Мы начали рано, мы шли умирать,
Но скоро по нашему следу
Проложит дорогу товарищей рать. —
Они у вас вырвут победу!

Как мы, они будут в мундире рабов,
Но сердцем возлюбят свободу,
И мы им закажем из наших гробов:
«Служите родному народу!»

Старик кровожадный! Ты носишь в груди
Не сердце, а камень холодный;
Вы долго вели нас, слепые вожди,
Толпою немой и голодной.

Теперь вы безумный затеяли бой
В защиту уродливой власти;
Как хищные волки, свирепой гурьбой
Вы родину рвете на части.

А вы, что пред нами сомкнули штыки,
К убийству готовые братья!
Пускай мы погибнем от вашей руки,
Но мы не пошлем вам проклятья!

Стреляйте вернее, готовься, не трусь,
Кончается наша неволя;
Прощайте, ребята! Да здравствует Русь,

Земля и народная воля!

П. ЭДИЕТ

522. На десятой версте от столицы [\[529\]](#)

(Памяти жертв 9 января)

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы
И целует болотный туман...
В январе эти птицы видали,
Как солдаты на поле пришли,
Как всю ночь торопливо копали
Полумерзлые комья земли;
Как носилки, одну за другою,
С мертвецами носили сюда,
Как от брошенных тел под землю
Расступалась со свистом вода;
Как холодное тело толкали
Торопливо в рогожный мешок,
Как в мешке мертвеца уминали,
Как сгибали колена у ног...
И видали зловещие птицы
(Не могли этой ночью заснуть),
Как бледнели солдатские лица,
Как вздыхала солдатская грудь...

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы
И болотный целует туман...
Под глубоким, пушистым налетом
Ослепительно белых снегов
Мертвецы приютились — счетом
Девяносто рогожных мешков...
Нераздельною, братской семьею
Почиют они в недрах земли:
Кто с пробитой насквозь головою,
Кто с свинцовою пулей в груди...
И зловещие видели птицы,
Как в глубокий вечерний туман
Запыленные, грязные лица
Приходили на этот курган...
Как печально и долго стояли
И пред тем, как с холма уходить,
Всё угрозы кому-то шептали
И давали обет отомстить!..

На десятой версте от столицы

Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы
И болотный целует туман...
В мае птицы зловещие эти
У кургана видали народ,
И мельканье противное плети,
И пронзительный пули полет;
Как, измучившись тяжелой борьбою
И неравной, толпа подалась,
Как кровавое знамя родное
Казакон было втоптанон в грязь...
Но зловещие птицы узреют, —
И близка уже эта пора! —
Как кровавое знамя завеет
Над вершиной родного холма!..

Неизвестные авторы

523. «По диким степям Забайкалья...» [\[530\]](#)

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

Идет он густою тайгою,
Где пташки одни лишь поют,
Котел его сбоку тревожит,
Сухие коты ноги бьют.

На нем рубашонка худая,
Со множеством разных заплат,
Шапчонка на нем арестанта
И серый тюремный халат.

Бежал из тюрьмы темной ночью,
В тюрьме он за правду страдал —
Идти дальше нет больше мочи,
Пред ним расстился Байкал.

Бродяга к Байкалу подходит.
Рыбацкую лодку берет
И грустную песню заводит —
Про родину что-то поет:

«Оставил жену молодую
И малых оставил детей,
Теперь я иду наудачу,
Бог знает, увижусь ли с ней!»

Бродяга Байкал переехал,
Навстречу родимая мать.
«Ах, здравствуй, ах, здравствуй, мамаша,
Здоров ли отец, хочу знать?»

— «Отец твой давно уж в могиле,
Сырою землю зарыт,
А брат твой давно уж в Сибири,
Давно кандалами гремит.

Пойдем же, пойдем, мой сыночек,
Пойдем же в курень наш родной,
Жена там по мужу скучает
И плачут детишки гурьбой».

524. «Шумел камыш, деревьягнулись...»

Шумел камыш, деревьягнулись,
А ночка темная была.
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра.

А поутру они вставали.
Кругом помятая трава,
Да не одна трава помята, —
Помята молодость моя.

Придешь домой, а дома спросят:
«Где ты гуляла, где была?»
А ты скажи: «В саду гуляла,
Домой тропинки не нашла».

А если дома ругать будут,
То приходи опять сюда...
Она пришла: его там нету,
Его не будет никогда.

Она глаза платком закрыла
И громко плакать начала:
«Куда ж краса моя девалась?
Кому ж я счастье отдала?..»

Шумел камыш, деревьягнулись,
А ночка темная была.
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра.

Переработки для пения

525. «Раз полуночной порою...» [\[531\]](#)

Раз полуночной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.
Фуражечка набекрени,
Весь мундир в пыли,
Пистолеты при кобуре,
Шашка до земли.
И копыа его стального
Светится конец,
В грудь упершись бороною,
Задремал казак.
Конь, узды своей не чуя,
Шагом выступал.
Потихоньку, влево, влево —
Прямо к Саше в дом.
«Выйди, Сашенька, скорее,
Дай коню воды!»
«Я коня твоего не знаю,
Боюсь подойти».
«Ты коня моего не знаешь,
Знать, забыла ты меня!
Ты коня моего не бойся,
Он всегда со мной,
Он спасал меня от смерти
Для тебя одной!»

526. «Ревела буря, дождь шумел...» [\[532\]](#)

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали,
И непрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком берегу Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громкозвучной славы
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали средь дубравы.

«Вы спите, милые герои,
Друзья под бурю ревущей,
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий».

Кучум, презренный царь Сибири,
Подкрался тайно на челнах...
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина.

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молния сверкала,
Вдали чуть слышно гром гремел...
Но Ермака уже не стало.

527. «Проснется день — его краса...» [\[533\]](#)

Проснется день — его краса
Украсит белый свет.
Увижу море, небеса,
Но родины здесь нет.
Отцовский дом покинул я,
Травую зарастет,
Собачка верная моя
Вить станет у ворот.
На кровле филин прокричит,
Раздастся по лесам,
Занает сердце, загрустит,
Меня не будет там...
Ах, в той стране, стране родной,
В которой я рожден,
Терпеть мученье без вины
Навеки осужден.
Проснутся завтра на заре
И дети и жена, —
Малютки спросят обо мне,
Расплачется она.
Судьба несчастная моя
К разлуке привела,
И разлучила молодца
Чужая сторона.

528. Кочегар [\[534\]](#)

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали.
Товарищ, мы едем далеко,
Подальше от нашей земли.

Не слышно на палубе песен,
И Красное море волною шумит,
А берег суровый и тесен, —
Как вспомнишь, так сердце болит.

На баке уж восемь пробило, —
Товарища надо сменить.
По трапу едва он спустился,
Механик кричит: «Шевелись!»

«Товарищ, я вахты не в силах стоять, —
Сказал кочегар кочегару, —
Огни в моих топках совсем прогорят;
В котлах не сдержать мне уж пару.

Пойди заяви, что я заболел
И вахту, не кончив, бросаю.
Весь потом истек, от жары изнемог,
Работать нет сил — умираю».

Товарищ ушел... Лопатку схватил,
Собравши последние силы,
Дверь топки привычным толчком отворил,
И пламя его озарило:

Лицо его, плечи, открытую грудь
И пот, с них струившийся градом, —
О, если бы мог кто туда заглянуть,
Назвал кочегарку бы адом!

Котлы паровые зловеще шумят,
От силы паров содрогаясь,
Как тысячи змей пары же шипят,
Из труб кое-где пробиваясь.

А он, извиваясь пред жарким огнем,
Лопатой бросал ловко уголь;
Внизу было мрачно: луч солнца и днем
Не может проникнуть в тот угол.

Нет ветра сегодня, нет мочи стоять.
Согрелась вода, душно, жарко, —
Термометр поднялся на сорок пять,

Без воздуха вся кочегарка.

Окончив кидать, он напился воды —
Воды опресненной, не чистой,
С лица его падал пот, сажи следы.
Услышал он речь машиниста:

«Ты, вахты не кончив, не смеешь бросать,
Механик тобой недоволен.
Ты к доктору должен пойти и сказать, —
Лекарство он даст, если болен».

За поручни слабо хватаясь рукой,
По трапу вверх он взбирался;
Идти за лекарством в приемный покой
Не мог — от жары задышался.

На палубу вышел — сознания уж нет,
В глазах его всё помутилось,
Увидел на миг ослепительный свет,
Упал... Сердце больше не билось...

К нему подбежали с холодной водой,
Стараясь привести его в чувство,
Но доктор сказал, покачав головой:
«Бессильно здесь наше искусство...»

Всю ночь в лазарете покойник лежал,
В костюме матроса одетый;
В руках на груди крест из воску держал;
Воск таял, жарою согретый.

Проститься с товарищем утром пришли
Матросы, друзья кочегара,
Последний подарок ему поднесли —
Колосник обгорелый и ржавый.

К ногам привязали ему колосник,
В простыню его труп обернули;
Пришел пароходный священник-старик,
И слезы у многих сверкнули.

Был чист, неподвижен в тот миг океан,
Как зеркало воды блестели;
Явилось начальство, пришел капитан,
И «вечную память» пропели.

Доску приподняли дрожащей рукой,
И в саване тело скользнуло,
В пучине глубокой, безвестной морской
Навеки, плеснув, утонуло.

Напрасно старушка ждет сына домой;
Ей скажут, она зарыдает...
А волны бегут от винта за кормой,
И след их вдали пропадает.

529. «Раскинулось море широко...» [\[535\]](#)

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали.
«Товарищ, мы едем далеко,
Подальше от нашей земли».

«Товарищ, я вахты не в силах стоять, —
Сказал кочегар кочегару, —
Огни в моих топках совсем не горят,
В котлах не сдержать мне уж пару.

Пойди заяви ты, что я заболел
И вахту, не кончив, бросаю.
Весь потом истек, от жары изнемог,
Работать нет сил — умираю».

На палубу вышел — сознания уж нет,
В глазах его всё помутилось,
Увидел на миг ослепительный свет,
Упал. Сердце больше не билось.

Проститься с товарищем утром пришли
Матросы, друзья кочегара,
Последний подарок ему поднесли —
Колосник обгорелый и ржавый.

Напрасно старушка ждет сына домой,
Ей скажут, она зарыдает...
А волны бегут от винта за кормой,
И след их вдали пропадает.

530. «Славное море, священный Байкал...» [\[536\]](#)

Славное море, священный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал, —
Плыть молодцу недалечко.

Долго я звонкие цепи влачил,
Душно мне было в горах Акатуя,
Старый товарищ бежать пособил,
Ожил я, волю почуя.

Шилка и Нерчинск не страшны теперь, —
Горная стража меня не поймала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала.

Шел я и в ночь и средь белого дня,
Вкруг городов озираяся зорко,
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.

Славное море, священный Байкал,
Славный мой парус — халат дыроватый.
Эй, баргузин, пошевеливай вал, —
Слышатся бури раскаты.

531. «В саду ягодка лесная...» [\[537\]](#)

В саду ягодка лесная
Под закрышею цвела,
А княгиня молодая
С князем в тереме жила.
А у этого у князя
Ванька — ключник молодой,
Ванька-ключник,
Злой разлучник,
Разлучил князя с женой.
Он не даривал княгиню,
Он ни златом, ни кольцом,
Обольстил Ваня княгиню
Своим белым он лицом.
На кроватку спать ложилась
И с собой Ваню брала.
Одну ручку подложила,
А другою обняла:
«Ты ложись, ложись, Ванюша,
Спать на Князеву кровать».
Ванька с нянькой поругался.
Нянька князю донесла.
По чужому наговору
Князь дознался до жены.
Он вышел на крылечко,
Громким голосом вскричал:
«Ой вы, слуги, ой холопы,
Слуги верные мои,
Вы подите приведите
Ваньку-ключника ко мне!»
Вот ведут, ведут Ванюшку
На шелковом поясе.
На нем шелкову рубашку
Кверху ветром подняло,
Его светло-русы кудри
Растрепались по плечам.
Вот подходит Ваня к князю,
Князь стал спрашивать его:
«Ты скажи, скажи, Ванюшка,
Сколько лет с княгиней жил?»
«Про то знает грудь, подушка,
Еще Князева кровать,
Да еще моя подружка —
Это Князева жена».
«Ой вы, слуги, ой, холопы,
Слуги верные мои,
Вы подите ды вкопайте
Два дубовые столба,
Ды возьмите и повесьте
Ваньку-ключника на них!»

532. «Когда я на почте служил ямщиком...» [\[538\]](#)

Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, имел я силенку,
И крепко же, братцы, в селенье одном
Любил я в ту пору девчонку.
Сначала не видел я в этом беду,
Потом задурил не на шутку:
Куда ни поеду, куда ни пойду —
Всё к милой сверну на минутку.
И любо оно, да покоя-то нет,
А сердце щемит всё сильнее...
Однажды начальник дает мне пакет:
Свези, мол, на почту живее.
Я принял пакет и скорей на коня,
И по полю вихрем помчался,
А сердце щемит да щемит у меня,
Как будто с ней век не видался...
И что за причина? Понять не могу, —
А ветер так воет тоскливо...
И вдруг словно замер мой конь на бегу
И в сторону смотрит пугливо...
Забилось сердце сильней у меня,
И глянул вперед я в тревоге.
Затем соскочил с удалого коня
И вижу я труп на дороге!
А снег уж совсем ту находку занес,
Метель так и пляшет над трупом,
Разрыл я сугроб — да и к месту прирос,
Мороз заходил под тулупом!..
Под снегом-то, братцы, лежала она!
Закрылися карие очи...
Налейте, налейте скорей мне вина,
Рассказывать больше нет мочи!..

533. «Ах ты степь, ты степь!..» [\[539\]](#)

Ах ты степь, ты степь!
Путь далек лежит.
В той степи большой
Замерзал ящик.

И, набравшись сил,
Чую смертный час,
Он товарищу
Отдавал наказ:

«Ты, товарищ мой,
Не попомни зла —
В той степи глухой
Схорони меня.

Ты лошадушек
Сведи к бабушке,
Передай поклон
Родной матушке.

А жене скажи
Слово тайное,
Передай кольцо
Обручальное.

Да скажи ты ей —
Пусть не печалится,
Пусть с другим она
Обвенчается.

Про меня скажи,
Что в степи замерз,
А любовь ее
Я с собой унес».

534. «Из-за острова на стрежень...» [\[540\]](#)

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны.
Выплывают расписные
Стеньки Разина челны.

На переднем Стенька Разин
С молодой сидит княжной,
Свадьбу новую справляет,
Сам веселый и хмельной!

Позади их слышен ропот:
«Нас на бабу променял,
Только ночь с ней провозился —
Сам наутро бабой стал».

Этот ропот и насмешки
Слышит грозный атаман,
И он мощною рукою
Обнял персиянки стан.

«Волга, Волга, мать родная,
Волга — русская река!
Не видала ты подарка
От донского казака.

Чтобы не было раздора
Между вольными людьми,
Волга, Волга, мать родная,
На, красавицу прими!»

Одним взмахом поднимает
Он красавицу княжну
И за борт ее бросает
В набежавшую волну...

«Что ж вы, черти, приуныли,
Эй ты, Филька, черт, пляши!
Грянем, братцы, удалую
На помин ее души...»

535. «Трансваль, Трансваль, страна моя...» [\[541\]](#)

Трансваль, Трансваль, страна моя,
Горишь ты вся в огне!
Под деревом развесистым
Задумчив бур сидел.

«О чем задумался, детина,
О чем горюешь, седина?»
— Горюю я по родине,
И жаль мне край родной.

Сынов всех девять у меня,
Троих уж нет в живых,
А за свободу борются
Шесть юных остальных.

А старший сын — старик седой —
Убит был на войне;
Он без молитвы, без креста,
Зарыт в чужой земле.

А младший сын двенадцати лет
Просился на войну,
Но я сказал, что нет, нет, нет —
Малютку не возьму.

«Отец, отец, возьми меня
С собою на войну —
Я жертвую за родину
Младую жизнь свою».

Я выслушал слова малютки.
Обнял, поцеловал
И в тот же день, и в тот же час
На поле брани взял.

Однажды при сражении
Отбит был наш обоз,
Малютка на позицию
Ползком патрон принес.

Настал, настал тяжелый час
Для родины моей.
Молитесь вы, женщины,
За ваших сыновей.

Трансваль, Трансваль, страна моя, —
Бур старый говорит:
«За кривду бог накажет нас,

За правду наградит».

536. «В далеком Цусимском проливе...» [\[542\]](#)

В далеком Цусимском проливе,
Вдали от родимой земли,
На дне океана глубоко
Забывшие есть корабли.

Там русские есть адмиралы,
И дремлют матросы вокруг,
У них вырастают кораллы
На пальцах раскинутых рук.

Когда засыпает природа
И яркая светит луна,
Герои погибшего флота
Встают, пробуждаясь от сна.

Они начинают беседу —
И, яростно сжав кулаки,
О тех, кто их продал и предал,
Всю ночь говорят моряки.

Они вспоминают Цусиму,
Напрасную храбрость свою,
И небо, от жизни далекое,
И гибель в неравном бою.

И в шуме морского прибоя
Они говорят морякам:
«Готовьтесь к великому бою,
За нас отомстите врагам!»

Цыганский романс

СТЕПАН ШЕВЫРЕВ

(1806–1864)

537. Мой идеал [\[543\]](#)

Люблю не огонь твоих очей,
Не розы свежее дыханье,
Не звуки сладостных речей,
Не юных персей волнованье.

Люблю я то в твоих очах,
Что в них огнем любви пылает;
Люблю я то в твоих речах,
Что их живит, одушевляет.

«Люблю», — ты молвишь, чуть дыша,
Любовь горит в твоём дыханьи,
Трепещет вся твоя душа
При томном персей трепетаньи.

Душа в улыбке неземной,
Душа в движеньях, в разговоре,
Душа в понятном светлом взоре:
Ты любишь, ты живешь душой!

Тебя одну я понимаю,
Ты душу поняла мою:
В тебе не прелесть обожаю,
Нет! душу я люблю твою.

538. Цыганская песня

Добры люди, вам спою я,
Как цыганы жизнь ведут;
Всем чужие, век кочуя,
Бедно бедные живут.

Но мы песнями богаты,
Песня — друг и счастье нам:
С нею радости, утраты
Дружно делим пополам.

Песня всё нам заменяет,
Песнями вся жизнь красна,
И при песнях пролетает
Вольной песенкой она.

539. Цыганская пляска

Видал ли ты, как пляшет египтянка?
Как вихрь, она столбом взвивает прах,
Бежит, поет, как дикая вакханка,
Ее волосы, как змеи, на плечах...

Как песня вольности, она прекрасна.
Как песнь любви, она души полна,
Как поцелуй горячий, сладострастна,
Как буйный хмель, неистова она.

Она летит, как полный звук цевницы,
Она дрожит, как звонкая струна.
И пышет взор, как жаркий луч денницы,
И дышит грудь, как бурная волна.

АЛЕКСАНДР КОРСАК

(1807 —?)

540. Песня («Я пойду косить...»)[544]

Я пойду косить
На зеленый луг:
Ты, коса моя,
Коса острая,
Не тупися ты
О младу траву.

Не влюбляйся ты,
Сердце бедное:
Как коса моя
О горелый пень,
Горемычное,
Расшибешься ты.

Красны девицы
Переменчивы;
Обещанья их
Словно ласточка:
Повестит весну
Да и спрячется.

Так и девица
Нам сулит любовь
И с ней счастье:
Оглянешься ты —
В черном облаке
Унеслося все.

Хор

Нам, брат, песнями
Не кормить коней:
За погодушкой
Скосим луг скорей;
Там пускай себе
Косы тупятся.
Добра молодца
Не уймешь никак
Песней жалобной:
Долго будет он
Поджидать милóй

В ночь осеннюю.

ВАСИЛИЙ ТУМАНСКИЙ

(1802–1860)

541. Песня («Любил я очи голубые...»)[545]

(Посвящена А. О. Смирновой)

[546]

)

Любил я очи голубые,
Теперь влюбился в черные,
Те были милые такие,
А эти непокорные.

Глядеть, бывало, не устанут
Те долго, выразительно,
А эти не глядят, а взглянут
Так — словно царь властительный.

На тех порой сверкали слезы,
Любви немые жалобы,
А тут не слезы, а угрозы,
А то и слез не стало бы.

Те укрощали жизни волны,
Светили мирным счастьем,
А эти бурных молний полны
И дышат самовластьем.

Но увлекательно, как младость,
Их юное могущество,
О! я б за них дал славу, радость
И всё души имущество.

Любил я очи голубые,
Теперь влюбился в черные,
Хоть эти сердцу не родные,
Хоть эти непокорные.

542. Дева [\[547\]](#)

Как мила ее головка
В белом облаке чалмы!
Как пристало ей раздумье
В томный час вечерней тьмы!
Как роскошно алой тканью
Обрисован гибкий стан!
Скажешь: розами одета,
Скажешь: гость волшебных стран.
А глаза — живые звезды —
Что за нега и краса:
В них сквозь влагу брызжут искры.
Сквозь огонь блестит роса.
Это гурия [\[548\]](#) пророка,
Предвещающая рай;
О гяур [\[549\]](#)! Гляди на деву
И желанием сгорай!

ЕВГЕНИЙ ГРЕБЕНКА

(1812–1648)

543. Черные очи [\[550\]](#)

Очи черные, очи страстные!
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час!

Ох, не даром вы глубины темней!
Вижу траур в вас по душе моей,
Вижу пламя в вас я победное:
Сожжено на нем сердце бедное.

Но не грустен я, не печален я,
Утешительна мне судьба моя:
Все, что лучшего в жизни бог дал нам,
В жертву отдал я огненным глазам!

544. Песня («Молода еще девица я была...»)[551]

Молода еще девица я была,
Наша армия в поход куда-то шла.

Вечерело. Я стояла у ворот —
А по улице всё конница идет.

К воротам подъехал барин молодой,
Мне сказал: «Напой, красавица, водой!»

Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал...

Он уехал... Долго я смотрела вслед:
Жарко стало мне, в очах мутился свет,

Целу ноченьку мне спать было невмочь.
Раскрасавец барин снился мне всю ночь.

Вот недавно — я вдовой уже была,
Четырех уж дочек замуж отдала —

К нам заехал на квартиру генерал...
Весь простреленный, так жалобно стонал...

Я взглянула — встрепенулася душой:
Это он, красавец барин молодой!

Тот же голос, тот огонь в его глазах,
Только много седины в его кудрях.

И опять я целу ночку не спала,
Целу ночку молодой опять была.

АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ

(1822–1864)

545. «Нет, за тебя молиться я не мог...» [\[552\]](#)

Нет, за тебя молиться я не мог,
Держа венец над головой твоею.
Страдал ли я, иль просто изнемог,
Тебе теперь сказать я не умею, —
Но за тебя молиться я не мог.

И помню я — чела убор венчальный
Измять венцом мне было жаль: к тебе
Так шли цветы... Усталый и печальный
Я позабыл в то время о мольбе
И все берег чела убор венчальный.

За что цветов тогда мне было жаль —
Бог ведает: за то ль, что без расцвета
Им суждено погибнуть, за тебя ль —
Не знаю я... в прошедшем нет ответа...
А мне цветов глубоко было жаль...

546. К *** («Мой друг, в тебе пойму я много...»)

Мой друг, в тебе пойму я много,
Чего другие не поймут,
За что тебя так судит строго
Неугомонный мира суд...
Передо мною, из-за дали
Минувших лет, черты твои
В часы суда, в часы печали
Встают в сиянии любви,
И так небрежно, так случайно
Спадают локоны с чела
На грудь, трепещущую тайно
Предчувствием добра и зла...
И в робкой деве влагой томной
Мечта жены блестит в очах,
И о любви вопрос нескромный
Стыдливо стынет на устах...

547. «Тихо спи, измученный борьбою...» [\[553\]](#)

Тихо спи, измученный борьбою,
И проснися в лучшем и ином!
Буди мир и радость над тобою
И покой над гробовым холмом!

Отстрадал ты — вынес испытанье,
И борьбой до цели ты достиг,
И тебе готова за страданье
Степень света ангелов святых.

Он уж там, в той дали светозарной,
Там, где странника бессмертье ждет,
В той стране надзвездной, лучезарной.
В звуках сфер чистейших он живет.

До свиданья, брат, о, до свиданья!
Да, за гробом, за минутой тьмы,
Нам с тобой наступит час свиданья,
И тебя в сияньи узрим мы!

548. «С тайною тоскою...» [\[554\]](#)

С тайною тоскою,
Смертною тоской,
Я перед тобою,
Светлый ангел мой.

Пусть сияет счастье
Мне в очах твоих.
Полных сладострастья,
Темно-голубых.

Пусть душой тону я
В этой влаге глаз,
Все же я тоскую
За обоих нас,

Пусть журчит струею
Детский лепет твой,
В грудь мою тоскою
Льется он одной.

Не тоской стремленья,
Не святой слезой,
Не слезой моленья —
Грешною хулой.

Тщетно на распятье
Обращен мой взор —
На устах проклятье,
На душе укор.

549. «О, говори хоть ты со мной...»

О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!

Вон там звезда одна горит
Так ярко и мучительно,
Лучами сердце шевелит,
Дразня его язвительно.

Чего от сердца нужно ей?
Ведь знает без того она,
Что к ней тоскою долгих дней
Вся жизнь моя прикована...

И сердце ведает мое,
Отравую облитое,
Что я впивал в себя ее
Дыханье ядовитое...

Я от зари и до зари
Тоскую, мучусь, сетую...
Допой же мне — договори
Ты песню недопетую.

Договори сестры твоей
Все недомолвки странные...
Смотри: звезда горит ярчей...
О, пой, моя желанная!

И до зари готов с тобой
Вести беседу эту я...
Договори лишь мне, допой
Ты песню недопетую!

ФЕДОР МИЛЛЕР

(1818–1881)

550. Мне все равно [\[555\]](#)

Мне все равно, страдать иль наслаждаться,
К страданиям я привыкла уж давно.

Готова плакать и смеяться,
Мне все равно!

Мне все равно, враги ли мне найдутся,
Я к клеветам привыкла уж давно.

Пусть бранят, пусть смеются,
Мне все равно!

Мне все равно, сердечная ль награда,
Любовь забыта мной давно,

Меня не любят? И не надо!
Мне все равно!

А. БЕШЕНЦОВ

551. Романс («*Отойди, не гляди...*»)[\[556\]](#)

Отойди, не гляди,
Скройся с глаз ты моих;
Сердце ноет в груди,
Нет сил никаких.
Отойди, отойди!

Мне блаженства с тобой
Не дадут, не дадут;
А тебя с красотой
Продадут, продадут.
Отойди, отойди!

Для меня ли твоя
Красота, — посуди.
Денег нет у меня,
Один крест на груди.
Отойди, отойди!

Иль играть хочешь ты
Моей львиной душой
И всю мощь красоты
Испытать надо мной?
Отойди, отойди!

Нет! с ума я сойду,
Обожая тебя,
Не ручаюсь, убью
И тебя, и себя.
Отойди, отойди!

ИВАН КОНДРАТЬЕВ

(? — 1904)

552. Эти очи — темны ночи [\[557\]](#)

Блеск очей моих знаком
Всем, кто любит черны очи!
Эти очи — темны ночи,
Все идет от них кругом!
Из-под брови погляжу —
Без речей блестят речами!
Захочу — убью очами,
Захочу — приворожу!
 Ой вы, очи, — темь ночей!
 Родилась смуглянкой,
 А без черных без очей
 Не была б цыганкой!

Заглядится новичок,
Захмелеет старый, вялый!
Где ты, бравый да удалый?
Где ты, старый старичок?
Приморгну для новичка,
Принахмурюсь для седого,
Разутешу удалого,
Разуважу старичка!
 Ой вы, очи, — темь ночей!

Разутешу — шевельну,
Кудри русые разглажу!
Разуважу — все налажу,
Стары косточки встряхну!
Жизнь и сила вся моя
Эти очи — темны ночи!
Где те ночи — там и очи,
Где те очи — там и я!
 Ой вы, очи, — темь ночей!
 Родилась смуглянкой,
 А без черных без очей
 Не была б цыганкой!

СЕРГЕЙ САФОНОВ

(1867–1904)

553. «Это было давно... Я не помню, когда это было...» [\[558\]](#)

Это было давно... Я не помню, когда это было...
Пронеслись, как виденья, и канули в вечность года,
Утомленное сердце о прошлом теперь позабыло...
Это было давно... Я не помню, когда это было,
Может быть, никогда...

Я не знаю тебя... После долгой печальной разлуки
Как мне вспомнить твой голос, твой взгляд, очертанья лица
И ласкавшие некогда милые, нежные руки? —
Я не знаю тебя после долгой печальной разлуки,
После слез без конца...

Иногда... иногда, мне сдается, тебя я встречаю
В вихре жизни безумной, в разгаре людской суеты,
Жду тебя и зову, все движенья твои замечаю...
Иногда... иногда, мне сдается, тебя я встречаю,
Но вгляжусь — нет, не ты!..

Это было давно... Я не помню, когда это было...
Но бессонные ночи, но думы... Как жутко тогда,
Как мне хочется счастья, как прошлое близко и мило!..
Это было давно... Я не помню, когда это было...
Но со мной ты всегда!..

М. МЕДВЕДЕВ

554. Нет, не любил он [\[559\]](#)

Он говорил мне: «Будь ты моею!
Страстью объятый, томлюсь я и млею..;
Дай мне надежду, дай упоенье;
Сердце унылое ты освети».
Так лживой речью душу смущал он,
Так лживой речью душу смущал он,
Но не любил он, нет, не любил он,

Нет, не любил он, ах! не любил меня!
Он говорил мне: «Друг ненаглядный,
Ты мне продлишь счастье земное...
Все упование и утешенье,
Все в тебе, милой сердцем со мною».
Страстно речью так заверял он,
Страстно речью так заверял он,
Но не любил он, нет, не любил он,
Нет, не любил он, ах! не любил меня!

Все эти речи сердце сгубили
И пробудили во мне сомненье,
Жизнью шутили, счастья лишили,
Нет мне отрады, нет мне забвенья*
Бедное сердце мне поразил он,
Бедное сердце мне поразил он,
Но не любил он, нет, не любил он,
Нет, не любил он, ах! не любил меня!..

САША МАКАРОВ

555. «Вы просите песен, их нет у меня...» [\[560\]](#)

Вы просите песен, их нет у меня —
На сердце такая немая тоска.
Так скучно, так грустно живется,
Так медленно сердце холодное бьется,
Что с песнями кончить пора.

Новых я песен совсем не пою,
Старые петь избегаю, —
Тревожат они душу больную,
И с ними, ах, с ними
Сильней я страдаю,

Вы просите песен, их нет у меня —
На сердце такая немая тоска.
Так скучно, так грустно живется,
Так медленно сердце холодное бьется,
Что с песнями кончить пора.

К. ПОДРЕВСКИЙ

556. Дорогой длинною («Ехали на тройке с бубенцами...»)[561]

Ехали на тройке с бубенцами,
А вдали мелькали огоньки...
Эх, когда бы мне теперь за вами,
Душу бы развеять от тоски!

Дорогой длинною,
Погодой лунною,
Да с песней той,
Что вдаль летит звеня,
И с той старинною,
Да с семиструнною,
Что по ночам
Так мучила меня.

Да, выходит, пели мы задаром,
Понапрасну ночь за ночью жгли.
Если мы покончили со старым,
Так и ночи эти отошли!

Дорогой длинною...

В даль родную новыми путями
Нам отныне ехать суждено!
Ехали на тройке с бубенцами,
Да теперь проехали давно!

Дорогой длинною...

557. Твои глаза зелёные [\[562\]](#)

Так хочется хоть раз, в последний раз поверить, —
Не всё ли мне равно, что сбудется потом;
Любви нельзя понять, любви нельзя измерить,
Ведь там, на дне души, как в омуте речном.

Пусть эта глубь бездонная,
Пусть эта даль туманная
Сегодня нитью тонкою
Связала нас сама.
Твои глаза зелёные,
Твои слова обманные
И эта песня звонкая
Свели меня с ума.

Проглянет утра луч сквозь запертые ставни,
А всё ещё слегка кружится голова,
В ушах ещё звучит наш разговор недавний,
Как струнный перебор, звучат твои слова.

Пусть эта глубь бездонная...

Не нужно ничего, ни поздних сожалений...
Покоя всё равно мне больше не вернуть.
Так хочется хоть раз, на несколько мгновений,
В речную глубину без страха заглянуть.

Пусть эта глубь бездонная...

М. ПУАРЕ

558. «Я ехала домой, душа была полна...» [\[563\]](#)

Я ехала домой, душа была полна
Не ясным для самой, каким-то новым счастьем.
Казалось мне, что все с таким участием,
С такою ласкою глядели на меня.

Я ехала домой... Двурогая луна
Смотрела в окна скучного вагона.
Далекий благовест заутреннего звона
Пел в воздухе, как нежная струна.

Я ехала домой сквозь розовый вуаль.
Красавица-заря лениво просыпалась,
И ласточка, стремясь куда-то вдаль,
В прозрачном воздухе купалась.

Я ехала домой, я думала о вас,
Тревожно мысль моя и путалась, и рвалась,
Дремота сладкая моих коснулась глаз.
О, если б никогда я вновь не просыпалась...

Н. ШИШКИН

559. «Слушайте, если хотите...» [\[564\]](#)

Слушайте, если хотите,
Песню я вам спою
И в звуках песни этой
Открою всю душу свою.

Мне так отрадно с вами
Носиться над волнами,
Что в безвозвратную даль
Умчаться мне было б не жаль.

И этой тихой ночью,
Когда кругом всё спит,
Не дремлет мое сердце,
Оно сильнее стучит.

В душе же так тревожно.
Боюсь, что невозможно
Еще когда-нибудь
Мне эту ночь вернуть.

И. С

560. «Не гляди, отойди...» [\[565\]](#)

Не гляди, отойди,
Скройся с глаз навсегда,
И признанья не жди
От меня никогда!
Ведь тебе не понять
Моих страстных речей,
Сердца мук не унять
Блеском чудных очей!

Отойди, отойди, отойди!

Нет, я сбился с пути,
Увлекаясь тобой,
Не судьба нам идти
По дороге одной.
Без тебя сам не свой,
Чуть с ума не схожу,
А при встрече с тобой
Я сквозь слезы твержу:

Отойди, отойди, отойди!

ОСКАР СТРОК

561. Черные глаза [\[566\]](#)

Был день весенний. Все, расцветая, ликовало.
Сирень синела, будя уснувшие мечты.
Грусти тогда со мною ты не знала.
Ведь мы любили: для нас цвели цветы.

Ох, эти черные глаза
Меня пленили.
Их позабыть никак нельзя —
Они горят передо мной
Ах, эти черные глаза,
Кто вас полюбит,
Тот потеряет навсегда
И счастье, и покой.

Был день осенний. И листья грустно опадали.
В последних астрах печаль хрустальная жила.
Слезы ты в этот вечер проливала.
Но не любила. Со мной прощалась ты.

Ох, эти черные глаза
Меня пленили.
Их позабыть никак нельзя —
Они горят передо мной.
Ах, эти черные глаза
Меня любили.
Куда же скрылись вы теперь?
Кто близок вам другой?..

М. ЛАХТИН

562. И льется песня [\[567\]](#)

Веселой вольною толпою
Цыгане табором идут.
Всегда гитара под рукою,
Всегда играют и поют.

И льется песня
Свободно, звонко,
И вдаль уносит
Лихой напев.
Цыган играет,
Поет цыганка.
И вторят им
Все таборный напев.

В селенье вдоль степной дороги
Цыганку парень полюбил.
И сердце, полное тревоги,
В один огонь слезами слил.

И льется песня...

Но завтра с первыми лучами
Они уйдут гурьбою вдаль.
И моя песня за возами
Тогда в нем вызовет печаль.

И льется песня...

В. МАКОВСКИЙ

563. Прощай, мой табор [\[568\]](#)

Цыганский быт и нравы стары,
Как песни те, что мы поем.
Под рокот струн, под звон гитары,
Жизнь прожигая, зря живем.
Прощаюсь нынче с вами я, цыгане,
И к новой жизни ухожу от вас,
Не вспоминайте меня, цыгане!
Прощай, мой табор, пою в последний раз!
Цыганский табор покидаю.
Довольно мне в разгуле жить!
Что в новой жизни ждет меня, не знаю,
А в прошлой не о чем тужить.
Сегодня весел с вами я, цыгане,
А завтра нет меня — совсем уйду от вас...
Не вспоминайте меня, цыгане!
Прощай, мой табор, пою в последний раз!

Неизвестные авторы

564. «Гори, гори, моя звезда...» [\[569\]](#)

Гори, гори, моя звезда,
Гори, звезда приветная.
Ты у меня одна заветная;
Других не будь хоть никогда.

Сойдет ли ночь на землю ясная,
Звезд много блещет в небесах.
Но ты одна, моя прекрасная,
Горишь в отрадных мне лучах.

Звезда надежды благодатная,
Звезда любви, волшебных дней.
Ты будешь вечно незакатная
В душе тоскующей моей.

Твоих лучей небесной силою
Вся жизнь моя озарена.
Умру ли я, ты над могилою
Гори, гори, моя звезда!

565. «Расставаясь, она говорила...» [\[570\]](#)

Расставаясь, она говорила:
«Не забудь ты меня на чужбине,
Одного лишь тебя я любила,
И любовь берегла как святыню.
Одному лишь тебе говорила я
О любви бесконечные речи.
Лишь тебе одному позволяла я
Целовать свои смуглые плечи.
Для тебя одного не страшусь я
Покраснеть перед миром суровым.
Для тебя одного лишь солгу я
И слезой, и улыбкой, и словом».

566. «Везде и всегда за тобою...» [\[571\]](#)

Везде и всегда за тобою,
Как призрак, я тихо брожу,
И с тайною думой порою
Я в чудные очи гляжу.

Полны они негой и страстью,
Они так приветно глядят,
И сколько любви, сколько счастья
Они мне порою сулят.

Быть может, и время настанет,
С тобою не будет меня,
И в очи те чудные станет
Смотреться другой, а не я.

Другому приветно заблещут
Твои огневые глаза...
Как вспомню их, сердце трепещет
И тихо струится слеза.

567. Милая [\[572\]](#)

Милая,
Ты услышь меня,
Под окном стою
Я с гитарою!
 Так взгляни ж на меня
 Хоть один только раз,
 Ярче майского дня
 Чудный блеск твоих глаз!

Ночь тиха была,
Соловьи поют,
Чудный запах роз
Всюду носится...
Мы гуляем с тобой,
Луна светит на нас
И в лазурной воде
Отражается!
 Так взгляни ж на меня...

568. «Солнце всходит и заходит...» [\[573\]](#)

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно.
Дни и ночи часовые,
Да э-эх!
Стерегут мое окно.

Как хотите стерегите,
Я и так не убегу,
Мне и хочется на волю,
Да э-эх!
Цепь порвать я не могу.

Ах! вы цепи, мои цепи,
Вы железны сторожа!
Не сорвать мне, не порвать вас.
Да э-эх!
Истомилась вся душа.

Солнца луч уж не заглянет,
Птиц не слышны голоса,
Как цветок и сердце вянет,
Да э-эх!
Не глядели бы глаза!

569. Колечко [\[574\]](#)

Потеряла я колечко, потеряла я любовь,
А по этом по колечке буду плакать день и ночь.
Где девался тот цветочек, что долину украшал,
Где мой миленький дружок, что словами обольщал?

Обольстил милый словами, он уверил навсегда:
«Не плачь, девица, слезами, — будешь вечно ты моя».
Мил уехал и оставил мне малютку на руках,
Как взгляну я на малютку, так слезами и зальюсь:
Чрез тебя, моя малютка, пойду в море утоплюсь.
А тебя, мой злой мучитель, я навеки прокляну.

Долго русою косою трепетала по волне,
Правой рученькой махала — прощай, миленький, прощай!
Ни на что так не взирала, как на этот темный бор.
Ни о ком так не страдала, как о миленьком своем.

570. «Белой акации гроздь душистые...» [\[575\]](#)

Белой акации гроздь душистые
Вновь аромата полны,
Вновь разливается песнь соловьиная
В тихом сиянии чудной луны!

Помнишь ли лето: под белой акацией.
Слушали песнь соловья?..
Тихо шептала мне чудная, светлая:
«Милый, поверь мне!.. навек твоя».

Годы давно прошли, страсти остыли.
Молодость жизни прошла,
Белой акации запаха нежного,
Верь, не забыть мне уже никогда...

Городской романс

I [\[576\]](#)

Д. ЛЕНСКИЙ

(1805–1860)

571. Нищая [\[577\]](#)

(Из Беранже)

Зима, метель, и в крупных хлопьях
При сильном ветре снег валит.
У входа в храм одна, в отрепьях,
Старушка нищая стоит...
И милостыни ожидая,
Она все тут с клюкой своей,
И летом, и зимой, слепая...
Подайте ж милостыню ей!

Сказать ли вам, старушка эта
Как двадцать лет тому жила!
Она была мечтой поэта,
И слава ей венки плела.
Когда она на сцене пела,
Париж в восторге был от ней.
Она соперниц не имела...
Подайте ж милостыню ей!

Бывало, после представленья
Ей от толпы проезда нет.
И молодежь от восхищенья
Гремела «браво» ей вослед.
Вельможи случая искали
Попасть в число ее гостей;
Талант и ум в ней уважали.
Подайте ж милостыню ей!

В то время торжества и счастья
У ней был дом; не дом — дворец.
И в этом доме сладострастья
Томились тысячи сердец.
Какими пышными хвалами
Кадил ей круг ее гостей —

При счастье все дружатся с нами;
Подайте ж милостыню ей!

Святая воля провиденья...
Артистка сделалась больна,
Лишилась голоса и зренья
И бродит по миру одна.
Бывало, бедный не боится
Прийти за милостыней к ней,
Она ж у вас просить стыдится...
Подайте ж милостыню ей!

Ах, кто с такою добротою
В несчастье ближним помогал,
Как эта нищя с клюкою,
Когда амур ее ласкал!
Она все в жизни потеряла!
О! Чтобы в старости своей
Она на промысл не роптала,
Подайте ж милостыню ей!

НИКОЛАЙ ДОБРОЛЮБОВ

(1836–1861)

572. Прелестные глазки [\[578\]](#)

(Из Гейне)

У тебя есть алмазы и жемчуг, —
Все, что люди привыкли искать,
Да еще есть прелестные глазки...
Милый друг, чего больше желать?

Я на эти прелестные глазки
Выслал целую стройную рать
Звучных песен из жаркого сердца,
Милый друг, чего больше желать?

Эти чудные глазки на сердце
Наложили мне скорби печать,
От них я совсем погибаю,
Милый друг, чего ж больше желать?

НИКОЛАЙ РИТТЕР

573. Ямщик, не гони лошадей! [\[579\]](#)

Как грустно, туманно кругом,
Тосклив, безотраден мой путь,
А прошлое кажется сном,
Томит наболевшую грудь!

Ямщик, не гони лошадей!
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить,
Ямщик, не гони лошадей!

Как жажду средь мрачных равнин
Измену забыть и любовь,
Но память, мой злой властелин,
Все будит минувшее вновь.

Ямщик, не гони лошадей.

Всё было лишь ложь и обман...
Прощай, и мечты и покой!
А боль незакрывшихся ран
Останется вечно со мной.

Ямщик, не гони лошадей...

ТАТЬЯНА ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК

(1874–1952)

574. «Говорят, я мила...» [\[580\]](#)

Говорят, я мила... Говорят, что мой взгляд
То голубит, то жжет, как огнем.
Звонкий смех мой весельем звучит, говорят...
Ты не любишь? Так что же мне в нем!

Говорят, небеса вдохновенье дарят
Часто музе капризной моей.
Моя жизнь для людей дорога, говорят...
Ты не любишь? Так что же мне в ней!

575. «Ах, я влюблен в глаза одни...» [\[581\]](#)

Ах, я влюблен в глаза одни,
Я увлекаюсь их игрою...
Как дивно хороши они,
Но чьи они, я не открою.

Едва в тени густых ресниц
Блеснут опасными лучами,
И я упасть готов уж ниц
Перед волшебными очами.

В моей душе растет гроза,
Растет, тоскуя и ликуя.
Да, я влюблен в одни глаза,
Но чьи они, не назову я...

В одни глаза я влюблена,
Как хороша их глубина,
Упасть готова ниц
Я влюблена.

АЛЕКСАНДР ВЕРТИНСКИЙ

(1889–1957)

576. Сероглазочка [\[582\]](#)

Я люблю вас, моя сероглазочка,
Золотая ошибка моя.
Вы вечерняя жуткая сказочка,
Вы цветок на картине Гойя.

Я люблю ваши пальцы старинные
Католических строгих мадонн,
Ваши волосы сказочно длинные
И надменно ленивый поклон.

Так естественно, просто и ласково
Вы, какую-то месть затая,
Мою душу опутали сказкою,
Сумасшедшею сказкой Гойя.

Под напев ваших слов летаргических
Умереть так легко и тепло.
В этой сказке, смешной и трагической.
И конец, и начало светло!..

Я люблю ваши руки усталые,
Как у только что снятых с креста,
Ваши детские губы коралловые
И углы оскорбленного рта.

Я люблю этот блеск интонации,
Этот голос, звенящий хрусталь,
И головку цветущей акации,
И в словах голубую вуаль.

577. Минуточка [\[583\]](#)

Ах, солнечным, солнечным маем,
На пляже встречаясь тайком,
С Лу-лу мы, как дети, мечтаем,
Мы солнцем пьяны, как вином.

У моря, за старенькой будкой,
Лу-лу обезьянкой шалит,
Меня называет «Минуткой»
И мне постоянно твердит:

Ну, погоди, ну, погоди, Минуточка,
Ну, погоди, мой мальчик пай,
Ведь любовь наша только шуточка,
Это выдумал глупый май!..

Мы в августе горе скрываем,
И в парке встречаясь тайком,
С Лу-лу мы, как дети, рыдаем
Холодным и пасмурным днем.

Я плачу, как глупый ребенок.
И, голосом милым звеня,
Ласкаясь ко мне, как котенок,
Лу-лу утешает меня:

Ну, погоди, ну, не плачь, Минуточка
Да ну, не плачь, мой мальчик пай!
Твои слезы ведь тоже шуточка,
Это выдумал глупый май!..

578. Маленькая балерина [\[584\]](#)

Я маленькая балерина...
Всегда нема, всегда нема.
И скажет больше пантомима,
Чем я сама.

И мне сегодня за кулисы
Прислал король
Влюбленно-бледные нарциссы
И лак-фиоль.

И, затаив бессилье гнева,
Полна угроз,
Мне улыбнулась королева
Улыбкой слез.

А дома, в маленькой коморке.
Больная мать
Мне будет бальные оборки
Перешивать.

И будет штопать, замирая,
Мое трико.
И будет думать, засыпая,
Что мне легко.

Но знает мокрая подушка,
В тиши ночей,
Что я усталая игрушка
Больших детей.

579. Прощальный ужин [\[585\]](#)

Сегодня томная луна,
Как пленная царевна,
Грустна, задумчива, бледна
И безнадежно влюблена.
Сегодня музыка больна,
Едва звучит напевно.
Она по-прежнему нежна,
Но холодна безмерно.

Сегодня наш последний день
В приморском ресторане.
Упала на террасу тень,
Зажглись огни в тумане.
Отлив лениво ткет по дну
Узоры пенных кружев.
Мы пригласили тишину
На наш прощальный ужин.

Благодарю вас, милый друг,
За тайные свиданья,
За неизменные слова
В минуты расставанья.
Они, как яркие огни,
Горят в моем ненастье.
О, эти золотые дни
Украденного счастья.

Благодарю вас за любовь,
Похожую на муку,
За то, что вы мне дали вновь
Изведать боль разлуки,
За упоительную власть
Пленительного тела,
За ту божественную власть,
Что в нас обоих пела.

Я подымаю свой бокал
За неизбежность смены,
За ваши новые пути
И новые измены.
Я не завидую тому,
Кто вас там ждет, тоскуя.
За возвращение к нему
Бокал свой молча пью я.

Я знаю, я совсем не тот,
Кто вам для счастья нужен.
А он — иной... Но пусть он ждет,
Пока мы кончим ужин.

Я знаю, даже кораблям
Необходима пристань,
Но не таким, как мы, — не нам,
Бродягам и артистам!

580. Доченьки [\[586\]](#)

У меня завелись ангелята,
Завелись среди белого дня.
То, над чем я смеялся когда-то,
Все теперь восхищает меня.

Жил я шумно и весело, каюсь.
Но жена все к рукам прибрала.
Совершенно со мной не считаясь,
Мне двух дочек она родила.

Я был против... Начнутся пеленки.
Для чего свою жизнь осложнять?
Но залезли мне в сердце девчонки,
Как котята в чужую кровать.

И теперь с новым смыслом и целью
Я, как птица, гнездо свое вью.
И порою над их колыбелью
Сам себе удивленно пою:

Доченьки, доченьки,
Доченьки мои,
Где ж вы, мои ноченькк,
Где вы, соловьи?!

Много русского солнца и света
Будет в жизни дочурок моих.
И, что самое главное, это
То, что Родина будет у них.

Будет дом, будет много игрушек.
Мы на елку повесим звезду.
Я каких-нибудь добрых старушек
Специально для них заведу.

Чтобы песни им русские пели,
Чтобы сказки ночами плели,
Чтобы тихо года шелестели,
Чтобы детство забыть не могли.

Правда, я постарею немного.
Но душой буду юн, как они,
И просить буду доброго бога,
Чтоб продлил мои грешные дни.

Вырастут доченьки,
Доченьки мои.
Будут у них ноченьки,

Будут соловьи.

А закроют доченьки
Оченьки мои,
Мне споют на кладбище
Те же соловьи.

А. ДЮБЮК

581. Не лукавьте [\[587\]](#)

Моя душечка, моя ласточка,
Взор суровый свой прогони.
Иль не видишь ты, как измучен я?!
Пожалей меня, не гони!

Не лукавьте, не лукавьте!
Ваша песня не нова.
Ах, оставьте, ах, оставьте!
Все слова, слова, слова...

Моя душечка, моя ласточка,
Я нашел в тебе, что искал.
Пожалей меня, не гони меня,
Как измучен я и устал.

Не лукавьте, не лукавьте...

Ты любовь моя, ты вся жизнь моя,
За тебя весь мир я б отдал.
Верь мне, милая, верь, желанная, —
Никогда я так не страдал.

Не лукавьте, не лукавьте...

В. ШУМСКИЙ

582. Отцвели хризантемы [\[588\]](#)

В том саду, где мы с вами встретились,
Ваш любимый куст хризантем расцвел,
И в моей груди расцвело тогда
Чувство яркое нежной любви.

Отцвели уж давно
Хризантемы в саду,
Но любовь всё живет
В моем сердце больном.

Опустел наш сад, вас давно уж нет,
Я брожу один весь измученный,
И невольные слезы катятся
Пред увядшим кустом хризантем...

Отцвели уж давно...

С. КАСАТКИН

583. «Я не вернусь, душа дрожит от боли...» [\[589\]](#)

Я не вернусь, душа дрожит от боли,
Я страсти призраком, поверь, не обманусь...
Достойным быть мне хватит силы воли,
Ты так и знай, я не вернусь.

В чужом краю, ко всем страстям холодный,
Страдальцем дни скорей влачить решусь.
Оковы прочь, хочу я быть свободным.
О, не зови, я не вернусь.

Не посылай своих мне писем милых,
Я этих строк любви, лукавых строк боюсь.
Не обещай, чего ты дать не в силах,
Да-да, мой друг, я не вернусь.

Ведь я ушел, тебя не проклиная,
А сделать зла тебе не соглашусь.
Покоя ждет душа моя больная.
О, пощади... Я не вернусь.

М. ПЕРРОТЕ

584. Он виноват [\[590\]](#)

Не говорите мне о нем:
Еще бывшее не забыто;
Он виноват один во всем,
Что сердце бедное разбито.

Ах! Не говорите мне о нем,
Не говорите мне о нем.

Он виноват, что я грустна,
Что верить людям перестала,
Что сердцем я совсем одна,
Что молодой я жить устала.

Ах! Не говорите мне о нем,
Не говорите мне о нем.

Зачем напомнили о нем:
Былые дни уж не вернуться.
Все в прошлом, прошлое все в нем,
Вот потому и слезы льются.

Ах! Не говорите мне о нем,
Не говорите мне о нем.

Б. ТИМОФЕЕВ

585. Эй, друг гитара! [\[591\]](#)

В жизни все неверно и капризно,
Дни бегут, никто их не вернет.
Нынче праздник, завтра будет тризна,
Незаметно старость подойдет.

Эй, друг гитара,
Что звенишь несмело,
Еще не время плакать надо мной, —
Пусть жизнь прошла, все пролетело,
Осталась песня, песня в час ночной!

Эти кудри дерзко золотые,
Да увяли в белой седине,
Вспоминать те годы молодые
Будем мы с тобой наедине.

Эй, друг гитара...

Где ты, юность, без конца без края,
Отчего так быстро пронеслась,
Неужели, скоро умирая,
Мне придется спеть в последний раз:

Эй, друг гитара...

Е. ЮРЬЕВ

586. Зачем любить, зачем страдать [\[592\]](#)

Уйди, уйди! К чему мольбы и слезы.
К мольбам любви как лед я холодна!
Я дочь полей и, как поэта грезы,
Капризна я, изменчива, вольна.

Напрасно ты с горячею мольбою
К моей груди, мой бедный друг, прильнешь...
Твоих страданий я не успокою,
Со мною счастья, знай, ты не найдешь.

Зачем, зачем любить? Зачем страдать?
Хочу я вольной жить, лишь песни распевать!
Пусть в шутках и цветах сон жизни пролетит;
Пусть песня на устах свободою звучит!

Луна в выси над спящим садом светит:
Любовью дышит эта ночь вокруг...
Но в этом сердце отклика не встретит
Любви призыв, мой нежный, бедный друг!

Была пора, и я ждала свиданья,
И сердце билось трепетно в груди...
Но всё прошло... Оставь свои признанья!
Уйди, забудь, мой бедный друг, уйди!

Е. ДИТЕРИКС

587. Звезды на небе [\[593\]](#)

Снился мне сад в подвенечном уборе,
В этом саду мы с тобою вдвоем.
Звезды на небе, звезды на море,
Звезды и в сердце моем.

Листьев ли шепот иль ветра порывы
Чуткой душою я жадно ловлю.
Взоры глубоки, уста молчаливы:
Милый, о милый, люблю.

Тени ночные плывут на просторе,
Счастье и радость разлиты кругом.
Звезды на небе, звезды на море,
Звезды и в сердце моем.

А. КУСИКОВ

588. Бубенцы [\[594\]](#)

Сердце будто проснулось пугливо,
Пережитого стало мне жаль;
Пусть же кони с распущенной гривой
С бубенцами умчат меня вдаль.

Слышу звон бубенцов издалика —
Этой тройки знакомый разбег,
А вокруг расстелился широко
Белым саваном искристый снег.

Звон бубенчиков трепетно может
Воскресить позабытую тень,
Мою русскую душу встревожить
И встряхнуть мою русскую лень.

Слышу звон бубенцов издалика...

А. ФРЕНКЕЛЬ

589. Тени минувшего [\[595\]](#)

Уйди и навеки забудь,
Дороги у нас разошлись;
Устал я, хочу отдохнуть,
Пойми и без гнева простишь.

Тени минувшего, счастья уснувшего
Снова, как призраки, встают предо мной...

Один я блуждаю опять,
Как странник в чужой стороне.
Мне некого больше обнять,
Молиться уж некому мне.

Тени минувшего...

ОСКАР ОСЕНИН

590. Довольно!

Прощай, я уйду надолго, навсегда...
Обоим нам с тобой быть вместе слишком больно.
И ты меня, мой друг, не спрашивай куда —
Я уйду совсем... Довольно слез. Довольно!

Давай поговорим без боли и тоски.
И, может быть, хоть миг повторится невольно.
Но только ты меня остаться не проси...
Я уйду совсем... Довольно слез. Довольно!

Одно тебе сказать, прощаясь, я должна:
Пусть робкая душа судьбою недовольна,
Тебя я все равно любить осуждена...
Я уйду... Совсем. Довольно слез. Довольно!

М. ПОЙГИН

591. «Не уходи, не покидай!..»

Не уходи, не покидай!
Ведь жизнь моя, как ночь, темна...
И хоть немного приласкай...
Ты видишь, я совсем одна.

О, вернись ко мне, мой милый,
Счастье вновь мне возврати.
И, как прежде, в поцелуе
Мне блаженство подари!

Нет никого, кто б пожалел,
Развеял мрак души моей.
И словом ласковым согрел,
Спугнул тоску тяжелых дней.

О, вернись ко мне, мой милый...

Лишь ты один меня любил
И называл своей мечтой.
Минуты счастья мне дарил,
Отрадно было так с тобой!

О, вернись ко мне, мой милый...

Но страсть прошла — и ты чужой,
Тебя томит любовь моя.
Ты разлюбил — но всё ж ты мой,
Как я всегда навек твоя!

О, вернись ко мне. мой милый...

Н. ЛИСТОВ

592. «Я помню вальса звук прелестный...» [\[596\]](#)

Я помню вальса звук прелестный
Весенней ночью в поздний час,
Его пел голос неизвестный,
И песня чудная лилась.

Да, то был вальс прелестный, томный,
Да, то был дивный вальс!

Теперь зима, и те же ели
Покрыты сумраком стоят,
А под окном шумят метели,
И звуки вальса не звучат...

Где ж этот вальс старинный, томный,
Где ж этот дивный вальс!

Б. БОРИСОВ

593. «Я помню день! Ах, это было счастье!..» [\[597\]](#)

Я помню день! Ах, это было счастье!
С тобою первый раз мы встретились вдвоем...
То было осенью в холодный день ненастья,
Но мы весны уж лучшей не найдем!
Да, мы весны уж лучшей не найдем!

Я помню день! Прекрасный день весенний¹
Но расставались мы с тобою навсегда...
И на душе тоскливый гнет осенний...
Не знать весны б нам этой никогда!
Не знать весны б нам этой никогда!

Прошли года... Мы встретились с тобою...
Во мне угасла страсть, ты холодна, как лед.
И на твоих, и на моих сединах
Никто следа любви уж не найдет.

Д. МИНАЕВ

594. «Я знал ее милым ребенком когда-то...» [\[598\]](#)

Я знал ее милым ребенком когда-то.
Однажды, тогда ей десятый был год,
Она свою куклу случайно разбила
И плакала целую ночь напролет.
Промчалось, как ясное облако, детство,
И как изменилась подруга моя!
Она мое сердце разбила на части,
Но плакал об этом один только я!

Г. ЛИШИН

595. «О, если б мог выразить в звуке...» [\[599\]](#)

О, если б мог выразить в звуке
Всю силу страданий моих,
В душе моей стихли бы муки
И ропот сомненья затих!

И я б отдохнул, дорогая,
Страдание высказав все,
Заветному звуку внимая,
Разбилось бы сердце мое.

ЧЕРВИНСКИЙ

596. Не верь! [\[600\]](#)

Рождались звезды, зорька догорала,
Умолкло море, роща задремала.
От знойных грез кружилась голова.
Немая ночь меня околдовала,
Я говорил безумные слова.

Я был измучен долгим ожиданьем,
И ты пришла, и я молчать не мог...
Не верь, дитя, ни взглядам, ни признаньям!
Сожжет своим дыханьем
Моя любовь твой розовый венок.

Т. КОТЛЯРЕВСКАЯ

597. «О, позабудь былые увлечения...» [\[601\]](#)

О, позабудь былые увлечения,
Уйди, не верь обману красоты;
Не разжигай минувшие мученья,
Не воскрешай уснувшие мечты!..

Не вспоминай о том, что позабыто, —
Уж я не та, что некогда была!
Всему конец! Прошедшее разбито!..
Огонь потух и не дает тепла!..

Пойми меня! Пойми, что безнадежно
Я откажусь от милых светлых грез,
Чтоб дать тебе изведать безмятежной
Святой любви, отрадных чистых слёз.

Не в силах жить без бурь и без тревоги,
Идти с тобой по новому пути, —
Я брошу всё, сойду с твоей дороги!
Забудь меня, пойми и всё прости!..

598. «Завеса спущена! Не надо притворяться!..» [\[602\]](#)

Завеса спущена! Не надо притворяться!
Окончен жизни путь, бесцельный и пустой!
Нет сил надеяться, нет сил сопротивляться,
Настал расплаты час с бездушною судьбой!

Зачем же с прежнею мучительной тоскою
Сомненья прошлых дней закрались в сердце вновь?
И вместо нового, желанного покоя
Волненья старые, тревога и любовь!

Л. ЖАДЕЙКО

599. «Я тебя с годами не забыла...» [\[603\]](#)

Я тебя с годами не забыла,
Разлюбить в разлуке не могла,
Много жизни для тебя сгубила,
Много слёз горючих пролила.

Клеветой и речью ядовитой
Сколько раз в толпе передо мной
Осуждён бывал ты без защиты,
Я одна грустила над тобой.

За тебя вступиться я не смела,
Я себе боялась изменить.
И, склонивши голову, бледнела
Да слезу старалась утаить...

В. ЛЕНСКИЙ

600. «Вернись, я все прощу: упреки, подозренья...» [\[604\]](#)

Вернись, я все прощу: упреки, подозренья,
Мучительную боль невыплаканных слез,
Укор речей твоих, безумные мученья,
Позор и стыд твоих угроз.

Я упрекать тебя не стану — я не смею:
Мы так недавно, так нелепо разошлись.
Ведь ты любил меня и я была твоею!
Зачем, зачем же ты ушел? Вернись!

О, сколько, сколько раз вечернею порою
В запущенном саду на каменной скамье
Рыдала я, забытая тобою,
О милом, дорогом, о розах, о весне.

Я счастье прошлое благословляю.
О, если бы мечты мои сбылись!
Ведь я люблю тебя, люблю и проклинаяю!
Отдай, отдай мне снова жизнь, вернись!

Н. ЛЕНСКИЙ

601. Но я вас все-таки люблю

Вы мной играете, я вижу,
Смешна для вас любовь моя,
Порою я вас ненавижу,
На вас молюсь порою я...
Вас позабыть не зная средства,
Я сердцем искренно скорблю;
Хоть в вас царит одно кокетство,
Но я вас все-таки люблю.

Немало душ вы погубили.
Но это вам не все ль равно?
Ах! Никогда вы не любили,
И вам любить не суждено.
Надежда мне лишь утешенье,
Да, я надеюсь и терплю.
Бездушны вы — в том нет сомненья,
Но я вас все-таки люблю.

Наступит время, может статья,
К вам в сердце вкрадется любовь.
Вы перестанете смеяться,
И страсть взволнует вашу кровь.
Терзанья ваши сознавая,
Свои мученья искуплю...
Я вам таких же мук желаю,
Но я вас все-таки люблю.

ЛЕВ ПЕНЬКОВСКИЙ

602. Мы только знакомы [\[605\]](#)

Спокойно и просто я встретился с вами,
В душе зажила уже старая рана.
Но пропасть разрыва легла между нами:
Мы только знакомы. Как странно...

Как странно все это: совсем ведь недавно
Была наша близость безмерна, безгранна,
А ныне, ах, ныне быломu не равно:
Мы только знакомы. Как странно...

Завязка ведь — сказка. Развязка — страданье.
Но думать все время о нем неустанно
Не стоит, быть может. Зачем? До свиданья.
Мы только знакомы. Как странно...

М. ЯЗЫКОВ

603. Ночь светла [\[606\]](#)

Ночь светла. Над рекой
Тихо светит луна.
И блестит серебром
Голубая волна.
Темный лес... Там в тиши
Изумрудных ветвей
Звонких песен своих
Не поет соловей.

Под луной расцвели
Голубые цветы.
Они в сердце моем
Пробудили мечты.
К тебе грёзой лечу,
Твое имя шепчу.
Милый друг, нежный друг,
По тебе я грущу.

Ночь светла. Над рекой
Тихо светит луна.
И блестит серебром
Голубая волна.
В эту ночь при луне
На чужой стороне,
Милый друг, нежный друг,
Помни ты обо мне.

МЕДВЕДСКИЙ

604. «И тихо, и ясно...» [\[607\]](#)

(Из М. Иозефовича)

И тихо, и ясно, и пахнет сиренью,
И где-то звенит соловей.
И веет мечтательно сладкою ленью
От этих широких аллей.

Река чуть трепещет холодной сталью,
Не в силах мечты превозмочь.
И дышит любовью, и дышит печалью
Весенняя страстная ночь.

П. БАТОРИН

605. У камина [\[608\]](#)

Ты сидишь одиноко и смотришь с тоской,
Как печально камин догорает,
И как пламя то в нем так и вспыхнет порой,
То бессильно опять угасает.

Ты грустишь всё о чём? Не о прошлых ли днях,
Полных неги, любви и приветов?
Так чего же ты ищешь в сгоревших углях?
О, тебе не найти в них ответа...

Подожди еще миг, и не будет огня,
Что тебя так ласкали и грели,
И останется груда лишь черных углей,
Что сейчас догореть не успели.

О, поверь, ведь любовь — это тот же камин,
Где сгорают все лучшие грезы...
А погаснет любовь — в сердце холод один,
Впереди же страданья и слезы.

А. СУРИН

606. Нет, нет, не хочу [\[609\]](#)

Разлюбила и довольно,
Истрадалась я душой.
До сих пор и сердцу больно,
Вы играли лишь со мной!

Нет, нет, не хочу!
Ничего я не хочу!

Не клянитесь — всё напрасно,
Не открою я души.
Я любила пылко, страстно,
Но рыдала лишь в тиши.

Нет, нет, не хочу!
Ничего я не хочу!

Я счастлива лишь мечтаньем,
Призрак прошлого ловлю:
Вспоминаю ночь, свиданье...
Но уж вновь не полюблю!

Нет, нет, не хочу!
Ничего я не хочу!

М. ГАЛЬПЕРИН

607. Ветка сирени [\[610\]](#)

У вагона я ждал, расставаясь с тобой,
Полный грусти прощальных мгновений,
И в мечтах о былом, вся душою со мной,
Ты мне бросила ветку сирени.

Резкий голос звонка нас от дум оторвал,
Налетели потоки сомнений.
И, тебе глядя вслед, весь в слезах целовал
Я прощальную ветку сирени...

Поезд где-то исчез в серой дымке вдали,
Проплывали вечерние тени,
И бесцельно я брел по дороге в пыли
С одинокою веткой сирени.

Я вернулся к себе... Этот вечер унёс
Все надежды, всю радость стремлений...
В эту ночь отцвела от объятий и слез
Истомленная ветка сирени...

ПАВЕЛ ГЕРМАН

608. Только раз [\[611\]](#)

День и ночь роняет сердце ласку,
День и ночь кружится голова,
День и ночь взволнованною сказкой
Мне звучат твои слова:

Только раз бывают в жизни встречи,
Только раз судьбою рвется нить,
Только раз в холодный серый вечер
Мне так хочется любить.

Тает луч забытого заката,
Синевой окутаны цветы.
Где же ты, желанная когда-то,
Где, во мне будившая мечты?

Только раз бывают в жизни встречи,
Только раз судьбою рвется нить,
Только раз в холодный серый вечер
Мне так хочется любить.

609. Не надо встреч

Узор судьбы чертит неслышный след:
Твое лицо я вижу вновь так близко;
И веет вновь дыханьем прошлых лет
Передо мной лежащая записка:

Не надо встреч... Не надо продолжать...
Не нужно слов, клянусь тебе, не стоит!
И если вновь больное сердце ноет,
Заставь его застыть и замолчать!

Ведь мне знаком, мучительно знаком,
Твой каждый жест, законченный и грубый,
Твоей души болезненный излом,
И острый взгляд, и чувственные губы...

Не надо встреч.

Я не хочу былого осквернить
Игрою чувств минутного возврата.
Что было раз — тому уже не быть,
Твоей рукой все сорвано и смято...

Не надо встреч...

610. Все позабудется [\[612\]](#)

Куда я ни приду, нарушен мой покой,
На улице, в толпе, причудливо и странно.
Разорванной каймой неясного тумана
Обрывки прошлых лет встают передо мной.

Мне твой голос чудится.
Сердце жаждет речи...
Вернись! Все позабудется
При первой нашей встрече.

Я вспоминаю сад... А за рекою даль,
Синеющую даль, затянутую дымкой...
А где-то вдалеке, скользящей невидимкой,
Как отзвук прежних дней, взволнованный рояль.

Мне твой голос чудится...

Пусть это только сон... Пусть это только звук,
Неуловимый звук далекого былого.
Но все же каждый миг он долетает снова
И снова, как во сне, мой незабытый друг.

Мне твой голос чудится...

Я. ЯДОВ

611. Смейся, смейся громче всех [\[613\]](#)

Ты смеешься, дорогая,
Ты смеешься, ангел мой.
И тоску свою скрывая,
Сам смеюсь я над собой.
Разве то, что в жизни шумной
Без тебя вокруг темно,
Что люблю я, как безумный,
Разве это не смешно?!

Смейся, смейся громче всех,
Милое создание.
Для тебя — веселый смех,
Для меня — страданье

Не зажгла еще любовью
Своего сердечка ты,
Не приходят к изголовью
Ночью жаркие мечты.
Ты смеешься безотчетно,
Ты свободна и вольна,
Словно птичка, беззаботна,
Словно рыбка, холодна.

Смейся, смейся громче всех.

Но наступит час нежданный,
И придет любви мечта,
Поцелует друг желанный
Эти нежные уста,
И придут порывы страсти,
Будет радость и тоска,
Будет горе, будет счастье,
Будут слезы, а пока...

Смейся, смейся громче всех.

Ю. АДАМОВИЧ

612. Я люблю вас так безумно [\[614\]](#)

Я люблю вас так безумно.
Вы открыли к счастью путь.
Сон нарушен безмятежный,
Бьется сердце, ноет грудь.

Но зачем все так случилось?
Вас зачем увидел я?
Сердце бедное разбилось,
Погубили вы меня.

Предо мною вы явились,
Как заветная мечта.
Чувства страсти пробудились.
Победила красота.

Так не буду ждать я казни
От моих волшебных грез.
Я люблю вас без боязни,
Без искусства и без слез.

Но не верю, чтоб жестоко
Так могли вы поступить,
Дать надежд мне много, много
И все счастье вдруг разбить...

Что ж, с другим будьте счастливы,
С ним живите, полюбя,
И когда-нибудь порою
Вспоминайте про меня.

М. ОРЦЕВИ

613. Портрет

Луч луны упал на ваш портрет,
Милый друг давно забытых лет.
И во мгле как будто ожил он,
И на миг смешались явь и сон.

Я смотрел, не отрывая глаз.
Я мечтал, я вспоминал о вас,
Я вас звал, кругом молчало все в ответ...
Лишь луна ласкала ваш портрет.

Н. ВЕНГЕРСКАЯ

614. Люблю [\[615\]](#)

Вдыхая розы аромат,
Тенистый вспоминаю сад
И слово нежное «люблю»,
Что вы сказали мне тогда.

Зажгли опять во мне любовь,
Ушли и не вернулись вновь.
Но слово нежное «люблю»
Я не забуду никогда.

Моя любовь — не струйка дыма,
Что тает вдруг в сиянье дня.
Но вы прошли с улыбкой мимо
И не заметили меня.

Вам возвращая ваш портрет,
Я о любви вас не молю.
В моем письме упрека нет,
Я вас по-прежнему люблю.

А. ПУГАЧЕВ

615. «Жалобно стонет ветер осенний...» [\[616\]](#)

Жалобно стонет ветер осенний,
Листья кружатся поблекшие.
Сердце наполнилось чувством томления:
Помнится счастье утекшее.

Помнятся летние ночи весёлые,
Нежные речи приветные,
Очи лазурные, рученьки белые.
Ласки любви бесконечные.

Все, что бывало, любил беззаветно я,
Все, во что верилось мне,
Эти ласки и речи приветные
Были лишь грезы одне!

Медленно кружатся листья осенние,
Ветер в окошко стучит...
Память о тех счастливых мгновениях
Душу мою берedit.

И. ДАВЫДОВ

616. Меня не греет шаль [\[617\]](#)

С тобой расстаться так сердцу больно.
Зачем разлука нам суждена?
Ведь у цыганки так сердце вольно,
Одной любовью вся жизнь полна.

Меня не греет шаль
Холодной зимней ночью.
В душе моей печаль,
Тоска мне выжгла очи.

Туманным утром уйду далеко.
А ночью вспыхнут огни костров.
Но сердцу будет так одиноко,
Никто не скажет заветных слов:

Меня не греет шаль...

Неизвестные авторы

617. Темно-вишневая шаль [\[618\]](#)

Я о прошлом теперь не мечтаю,
И мне прошлого больше не жаль.
Только много и много напомним
Эта темно-вишневая шаль.

В этой шали я с ним повстречалась,
И любимой меня он назвал,
Я стыдливо лицо закрывала,
А он нежно меня целовал!

Говорил мне: «Прощай, дорогая,
Расставаться с тобою мне жаль.
Как к лицу тебе, слышишь, родная,
Эта темно-вишневая шаль!»

Я о прошлом теперь не мечтаю,
Только сердце затмила печаль,
И я молча к груди прижимаю
Эту темно-вишневую шаль.

618. Улица, улица [\[619\]](#)

Раз возвращаюсь домой я к себе:
Улица странною кажется мне.
Раз возвращаюсь домой я к себе:
Улица странною кажется мне.

Левая, правая
Где сторона?
Улица, улица,
Ты, брат, пьяна..;

И фонари так неясно горят,
Смирно на месте никак не стоят, —
Так и мелькают туда и сюда.
Эх! Да вы пьяные все, господа!

Левая, правая...

Ты что за рожи там, месяц, кривишь,
Глазки прищурив, так странно глядишь?
Лишний стаканчик хватил, брат, вина;
Стыдно тебе — ведь уж ты старина.

Левая, правая...

619. «Вам не понять моей печали...» [\[620\]](#)

Вам не понять моей печали,
Когда, растерзанны тоской,
Надолго вдале не провожали
Того, кто властвует душой!
Того, кто властвует душой!

Вам не понять, вам не понять,
Вам не понять моей печали!

Вам не понять моей печали,
Когда в очах, вам дорогих,
Холодности вы не читали,
Презренья не видали в них.

Вам не понять...

Вам не понять моей печали,
Когда трепещущей рукой,
В порывах гнева, не сжигали
Письма подружки молодой.
Вам не понять моей печали!

Вам не понять...

Вам не понять моей печали,
Когда вы ревности вулкан
В своей груди не ощущали
И не тревожил вас обман.
Вам не понять моей печали!

Вам же понять...

620. «Не уходи, побудь со мною...» [\[621\]](#)

Не уходи, побудь со мною,
Здесь так отрадно, так светло,
Я поцелуями покрою
Уста, и очи, и чело.

Побудь со мной,
Побудь со мной!

Не уходи, побудь со мною,
Я так давно тебя люблю.
Тебя я лаской огневою
И обожгу и утомлю.

Побудь со мной,
Побудь со мной!

Не уходи, побудь со мною,
Пылает страсть в моей груди.
Восторг любви нас ждет с тобою,
Не уходи, не уходи.

Побудь со мной,
Побудь со мной!

621. «Ничего мне на свете не надо...» [\[622\]](#)

Ничего мне на свете не надо,
Я готов все отдать полюбя.
Мне осталась одна лишь отрада —
Баловать и лелеять тебя.

Я внимательно слушаю сказки,
Их из уст твоих жадно ловлю.
Я смотрю на лазурные глазки
И хочу говорить, что люблю.

Я люблю тебя крепко, голубка,
Для меня ты дороже всего.
Я люблю твои алые губки
И улыбку лица твоего.

Я люблю твою косу густую,
Так люблю, что сказать нет и слов.
Дай хоть раз я тебя поцелую,
И тогда умереть я готов.

622. Уходи [\[623\]](#)

Ты вернулся ко мне и дни прежней любви
Хочешь вновь возвратить, вновь страданье дать мне.
Уходи, мук былых я не в силах забыть,
Ведь разбитой любви не ожить!

Уходи, нет любви,
Ее мук я боюсь!
Уходи, над тобой
Теперь я посмеюсь!

Ты забыл, когда я, обожая тебя,
Сердце, волю, любовь — все тебе отдала;
Как смеялся тогда над любовью моей
И, смеясь, ты покинул меня!

Уходи, нет любви...

Так зачем же теперь рушить сердца покой,
Что забвеньем себе я с трудом обрела?
Нет, уйди, — не вернуть мне былую любовь,
Не вернуть, что навеки прошла!

Уходи, нет любви...

623. Напоминание [\[624\]](#)

Ты помнишь ли тот взгляд красноречивый,
Который мне любовь твою открыл?
Он в будущем мне был залог счастливый,
Он душу мне огнем воспламенил.
В тот светлый миг одной улыбкой смела
Надежду поселить в твоей груди...
Какую власть я над тобой имела!
Я помню все... Но ты, — ты помнишь ли?

Ты помнишь ли минуты ликования,
Когда для нас так быстро дни неслись?
Когда ты ждал в любви моей признанья
И верным быть уста твои клялись?
Ты мне внимал, довольный, восхищенный,
В очах твоих горел огонь любви.
Каких мне жертв не нес ты, упоенный?
Я помню все... Но ты, — ты помнишь ли?

Ты помнишь ли, когда в уединенье
Я столько раз с заботою немой
Тебя ждала, завидя в отдаленье;
Как билась грудь от радости живой?
Ты помнишь ли, как в робости невольной
Тебе кольцо я отдала с руки?
Как счастьем я твоим была довольна?
Я помню все... Но ты, — ты помнишь ли?

Ты помнишь ли, вечерними часами
Как в песнях мне страсть выразить умел?
Ты помнишь ли ночь, яркую звездами?
Ты помнишь ли, как ты в восторге млел?
Я слезы лью, о прошлом грудь тоскует,
Но хладен ты и сердцем уж вдали!
Тебя тех дней блаженство не чарует.
Я помню все... Но ты, — ты помнишь ли?

624. «Не уезжай ты, мой голубчик!..»

Не уезжай ты, мой голубчик!
Печальна жизнь мне без тебя.
Дай на прощанье обещанье,
Что не забудешь ты меня.
 Скажи ты мне, скажи ты мне,
 Что любишь меня, что любишь меня...

Когда порой тебя не вижу,
Грустна, задумчива хожу.
Когда речей твоих не слышу.
Мне кажется, я не живу.
 Скажи ты мне, скажи ты мне,
 Что любишь меня, что любишь меня...

625. «Уйди, совсем уйди...» [\[625\]](#)

Уйди, совсем уйди... Я не хочу свиданий,
Свиданий без любви и ласковых речей.
Еще душа моя полна воспоминаний
О прежних днях любви златой весны моей.

Теперь тебе другая дороже и милее,
И ей ты отдаешь и ласки, и мечты.
А я совсем одна, едва собой владея
И также все любя... О, если б понял ты!

Когда душа полна тревогою дневною,
Когда в мечтах моих далеко от тебя,
Тогда любовь моя мне кажется смешною,
Мне жаль своих надежд, желаний и себя.

Но в поздний час ночной, когда сильнее муки,
Когда кругом все спит в безмолвной тишине,
К тебе в немой тоске протягивая руки,
Я плачу и зову: вернись, вернись ко мне!

Уйди, совсем уйди... Я не хочу свиданий,
Свиданий без любви и ласковых речей.
Еще душа моя полна воспоминаний
О прежних днях любви златой весны моей.

626. «Миленький ты мой...»

Миленький ты мой,
Возьми меня с собой!
Там, в краю далеком,
Буду тебе женой.
 Милая моя,
 Взял бы я тебя.
 Но там, в краю далеком,
 Есть у меня жена.

Миленький ты мой,
Возьми меня с собой!
Там, в краю далеком,
Буду тебе сестрой.
 Милая моя,
 Взял бы я тебя.
 Но там, в краю далеком,
 Есть у меня сестра.

Миленький ты мой,
Возьми меня с собой!
Там, в краю далеком,
Буду тебе чужой.
 Милая моя,
 Взял бы я тебя.
 Но там, в краю далеком,
 Чужая ты мне не нужна.

II

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

(1873–1924)

627. Каменщик [\[626\]](#)

«Каменщик, каменщик в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?»
— «Эй, не мешай нам, мы заняты делом.
Строим мы, строим тюрьму»,

— «Каменщик, каменщик с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?»
— «Верно, не ты и не твой брат, богатый,
Незачем вам воровать».

— «Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведет в ней без сна?»
— «Может быть, сын мой, такой же рабочий.
Тем наша доля полна».

— «Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй,
Тех он, кто нес кирпичи!»
— «Эй, берегись, под лесами не балуй...
Знаем все сами, молчи!»

628. Крысолов [\[627\]](#)

Я на дудочке играю,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Я на дудочке играю,
Чьи-то души веселя.

Я иду вдоль тихой речки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Дремлют тихие овечки,
Кротко зыблются поля.

Спите, овцы и барашки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
За лугами красной кашки
Стройно встали тополя.

Малый домик там таится,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Милой девушке приснится,
Что ей душу отдал я.

И на нежный зов свирели,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Выйду, словно к светлой цели,
Через сад, через поля,

И в лесу, под дубом темным,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Буду ждать в бреду истомном.
В час, когда уснет земля.

Встречу гостью дорогую,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Вплоть до утра зацелую,
Сердце лаской утоля.

И, сменившись с ней колечком,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Отпущу ее к овечкам,
В сад, где стройны тополя.

АЛЕКСАНДР БЛОК

(1880–1921)

629. «Зимний ветер играет с терновником...» [\[628\]](#)

Зимний ветер играет с терновником,
Задувает в огне свечу.
Ты ушла на свиданье с любовником.
Я один. Я прощу. Я молчу.

Ты не знаешь, кому ты молишься —
Он играет и шутит с тобой.
О терновник холодный уколешься,
Возвращаясь ночью домой.

Но, давно прислушавшись к счастью,
У окна я тебя подожду.
Ты ему отдаешься со страстью.
Все равно. Я тайну блюду.

Все, что в сердце твоём туманится,
Станет ясно в моей тишине.
И, когда он с тобой расстанется,
Ты признаешься только мне.

630. «В голубой далекой спальне...» [\[629\]](#)

В голубой далекой спальне
Твой ребенок опочил.
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.

Всё, как было. Только странная
Воцарилась тишина.
И в окне твоём — туманная
Только улица страшна.

Словно что-то недосказано,
Что всегда звучит, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.

И прошла ты, сонно-белая.
Вдоль по комнатам одна.
Опустила, вся несмелая,
Штору синего окна.

И потом, едва заметная,
Тонкий полог подняла.
И, как время безрассветная,
Шевелясь, поникла мгла.

Стало тихо в дальней спальне —
Синий сумрак и покой,
Оттого, что карлик маленький
Держит маятник рукой.

631. «Не спят, не помнят, не торгуют...» [\[630\]](#)

Не спят, не помнят, не торгуют.
Над черным городом, как стон,
Стоит, терзая ночь глухую,
Торжественный пасхальный звон.

Над человеческим созданием,
Которое он в землю вбил,
Над смрадом, смертью и страданием
Трезвонят до потери сил...

Над мировую чепуху;
Над всем, чему нельзя помочь;
Звонят над шубкой меховой,
В которой ты была в ту ночь.

632. «Приближается звук. И, покорна щемящему звuku...» [631]

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.

Снится — снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне — колючий шиповник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы, и листья, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от краю до краю,
И окошко твое.

Этот голос — он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

633. «Ночь, улица, фонарь, аптека...» [\[632\]](#)

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.
Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

634. «Ты — как отзвук забытого гимна...» [\[633\]](#)

Ты — как отзвук забытого гимна
В моей черной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе,

Вешний трепет, и лепет, и шелест,
Непробудные, дикие сны,
И твоя одичалая прелесть —
Как гитара, как бубен весны!

И проходишь ты в думах и грезах.
Как царица блаженных времен,
С головой, утопающей в розах,
Погруженная в сказочный сон.

Спишь, змеею склубясь прихотливой,
Спишь в дурмане и видишь во сне
Даль морскую и берег счастливый,
И мечту, недоступную мне.

Видишь день беззакатный и жгучий
И любимый, родимый свой край,
Синий, синий, певучий, певучий,
Неподвижно-блаженный, как рай.

В том раю тишина бездыханна,
Только в куще сплетенных ветвей
Дивный голос твой, низкий и странный,
Славит бурю цыганских страстей.

635. «Та жизнь прошла...» [\[634\]](#)

Та жизнь прошла,
И сердце спит,
Утомлено.
И ночь опять пришла,
Бесстрашная — глядит
В мое окно.

И выпал снег,
И не прогнать
Мне зимних чар...
И не вернуть тех нег,
И странно вспоминать,
Что был пожар.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

(1892–1941)

636. «Мне нравится, что вы больны не мной...» [\[635\]](#)

Мне нравится, что вы больны не мной.
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной —
Распущенной — и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочтите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью — всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо вам и сердцем и рукой
За то, что вы меня — не зная сами! —
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами.
За наши не-гулянья под луной,
За солнце, не у нас над головами, —
За то, что вы больны — увы! — не мной,
За то, что я больна — увы! — не вами.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

(1895–1925)

637. «Не жалею, не зову, не плачу...» [\[636\]](#)

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств,

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.

638. Письмо матери [\[637\]](#)

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что не мечталось,
Не волнуй того, что не сбылось, —
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

639. «Отговорила роща золотая...» [\[638\]](#)

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит коноплянник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно.
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

640. «Над окошком месяц. Под окошком ветер...» [639]

Над окошком месяц. Под окошком ветер.
Облетевший тополь серебрист и светел.
Дальний плач тальянки, голос одинокий —
И такой родимый, и такой далекий.
Плачет и смеется песня лиховая.
Где ты, моя липа? Липа вековая?
Я и сам когда-то в праздник спозаранку
Выходил к любимой, развернув тальянку.
А теперь я милой ничего не значу.
Под чужую песню и смеюсь и плачу.

641. «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» [640]

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.

Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а всюю зеленым.

И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

(1895–1934)

642. Птицелов

(Отрывок)

Трудно дело птицелова:
Заучи повадки птичьи,
Помни время перелетов,
Разным посвистом свисти.

Но, шатаясь по дорогам,
Под заборами ночуя,
Дидель весел, Дидель может
Песни петь и птиц ловить.

В бузине, сырой и круглой.
Соловей ударил дудкой,
На сосне звенят синицы,
На березе зяблик бьет.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Три манка — и каждой птице
Посвящает он манок.

Дунет он в манок бузинный,
И звенит манок бузинный, —
Из бузинного прикрытья
Отвечает соловей.

Дунет он в манок сосновый,
И свистит манок сосновый, —
На сосне в ответ синицы
Рассыпают бубенцы.

БОРИС ПАСТЕРНАК

(1890–1960)

643. «Никого не будет в доме...»[\[641\]](#)

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.
Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк маховой.
Только крыши, снег и, кроме
Крыш и снега, — никого.
И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной,
И опять кольнут доныне
Неотпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной.
Но неожиданно по портьере
Пробежит вторженья дрожь.
Тишину шагами меря,
Ты, как будущность, войдешь.
Ты появишься у двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют.

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

(1903–1958)

644. Облетают последние маки [\[642\]](#)

Облетают последние маки,
Журавли улетают, трубя,
И природа в болезненном мраке
Не похожа сама на себя.

По пустынной и голой аллее
Шелестя облетевшей листвой,
Отчего ты, себя не жалея,
С непокрытой бредешь головой?

Жизнь растений теперь затаилась
В этих странных обрубках ветвей.
Ну, а что же с тобой приключилось,
Что с душой приключилось твоей?

Как посмел ты красавицу эту,
Драгоценную душу твою,
Отпустить, чтоб скиталась по свету,
Чтоб погибла в далеком краю?

Пусть непрочны домашние стены,
Пусть дорога уводит во тьму, —
Нет на свете печальней измены,
Чем измены себе самому.

ГЛЕБ КРЖИЖАНОВСКИЙ

(1872–1959)

645. Элегия («Прносятся года, в веках свой путь свершая...»)[643]

Посвящаю дорогому Ивану Семеновичу Козловскому

Прносятся года, в веках свой путь свершая.
Слабеет сила. Близок мой предел.
А жить все хочется... Делить, страна родная,
Скорбей и радостей, судьбы твоей удел.
Ночей без сна томительные муки,
Терзания ума, душевной боли стон —
Что все они пред тяжестью разлуки?..
Забвенно все, как дней далеких сон!..
Я знаю: минут годы испытаний..
Воспрянешь ты во весь гигантский рост,
Весь мир зажжешь огнем своих дерзаний,
К заветным берегам чудесный бросишь мост!
Мир новый расцветет, обломки старой жизни
Умчит поток времен в отринутую даль..
И станет шар земной единою отчизной,
И сменит яркий день закатных дней печаль
Счастливый век великих достижений..
А вспомнишь ли ты нас, грядущий исполин?
Пошлешь ли свой привет ты нашим теням
С достигнутых тобой невиданных вершин?..

Комментарии

Эта книга предназначена широкому читателю и представляет собой антологию русского романса.

Хронологические рамки издания: XVIII — первая половина XX века. Вместе с тем основу книги составили стихотворения поэтов XIX века, золотого века русской поэтической и музыкальной культуры.

Помимо стихотворений русских поэтов в сборник включены также переводы из европейской лирики, ставшие русскими романсами. Они даны под именами переводчиков с указанием авторов оригинала.

Книга состоит из четырех частей. В первой части представлено предромансное творчество поэтов XVIII века, во второй и третьей частях — в основном романсная классика. Это прежде всего романс-элегия — преимущественная форма классического романса. Деление русской романсной классики XIX столетия на два хронологически равновеликих периода, при известной условности такого деления, призвано отразить эволюцию русского романса в это столетие. В четвертой части даны основные жанровые разновидности романса, которые складывались в длительной истории песенно-романсного творчества — в развитии и в определенном смысле преодолении классического «канона». Это народный романс («русская песня»), романс-баллада, цыганский романс, городской романс. Раздел «Городской романс» состоит из двух циклов. В первом даны образцы жанра, получившие распространение в самых разнохарактерных аудиториях. Во втором цикле представлена русская поэтическая классика XX столетия.

Произведения неизвестных авторов и переработки для пения выделены в отдельные циклы.

Жанровые и временные границы в четвертой части не вполне определены. Тем не менее разделы, составившие эту часть книги, все же дадут читателю представление и об этих — неклассических — разновидностях русского романса.

Таким образом, основной принцип организации материала — жанрово-хронологический.

Все тексты пронумерованы от начала и до конца, подряд, независимо от деления книги на части, разделы и циклы.

Отнесение поэта к тому или иному времени и, следовательно, включение его в тот или иной хронологический раздел определяется временем, на какое приходится наибольшее количество его произведений, положенных на музыку, а порядок расположения авторов внутри разделов — датой первого опубликованного романса.

Внутри поэтических подборок тексты, как правило, располагаются в хронологическом порядке. Отступления от этого принципа были сделаны для того, чтобы придать представляемому в книге романсному циклу того или иного поэта наибольшее композиционное единство.

В этих случаях авторские подборки как бы воспроизводят структуру книги (за романсом-элегией следуют народный романс, романс-баллада, цыганский романс и т. д.). Сами же подборки, в зависимости от преобладания в них романсов того или иного типа, помещаются в соответствующий раздел.

Стихотворения даны в последней авторской редакции (за исключением тех произведений, которые всегда исполняют, используя ранние редакции). В книгу включены, как уже сказано, и песенные переработки наряду с основными текстами, а иногда и без включения последних.

Тексты печатаются, как правило, без сокращений по современной орфографии и пунктуации. Сохраняются лишь стилистически значимые особенности написания.

Рефрен, независимо от того, как он приводится в исходном тексте, дается полностью лишь в первый раз. Далее — только первая его строка. Повторы отдельных стихов, принятые при исполнении, не

обозначаются.

Место первой публикации не указывается. Перечисляются авторы музыки, как правило, в хронологической последовательности появления их музыкальных версий; дается, когда это известно, время появления романса. Если композиторов, написавших музыку на то или иное стихотворение, много, то называются самые значительные из них или авторы наиболее популярных произведений. Отсутствие имени композитора означает, что автор музыки неизвестен.

В необходимых случаях отмечаются границы бытования романса, особенности его фольклоризации, купюры при песенном исполнении, варианты и разночтения, разъясняются малоупотребительные ныне слова и выражения, сообщаются некоторые иные сведения.

Источники текстов и фактических сведений для примечаний:

— Библиотека поэта. Большая серия. — М.-Л.: Советский писатель. —

- Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев (1958),
- Г. Р. Державин (1957);
- А. Ф. Мерзляков (1958);
- Д. В. Давыдов (1933);
- А. А. Дельвиг (1959);
- П. А. Вяземский (1958);
- Е. А. Баратынский (1957);
- П. А. Катенин (1965);
- К. Ф. Рылеев (1938);
- Ф. Н. Глинка (1957);
- Н. М. Языков (1964);
- И. И. Козлов (1960);
- Д. В. Веневитинов (1960);
- А. И. Полежаев (1957);
- А. В. Кольцов (1858);
- А. А. Бестужев-Марлинский (1961);
- Ф. И. Тютчев (1957);
- Н. П. Огарев (1956);
- А. А. Фет (1959);
- А. А. Григорьев (1959);
- Е. П. Полонский (1954);
- А. Н. Плещеев (1964);
- М. Л. Михайлов (1958);
- Л. А. Мей (1947);

- А. К. Толстой (1984, в 2-х т);
- А. В. Кольцов (1958);
- И. С. Никитин (1965);
- А. Н. Майков (1937);
- А. И. Апухтин (1961);
- С. П. Шевырев (1939);
- И. З. Суриков (1951);
- Л. Н. Трефолов (1958);
- К. М. Фофанов (1962);
- Б. Л. Пастернак (1965);
- В. Я. Брюсов (1961);
- А. А. Блок (1955);
- М. И. Цветаева (1965);
- С. А. Есенин (1956);
- Э. Г. Багрицкий (1694);
- Н. А. Заболоцкий (1965);
- Русская баллада (1936);
- Песни и романсы русских поэтов (1965);
- Библиотека поэта. Малая серия. — М.-Л.: Советский писатель. —
- И. С. Тургенев (1955);
- Поэты 1880–1890-х годов (1964);
- М. Горький (1963).

Кроме того:

- К. Н. Батюшков. Опыты в стихах и прозе. — М.: Наука, 1977;
- А. С. Пушкин. Собр. соч. в 10-ти тт. — Л.: Наука, 1977;
- М. Ю. Лермонтов. Собр. соч. в 4-х тт. — Л.: Наука, 1979;
- Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. в 15-ти тт. — Л.: Наука, 1981;
- В. А. Жуковский. Соч. в 3-х тт. — М.: Художественная литература, 1980.

Были использованы также сборники и антологии русского песенно-романсного творчества; монографические исследования русского романса:

- Игорь Глебов [\[644\]](#). Русская поэзия в русской музыке (1922);
- В. А. Васина-Гроссман. Русский классический романс XIX века (М.-Л., 1956) и др.

Указатель имен композиторов

Абаза В. В. [264](#)

Агафонников В. [92](#)

Агреев-Славянский К. [63](#), [216](#)

Агреева-Славянская О. Х. [505](#)

Адмони И. Г. [634](#), [635](#)

Аедоницкий П. [635](#)

Айсберг И. С. [430](#)

Акименко Ф. С. [114](#), [381](#)

Александров Ан. А. [87](#), [136](#), [630](#)

Александров Н. [419](#)

Алоиз В. Ф. [207](#), [427](#)

Алфераки А. Н. [280](#)

Альбрехт К. К. [349](#)

Алябьев А. А. [24](#), [56](#), [71](#), [74](#), [85](#), [86](#), [90](#), [95](#), [106](#), [107](#), [111](#), [113](#), [116](#), [125](#), [127](#), [128](#), [164](#), [165](#), [169](#), [170](#), [184](#), [190](#), [193](#), [207](#), [255](#), [258](#), [439](#), [465](#), [571](#)

Анцев М. В. [201](#), [202](#), [349](#)

Аренский А. С. [209](#), [267](#), [276](#), [285](#), [316](#), [352](#), [381](#), [392](#), [397](#), [402](#), [411](#)

Арнольд К. К. [502](#)

Арнольд Ю. К. [72](#), [97](#), [170](#), [184](#), [504](#)

Асафьев Б. В. [232](#)

Афанасьев Н. Я. [95](#), [164](#)

Багриновский М. М. [428](#)

Базилевский Г. [393](#), [402](#), [515](#)

Бакалейников В. Р. [184](#), [588](#)

Балакирев М. А. [97](#), [171](#), [218](#), [226](#), [230](#), [232](#), [245](#), [267](#), [273](#), [326](#), [411](#), [455](#), [460](#), [463](#)

Балкашина Е. [400](#)

Бармотин С. А. [459](#)

Барсов П. [301](#)

Барятинский Б. [434](#)

Баторин П. И. [605](#)

Бах К. К. [351](#)

Бахметьев Н. И. [170](#)

Бегичева М. В. [201](#)

Безродная Е. [429](#)

Беневский В. Д. [517](#)

Бенуа Ф. Ю. [393](#)

Бернард М. И. [336](#)

Билибин И. И. [267](#)

Бларамберг П. И. [227](#), [500](#)

Блуменфельд С. М. [106](#), [335](#), [383](#), [387](#), [389](#)

Блуменфельд Ф. М. [211](#), [220](#), [228](#), [302](#)

Богатырев [220](#)

Богданов П. А. [375](#)

Богородицкий Ф. Н. [517](#)

Богусловский В. И. [378](#)

Бойко Р. Г. [640](#)

Борисов Б. С. [587](#), [593](#)

Бородин А. П. [101](#), [356](#)

Бородин И. А. [331](#), [367](#), [397](#)

Бороздин Н. А. [287](#), [457](#)

Бочков И. А. [641](#)

Броун П. [250](#)

Булахов П. П. [59](#), [112](#), [132](#), [165](#), [224](#), [231](#), [244](#), [247](#), [271](#), [279](#), [287](#), [295](#), [318](#), [349](#), [370](#), [372](#), [433](#), [454](#), [467](#), [487](#), [564](#), [599](#)

Бурнашев Б. [457](#)

Бюхнер К. [381](#)

Бюхнер Ф. В. [137](#), [470](#)

Бюцов В. [268](#), [402](#)

Ваниш К. [574](#)

Варламов А. Е. [33](#), [40](#), [56](#), [72](#), [111](#), [115](#), [181](#), [187](#), [207](#), [213](#), [215](#), [227](#), [228](#), [235](#), [250](#), [251](#), [252](#), [266](#), [286](#), [305](#), [309](#), [437](#), [440](#), [443](#), [444](#), [455](#), [456](#), [458](#), [461](#), [463](#), [464](#), [465](#), [466](#), [480](#), [501](#), [502](#), [548](#), [551](#), [623](#)

Василенко С. Н. [425](#), [629](#)

Васильев И. В. [399](#)

Васильев-Буглай Д. С. [641](#)

Веев Н. [427](#)

Вейраух А. Г. [53](#), [58](#), [61](#), [62](#)

Векшин Д. К. [314](#)

Верстовский А. Н. [52](#), [57](#), [73](#), [84](#), [88](#), [103](#), [105](#), [106](#), [107](#), [236](#), [241](#)
Вертинский А. В. [515](#), [576](#) — [580](#), [630](#)
Веселов В. [632](#)
Виардо-Гарсия П. [217](#), [235](#)
Вивьен А. А. [430](#)
Виельгорский М. Ю. [105](#), [106](#), [107](#)
Вилинский А. [575](#)
Вилламов А. Е. [327](#)
Вильбоа К. П. [86](#), [139](#), [162](#)
Вильбушевич Е. В. [387](#), [400](#), [627](#), [637](#)
Виноградов А. [430](#)
Волков-Давыдов С. Д. [515](#)
Волошин А. [607](#)
Воронцов М. В. [331](#)
Воротников П. М. [170](#)
Врангель В. Г. [416](#)
Всеволожский В. Н. [383](#)

Гайдн Й. [51](#)
Галкин Н. В. [295](#)
Галковский К. М. [262](#)
Галлер К. П. [331](#)
Гаршнек А. И. [630](#)
Гедике А. Ф. [264](#)
Геништа И. И. [86](#), [105](#)
Гердель С. [566](#), [567](#)
Герман Н. [114](#)
Герц [574](#)
Гинзбург И. Д. [72](#)
Гире С. А. [334](#)
Главам В. И. [157](#), [182](#), [341](#), [345](#)
Глазунов А. К. [92](#), [93](#)
Глинка М. И. [52](#), [57](#), [60](#), [66](#), [67](#), [73](#), [82](#), [88](#), [90](#), [93](#), [97](#), [100](#), [113](#), [120](#), [121](#), [125](#), [137](#), [145](#), [171](#), [192](#), [221](#), [224](#), [236](#), [242](#), [243](#), [249](#), [250](#), [305](#), [461](#), [485](#)
Глиэр Р. М. [201](#), [256](#), [260](#), [367](#), [421](#), [423](#), [429](#)

Гнесин М. Ф. [365](#)

Голицын Б. [220](#)

Голицын С. [53](#), [231](#)

Гольденвейзер А. Б. [232](#)

Гот Г. В. [331](#)

Гоффман Г. Л. [303](#)

Грабанек И. Ф. [334](#)

Грачев М. [150](#)

Греве-Соболевская Е. [604](#)

Гречанинов А. Т. [87](#), [129](#), [145](#), [170](#), [201](#), [202](#), [235](#), [268](#), [289](#), [294](#), [320](#), [321](#), [354](#), [365](#)

Гродзкий Б. В. [410](#)

Гротто-Слепиковский А. [553](#)

Гурилев А. А. [44](#), [184](#), [224](#), [225](#), [231](#), [253](#), [258](#), [372](#), [454](#), [456](#), [471](#), [619](#)

Гуэрча А. [554](#)

Давыдов И. [616](#)

Давыдов К. Ю. [229](#), [334](#), [387](#)

Данкман Ф. Ф. [186](#)

Даргомьжский А. С. [58](#), [62](#), [85](#), [88](#), [89](#), [92](#), [93](#), [100](#), [102](#), [106](#), [108](#), [109](#), [110](#), [112](#), [114](#), [115](#), [116](#), [118](#), [119](#), [140](#), [158](#), [160](#), [163](#), [224](#), [225](#), [226](#), [227](#), [232](#), [242](#), [287](#), [295](#), [305](#), [306](#), [404](#), [454](#), [500](#), [503](#), [541](#), [542](#), [550](#)

Делюсто С. [179](#), [287](#)

Денисов А. К. [470](#)

Дерфельдт А. А. [174](#), [286](#)

Дмитриев Н. Д. [124](#), [229](#), [231](#), [243](#), [335](#), [340](#), [375](#), [450](#)

Доброхотов А. Д. [378](#)

Донауров С. И. [75](#), [124](#), [203](#), [400](#), [401](#)

Дубянский Ф. М. [14](#), [17](#), [23](#)

Дунаевский И. О. [403](#)

Дюбюк А. Н. [132](#), [137](#), [184](#), [305](#), [315](#), [331](#), [335](#), [406](#), [445](#), [458](#), [462](#), [464](#), [470](#), [545](#), [581](#), [603](#), [618](#)

Дютш О. И. [224](#)

Егоров А. А. [86](#)

Ермолов А. И. [331](#)

Есаулов А. П. [87](#)

Жданов В. А. [112](#)

Животов А. С. [76](#)

Живцов А. [637](#)

Жилин А. Д. [12](#), [17](#), [24](#), [25](#), [26](#)

Жорж С. [19](#)

Жучковский Т. В. [72](#)

Заремба С. В. [400](#)

Золотарев В. А. [114](#), [159](#), [170](#), [196](#), [198](#), [201](#), [202](#), [273](#), [335](#), [367](#), [457](#), [459](#), [553](#)

Зорин А. [296](#), [615](#)

Зоров М. [215](#)

Зубов Н. В. [620](#), [622](#)

Игнатъев И. [58](#)

Икскуль В. А. [553](#)

Ильинский А. А. [331](#)

Ипполитов-Иванов М. М. [97](#), [228](#), [363](#)

Казанли Н. И. [296](#)

Калинников Д. [403](#)

Калинников Вас. С. [376](#)

Калинников Вик. С. [145](#), [228](#), [356](#), [376](#)

Капри Ю. А. [59](#)

Карева Г. [574](#)

Кастальский А. Д. [262](#)

Катуар Г. Л. [197](#), [198](#), [264](#), [397](#)

Кашин Д. Н. [19](#), [33](#), [34](#), [35](#), [39](#), [44](#), [207](#)

Кашкин В. Д. [314](#)

Кашперов В. Н. [83](#), [107](#), [143](#), [202](#), [270](#)

Кашперова Е. [428](#)

Кейль Б. Ф. [606](#)

Киришаум Н. В. [395](#)

Киселев Б. И. [637](#)

Климовский Е. [462](#)

Кожевникова Е. [645](#)

Козловский О. А. [8](#), [17](#), [18](#)

Колачевский М. [375](#)

Конюс Г. Э. [278](#), [280](#), [349](#), [394](#), [396](#), [402](#)

Копылов А. А. [375](#)

Корганов Г. О. [281](#), [327](#)

Корещенко А. Н. [245](#), [265](#), [281](#)

Корносеви́ч И. М. [519](#)

Косенко Б. С. [402](#)

Котляревская Т. [597](#), [598](#)

Кочетов Н. Р. [169](#), [208](#)

Кочубей Е. В. [205](#), [206](#), [304](#)

Кошиц [390](#)

Кручинин В. [562](#)

Кузнецов А. В. [197](#)

Кузнецов С. В. [553](#)

Кузьминский Г. И. [243](#)

Кюи Ц. А. [61](#), [91](#), [95](#), [145](#), [186](#), [211](#), [212](#), [222](#), [227](#), [275](#), [290](#), [299](#), [314](#), [331](#), [334](#), [335](#), [354](#), [355](#), [358](#), [359](#), [361](#), [365](#), [379](#), [388](#)

Левин М. А. [378](#)

Левитский М. И. [393](#)

Леонтьев Н. [336](#)

Лепин А. [641](#)

Лермонтов М. Ю. [235](#)

Липатов В. Н. [638](#)

Лисовский Л. [269](#), [314](#), [379](#)

Лист Ф. [224](#)

Листов Н. [592](#)

Литандер И. Г. [42](#), [112](#), [115](#), [116](#), [124](#)

Личо Н. [314](#)

Лишин Г. А. [220](#), [303](#), [380](#)

Лозовой А. Е. [455](#)

Лопухин И. Н. [267](#), [284](#)

Лурье А. С. [88](#), [97](#)

Лядов А. К. [97](#), [352](#)

Ляпунов С. М. [145](#), [212](#), [415](#), [424](#)

Майборода Г. [91](#), [640](#)

Макаров П. С. [96](#), [166](#), [252](#), [253](#), [326](#), [328](#)
Макаров Саша [555](#)
Малашкин Л. Д. [220](#), [595](#)
Маренич И. [215](#)
Марков В. [184](#)
Мартынов Э. [377](#)
Матвеев М. А. [197](#)
Маурер Л. [86](#)
Махотин В. В. [408](#)
Мекк Ю. [429](#)
Мсльгунов Л. А. [90](#)
Метнер Н. К. [89](#), [196](#), [197](#), [198](#), [199](#), [202](#), [211](#), [213](#), [267](#), [273](#), [283](#), [303](#)
Меловский С. [376](#)
Михайлов Д. [615](#)
Монюшко С. [170](#), [378](#), [456](#)
Мосолов А. [76](#)
Мосолов А. В. [635](#), [639](#)
Муромцевский В. С. [402](#)
Мусоргский М. П. [87](#), [307](#), [345](#), [346](#), [356](#), [409](#), [410](#), [411](#), [412](#) — [414](#), [417](#), [418](#), [455](#)
Мысовский П. К. [378](#)
Мясковский Н. Я. [143](#)

Нагаев С. М. [462](#)
Нагель Ю. Э. [242](#)
Направник Э. Ф. [23](#), [89](#), [92](#), [103](#), [156](#), [162](#), [211](#), [218](#), [224](#), [235](#), [238](#), [254](#), [279](#), [293](#)
Науман [157](#)
Неплюев Н. [188](#)
Николаев Д. [592](#)
Нолинский Н. М. [124](#)
Норов Н. Н. [59](#)

Обухов А. [432](#)
Огарев Н. П. [227](#), [229](#), [257](#), [259](#)
Оленин А. А. [263](#), [391](#), [402](#)
Оппель А. А. [392](#)

Осин Н. [553](#)

Офросимов М. Н. [280](#), [281](#), [314](#), [400](#)

Пабст П. А. [393](#)

Пане О. [351](#)

Панченко С. [270](#)

Паскуа А. [223](#)

Пасхалов В. Н. [261](#), [383](#)

Пауфлер К. Н. [217](#), [230](#), [384](#)

Пащенко А. Ф. [640](#)

Перроте М. [584](#)

Петров А. [75](#), [267](#), [427](#), [596](#)

Петров А. П. [644](#)

Петров К. [427](#)

Петров Л. [186](#)

Петров П. Д. [551](#)

Пиликин Н. В. [408](#)

Плещеев А. А. [57](#), [72](#)

Подгорецкий Б. В. [267](#)

Полонский С. В. [149](#)

Поль В. [197](#)

Пономаренко Г. Ф. [637](#), [639](#), [640](#)

Попов Евг. [640](#)

Потоловский Н. [366](#)

Прейс В. И. [281](#)

Пригожий Я. Ф. [377](#), [603](#), [612](#)

Прозоровский Б. А. [563](#), [583](#), [600](#), [602](#)

Прокофьев С. С. [219](#)

Прохоров Я. В. [267](#)

Пуаре М. [558](#)

Ракитин Н. [375](#)

Раухвергер М. Р. [275](#)

Рахманинов А. А. [170](#), [305](#), [464](#)

Рахманинов С. В. [97](#), [107](#), [194](#), [195](#), [200](#), [201](#), [204](#), [213](#), [232](#), [278](#), [300](#), [310](#), [311](#), [312](#), [357](#), [386](#), [442](#), [454](#),

[628](#)

Ребиков В. И. [89](#), [106](#), [186](#), [201](#), [202](#), [232](#), [267](#), [268](#), [275](#), [381](#), [387](#)

Рейснер-Куманина Э. А. [301](#)

Речкунов М. П. [367](#)

Ржевская Н. С. [378](#)

Ригельман А. Р. [366](#)

Рик Ю. [592](#)

Римский-Корсаков Н. А. [87](#), [92](#), [97](#), [101](#), [106](#), [213](#), [226](#), [227](#), [232](#), [234](#), [267](#), [272](#), [273](#), [282](#), [287](#), [319](#), [327](#), [335](#), [345](#), [353](#), [357](#), [358](#), [361](#), [363](#), [365](#), [366](#)

Розенфельд Е. [614](#)

Ротина В. [281](#)

Рубин В. И. [635](#)

Рубинштейн А. Г. [56](#), [64](#), [65](#), [68](#), [69](#), [75](#), [84](#), [87](#), [92](#), [106](#), [124](#), [213](#), [215](#), [217](#), [218](#), [223](#), [227](#), [262](#), [263](#), [298](#), [353](#), [358](#), [361](#), [367](#), [370](#), [456](#), [459](#)

Рупин И. А. [111](#), [112](#), [156](#), [180](#), [484](#)

Сабурова В. А. [130](#)

Садовский Ф. [303](#)

Самойлов А. С. [473](#)

Сац И. А. [202](#), [267](#), [375](#), [630](#)

Сидорович К. С. [471](#)

Симон А. Ю. [262](#), [351](#), [367](#)

Слонов М. А. [89](#), [296](#)

Смирнский А. [553](#)

Сокальский П. П. [180](#), [183](#), [267](#), [329](#), [509](#)

Соколов В. Т. [121](#), [124](#), [143](#), [245](#), [250](#), [287](#), [327](#), [450](#), [456](#), [458](#), [461](#), [551](#)

Соколов И. Н. [335](#)

Соколов Н. А. [112](#), [145](#), [201](#), [374](#), [387](#), [403](#)

Соколовский Н. Н. [457](#), [461](#)

Соловьев Н. Ф. [186](#), [367](#)

Солуха В. П. [553](#)

Сорокин С. [397](#)

Спендиаров А. А. [515](#)

Строк О. [136](#), [561](#)

Струве Ф. [334](#)

Танеев А. С. [146](#), [357](#)

Танеев С. И. [92](#), [223](#), [274](#), [284](#), [291](#), [301](#), [353](#), [362](#)

Таривердиев М. Л. [636](#), [643](#)

Тарновский А. К. [397](#)

Таскин А. В. [410](#), [427](#), [429](#)

Терентьев Б. М. [331](#), [334](#)

Тидеман К. М. [368](#)

Титов А. [594](#), [621](#)

Титов Н. А. [84](#), [228](#), [231](#), [248](#)

Титов Н. С. [90](#), [96](#), [104](#)

Толоконников В. [627](#)

Толстая А. [230](#)

Толстая Т. К. [281](#)

Толстой С. Л. [267](#)

Траилин С. А. [286](#)

Туренков А. Е. [515](#)

Турищев А. С. [519](#)

Усатов Д. А. [301](#)

Фельдман Я. Л. [573](#)

Филипповский Н. [339](#), [375](#)

Флярковский [303](#)

Фольборт Г. А. [287](#)

Фомин Б. И. [556](#), [557](#), [585](#), [602](#), [608](#)

Фрейтаг А. [284](#)

Френкель А. [589](#)

Френкель Я. [640](#)

Фризо Л. [625](#)

Хайт Ю. [610](#)

Харито Н. И. [397](#), [582](#), [589](#)

Христианович Н. Ф. [286](#)

Худолей И. [634](#)

Чайковский П. И. [84](#), [92](#), [188](#), [202](#), [233](#), [277](#), [281](#), [286](#), [295](#), [297](#), [303](#), [314](#), [335](#), [341](#), [342](#), [343](#), [346](#), [347](#), [350](#), [357](#), [360](#), [362](#), [363](#), [364](#), [365](#), [366](#), [369](#), [381](#), [388](#), [393](#), [400](#), [441](#),

Черепнин Н. Н. [145](#), [196](#), [198](#), [201](#), [202](#), [268](#), [335](#), [367](#), [379](#), [403](#)

Чернов И. И. [553](#)

Чернявский А. Н. [473](#)

Чесноков П. Г. [196](#), [273](#), [327](#), [376](#)

Чигирь О. Ф. [280](#)

Чугринов П. [349](#)

Чумакова Е. [367](#)

Шашина Е. [229](#)

Шенк П. П. [114](#), [124](#)

Шереметьев Б. [203](#), [350](#)

Шефер А. Н. [202](#), [245](#), [350](#), [366](#), [397](#), [409](#), [442](#)

Шиловский К. С. [344](#)

Ширяев Н. [280](#)

Шишкин Н. [559](#), [603](#)

Шнапер Б. [633](#), [634](#), [635](#)

Шостакович Д. Д. [210](#), [259](#), [509](#)

Шпарварт А. [76](#)

Шпачек В. И. [286](#), [575](#)

Штейнберг М. О. [402](#)

Штейнман С. А. [427](#)

Штейн-Манфред [427](#)

Штольц М. Ф. [383](#), [516](#)

Штуцман С. Н. [405](#), [406](#)

Шуман Р. [330](#)

Щербачев А. В. [284](#)

Щербачев В. [631](#)

Щиглев М. [407](#)

Щуровский П. А. [75](#), [247](#)

Эггерс Е. [331](#)

Энгель Ю. Д. [280](#), [295](#), [627](#)

Юкельсон Е. [553](#)

Юон П. [281](#)

Юрьев Е. [377](#), [586](#)

Юферов С. В. [273](#), [367](#), [379](#), [398](#)

Якимов И. Н. [375](#)

Яковлев И. Н. [519](#)

Яковлев М. [13](#)

Яковлев М. Л. [89](#), [94](#), [110](#), [112](#), [116](#), [124](#), [126](#)

Яницкий Н. [393](#)

Примечания

1

Воспоминания о Сергее Есенине. — М., 1975, с. 405–406.

2

Бахтин М. М. К эстетике слова. — В кн.: Контекст — 1973. — М., 1974, с. 266.

3

В настоящее издание романсы Булата Окуджавы не вошли, так как сборник ограничен определенным периодом — первая половина XVIII века — начало пятидесятих годов XX века. — *Ред.*

4

Цит. по статье Б. Я. Бухштаба к изд.: Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. «Б-ка поэта» (Б. с.). — Л., 1937, с. 21.

5

Модест Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. 3. — М., 1902, с. 266–267.

6

Кюи Ц. А. Русский романс. Очерк его развития. СПб., 1896, с. 6.

7

Кюи Ц. А. Цит. соч., с. 61.

8

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах, т. 2. — М.: Госполитиздат, 1969, с. 115–117.

9

Там же, т. 1, 1968, с. 114–117. (Все перечисленные в этих воспоминаниях романсы читатель найдет в данной книге. — *Прим. сост.*)

10

См. комментарий В. Е. Гусева в кн. «Песни и романсы русских поэтов». (Б. П., б. с.). — М. — Л., 1965, с. 1000; внутренние ссылки там же.

11

Там же, с. 1058.

12

См. *Гусев В. Е.* Песни и романсы русских поэтов. — В кн.: Песни и романсы русских поэтов..., с. 14.

13

См. *Гусев В. Е.* Указ. соч., с. 22.

14

Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 1. — М.-Л., 1953, с. 63.

15

См. *Асафьев Б. В.* Избр. труды, т. 2. — М., 1954, с. 83.

16

См. *Гусев В. Е.* Указ. соч., с. 26–27.

17

Стасов В. В. Избранные произведения в трех томах, т. 1. — М., 1952, с. 425.

18

См. *В. А. Васина-Гроссман.* Русский классический романс XIX века. — М.-Л., 1956, с. 140.

19

Цит. по кн.: В. Каверин. Письменный стол. Воспоминания и размышления. — М., 1985, с. 214–215.

20

В песенниках с середины XVIII в. Вариант: «Ой коли ж дождусь я веселова время...»

21

Сличье — прелесть, красота.

22

Стень — тень.

23

Поне — хотя бы.

24

«Пастушеская».

25

Упоминают Н. Г. Помяловский («Очерки бурсы») и Н. С. Лесков («Соборяне»).

26

Текст является прототипом романса «Прощайте, ласковые взоры...» (начало XX в.).

27

Музыка Козловского (1795).

28

Авторы музыки, за исключением однофамильцев, в пояснениях к текстам даются без инициалов. См. Указатель имен композиторов. — *Сост.*

29

Разночтения: «Пятнадцать минуло мне лет», «Мне минуло пятнадцать лет», «Прошло уж мне пятнадцать лет».

30

В середине XIX в. популярна у студентов.

31

Часто — «Войдя в шалаш мой торопливо». Музыка Жилина (1814).

32

Музыка М. Яковлева.

33

Певец Тиисский — Анакреон.

34

Бычок — народная женская пляска XVIII — начала XIX в.

35

Музыка Дубянского.

36

О! моя нежная волынка! и т. д. (*фр.*). — *Сост.*

37

Эпиграф из Лагарпа.

38

Музыка Дубянского, Козловского (1795), Жилина (1814).

39

Музыка Козловского (1795). В первой строке иногда «вчера».

40

Музыка приписывается Себастьяну Жоржу или Кашину. Упоминает А. С. Пушкин («Домик в Коломне»).

41

Вариант 2-й строфы:

Любил, не быв любимым,
К несчастью моему...
Увы! Насильно милым
Не будешь никому!

42

Под впечатлением смерти друга Н. М. Карамзина А. Петрова.

43

Музыка Дубянского, Направника (для хора). Упоминают А. С. Пушкин («Домик в Коломне»), Н. Г. Помяловский («Очерки бурсы»).

44

Иногда под заглавием «Бабушкина песня». Музыка Жилина (1814), Алябьева («Старинная песня», 1832).

45

Музыка Жилина (1814).

46

Музыка Жилина (1814).

47

Вольный перевод песенки итальянского поэта П. Метастазиио «La Partenza».

48

Анюта — персонаж нескольких произведений И. А. Крылова.

49

В первой публикации песня предварялась четверостишием Е. Колычева:

Кто эту песенку прочтет,
Творенье друга дорогова,
Коль в сердце у него не лед,
Как спросит он меня: за что люблю Шатрова?

50

Иногда с указанием «цыганская». Строфика послужила образцом «Севастопольской песни» Л. Н. Толстого и других солдатских матросских песен.

51

Глафира — героиня нескольких произведений Долгорукого. По свидетельству автора, «друг сердца».

52

Музыка Кашина, Варламова.

53

Музыка Кашина.

54

Музыка Кашина. Строки 5–8 стали частушкой:

Нельзя солнцу быть холодным,
Нельзя сердцу остывать,
Нельзя нам с тобой, подружка,
От героев отставать.

55

В основе напева — мелодия песни Козловского на слова Карабанова «Лети к моей любезной...». Музыка — вариации Глинки и гитаристов Сихры и Высотского. Упоминают И. А. Гончаров («Воспоминания»), И. И. Лажечников («В старом доме»), А. Н. Островский («Гроза», «Трудовой хлеб»).

56

На мелодию народной песни «Вылетала голубица». Есть сведения о существовании музыкальной версии Кашина.

57

Музыка Варламова.

58

Первая публикация под заглавием «К ней (рондо)», без подписи. Предполагается, что прототипом

текста является неустановленный французский источник (ср. «Когда я был любим...» В. А. Жуковского с подзаголовком «Перевод с французского»). Музыка Литандера (1832).

59

Романс-баллада. Музыка Жилина (1814). Звучала у П. Ободовского в его постановке драмы Э. Шенка «Велизарий».

60

Велизарий — византийский полководец VI в. Был в опале у императора Юстиниана.

61

Приписывается П. Львову и относится ко времени персидского похода Петра I (1722). Отмечают переключку с народной песней «Уж как пал на сине море пребольшой густой туман...». Известно подражание «Уж как пал туман на реку Неву...», которую пел М. Муравьев-Апостол. Музыка Кашина, Гурилева.

62

В песенниках — с 1770-х годов.

63

Приписывается Ф. Волкову (1729–1763), выдающемуся актеру и театральному деятелю. Известно подражание «Ты проходишь, мой любезный, мимо кельи...». Упоминает Н. С. Лесков («Захудалый род»).

64

Приписывается В. Кугушеву, поэту и драматургу начала XIX в. С середины XIX в. конец изменен:

Пастух, пастух, пастушок,
Пастух, миленький дружок!
Ты скотинушку паси,
Ночевать ко мне ходи!
Пастух ночку ночевал,
Он овечку потерял,
А на третью ночевал —
И все стадо потерял.

Упоминают А. Ф. Писемский («Богатый жених»), Л. Н. Толстой («Детство»).

65

Иногда приписывается Ивану Осипову (Ваньке Каину). Упоминают А. С. Грибоедов («Загородная поездка»), Н. Г. Помяловский («Очерки бурсь»), П. И. Мельников-Печерский («Старые годы»).

66

Подражание песне «Ты проходишь мимо кельи, дорогая...».

67

Первая публикация (1793) с примечанием: «Песня сия написана благородною, жившею на берегу Волги и некогда несчастною девицею». Приписывалась Нелединскому-Мелецкому или Мерзлякову. Известно исполнение на музыку Гайдна.

68

Вольный перевод стихотворения Ф. Шиллера «Des Mädchens klage» (Первые две строфы — романс Теклы в трагедии «Пик-коломини»). Музыка Верстовского (1827), Глинки.

69

Из Фабра д'Эглантина. Музыка Вейрауха, С. Голицына.

70

Перевод романса из романа Коттен «Мальвина».

71

Из Х.-А. Тидге.

72

Подражание Мильвуа. Музыка Алябьева, Варламова, Рубинштейна.

73

Музыка Плещеева, Верстовского, Глинки.

74

Перевод стихотворения И. В. Гёте «Trost in Tränen». Музыка Вейрауха, Даргомыжского, Игнатьева.

75

Музыка Норова (1829), Капри, Булахова.

76

Вольный перевод стихотворения Ф. Шиллера «Текла. Голос духа». Музыка Глинки.

77

Из Ф.-Г. Ветцеля. Музыка Вейрауха, Кюи.

78

Из Ф.-Г. Ветцеля. Музыка Вейрауха, Даргомыжского.

79

Из Ф.-О. де Монкрифа. Музыка Агренева-Славянского.

80

Музыка Рубинштейна.

81

Из И.-Л. Уланда («Промелькнувший певец»). Музыка Рубинштейна.

82

Из И.-Л. Уланда («Монахиня»). Музыка Глинки.

83

Из И.-Л. Уланда. Музыка Глинки.

84

С немецкого. Музыка Рубинштейна.

85

Из А.-В. Арно. Музыка Рубинштейна.

86

С немецкого. Музыка Алябьева.

87

Музыка Жучковского (1832), Варламова, Гинзбурга, Ю. Арнольда, Плещеева.

88

Из И.-Х. фон Цедлица. Музыка Глинки (зимой 1835/1836), Верстовского.

89

72 и 73 — образцы романса-баллады.

90

Из поэмы Парни «Иснель и Аслега». Музыка Алябьева (1833).

91

Музыка Донаурова, А. Петрова, Рубинштейна, Щуровского.

92

Цыганский романс. Музыка Шпарварта (1851), Животова, Мосолова.

93

Перевод стихотворения Парни «Страх».

94

Стихотворное переложение одноименной прозаической «Персидской идиллии» Парни.

95

Подражание итальянскому поэту XVIII в. Дж. Б. Касти.

96

Ли́ра Тиисская — по имени Тийи, возлюбленной Аполлона.

97

Включалось в народную драму «Царь Максимилиан», упоминается у А. Ф. Писемского («Старая барыня»).

98

Музыка Глинки (1827).

99

Незавершенный перевод 178-й и 179-й строф IV песни поэмы Д. Г. Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда». Музыка Кашперова.

100

Музыка Н. А. Титова (1829), Верстовского, Рубинштейна, Чайковского (дуэт в опере «Евгений Онегин») и др. В XIX в. — более 15 композиторов. В альманахе «Денница» (1830) с подзаголовком «Слова для музыки».

101

При исполнении часто без восьми последних строк. Музыка Алябьева (1830), Даргомыжского.

102

Музыка Маурера (1823), Геништы (1823), Егорова, Алябьева, Вильбоа и др. В XIX в. — более десяти композиторов.

103

Музыка Римского-Корсакова, Мусоргского. Рубинштейна, Гречанинова, Ан. Александрова.

104

Музыка Верстовского (1826), Есаулова, Глинки, Даргомыжского, Лурье.

105

Музыка Даргомыжского (1840-е годы), Направника, Метнера, Ребикова, Слонова, М. Л. Яковлева.

106

Музыка Н. С. Титова (1829), Алябьева (1831), Мельгунова, Глинки (1840) и др. В XIX в. — 7 композиторов. Упоминает Д. Н. Мамин-Сибиряк («Горное гнездо»).

107

По-видимому, речь о письмах поэту от Е. Н. Воронцовой из Одессы. Музыка Кюи, Майбороды.

108

Музыка Рубинштейна, Даргомыжского, Чайковского, Направника, Римского-Корсакова, С. Танеева, Агафонникова, Глазунова (записано Ф. Шляпиным).

109

На тему «Песни песней». Музыка Глинки, Даргомыжского, Глазунова.

110

Музыка М. Л. Яковлева.

111

При исполнении три последние строфы опускают. Музыка Алябьева (1831), Афанасьева, Кюи и др.

112

Музыка Н. С. Титова (1829), Макарова.

113

Под впечатлением грузинской мелодии, услышанной А. С. Пушкиным от Глинки, которому сообщил ее А. С. Грибоедов. Музыка Глинки (1828) — на первые две строфы (третью и четвертую, повторяющуюся, А. С. Пушкин добавил позже); Ю. Арнольда, Балакирева, Ипполитова-Иванова, Лурье, А. Лядова, С. Рахманинова, Римского-Корсакова. В XIX в. — 21 композитор.

114

Написано во время путешествия в Арзрум.

115

Напечатано с нотами Есаулова отдельным изданием (1830 или 1831).

116

Издано как романс с музыкой Глинки (1834), Даргомыжского.

117

Музыка А. Бородина, Римского-Корсакова.

118

Музыка Даргомыжского.

119

Романс-баллада. Поют с сокращениями. Источник — украинская песня. Под впечатлением водевиля А. Шаховского «Казак-стихотворец» (1812). Музыка Верстовского (1829), Направника и др.

120

Романс-баллада. Вместо строк 51 и 52 часто поют:

Поступок мой, твой рок ужасный
К страданью принуждает нас.

Предпоследнюю строфу иногда опускают. В лубке — нередко дальнейшее развитие сюжета. Музыка Н. С. Титова.

121

Романс-баллада. Музыка Верстовского (1823), Виельгорского, Геништы и др. Первоисточником считалась молдавская песня. По мнению румынских литературоведов, в стихотворении А. С. Пушкина прослушиваются балладные мотивы балканских народов. Наиболее популярен романс Верстовского, который он пел под аккомпанемент А. С. Грибоедова. Впервые на публике его исполнил П. Булахов в Пашковском театре в Москве (1823). Его исполнял трагик Мочалов, а на французском и итальянском языках — певица Този. Упоминает Вс. Крестовский («Петербургские трущобы»).

122

Свободное переложение французского перевода первой половины баллады Вальтера Скотта. Музыка Виельгорского (1828), Верстовского (1829), Алябьева (1829), С. Блуменфельда, Даргомыжского (трио), Ребикова (хор), Рубинштейна, Римского-Корсакова (хор).

123

В поэме А. С. Пушкина «Песня Земфиры». Цыганский романс. Музыка Виельгорского (1825), Алябьева, Верстовского (1831), С. Рахманинова (из оперы «Алеко»), Кашперова и др. В XIX в. — 11 композиторов.

124

В ряде песенников первая строка: «Минуло мне шестнадцать лет...». Навеяно песней XVIII в. — «Минуло мне пятнадцать лет...», являющейся прототипом опубликованного в книге стихотворения Богдановича. *Клаудий* — немецкий поэт XVIII в. М. Клаудиас, переводом стихотворения которого и является эта песня А. А. Дельвига. Музыка Даргомыжского (начало 1840-х годов).

125

Музыка Даргомыжского.

126

Музыка М. Л. Яковлева, Даргомыжского.

127

Песенный вариант первой строки по первой редакции: «Одинок в облаках месяц плыл туманный...». Музыка Рупина, Алябьева, Варламова.

128

Музыка М. Л. Яковлева, Литандера, Рупина, Даргомыжского (хор), Н. Соколова, Булахова, Жданова.

129

Музыка Глинки (1834), Алябьева.

130

Переработка немецкой песни. Музыка Даргомыжского, Акименко, Золотарева, Шенка, Германа.

131

Музыка Литандера (1832), Варламова, Даргомыжского (дуэт).

132

Музыка Алябьева (1830), М. Л. Яковлева, Литандера, Даргомыжского.

133

Мелецкий — Ю. А. Нелединский-Мелецкий, один из авторов данной антологии.

134

Музыка Даргомыжского.

135

В связи со смертью поэта Д. В. Веневитинова. Музыка Даргомыжского.

136

Музыка Глинки (1828).

137

Музыка Глинки (1827), В. Соколова.

138

Фольклорный источник — песня «Скучно, матушка, весною жить одной...». Ср. у Д. Глебова: «Скучно, матушка, мне сердцем жить одной...».

139

Музыка М. Л. Яковлева, Литандера, Дмитриева, Нолинского, Рубинштейна (хор), Шенка, Донаурова, В. Соколова.

140

Музыка Алябьева. Известны также вариации Глинки на музыку Алябьева. Впервые исполнена цыганской певицей Таней. Еще при жизни поэта появились песенные варианты с дополнением:

Что ноченьку просидишь?
Я лечу, лечу, лечу
Во угожие места,
Во угожие места,
Во ракиковы кусты...

В некоторых песенниках — как «народная песня» (по сходной с народной первой строке «Соловей мой, соловей, соловьюшко молодой...» и «Соловей мой, соловеюшка, вольна пташечка...»). Ср. у Н. Цыганова: «Что ты, соловеюшко...».

141

Музыка М. Л. Яковлева.

142

Не окончена. Музыка Алябьева.

143

«За турецкой за границей...» — речь о войне 1828–1829 гг.

144

Музыка Алябьева (1834). Началом напоминает народные песни:

Как за реченькой слободушка стоит,
Во слободушке молода вдова живёт...
Как за реченькой слободушка стоит,
В ту слободку добрый молодец идёт...

145

Музыка Гречанинова.

146

Музыка Сабуровой.

147

Под впечатлением «Бесов» А. С. Пушкина. Название восходит к «Тройке» Ф. Н. Глинки. Музыка Булахова, Дюбюка.

148

При исполнении варьируется.

149

Музыка Ан. Александрова, О. Строка.

150

Музыка Глинки (1825), Ф. Бюхнера, Дюбюка и др. Упоминается в «Бесприданнице» А. Н. Островского (поют Лариса и, дуэтом, Илья и Лариса).

151

Из Мильвуа. Музыка Вильбоа.

152

Музыка Даргомыжского.

153

В автографе — другая редакция:

Очарованье красоты
Твоей во благо нам;
Не будишь нас, как солнце, ты
К мятежным суетам;
От дольной жизни, как луна,
Манишь за край земной,
С тобой, как ты, душа полна
Высокой тишиной.

Музыка Кашперова, Мясковского.

154

Музыка Глинки, Гречанинова (хор), Вик. Калинникова, Кюи (музыкальная картина), Н. Соколова (дуэт), Черепнина (дуэт), Ляпунова.

155

Музыка А. Танеева.

156

Иногда под заглавием «Русская песня».

157

Музыка Полонского.

158

Музыка Грачева.

159

Романс-баллада. Имеется песенная переработка. Упоминает К. А. Федин («Необыкновенное лето»).

160

П. А. Муханов — писатель, декабрист; друг поэта.

161

Возможно, перевод с чешского (на основании подзаголовка).

162

Иногда приписывают К. Ф. Рылееву и А. И. Полежаеву; иногда как «народная песня». Известна переработка на болгарском.

163

Заневские башни — бастионы Петропавловской крепости.

164

Первые строки поют так:

На серебряных волнах,
На желтых песочках...

Первую строку иногда поют: «На серебряной реке». Упоминает П. Ф. Якубович («В мире отверженных»).

165

С небольшими сокращениями. Имеется вариант, ставший народной песней «Тройка» (1832). Тематически связано с песней Анордиста «Гремит звонок и тройка мчится...». Первую строку иногда поют так: «Вот мчится тройка почтовая...». Музыка Рупина, Направника.

166

Музыка Наумана, Главача.

167

Музыка Даргомыжского.

168

Музыка Золотарева.

169

Музыка Даргомыжского.

170

Фольклоризировалась в студенческой среде.

171

Иногда под заглавием «Моряки». Музыка Вильбоа (дуэт), Направника (мужской хор). На мелодию Вильбоа исполнялись некоторые революционные песни 1860–1870-х годов. При пении 12-я строка — «И поборемся мы с ней». В последней строфе двустрочия меняются местами; конец изменен:

Нас туда выносят волны,
Будем тверды мы душой.

172

Музыка Даргомыжского.

173

Музыка Алябьева, Афанасьева.

174

Музыка Алябьева, Булахова.

175

Музыка Макарова («Буря»).

176

Перевод стихотворения Т. Мура из цикла «Ирландские мелодии».

177

Перевод песни Зюлейки из турецкой повести Д. Г. Байрона «Невеста Абидосская». Музыка Алябьева (1832), Кочетова.

178

Перевод стихотворения Т. Мура «Those evening bells». Посвящено Татьяне Сергеевне Вейдемейер, другу семьи Козловых. Музыка Алябьева (1830, наиболее популярна), Ю. Арнольда, Бахметьева, Гречанинова, Монюшко, А. Рахманинова, Воротникова, Золотарева (смешанный хор).

179

Музыка Глинки, Балакирева. Поют с сокращениями.

180

П. А. Плетнев — литературный критик, профессор Петербургского университета.

181

Брента — река в Италии; впадает в Венецианский залив.

182

Торквато Тассо — итальянский поэт XVI в.

183

Октава — стихотворная строфа.

184

Баркарола — любовная песня венецианских гондольеров; музыкальная форма.

185

Подражание стихотворению немецкого поэта И. Г. Якоби. См. также: «Песня» («Где фиалка, мой цветок...») В. А. Жуковского.

186

Из первой песни поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда» Д. Г. Байрона. В песенном бытовании, особенно в тюремной среде, переосмыслена. Упоминают Ф. М. Достоевский («Записки из мертвого дома»), Вс. Крестовский («Петербургские трущобы»).

187

Перевод стихотворения Т. Мура из его цикла «Ирландские мелодии». Музыка Дерфельдта.

188

Упоминает А. М. Горький («Тюрьма»).

189

Перевод «Солдатской песенки» из «Эгмонта» И. В. Гёте.

190

Из «Фауста» И. В. Гёте.

191

Романс-баллада. Музыка Делюсто. Фольклоризируется. Варианты с иными историческими и бытовыми реалиями: «Под небом Сербии гонимой...», «На нас напали злые турки...», «Между Китаем и Манчжурой...», «Между Москвой и Ленинградом...».

192

Музыка Рупина («Каватина»), Сокальского.

193

Музыка Варламова.

194

Музыка Главача.

195

Народный романс. Музыка Сокальского (1859), В. Соколова.

196

Народный романс. Музыка Ю. Арнольда (1840), Гурилева (1840-е годы), Алябьева, Бакалейникова, Дюбюка (для фортепьяно), Маркова (для гитары).

197

Музыка Кюи, Ребикова (хор), Соловьева (хор), Л. Петрова, Данкмана и др.

198

Песня Софьи из трагедии «Ермак». Музыка Варламова (1839).

199

Музыка Неплюева, Чайковского.

200

Музыка Алябьева (1831).

201

Музыка Глинки.

202

Романс Ольги из повести «Испытание». Музыка Алябьева.

203

Музыка С. Рахманинова.

204

Музыка С. Рахманинова.

205

Музыка Черепнина, Метнера, Чеснокова, Золотарева.

206

Музыка Катюара, Метнера, А. Кузнецова, Матвеева, Поля.

207

Музыка Катюара, Золотарева, Метнера, Черепнина.

208

Музыка Метнера.

209

Музыка С. Рахманинова.

210

Музыка Бегичевой (1873), С. Рахманинова (1896), Гречанинова (хор), Золотарева, Ребикова (хор), Н. Соколова, Черепнина (дуэт), Анцева (хор) и др. В XIX в. — около 20 композиторов. Особенно популярен романс С. Рахманинова.

211

Музыка Чайковского (1881), Гречанинова, Глиэра, Метнера, Золотарева, Саца, Ребикова (хор), Черепнина, Анцева, Кашперова, Шефера и др. (свыше 20 композиторов).

212

К. Б. — А. М. фон Лерхенфельд, в замужестве баронесса Крюденер (1808–1888).

213

Музыка Донаурова, Б. Шереметьева, обработка Спиро.

214

Время золотое — 1822 г., время первой встречи в Мюнхене.

215

Музыка С. Рахманинова.

216

Имеется подзаголовок — «Подражание г-же Деборд-Вальмор» (французская поэтесса и романистка, современница Ростопчиной), и посвящение — «Для Елизаветы Петровны Пашковой». 1830 — дата написания; 1858 — дата песенной редакции (1856 — уточненная дата песенной редакции). Музыка Кочубей (отдельное издание — в СПб. с цензурным разрешением 22 ноября 1857 г.; вместе с «ответом» «Скажите ей!» на слова Н. А. Долгорукова, исполнявшимся Г. Тамберликом, известным тогда певцом). В песенниках романс Ростопчиной публикуется с 1863 до 1909 года. В 1890 г. после смерти поэтессы ее брат напечатал окончательную редакцию стихотворения (Е. Ростопчина. Соч., СПб., 1890, т. 1). Стихотворение приводится по тексту 1857 г., ставшему романсом (Е. Ростопчина. Стихотворения, т. 1–2, СПб., 1857). Поэтесса написала немало стихотворений, ставших романсами. Среди них — «Северная звезда», положенное на музыку Глинкой.

217

В повести его поют разбойники по просьбе героя повести Буривора. Музыка Варламова (1833), Алоиза, Алябьева, Кашина. Фольклоризировалось, проникло в лубок, несколько видоизменившись.

218

Музыка Кочетова.

219

По названию и отдельным мотивам совпадает с «Еврейскими мелодиями» Д. Г. Байрона. Музыка Аренского.

220

Известия о национально-освободительном движении горцев усилили интерес поэта к теме Кавказа. Музыка Шостаковича.

221

Е. Сушкова свидетельствует о подлинности случая в Троице-Сергиевой лавре (1830). Музыка Ф. Blumenфельда, Кюи, Метнера, Направника.

222

Музыка Кюи, Ляпунова.

223

Музыка Варламова, Метнера, С. Рахманинова, Римского-Корсакова, Рубинштейна. Упомянут

И. Репин («Далёкое — близкое») и А. Н. Толстой («Хождение по мукам»).

224

Включено с небольшими изменениями в поэму «Беглец». Упоминает Н. Г. Чернышевский («Что делать?»). В романе эту песню поет «дама в трауре». В. И. Ленин объяснял значение этой песни «Она зовет Веру Павловну, Кирсановых в подполье. В этом же весь смысл. Вера Павловна после многолетних исканий приходит к выводу, что выход в „революции“» (Шульгин В. Памятные встречи. — Литературная газета, 16 апреля 1955).

225

Музыка Варламова, Марсничка, Зорова, Рубинштейна.

226

Музыка Агренева-Славянского. Фольклоризировалось. При пении сокращено, изменен конец:

Рыбак, рыбак веселый,
Оставь, оставь меня.
Ты плакать не способен.
Терзаешь ты меня.

227

Музыка Пауфлера (1854), Виардо-Гарсиа, Рубинштейна (соло и хор) и др. В XIX в. — 8 композиторов.

228

Вольный перевод стихотворения Д. Г. Байрона «My Soul is dark» из цикла «Еврейские мелодии». Музыка Балакирева, Направника, Рубинштейна.

229

Солим — Иерусалим. Ср. последнюю строфу стихотворения со стихами А. С. Пушкина из поэмы «Бахчисарайский фонтан»:

Лампады свет уединенный,
Кивот, печально озаренный,
Пречистой девы скорбный лик
И крест, любви символ священный.

Ср. также со стихотворением А. С. Пушкина «Цветок». Музыка Прокофьева.

230

Ср. со стихотворениями А. С. Пушкина «Я вас любил, любовь ещё быть может» и Е. А. Баратынского

«Уверение» («Нет, обманула вас молва»). Музыка Б. Голицына, Лишина, Малашкина, Ф. Блуменфельда, Богатырева.

231

Предполагают, что стихотворение обращено к певице П. Бартеневой. Музыка Глинки.

232

Музыка Кюи.

233

Музыка Паскуа, Рубинштейна (1878), С. Танеева. Имеются фольклоризированные варианты. Известна в Болгарин. Упоминает Д. Н. Мамин-Сибиряк («Золотуха»).

234

Музыка Даргомыжского (конец 1830-х — 1840-е годы), Глинки, Гурилева, Булахова, Дютша, Листа, Направника и др. В XIX в. — свыше 30 композиторов. Упоминает М. Альбов («Ряса»).

235

Музыка Даргомыжского (1847), Гурилёва.

236

Предполагают, что стихотворение посвящено М. Щербатовой. Музыка Балакирева, Даргомыжского, Римского-Корсакова.

237

Музыка Даргомыжского (1841–1842), Бларамберга (хор), Варламова, Огарева, Рубинштейна, Римского-Корсакова (женский хор), Кюи (дуэт) и др. В XIX в. — более 10 композиторов.

238

Переложение стихотворения И. В. Гете «Über alien Gipfeln...» («Wänders Nachtlied»). Музыка Н. А. Титова (1845), Варламова, Вик. Калинникова (хор), Ф. Блуменфельда, Ипполитова-Иванова (хор) и др. (более 10 композиторов). А. Григорьев свидетельствует об исполнении произведения хором московских цыган.

239

Музыка К. Давыдова (1878), Дмитриева, Огарева, Шашиной и др. (всего 9 композиторов). Проникло в народную среду.

240

Музыка Балакирева, А. Толстой, Пауфлера.

241

Музыка Н. А. Титова, Дмитриева, Булахова, Гурилева, С. Голицына и др. (всего 28 композиторов). Посвящено, вероятно, Е. Быховец, дальней родственнице поэта, который встречался с ней в 1841 г. в Пятигорске.

242

Подруга юных дней — В. А. Бахметьева (в девичестве Лопухина).

243

Вольный перевод стихотворения Г. Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam». Тему разлученных влюбленных (сосна в немецком языке — мужского рода) поэт заменил темой одиночества. Музыка Даргомыжского, Римского-Корсакова, Балакирева, С. Рахманинова, Гольденвейзера, Асафьева, Ребикова и др. Всего — больше 100 композиторов.

244

Связано со стихотворением А. Карра «Влюбленный мертвец», Музыка Чайковского.

245

Музыка Римского-Корсакова.

246

Музыка Варламова (1861), Виардо-Гарсиа, Гречанинова, Направника и др. (свыше 20 композиторов). При пении первую строку иногда поют так: «Спи, малютка мой прекрасный». Проникла в народную среду. Имеются фольклоризированные варианты. Сохранилось сообщение, что музыку к стихотворению написал также и сам поэт.

247

Романс-баллада. С сокращениями (поют первые 12 строк). Переработка стихотворения австрийского поэта И.-Х. фон Цедлица. Двенадцатая строфа навеяна его же балладой «Ночной смотр» в переводе В. А. Жуковского (73). Музыка Верстовского, Глинки.

248

Романс-баллада. Был распространен среди студентов и среди заключенных.

249

Романс-баллада. Источник — вариант грузинской легенды о царице Дарье (Дареджан). Музыка Направника.

250

При пении — с изменениями.

251

Иногда как «тюремный» романс.

252

Музыка Верстовского.

253

Музыка Глинки (1834), Даргомыжского (1848), Нагеля. Упоминают А. Ф. Писемский («Масоны»), Маркевич («Четверть века назад»).

254

Иногда без последней строфы. Музыка Глинки (1856), Дмитриева, Кузьминского. Глинка — Кукольнику: в стихотворении Павлова «обруган весь свет, значит и публика, что мне зело по нутру» (М. И. Глинка. Литературное наследие. Л.-М, т. 2, 1953, с. 570).

255

Музыка Булахова (1860).

256

Музыка Балакирева, Корещенко, В. Соколова, Шефера (мелодекламация).

257

Вариант начала:

Я вновь пред тобою стою очарован
И в ясные очи гляжу...

258

Музыка Щуровского, Булахова.

259

Музыка Н. А. Титова (1835).

260

Музыка Глинки (1838), посвятившего этот романс своей ученице Каролине Колковской.

261

В стиле бытовой «русской песни». Музыка Глинки (1840, цикл «Прощание с Петербургом»), Варламова, Броуна, В. Соколова.

262

Музыка Варламова (1839). Первая строка поется так: «Зачем сидишь до полуночи...». Последнюю строфу обычно опускают. Мелодия варьируется.

263

Музыка Варламова (1845), Макарова и др.

264

Музыка Гурилева, Макарова.

265

Музыка Направника. Было популярным среди студентов Дерптского университета (1830-е годы). Первая строка поется так: «Накинув плащ, с гитарой под полою...».

266

Музыка Алябьева (1851).

267

Перевод стихотворения Г. Гейне. Музыка Глиэра.

268

Музыка поэта.

269

Музыка Алябьева, Гурилева.

270

Музыка, предположительно, самого Н. П. Огарева. Мелодия использована в «Одиннадцатой симфонии» Шостаковича. Подверглась фольклорной обработке и была популярна еще до опубликования (до 1857) среди политзаключенных. Известны переработки на болгарском.

271

Из цикла «Монологи», высоко ценимого Н. Г. Чернышевским. Первые восемь строк положил на музыку Глиэр.

272

Прототипом является баллада И. В. Гёте «Лесной царь». Музыка Пасхалова.

273

Музыка Рубинштейна, Галковского (дуэт), Симона (хор в опере «Песнь торжествующей любви», 1899), Кастальского (в опере «Клара Милич»).

274

Прототипами являются «разбойничьи» песни и народные баллады. Музыка Оленина, Рубинштейна (1891). Наиболее популярен романс Рубинштейна, посвятившего его одному из лучших исполнителей этой вещи — Ф. Стравинскому. Исполнение Ф. Шаляпина считается непревзойденным.

275

Известен как цыганский романс (с 1877 г.). Музыка Абазы, Гедике, Катюара. В начале XX в. исполнялся цыганской певицей В. Паниной (на музыку Абазы).

276

Из Г. Гейне. Музыка Корещенко.

277

Музыка Варламова. Входила в репертуар цыганских хоров.

278

Музыка Балакирева, Аренского, Билибина, Лопухина, Метнера, Ребикова, Римского-Корсакова, А. Петрова, Прохорова, Подгорецкого, Саца, Сокальского, С. Толстого.

279

Музыка Бюцова, Гречанинова, Ребикова, Черепнина и др.

280

Музыка Лисовского.

281

Музыка Кашперова, Панченко.

282

Станица — стая.

283

Музыка Булахова.

284

Музыка Римского-Корсакова.

285

Музыка Балакирева, Золотарева, Метнера, Римского-Корсакова, Чеснокова, Юферова и др.

286

Музыка С. Танеева.

287

Музыка Кюи, Ребикова, Раухвергера.

288

Музыка Аренского.

289

Музыка Чайковского.

290

Музыка С. Рахманинова («В молчаньи ночи тайной...»), Конюса.

291

Музыка П. Булахова («Крошка»), Направника. Упоминает Д. Н. Мамин-Сибиряк («Черты из жизни Пепко», «Нужно поощрять искусство»).

292

Под впечатлением пения Т. П. Кузминской, свояченицы Л. Н. Толстого. Музыка Алфераки, Офросимова, Конюса, Чигирь, Ширяева (наиболее популярна).

293

Музыка Чайковского (1886), Корганова, Корещенко, Офросимова, Прейса, Ротиной, Т. Толстой, Эфеля, Юона.

294

Перевод стихотворения Гафиза (Хафиза). Музыка Римского-Корсакова.

295

Перевод одноименного стихотворения И. В. Гете. Музыка Метнера.

296

Музыка С. Танеева, Лопухина, Френтага, А. Щербачева и др.

297

Музыка Аренского.

298

Известен как цыганский романс. В песенниках до 1913 г. иногда с подзаголовком — «Песня московских цыган». Музыка Варламова, Чайковского, Дерфельдта, Траилина, Христиановича, Шпачека.

299

Музыка Делюсто (1856), Даргомыжского (1865), Бороздина, Булахова, Римского-Корсакова, В. Соколова, Фольборта и др.

300

По образцу греческих песен, переведенных Н. Гнедичем и самим Щербиной (1843). Популярно в годы Крымской войны. В пении известны переработки и текста, и музыки. На основе устной редакции в конце XIX в. создана матросская песня-баллада «Раскинулось море широко...»

301

Музыка Гречанинова.

302

Музыка Кюи.

303

Музыка С. Танеева.

304

Музыка Направника.

305

Музыка Гречанинова.

306

Музыка Даргомыжского («Русая головка», 1857), Булахова, Галкина, Чайковского, Энгеля.

307

Музыка Зорина, Казанли, Слонова. На музыку неизвестного композитора пели в студенческой среде (1840–1860-е годы). Позднее — среди ссыльных и заключенных. Варианты девятнадцатой строки: «Об обществе, о музыке...»; «О равенстве, об обществе...»; «О мужестве, о родине...»

308

Музыка Чайковского.

309

Музыка Рубинштейна.

310

Музыка Кюи.

311

Музыка С. Рахманинова.

312

Музыка С. Танеева, Рейснер-Куманиной, Барсова, Усатова. Пели в демократической и революционной среде. Отклик на дело В. Засулич, совершившей покушение на петербургского градоначальника Ф. Трепова (по другой версии — посвящается В. Фигнер).

313

Музыка Ф. Blumenфельда.

314

Музыка Чайковского (1886), Гоффман, Лишина, Метнера, Флярковского. Популярен как цыганский романс на музыку неизвестного композитора в обработке Пригожего, а также на музыку Ф. Садовского (из репертуара В. Козина).

315

Музыка Кочубей.

316

Музыка Даргомыжского (1846), Варламова (1847), Глинки (1847), Дюбюка, А. Рахманинова и др. В 1840-е годы был популярен романс Глинки (особенно в исполнении певицы Е. Коннар). В 1855 г. композитор его оркестровал. Позднее популярным стал романс Даргомыжского.

317

Цыганский романс. Музыка Даргомыжского (1851). Стал популярен благодаря исполнению его Полиной Виардо (1853). Об этом — стихотворение «Безумная, после пения Виардо-Гарсия» В. Г. Бенедиктова.

318

Перевод стихотворения Ф. Рюккерта. Музыка Мусоргского.

319

Музыка Варламова.

320

Перевод стихотворения И. В. Гёте. Музыка С. Рахманинова.

321

Перевод стихотворения Гейне. Музыка С. Рахманинова.

322

Перевод стихотворения Гейне. Музыка С. Рахманинова.

323

Множество фольклоризированных переработок для пения.

324

Перевод стихотворения австрийского поэта М. Гартмана. Музыка Чайковского (1869), Векшина, Кашкина, Кюи, Лисовского, Личе, Офросимова и др. Из репертуара Л. В. Собинова.

325

Перевод стихотворения Ф. Фрейлиграта, друга К. Маркса. Музыка Дюбюка.

326

Музыка Аренского.

327

Музыка Булахова.

328

Музыка Римского-Корсакова.

329

Музыка Гречанинова.

330

Перевод стихотворения Шандора Петефи. Музыка Гречанинова.

331

Посвящено П. Н. Островскому, инженеру, критику-дилетанту, сводному брату драматурга А. Н. Островского. Музыка Вас. Калинникова.

332

Перевод стихотворения шотландского поэта В. Мозервела. Цыганский романс. Иногда как «народная песня». При пении сокращена и переработана. Варианты первой строки: «В голове моей мѳзги иссохли...», «В голове моей мозг иссыхает...».

333

Под влиянием Г. Гейне.

334

Из Барри Корнуола.

335

Из Гейне. Музыка Балакирева (1865), Макарова.

336

Из Гейне. Музыка Римского-Корсакова (1865), Корганова (1877), Вилламова («Перед разлукой», 1886), В. Соколова, Чеснокова. В 1873 г. цензурный комитет разрешил издание нот романса без указания имени переводчика, объявленного «государственным преступником».

337

Из Гейне. Музыка Макарова.

338

Из Гейне. Музыка Сокальского.

339

Перевод стихотворения Г. Гейне. Музыка Шумана.

340

Музыку писали: Дюбюк (1865), Воронцов (1867), Эггерс (1874), Галлер (1876), Ильинский (1897), Ермолов (1899), Гот (1901), И. Бородин (1902), Кюи (1902), Терентьев (1970).

341

Пели в революционных и студенческих кружках (с середины XIX в.). Мелодии различны. При пении два коротких стиха удлиняются: «Я ничего, ничего не спросил...»; «И бесполезно замрут!..».

342

Городской романс. Пели в революционных кружках. Третью, четвертую и пятую строфы опускали.

343

Посвящено А. Я. Панаевой; под впечатлением размолвки с ней. Упоминает Н. Г. Чернышевский («Что делать?»). Музыку писали: Грабанек (1865); К. Давыдов (1879); Струве (1889), Гире (1893), Кюи (1902), Терентьев (1970).

344

Обращено к А. Я. Панаевой. Музыку писали: Кюи (1859), Дюбюк (1870), Римский-Корсаков (1883), Чайковский (1887), С. Блуменфельд (1889), Дмитриев, И. Соколов (1901), Черепнин (1904), Золотарев (1906) и др. (всего свыше сорока композиторов).

345

Музыка Леонтьева (до 1930-х годов); после — с мелодией народной песни на слова Плещеева — «В голове моей мозг иссыхает...». (323). Кроме того, музыка Бернард. В крестьянской среде постоянного мотива не имеет. Строфы седьмую — десятую при пении опускают. Текст использовался для сочинения политических пародий.

346

Дано с сокращениями. Поют именно эти первые шесть строф. Вошла в репертуар революционных кружков, школьных и народных хоров.

347

Отрывок из первой главы поэмы. На мотив трансформированного венгерского марша «Чардаш». Песенный финал:

Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

348

Романс-баллада. Музыка Филипповского. Популярен с народной мелодией.

349

Это сознательная пародия поэта на многочисленные в его время русские переводы Г. Гейне. И таких пародий у Панаева было немало. Но у этого стихотворения судьба сложилась особенная. Положенное на музыку Дмитриевым, стихотворение стало популярным романсом. Сам Панаев называет музыку Дмитриева «прекрасной».

350

Перевод песни арфиста из романа И. В. Гёте «Ученические годы Вильгельма Мейстера». Музыка Чайковского, Главача.

351

С немецкого. Музыка Чайковского.

352

Музыка Чайковского.

353

Ассоциируется со стихотворением Полежаева «Цыганка».

354

Фараонка — цыганка (цыган ошибочно считали выходцами из Египта). Музыка Шилковского.

355

Из цикла «Еврейские песни». По мотивам «Песни песней». Музыку на стихи этого цикла писали: Мусоргский, Римский-Корсаков, Главач.

356

Перевод стихотворения Г. Гейне «Heimkehr». Музыка Мусоргского (1866), Чайковского.

357

Музыка Чайковского (1875).

358

Романс-баллада. Из цикла «Моравские песни». Имеется вариант для пения.

359

Музыка Альбрехта, Анцева, Булахова, Конюса, Чугринова. Обычно поют первые три строфы.

360

Музыка Чайковского (1878, наиболее популярна), Шереметьева, Шефера. Стихотворение написано под впечатлением знакомства поэта с его будущей женой — Софьей Андреевной Миллер (урожденной Бахметьевой). Упоминает А. И. Куприн («Молох»).

361

Музыка К. Баха, Пана, Симона.

362

Мария — М. В. Волкова (урожденная Львова), двоюродная сестра поэта. Описываемая портретная галерея находилась в имении Львовых Спас-Телешово под Москвой.

363

Музыка Аренского, А. Лядова.

364

Музыка Римского-Корсакова, Рубинштейна, С. Танеева.

365

Музыка Гречанинова, Кюи.

366

Отмечают, что стихотворение отражает действительный случай, происшедший во время Крымской войны. Музыка Кюи.

367

Стала «народным романсом». Музыка А. Бородина, Вик. Калинникова, Мусоргского.

368

Музыка Чайковского, Римского-Корсакова, А. Танеева, С. Рахманинова.

369

Музыка Кюи, Римского-Корсакова, Рубинштейна.

370

Музыка Кюи.

371

Музыка Чайковского.

372

Музыка Кюи, Римского-Корсакова, Рубинштейна.

373

Музыка Чайковского. На текст поэмы С. Танеев написал кантату для солиста, хора и оркестра.

374

Музыка Римского-Корсакова, Чайковского, Ипполитова-Иванова.

375

Из драматической поэмы «Дон Жуан». Музыка Чайковского.

376

Музыка Гречанинова, Кюи, Римского-Корсакова, Чайковского, Гнесина.

377

Под впечатлением стихотворения Г. Гейне «Mailed». Музыка Чайковского (1878; пастораль), Римского-Корсакова, Потоловского, Ригельмана, Шефера.

378

Иногда поют как цыганский романс. Музыка И. Бородина, Глиэра, Золотарева, Речкунова, Рубинштейна, Симона, Соловьева, Чумаковой, Юферова, Черепнина (хор).

379

Музыка Тидемана.

380

Музыка Чайковского.

381

Музыка Булахова, Рубинштейна.

382

Перевод стихотворения шведского поэта И.-Л. Рунеберга.

383

Перевод стихотворения польского поэта И. Масальского. Музыка Гурилева, Булахова.

384

Иногда поют как цыганский романс.

385

Музыка Н. Соколова.

386

Из повести «Дневник семинариста». Музыка Богданова, Дмитриева, Колачевского, Копылова, Ракитина, Саца, Филипповского, Якимова. Пели в среде демократической интеллигенции с конца XIX в.

387

Музыка Вас. Калининкова, Вик. Калининкова, Чеснокова, Миловского. Было популярно среди демократической интеллигенции.

388

Иногда приписывают К. Ф. Рылееву. Музыка Мартынова, Пригожего, Юрьева. Существует переработка Н. Беляева. При пении варьируется.

389

Музыка Доброхотова, Монюшко, Мысовского, Ржевской, Богусловского, Левина. При пении варьируется.

390

Музыка Кюи, Лисовского, Черепнина, Юферова и др.

391

Перевод стихотворения Г. Гейне. Музыка Лишина.

392

Свободное переложение народной греческой песни. Музыка Акименко, Аренского, К. Бюхнера, Ребикова, Чайковского (1873; наиболее популярно). Следует отметить также стихи поэта, ставшие романсами: «О чем в тиши ночей...», «Октава», «Я в гроте ждал тебя...». Все три — на музыку Римского-Корсакова.

393

Музыка С. Blumenфельда, Всеволожского, Пасхалова (наиболее популярна), Штольца.

394

Музыка Пауфлера.

395

Фольклорный источник — баллада о князе Волконском и его ключнике (конец XVII в.). При пении переработано.

396

«Борьба с судьбой» — так определил идею своей симфонии Бетховен. Третья строка — реминисценция из Пушкина («Анчар»). Музыка С. Рахманинова.

397

Музыка Н. Соколова, К. Давыдова, Вильбушевича, С. Blumenфельда, Ребикова.

398

Музыка Чайковского, Кюи.

399

Музыка С. Blumenфельда.

400

Музыка Кошиц.

401

По мотивам цыганского романса П. Федорова «Прости меня, прости, прелестное создание!..». Музыка Оленина.

402

Музыка Аренского, Оппель.

403

Музыка Чайковского (1880), Базилевского, Бенуа, Левитского, Пабста, Яницкого.

404

Музыка Конюса.

405

Музыка Киршбаума (мелодекламация). Популярный народный романс начала XX века («Ах, васильки, васильки...»).

406

Музыка Конюса.

407

Музыка Аренского, Катуара, Шефера, Харито, Сорокина, Тарновского. С музыкой И. Бородина — как цыганский романс («Цыганский вальс»).

408

Музыка Юферова, Шишкина (цыганский романс).

409

Музыка Васильева.

410

Музыка Чайковского (1886), Балкашиной, Донаурова, Вильбушевича, Зарембы, Офросимова. В обработке А. Спиро, С. Зарембы, П. Веймарна — популярный цыганский романс.

411

Вольный перевод с французского. Музыка Донаурова (автора оригинала). В нотных изданиях имеется пятая строфа:

Тихо туманное утро в столице,
По улице медленно дроги ползут,
В гробе сосновом останки блудницы
Пара гнедых еле-еле везут.
Кто ж провожает ее на кладбище?
Нет у неё ни друзей, ни родных...
Несколько только оборванных нищих.
Пара гнедых, пара гнедых!..

В оригинале этой строфы нет. При пении вторую строфу часто опускают. Существуют переработки для пения, а также переложение Пригожего. Упоминает А. М. Горький («Трое»).

412

Цыганский романс. Музыка Оленина, Аренского, Муромцевского, Штейнберга, Косенко, Конюса, Бюцова, Базилевского.

413

Музыка Дунаевского, Д. Калининкова, Н. Соколова, Черепнина.

414

Первая публикация — в цикле «Отпрыски сердца», подпись — Гейне из Тамбова («Искра», 1859, № 2, с. 24). Музыка Даргомыжского.

415

Музыка Штуцмана.

416

Музыка Дюбюка, Штуцмана. Иногда приписывается Н. Языкову.

417

Иногда под фамилией Пчельникова (псевдоним Порецкого). Музыка Щиглева. Переложение

Н. Брянского. Для детского пения.

418

Иногда подписывается инициалами поэта — Л. М. Музыка Пиликина, Махотина.

419

Музыка Мусоргского (1874, из цикла «Без солнца»), Шефера.

420

Музыка Мусоргского (из того же цикла), Гродзкого, Таскина.

421

Музыка Мусоргского (1874), Аренского, Балакирева.

422

«Трепак (412)», «Колыбельная (413)» и «Серенада (414)» вместе с «Торжеством смерти (418)» составили вокальный цикл Мусоргского «Песни и пляски смерти» (1875–1877).

423

Музыка Ляпунова.

424

Музыка Врангеля.

425

Музыка Мусоргского (1874). Под впечатлением картины В. Верещагина (из туркестанского цикла, выставленного в 1874 г.), вскорости снятой «по распоряжению властей».

426

Музыка Мусоргского (с изменениями, под названием «Полководец», вошло в цикл «Песни и пляски смерти», 1877). Использована мелодия известного русским революционерам польского гимна «*Z dymen rozagów*» на слова К. Цейского. Романс исполнял знаменитый певец П. Лодий, способствуя его популярности.

427

Иногда приписывают Федорову. Известна обработка для пения Ожегова. Музыка Н. Александрова.

428

Музыка Глиэра.

429

Музыка Глиэра.

430

Музыка Глиэра.

431

Музыка Ляпунова.

432

Музыка Василенко.

433

В песенниках — под названием «Уголок». Музыка Алоиза, Веева, А. Петрова, К. Петрова, Штейн-Манфреда, Таскина (мелодекламация), Штеймана.

434

Музыка Багриновского, Кашперовой.

435

Музыка Безродной, Глиэра, Мекк, Таскина.

436

Музыка Айсберга, Вивьена, Виноградова.

437

Было популярно у студентов в начале XX века.

438

Известно под названием «Калитка». При пении вместо «чадра» — «платок» или «кружева». Музыка Обухова.

439

Музыка Булахова.

440

Приписывают А. Тимофееву. Обработка Пригожего. Музыка Б. Б. (возможно, Барятинского).

441

Прототипом является народная песня «Во поле березонька стояла...». Каждый стих повторяется. После каждого стиха припев «Люли, люли...» и повторение последнего слова стиха предшествующего.

442

Фольклорный источник — «Не шумите вы, ветры буйные, вы буйные ветры осенние...» (о русско-турецкой войне XVIII в.).

443

Обработка народной песни «Скучно, матушка, весною жить одной...». На основе песни Глебова возникла песня «Вдоль по улице метелица метет» на музыку Варламова.

444

Музыка Алябьева (1829).

445

Приписывают Д. Цертелеву. Музыка Варламова.

446

В песенниках иногда с примечанием: «Песня весьма употребительная по прекрасному своему голосу». Музыка Чайковского.

447

Записывалась как народная песня. Музыка Шефера, С. Рахманинова.

448

Музыка Варламова (1833).

449

Музыка Варламова (1833). Пользовалась «мировой известностью» (Б. В. Асафьев. Избранные труды. — М., т. 2. 1954, с. 83).

450

Записывалась как народная песня. Музыка Дюбюка.

451

Семик — седьмой четверг после Пасхи, обрядовый праздник, во время которого наряжали березу и водили хороводы.

452

Первая строфа совпадает с песней М. Загоскина в опере Верстовского «Аскольдова могила».

453

Фольклорный источник — песня «Ах ты, ноченька, ночка темная...». Иногда приписывают Кольцову.

454

Косяцато окошечко — окно с косяками.

455

Записывалась как народная песня. Музыка Дмитриева, В. Соколова.

456

Отдельные строфы использовались в тюремных песнях.

457

Возникло два типа переработок для пения: в стиле городского романса — «Против дома сад цветет...» со следующим окончанием:

Ты умрёшь и я умру,
Милая, с тобою;

и для вечеринок, игровые «с поцелуями».

458

Музыка Булахова, Гурилева, Даргомыжского, С. Рахманинова и др.

459

Музыка Балакирева, Мусоргского, Лозового. Напев Балакирева приписывали Варламову, который написал романс на стихи А. Тимофеева с тем же зачином.

460

Музыка Варламова, Гурилева, Монюшко, Рубинштейна, В. Соколова, а также неизвестного композитора (при жизни Кольцова).

461

Музыка Бороздина, Бурнашева, Золотарева, Соколовского. Была популярна среди политических ссыльных. Переосмысливается во время Великой Отечественной войны.

462

Поют без последней строфы. Музыка Варламова, Дюбюка, В. Соколова.

463

Музыка Бармотина, Золотарева, Рубинштейна и др. Имеются варианты.

464

Вместо последней строфы поют:

Не тоскуй, милый друг,
Не ломай белых рук,
А прощай — я сажусь
И к родимой помчусь.

Музыка Балакирева и др.

465

Вариант первой строки — «...В поле ветер воет...» (с 1875). Музыка Варламова, Глинки, В. Соколова, Соколовского и др.

466

Музыка Нагаева (при жизни поэта), Климовского, Дюбюка и др. Имеются фольклоризированные варианты. Из репертуара С. Я. Лемешева.

467

Музыка Балакирева, Варламова и др. В 1860-е годы — вечериночная игровая песня. Упоминает Н. Г. Чернышевский («Что делать?»).

468

Цыганский романс. Музыка Варламова, Дюбюка, А. Рахманинова и др. (всего 17 композиторов).

469

Поет герой романа Новик как «заветную» песню старины («Последний Новик, или Завоевание Лифляндии при Петре Первом»). Музыка Алябьева («Заунывная песня», 1834), Варламова («Соловушка»).

470

«Бурлацкая» песня Башлыка («Двумужница, или За чем пойдешь, то и найдешь»). Первую строку часто поют так: «Вниз по Волге-реке...». Музыка Варламова. Имеются фольклоризированные варианты.

471

Поют без первой и последней строк. Разночтение (первая строка) — «Гудит звонок...». Соотносится с песней Ф. Глинки «Тройка» и П. Вяземского «Еще тройка». Музыка Булахова.

472

Упоминает П. Якубович («В мире отверженных»).

473

Музыка неизвестного композитора, Дюбюка (1857), Ф. Бюхнера, Денисова. При пении добавляют после третьей строфы следующую:

В ясны дни и тёмны ночи
И во сне и наяву
Слёзы мне туманят очи,
Всё летела б я к нему.

Вариант строк 13 и 14:

Мне не нужны все наряды,
Ленты, камни и парчи...

474

Музыка Гурилева, Сидоровича.

475

Нередко считают народной песней. Имеются песенные переработки.

476

Музыка Чернявского, Самойлова. Считается народной песней — «Вижу чудное приволье...».

477

В первой строке поют «бережков».

478

Авторство Ожегова подвергают сомнению. В дальнейшем переработана неизвестным автором.

479

Из репертуара заключенных и ссыльных в предреволюционную эпоху.

480

Музыка Варламова.

481

Иногда завершают следующей строфой:

Нельзя мне, товарищ, с тобой улететь,
Судьбой суждено мне в тюрьме умереть —
Закованы руки, и ноги в цепях,
Нет силы могучей в иссохших руках.

Напевы варьируются.

482

Напев перекликается с музыкой Рупина.

483

Песенный вариант несохранившегося стихотворения А. А. Дельвига. Музыка Глинки. Она же пригодилась композитору и для романса Антонида «Не о том скорблю, подруженьки» («Иван Сусанин»). Музыку на этот текст написал также Цехановский (1887). Упоминают Л. Н. Андреев («Дни нашей жизни»), В. В. Вересаев («Товарищи»), А. И. Куприн («Черная молния»).

484

Часто связывают с песней «На горе высокой».

485

Напев перекликается с музыкой Булахова.

486

Первую строку чаще поют так: «Как на дубе на высоком...». Возможно, источник «Песни о Соколе» М. Горького. С 1880-х годов была популярна в среде ссыльных революционеров.

487

Была популярна в годы гражданской войны. Ее любил Чапаев, о чем свидетельствует Д. Фурманов в своем романе. Известны более поздние варианты (в годы Великой Отечественной войны, например).

488

Прототипом является стихотворение И. Сурикова.

489

Вариант XX в. Записан во время Великой Отечественной войны (1942).

490

Восходит к стихотворению Василия Немировича-Данченко «Ты любила его всей душою...». При пении сокращают.

491

Песенная редакция стихотворения А. М. Давыдова. При пении текст варьируется.

492

Строку 12 варьируют («Мне без острого ножа», «Никому и никогда», «Доля горькая моя», «А свобода хороша»). После строки 12 иногда поют такую строфу:

Не гулять мне, как бывало,
Тёмной ночью по лесам (Вариант: По родным по полям).
Моя молодость завянет (вариант: проходит)
По острогам и тюрьмам.

и тогда этой строфой завершают исполнение.

493

Поют с изменениями и сокращениями. Фольклоризированный вариант был популярен в годы

Великой Отечественной войны. Имеются подражания (Ф. Кони — «Кончен, кончен прежний путь...»). Упоминает Н. Языков («Жар-птица»).

494

Фольклоризированные варианты: «Ехали солдаты со службы домой...», «Один из казаков, наездник лихой...»

495

Музыка Донаурова.

496

Расшива — лодка.

497

Записывалась как народная с 1850-х годов. Имеются современные записи.

498

Музыка Даргомыжского (1835), Бларамберга. Было популярно в среде демократически настроенного студенчества во второй половине XIX в. С музыкой Даргомыжского, один из любимых романсов В. И. Ленина.

499

Музыка Варламова. Упоминают А. Ф. Писемский («Комик») и Н. Н. Златовратский («Хлопцы»).

500

Музыка К. Арнольда (1841), Варламова.

501

Боткин В. П. — литератор.

502

Вот она, Венеция поэта! Софи Ге (*фр.*). — *Сост.*

503

Софи Ге — французская поэтесса.

504

Риальто — здесь: селение неподалеку от Венеции.

505

Свободный перевод одноименного стихотворения Беранже. Музыка Даргомыжского (1859). Мелодия использована для стихотворения М. Михайлова «Смело, друзья, не теряйте...».

506

Музыка Ю. Арнольда. Обработка Мишина и др. Переработано для пения.

507

Баргузин — северо-восточный ветер на Байкале (по названию горного хребта).

508

Норы Акатуя — Акатуйский рудник.

509

Карга — отлогий песчаный берег с каменистой россыпью.

510

Дресва — наносный крупный песок.

511

Музыка Агреновой-Славянской. Строфы 7, 8, 12 и последнюю при пении опускают; остальные — варьируют.

512

Навеяно народной песней о степи Моздокской. При пении строфы 1, 10, 13, 14, иногда и последнюю опускают. Имеются варианты.

513

Пели как «жестокий романс».

514

Фольклоризировалось. Первую строку поют так: «Словно море в час прибоья...». Имеются современные записи. Исполняют с небольшими изменениями и пропуском отдельных строк.

515

Впервые исполнена в одесском «Благородном собрании» хором «Общества любителей музыки» (1864). Музыка Сокальского (кантата для хора с тенором в сопровождении фортепьяно и оркестра). Мелодия использована Шостаковичем в «Одиннадцатой симфонии».

516

Возникла на основе народного предания, услышанного писателем «со слов одного рыбака-крестьянина» (А. А. Навроцкий. Картины минувшего. СПб., 18–81, с. 328). Известная ныне мелодия объединяет различные музыкальные источники.

517

Перевод стихотворения польского поэта Владислава Сырокомли (Кондратовича). «Poczyliion. Gaweda gminna». При пении изменено.

518

Из «тюремных» песен.

519

В стихотворении использованы мотивы преданий о любовных приключениях Степана Разина. Известна граммофонная запись начала 1900-х годов в исполнении Ф. Павлова (четыре строфы). Варианты первой строки: «Как по саду городскому...», «Мимо саду городского...». При пении текст изменен и сокращен до восьми строк (1–6, 11, 19).

520

В основе стихотворения — предание, изложенное Н. И. Костомаровым («Бунт Стеньки Разина»). Инсценировалось с музыкой солдатами Ярославля (1905), частично вошло в народную драму «Лодка». При пении изменено.

521

Из сказки «О маленькой фее и молодом чабане». Музыка Спендиарова («Рыбак и фея», баллада, 1903), Волкова-Давыдова (мелодекламация, 1907), Базилевского («Фея», 1907), Туренкова («Фея», 1917), неизвестных авторов. Вошла в репертуар А. Вертинского с его же музыкой (мелодекламация).

522

При пении изменено, строфы 2, 3, 8 опускают, первую строку обычно поют так: «Бывали дни

веселые...». В Сибири исполняют как «тюремную». Музыка Штольца.

523

Музыка Богородицкого (1904), Беневского (хор, 1904). В процессе песенной жизни мелодия изменена (вместо двухдольного, маршевого ритма — трехдольный, вальсовый). Известность приобрели обработки Свешникова и Ан. Александрова. Напев варьируется.

524

Стихотворение — отклик на англо-бурскую войну 1899–1902 гг. Стало особенно популярным в годы первой русской революции. Для пения переработано.

525

Перевод стихотворения немецкого поэта Рудольфа Грейнца. Музыку написали И. Яковлев, Корносевиц; возможно, Турищев (как соавтор). Известная сейчас мелодия — результат взаимодействия нескольких популярных напевов. «Варяг» — крейсер, погибший в бою у Чемульпо (1904).

526

При пении варьируется.

527

Посвящена семи кронштадтским минерам, восставшим на форте «Константин» и за это расстрелянным (1906).

528

Палач-генерал — генерал Ракинт, который командовал расстрелом. Слова, которые произносит этот генерал, принадлежат коменданту Кронштадта Адлербергу, приказавшему минерам самим себе копать могилу.

529

Посвящено жертвам «Кровавого воскресенья». В ночь на 13 января, по свидетельству современников, 88 трупов было отправлено на Преображенское кладбище («на десятую версту») и свалено в одну братскую могилу. Пели в рабочей среде (главным образом вторую часть стихотворения).

530

Авторство спорно. Встречаются подписи: П. К. и И. К. Называют поэта И. Кондратьева, но аргументация неубедительна. При пении изменено, строфы 2, 3, 4, 6 часто опускают. Вариант первой строки — «В пустынных степях Забайкалья...»; перед седьмой строкой иногда поют:

А ветер ему отвечает:

«Напрасно, бедняга, бежишь!»
А бедное сердце не чует,
Что нету родных уж в живых.

531

Прототипом является стихотворение А. С. Пушкина «Казак».

532

Прототипом является стихотворение К. Ф. Рылеева «Смерть Ермака». Во время Великой Отечественной войны по образцу «Ермака» создавались новые фронтовые песни.

533

Часто поют со второй строфы. Было популярно среди политических ссыльных.

534

Переработка матросской песни, созданной накануне 1900 г. поэтом-любителем Г. Зубаревым на основе стихотворения Н. Щербины «Моряк». При пении текст варьируют. В песенниках — иногда под названием «Вахта кочегара». Исполняла певица Н. В. Плевацкая.

535

Известны переработки для пения времен Великой Отечественной войны.

536

Прототипом является стихотворение Дмитрия Давыдова «Думы беглеца на Байкале» (514). Было популярно среди демократической интеллигенции и политических ссыльных. Стала одной из любимых массовых песен в годы первой русской революции; первая строка варьируется: вместо «священный» — «привольный»; реже вместо «славное море» — «синее море».

537

Прототипом является стихотворение Вс. Крестовского «Ванька-ключник». Первую строку часто поют так: «В саду ягода-малина...».

538

Переработка для пения стихотворения Л. Трефолева «Ямщик» (521).

539

При пении часто заключают следующей строфой:

Степь да степь кругом,
Путь далек лежит.
В той степи глухой
Уж замерз ямщик.

540

Прототипом является стихотворение Д. Садовникова (524). Наиболее популярная запись. Иногда опускают предпоследнюю строфу.

541

Восходит к стихотворению Г. Галиной «Бур и его сыновья» (528). Известен вариант с заменой Трансвааля на Сибирь. Упоминают А. А. Фадеев («Молодая гвардия»), Л. А. Кассиль («Дорогие мои мальчишки»), М. Л. Слонимский («Инженеры»).

542

Прототипом является стихотворение В. Богораз-Тана «Цусима» (530). При пении варьируется.

543

В песенниках иногда с примечанием «Песня московских цыган».

544

Мелодия возникла в цыганском хоре, аранжирована Глинкой.

545

Музыка Даргомыжского (начало 1830-х годов).

546

А. О. Смирнова — урожденная Россет, автор «Воспоминаний о Жуковском и Пушкине».

547

Музыка Даргомыжского («Одалиска», 1839).

548

Гурии (араб.) — в мусульманской мифологии вечно юные девушки, обительницы рая, награда правоверным магометанам.

549

Гяур (араб.) — инаковерующий (здесь — русский).

550

Исполнялся Ф. Шаляпиным. Упоминают А. П. Чехов («Шампанское»), Вс. Крестовский («Торжество Ваала»).

551

Первую строку часто поют так: «Помню, я еще молодуха была...». Записывалась как народная песня. Была популярна во время гражданской и Великой Отечественной войн. Имеются варианты.

552

Музыка Дюбюка.

553

Перевод стихотворения неизвестного немецкого поэта.

554

Музыка Варламова.

555

Музыка Даргомыжского (1859). Записана как хоровая песня (1959).

556

Музыка Варламова, В. Соколова, П. Петрова, обработка Дюбюка.

557

В цикле «Из песен венгерских цыган». Романс исполнялся хором московских цыган.

558

Музыка Гротто-Слепиковского, Золотарева, С. Кузнецова, Осина, Смирнского, Солухи, Чернова, Юкельсона, Икскуль и др. Первая строка стала крылатой.

559

Опубликовано отдельным нотным изданием (СПб., 1897) с музыкой Гуэрча и с подзаголовком «Романс, с большим успехом исполненный г-жой Комиссаржевской». Это перевод итальянского романса «E1 mi diceva che avria sfidato...» Е. Дельпрейте. Исполнен в спектакле «Бесприданница» в Александринском театре Ларисой — В. Ф. Комиссаржевской (1896) и закрепившийся в последующих постановках этой пьесы А. Н. Островского. Более известна редакция А. Гварца. См.: воспоминания Е. П. Карпова в сб. «Памяти В. Ф. Комиссаржевской» (СПб., 1911).

560

Музыка автора текста.

561

Музыка Фомина.

562

Музыка Фомина.

563

Музыка автора текста.

564

Музыка автора текста, обработка М. Сахарова.

565

Аранжировано Г. Болле. При пении варьируется.

566

Музыка автора текста.

567

Музыка Кручинина.

568

Музыка Прозоровского.

569

Музыка Булахова.

570

В свое время, в середине прошлого века, этот романс пела знаменитая «цыганка Таня» (Татьяна Демьянова) из не менее прославленного хора московских цыган под управлением Ильи Соколова. Апүхтин писал Чайковскому: «Когда Таня поет: „Расставаясь, она говорила: не забудь ты меня на чужбине“, я реву во всю глотку...». Восстановленный текст приводится здесь в обработке Л. Мануша.

571

Музыка автора текста, которым предположительно считают С. Герделя.

572

Музыка автора текста, которым предположительно считают С. Герделя. Обработка Л. Мелешко.

573

Записывалась как «народная босяцкая песня» или «новая народная песня». Приписывалась А. М. Горькому (на основании ее включения в пьесу «На дне» — первые одиннадцать строк), которому, вероятно, сообщил песню Скиталец (С. П. Петров). Иногда приписывается Н. И. Красовскому. Исполнялась на мотив «Черного ворона». Имеются переработки на польском (С. Бильского) и на болгарском.

574

Переработка текста М. Ожегова (?).

575

Источник — стихотворение А. Пугачева. Обработка анонимно переработанного текста певицы В. Паниной. Музыкальная обработка А. Зорина. Напев использован в революционной песне «Смело мы в бой пойдем...».

576

Раздел состоит из двух циклов. — *Ред.*

577

Музыка Алябьева. Последнюю строку 4-й строфы при пении поют так: «При гóре нету тех друзей...». Из репертуара Вадима Козина и Галины Каревой.

578

Иногда — «Чудесные глазки» (Du hast Diamanten und Perlen). Из цикла «Возвращение на Родину» Г. Гейне.

579

Музыка Фельдмана.

580

Музыка Г. Каревой из ее же репертуара, а также Ваниша, Герца, Е. А. (мелодекламация).

581

Музыка Вилинского, Шпачека.

582

Музыка Вертинского. Из дореволюционного репертуара поэта, композитора и певца.

583

Музыка Вертинского. Из дореволюционного репертуара поэта, композитора и певца.

584

Музыка Вертинского. Текст написан в соавторстве с Н. Грушко.

585

Музыка Вертинского.

586

Музыка Вертинского.

587

Музыка Дюбюка.

588

Музыка Харито, обработка К. Певзнера.

589

Музыка Прозоровского.

590

Музыка автора текста.

591

Музыка Фомина.

592

Музыка автора текста.

593

Музыка Борисова.

594

Музыка Бакалейникова.

595

Музыка автора текста. Текст приписывают А. Френкелю, а музыку — Харито.

596

Музыка Листова (наиболее популярна), Рика, Николаева.

597

Музыка автора текста.

598

Музыка А. Титова.

599

Музыка Малашкина.

600

Музыка А. Петрова.

601

Музыка автора текста.

602

Музыка автора текста.

603

Музыка Булахова.

604

Музыка Прозоровского.

605

Музыка Фомина, Б. Б., Прозоровского.

606

Музыка Шишкина (обработка В. Подольской), Пригожего; иногда приписывают Дюбюку. При пении варьируют.

607

Музыка Грече-Соболевской.

608

Музыка автора текста.

609

В некоторых изданиях — текст А. Суворина. Музыка Кейля.

610

Музыка Волошина.

611

Музыка Фомина.

612

Музыка Хайта.

613

Из репертуара В. Козина. Обработка его же.

614

Музыка Пригожего. Обработка В. Козиной-Ильинской.

615

Музыка Розенфельда.

616

Музыка Михайлова (наиболее популярен), Зорина, Б. Б.

617

Музыка автора текста.

618

Музыка неизвестного автора. Обработка В. Подольской.

619

Музыка Дюбюка.

620

Музыка Гурилева.

621

Автором текста иногда считают М. Пойгина. Музыка Зубова.

622

Музыка А. Титова.

623

Музыка Зубова.

624

Музыка Варламова.

625

Музыка Фризо.

626

Музыка Энгеля, Толоконникова, Вильбушевича. Пели среди заключенных. Есть свидетельства, что в Каргополе Олонецкой губернии «в местной тюрьме арестанты пели „Каменщика“ на мотив, сложенный ими самими» (Библиография В. Брюсова. — М., 1913, с. 43).

627

Музыка Рахманинова.

628

Музыка Василенко.

629

Музыка Вертинского, Саца, Ан. Александрова, Гаршнека.

630

Музыка Щербачева.

631

Музыка Веселова.

632

Музыка Шнапера.

633

Музыка Адмони, Худолея, Шнапера.

634

Музыка Адмони, Мосолова, Шнапера, Рубина, Аедоницкого.

635

Музыка Таривердиева.

636

Музыка Пономаренко, Вильбушевича, Живцова, Киселева.

637

Музыка Липатова.

638

Музыка Пономаренко, Мосолова.

639

Музыка Пономаренко, Я. Френкеля, Майбороды, Бойко, Пащенко, Евг. Попова.

640

Музыка неизвестного автора, а также Бочкова, Васильева-Буглая, Лепина.

641

Музыка Таривердиева.

642

Музыка А. П. Петрова.

643

Музыка Кожевниковой.

644

Псевдоним Б. В. Асафьева. — *Сост.*